

Юлия Вознесенская

**ЖЕНСКИЙ
ДЕКАМЕРОН**

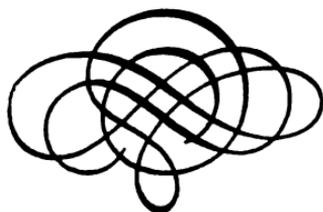
Юлия Вознесенская

Женский
Декамерон

ЮЛИЯ ВОЗНЕСЕНСКАЯ

ЖЕНСКИЙ ДЕКАМЕРОН

Издательство "Зеркало"
Тель-Авив
1987 год

JULIA WOSNESSENSKAJA

”DAS FRAUEN – DEKAMERON”

©

**Все права на русский текст
сохранены за издательством ”Зеркало”**

ЖЕНСКИЙ ДЕКАМЕРОН

**или книга о том, как десять советских женщин,
оказавшись в одной палате родильного дома,
вдруг узнают, что в данном учреждении
объявлен карантин и им придется
провести в его стенах еще десять дней,
что их, конечно, мало обрадовало.
И тогда одной из них приходится в голову
повторить историю, рассказанную,
или просто выдуманную,
неким флорентинским сочинителем Боккаччо,
а именно: все десять дней карантина
рассказывать друг дружке разные истории
о жизни, о мужчинах, о любви, о ревности
и изменах и о многом, многом другом,
что волнует любую нормальную женщину,
в том числе и советскую.**

И вот за десять дней было рассказано

100

РАЗНЫХ ИСТОРИЙ,

**краткое содержание которых
вы узнаете из подзаголовков к ним,
а если найдете время,
то прочтете и сами истории.**

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ, ГЛАВА ПЕРВАЯ,

**с которой начинается эта книга, хотя надо сказать,
что большинство известных автору книг
тоже начинается с первой главы,
если ей не предшествует авторский пролог
или предисловие критика,
в котором читателю разъясняется содержание книги,
а также дается информация о том,
чего автор не учел, недопонял,
где он находится под влиянием
буржуазного мировоззрения
и до чего он просто не дорос, —
после чего любая книга читается
со значительно меньшим удовольствием.
Именно поэтому автор решил ограничиться
совсем небольшим вступлением —
о, всего две странички! —
и начать книгу с историй**

О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

ЖЕНСКИЙ ДЕКАМЕРОН

"Нет, это черт знает что?" — подумала Эмма. Она перевернулась на живот, положила "Декамерон" между локтей, натянула подушку на уши и попыталась сосредоточиться.

Она уже видела, как будет начинаться этот спектакль. У входа в зал зрителей вместо билетеров встречают монахи в низко надвинутых на глаза капюшонах: они проверяют билеты и провожают зрителей на места в темном зале, освещая дорогу и номера кресел старинными фонарями. Надо будет сбегать в Эрмитаж и присмотреть подходящий фонарь, зарисовать... А сцена с самого начала открыта и освещена только синеватой бутафорской луной. Сцена изображает площадь Флоренции, с темным фонтаном и порталом церкви. Над порталом надпись: "Memento mori" — "Помни о смерти". Время от времени по сцене будут проходить монахи с тележкой — "собиратели трупов". И колокол, обязательно все время должен бить колокол, — "По ком звонил колокол...". Надо, чтобы еще до начала спектакля в зале веяло смертью. Вот на этом фоне и будут десять весельчаков рассказывать свои истории.

А все же трудно поверить, что так оно и было: кругом чума, смерть, горе, а посреди всего этого — галантные мужчины и изящные женщины ублажают друг друга романтическими и озорными байками. Вот у нас — и не чума, а простая кожная инфекция, какие то и дело вспыхивают в родильных домах, а слез, а истерик!.. Или так измельчал народ? И что им, глупым бабам, не лежитя? Не терпится за пеленки приняться? Господи, как представишь себе, так руки опускаются: тридцать подгузников, тридцать тонких пеленок, столько же байковых — зима. И каждую простирнуть, прокипятить, с двух сторон прогладить.

С ума сойти! На Западе матери давно пользуются бумаж-

ными пеленками и непромокаемыми штанишками: что бы нашим заодно с их драгоценной электроникой прихватить парочку действительно необходимых изобретений? Так ведь нет, до такого экономического шпионажа они не додумаются. А ведь это тоже деньги. Впрочем, ну их. Надо сосредоточиться на "Декамероне".

В палате одна из женщин заплакала в голос, ей тогчас стала вторить другая. Эмма поняла, что сосредоточиться ей никак не удастся, и хотела уже сказать что-нибудь этим ревам, но ее опередила Зина, "женщина без определенного места жительства", как называли ее врачи при обходе, а попросту говоря, бродяжка, "бичиха".

— Бабоньки! — смеясь, заговорила она. — Вы бы хоть по очереди скулили, а не хором. В ушах звон стоит. Пропадет молоко с расстройства, тогда узнаете почему фунт лиха.

— В самом деле, дорогие мамочки, потише бы... — все же не удержалась Эмма.

— Отвлекись бы чем-нибудь от мрачных мыслей! — вздохнула толстушка Ирина, которую в палате все звали Иришкой за добрый нрав и домашнюю какую-то уютность.

— Может, кто анекдот расскажет?.. — поддержала ее Зина.

И тут Эмму осенило. Она подняла над головой "Декамерон":

— Дорогие мамы! Кто из вас читал эту книгу — "Декамерон" Боккаччо?

Кто читал, кто нет.

— Так вот, — продолжала Эмма, — для не читавших объясняю популярно. В этой книге рассказывается о том, как десять юношей и девушек во время чумы покинули Флоренцию, уехали за город и сами себе устроили карантин как раз на десять дней, как и у нас. И каждый день они по очереди рассказывали друг другу разные истории о любви, счастливой и трагической, о проделках ловких любовников. Вот я и думаю, а не устроить ли нам здесь свой "Декамерон"? Нас как раз десять и у нас впереди десять дней. Мы можем рассказать друг дружке сто разных историй. Ну, как вам моя идея?

Все будто только и ждали этих слов: анекдоты и рассказы о семейных заботах всем давно уже приелись.

— Придуманно здорово! — заявила Иришка. — И предлагаю начать с самого начала, то есть с рассказов о первой любви. Только, чур, я рассказываю последняя, потому что я стесняюсь!

— А чего стесняться-то? Аль мы все не бабы, не одним местом любим? — засмеялась Зина.

— А ты какое место имеешь в виду? — прищурившись, спросила ее эффектная блондинка с заграничным именем Альбина.

— Она имеет в виду сердце! — на всякий случай поторопилась ответить за Зину Валентина, как позже выяснилось, "дама из номенклатуры".

— Ах, сердце!.. — разочарованно протянула Альбина и равнодушно зевнула. Но было видно, что она просто дразнит Валентину, а сама по себе идея рассказов по очереди ей нравится, глаза у нее так и блестели.

Но Валентина не сдавалась.

— Не понимаю, почему слово "любовь" у некоторых вызывает нездоровые смешки? Любовь в нашей стране — дело государственной важности, потому что на основе любви создается семья, а семья — ячейка государства.

— Это верно! — вступила в разговор Ольга, работница с Адмиралтейского судостроительного завода. — Моей первой любовью даже два государства занимались: Советский Союз и Германская Демократическая Республика, во как...

— Ну?! Расскажи, Оля! Расскажи! — загалдели женщины и, приподнявшись в кроватях, приготовились слушать. Ольга не стала ломаться и начала историю своей первой любви.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

рассказанная работницей Адмиралтейского
судостроительного завода Ольгой,
повествующая о том, как между
немецким судостроителем и советской рабочей
завязался роман в духе интернационализма,
но дело кончилось выкидышем,
хотя этой любовью и занимались органы
двух государств

Я на Адмиралтейском работаю, в мебельном цехе лакировщицей. Зарабатываю хорошо, грех пожаловаться. А вот от начальства нет прорыву: как путевка или, не дай Бог, продвижение в очереди на квартиру — кому угодно, только не Зайцевой. Почему не Зайцевой, спросите? А потому, что у Зайцевой жених был немец. Гэдээровский, правда, немец, не настоящий, но все же...

Уже десять лет почти прошло, как эта любовь со мной приключилась. Делали на нашем заводе танкер для немцев.

Это было совместное русско-немецкое, то есть, тьфу, советско-немецкое производство. Немцы строили корпус, а на нашем заводе ставили механизмы и отделку производили. Обе страны социалистические, там и там социалистическое соревнование вовсю идет, поэтому сдали танкер на полгода раньше срока. А потом месяцев восемь мы вместе недоделки устраняли: то к нам на завод танкер пригонят вместе с немецкими судовиками, то гонят его, родимого, обратно в Росток, в немецкий порт, но уже мы на нем свои недоделки доделываем. Так и катаемся из Ростка в Ленинград и обратно. Сдружились, а многие и слюбились. Молодых-то много было.

Мне понравился механик Петер, Петя по-нашему. Чистенький, обходительный, серьезный, по-русски говорит. Одно плохо — верующий. Это у них еще встречается в ГДР, все же они нашими стали не так давно. Зато, может, он поэтому, когда узнал, что я забеременела, ни про какие аборт слышать не хотел, а сейчас же побежал к своему начальству про-

свить разрешения жениться на мне. Его начальники разрешили, а наши — ни в какую! Сняли меня с танкера и на партоком, на местком, в растудыегоком. Срамят меня и прямо приказывают: "Делай аборт! Все равно не выпустим! Или уговаривай своего фрица в Советский Союз переселяться". А как уговоришь, когда у Пети там, в Росточе, и родители, и братья с сестрами, и домик с садом, а у меня — сама круглая сирота и живу в общежитии. На что ж я Петю своего ташить из его гэдээровской Германии буду, на какую такую сладкую жизнь? "Дайте, говорю, хоть комнату, коли квартиру нельзя, чтоб жить нам где было, тогда попробую уговорить". — "Ишь, говорят, хитрая! Каждому квартиру дай, так вы тут все иностранцами обзаведетесь..." И до того меня задергали, по начальству затаскали, что на пятом месяце я и скинула мальчика. Скинуть-то скинула, а Пете написать боюсь, чтоб не раздумал жениться. А он там воюет за меня, бумаги пишет во все стороны, советские и немецкие. Только и у него ничего не выходит, видно, сговорились наши хозяева. А когда подошел мне срок рожать, Петя прислал мне шубу котиковую, а для ребеночка такое приданое, что соседки со всего общежития сбежались смотреть. Один сплошной синтетик! А я плачу над приданным ребячьим; жизнь-то разбита вся как есть...

После получаю я от Пети письмо, что, мол, между нами все кончено по причине моего обмана. Кто уж ему про ребеночка написал, не знаю. То ли соседки позавидовали да адрес с письма списали, то ли начальство меры приняло.

Что потом? Да ничего такого особенного. Вышла замуж за хорошего парня с нашего же завода. Пьет только очень, а так всем хорош. Но с Петенькой не сравнить, конечно. Тот был воспитанный немец и к женщине имел обращение. Только и осталось, что шубка Петенькина, которой сносу нет и нет. Уж я даже и плачу иногда над ней: что ж ты, подлюга такая, не рвешься, не снашиваешься, забыть не даешь? А продать жалко. Память все же...

— Да, натуральному котикую сносу нет... — задумчиво произнесла Неля, тихая черноволосая

женщина, учительница музыки. — Моя мама всю войну проносила котиковую шубу, а потом еще мне на воротник осталось...

— Что ж тут удивительного? — улыбнулась Ольга. — Четыре года для шубы не срок, моя так все еще как новенькая.

— А вы спросите, где моя мама ее носила. И я вам отвечу, что шубка эта и под землей побывала, и в концлагере немецком на нарах валялась, и меня от фашистов укрывала...

— Расскажите? — спросила Эмма.

Но у Нели навернулись слезы на глаза и она замотала головой:

— Потом, ладно? Сейчас не могу как-то... Потом. И тогда в кровати приподнялась Лариса:

— Давайте я вам расскажу историю своей первой любви! Хотите?

— Конечно, хотим! — закричали женщины. Лариса давно возбуждала общий интерес в палате своей независимостью, ровным настроением. А ведь к ней приходили только сослуживцы, да и то редко, раза два всего. Она же делала вид, что ее это ничуть не огорчает. О себе она до сих пор ничего не рассказывала, а потому ее неожиданное предложение всех удивило и заинтриговало. И только Эмма, кажется, поняла, в чем тут дело: после отказа Нели рассказать о себе сама идея "Декамерона" могла заглохнуть на корню, и вот тут Лариса и проявила инициативу. Она с минуту подумала, улыбнулась своим мыслям и начала рассказ.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,

рассказанная доктором биологических наук Ларисой,
женщиной вполне эмансипированной,
могущей украсить собой любое западное
феминистическое общество — западное,
потому что советских феминистических обществ не бывает
(одно, говорят, было, но оказалось антисоветским
и его быстренько разгромили).

Это история о том, как Лариса полюбила
когда-то горячо и беззаветно, добилась взаимности,
устранила с дороги ненавистную соперницу,
но счастья со своим возлюбленным не дождалась

В первый и в последний раз полюбила я, когда мне было всего пять лет... А вы не смейтесь, вы послушайте сначала, что это была за любовь.

Это было во время войны. Мой отец был начальником военного аэродрома, а мама военным врачом. Служили они в одной действующей части и так боялись потерять меня в военной неразберихе, что таскали за собой, не доверяя ни родственникам, ни детским домам. Аэродром переводили с места на место, вслед за линией фронта, а меня перевозили, замаскировав под узел с одеждой, приказывали не двигаться при проверках документов. Когда в часть приезжало начальство, меня тоже прятали. Так я и прошла всю войну в действующей части.

Однажды к нам пришел новый летчик, только что окончивший летную школу. Самый молодой из всех, всего восемнадцати лет, мне он, конечно, казался совсем взрослым, даже немного старым. Высокий загорелый блондин с голубыми глазами, очень веселый и очень смелый. Его все любили и звали Володькой. В части было несколько девушек, работавших на метеостанции и в санчасти, и еще радистка Раечка. Они все наперебой строили Володьке глазки, а эта самая Раечка даже добилась определенного успеха. Но я у нее Володьку отбила. Не смейтесь, так оно и было!

Почему этот мальчик, то есть мальчик для меня тепере-

шней сорокалетней женщины, привязался тогда ко мне, избалованной "дочери полка" — этого я не знаю. Мы дня не могли прожить друг без друга. Утром я вставала и сразу же бежала к летчикам. Завидев меня в окно, "летуны" кричали Володьке: "Твоя невеста бежит с утра пораньше, встречай!" Володька встречал меня в дверях, подхватывал на руки — и только после этого мы шли с ним завтракать в столовую. Лучшие куски из Володькиной тарелки, какой-нибудь жиденький компот из сухофруктов — роскошь первых военных лет, — все это было мое по праву "невесты". Мама с папой пытались препятствовать такому баловству. Как-то на целый день они запретили мне докучать Володьке. Я сидела дома и хныкала. Представьте, каково было их удивление, когда Володька собственной персоной явился в нашу комнату и с порога, отдав папе честь, заявил:

— Товарищ командир! Прошу предоставить в мое распоряжение мою невесту, нам пора идти проверять машину.

Меня, конечно, отпустили с Володькой, и мы, счастливые, побежали на летное поле. Володька берег и холил свою машину, разведывательный У-2, "этажерку", как небрежно именовали ее однополчане, летавшие на истребителях. Он осматривал машину, чего-то там подлаживал, а я с тряпочкой ползала по плоскости, стирая пыль. После работы Володька брал меня в кабину и мы делали круг-другой над аэродромом — отец и это разрешал. После "работы" шли обедать. В столовой меня спрашивали летчики:

— Ну как, Лорка, машина в порядке?

— Полный порядок! — отвечала я важно.

Однажды Володька за меня дрался с другим "летуном". Я как-то среди игры забежала в его комнату попить. Там ребята пили спирт втихаря от начальства. Меня они не остерегались: Володька воспитывал меня в строгих правилах военного товарищества. Я знала о жизни нашей части, о некоторых ее сторонах, конечно, даже немного больше отца. Я вошла в комнату, увидела, что Володьки нет, и попросила первого попавшегося летчика дать мне воды. А этот дурак, изрядно уже охмелевший, вместо воды протянул свой стакан со спиртом. Я хлебнула большой глоток и задыхну-

лась, потом заорала благим матом. На мой крик мгновенно появился Володька. Он сразу сообразил в чем дело, схватил меня на руки и стал насильно поить водой. Я ничего не соображала и только орала. Когда я отдышалась, Володька положил меня на койку, а сам за грудки выволок обидчика во двор и там жестоко избил его. Тот неделю ходил в синяках. Отец, конечно, ничего не узнал, а я с того случая еще тверже усвоила, что Володька — моя самая главная защита, даже больше, чем отец.

Но вот у него начался роман с этой самой радисткой Раечкой. У, стерва! Я до сих пор ее ненавижу. Они встречались вечерами, уже после того, как я отправлялась спать. Не знаю, что у них было и сколько оно продолжалось, но однажды кто-то в шутку сказал мне: "А твой Володька изменяет тебе с Раечкой". Какая это была ревность, дорогие мои! Я вся горела ненавистью и отчаянием, но твердо решила Раечку от Володьки отогнать. И я это сделала. Спросите, какими средствами? А я его отбивала в прямом смысле: если видела, что Раечка к нему приближается, я бросалась на нее и лупила: "Пошла прочь! Это мой жених, а не твой!" Меня стыдили, уговаривали, но я знала одно: Раечку к Володьке я не подпущу. Наконец у моего отца лопнуло терпение и он меня выпорол, да так, что на попе остались красные полосы от ремня. Но женская хитрость моя не знала предела. Я немедленно бросилась к Володьке, при всех сняла штанишки, показала свою попу и сказала: "Вот, видишь, это мне из-за твоей дуры Раечки попало. И папа сказал, что еще попадет, если ты с ней ходить будешь". Понятно, что папа сказал несколько иначе... И что же вы думаете? Сам ли Володька не так уж был привязан к моей сопернице, она ли не выдержала того, что над нашим "треугольником" все потешались и прочили ей отставку, но роман их вскоре завял. После, встречаясь с Раечкой, я неизменно гордо отворачивала голову от поверженной соперницы и никогда с ней не здоровалась, порой получая за это очередной шлепок от папы или мамы.

В чем же еще наша любовь состояла, кроме всех вот этих глупостей? В самой настоящей любви. Когда Володька был свободен от полетов, мы гуляли с ним в лесу вокруг аэро-

дрома, заходили в соседние деревни. Я не помню, о чем мы разговаривали, но наше общение было одной долгой, непрерывной беседой. Трудно теперь представить себе, о чем мог часами и днями разговаривать восемнадцатилетний юноша с пятилетней девчушкой. Я помню лишь состояние ясности, покоя и серьезности во время наших бесед. Говорили мы о кузнечиках и их особенной жизни, никому, кроме нас с Володькой, не интересной, говорили о войне и жизни взрослых людей. Этот большой мальчик, тоже выбитый из колеи войной, был единственным, кто мог вернуть мне настоящее детство — поле, лес, сказки. Между прочим, сказки мы с ним сочиняли вместе: что увидим, про то и рассказываем. И еще я помню чувство абсолютной защиты, которое давали мне почему-то не мать и отец, а один лишь Володька. Нас часто бомбили. Аэродром был замаскирован под лесок, но его как-то находили фашисты, и тогда мы должны были перебазироваться на новое место. Военный ребенок, я видела раненых и убитых, воронки от бомб и разрушенные дома, сгоревшие самолеты. Помню похороны летчиков, когда на могиле вместо креста ставили пропеллер. Но я была с Володькой и твердо знала, что он защитит меня и от "мессера" в небе, и от мины на земле.

Когда же Володька уходил на задание, а он занимался разведывательной аэрофотосъемкой на своем У-2, я ждала его возвращения, как маленькая женщина. Я не играла, сидела где-нибудь в уголке и прислушивалась: мотор Володькиного самолета я различала издали. Тогда я бежала к летной полосе с ликующим воплем: "Володька летит!" и ни разу не ошиблась.

Однажды он не вернулся из полета. Отцу сообщили, что видели, как на Володьку напал фашистский "мессер" и подбил его, поджег в небе. Об этом узнали все в части, узнала и я. О нем горевали друзья, мои родители. Даже Раечка ходила с заплаканными глазами. А вот я в его смерть не поверила и оказалась права. Мне было холодно и скучно без моего Володьки, я погрустнела, но на все утешения отвечала: "Мне скучно, потому что я Володьку жду. Он скоро вернется". Прошло несколько месяцев, и вот однажды зимой мама во-

шла в комнату и сказала мне: "Беги скорей, встречай своего Володьку...". Вид у мамы при этом был почему-то не слишком веселый, но я на это не обратила внимания. Я как была, не накинув шубейки, выскочила из дома и помчалась к штабной землянке. Там я увидела Володьку и бросилась к нему. Когда я подбегала, кто-то крикнул: "Осторожней!". Но я уже была у него на руках и только почувствовала, что он покачнулся, когда подхватил меня. Кто-то поддержал его — Володька вернулся без ноги, на костылях. И вот еще удивительная вещь, из которой вы поймете, что это и вправду была любовь. Володька в том полете обгорел так, что когда он вернулся, его не сразу узнали: все лицо у него было обтянуто багровой блестящей кожей и на щеках было несколько глубоких светлых рубцов. Но я его не разглядывала и не узнавала, я просто летела к нему, сердцем точно зная — вот он! И опять я помню это чувство полного покоя, любви и защиты, когда мы все сидели за столом, я у него на руках, и Володька рассказывал свои приключения. Я гладила пальцем рубцы на его лице и спрашивала: "Тебе так не больно? А так? А когда я целую?"

За тот полет Володьке дали капитанское звание, а я ему присвоила новое, более степенное прозвище — "мой капитан Подгореленький". Так его потом и все стали звать. Через месяц ему прислали протез и он летал дальше.

Кончилась война с Германией, пришла пора расставаться нам с капитаном Подгореленьким, с моим Володькой: мы возвращались в Ленинград, а его направили на Дальний Восток. И вот когда мы с ним расставались, Володька сказал мне: "Кончится война с японцами, потом ты подрастешь, станешь взрослой красавицей, тогда я найду тебя и ты будешь моей женой". Я приняла эти слова всерьез, но не поручусь и за то, что сам Володька шутил. В день прощания он ни с кем, кроме меня, не разговаривал. Когда мы уезжали и меня, ревушую, запихивали насильно в "виллис", он сказал: "Прощай, верное мое сердечко, и жди меня".

Шли годы, Володька не возвращался, а я не могла его забыть. Подросла, стала взрослой девочкой и уже стеснялась расспрашивать о нем родителей. Затаилась и ждала. А в шест-

надцать лет начала поиски. Сердце мне говорило, что Володька не забыл меня и тоже ищет. Одно было непонятно: почему он, самый сильный и самый умный, до сих пор не нашел меня? Я расспрашивала о нем и родителей, и знакомых авиаторов: не знает ли кто о его судьбе? Никто ничего не знал. Но летный мир тоже тесен, и я была уверена, что рано или поздно я о нем услышу. И услышала...

Вы помните, сколько тайн раскрылось после XX съезда? У многих обнаружили родственники, о которых не знали дети, даже у жен появились живые или мертвые мужья, некогда пропавшие в лагерях. Мама, всегда грустно качавшая головой, слыша мои расспросы о Володьке, посадила меня рядышком и рассказала о страшной его судьбе. За тот самый героический полет, из которого Володька чудом вышел живым, его сначала повысили в звании и представили к награде Золотой звездой Героя Советского Союза, но после, "разобравшись", упрятали в лагерь. Оказывается, Володька посадил самолет в тылу у немцев и, захватив аэрофотосъемку, перебрался к своим через линию фронта, обгоревший и с простреленной ногой. Поначалу из него сделали второго Маресьева, а потом решили, что одного вполне достаточно. И сгинул мой жених на Колыме.

Вот и вся история моей первой любви. А второй любви у меня не было. Смотрела я на мальчиков, своих ровесников, потом на мужчин, когда постарше стала, и ни один из них не казался мне настоящим мужчиной, когда я сравнивала их с моим Володькой. Замуж я так и не вышла, хотя были какие-то попытки... Но когда дело доходило до решения, я всегда говорила себе: "Нет, и этот не Володька. Надо еще подождать". И ничего не дождалась. Защитила докторскую и решила, что пора самой строить семью, без мужиков. Родила вот сына, Володьку, родила и буду воспитывать.

— Теперь понятно, откуда в вас такая сила и уверенность в себе, — проговорила Валентина, работник Управления культуры Ленинградского горисполкома. — Высокая требовательность к другим выработала в вас и высокую требовательность к

ЖЕНСКИЙ ДЕКАМЕРОН

себе, помогла добиться всего своими силами. А растить ребенка вам поможет государство.

– Спасибо ему большое! – засмеялась Лариса. – Уж пять рублей лишних я как-нибудь сама заработаю.

– Не скажи! – улыбнулась "бичиха" Зина. – Пять рублей это, глядь, пол-литра, а то и три "маленьких".

Начали шутя перебирать, что можно купить ребенку на пять рублей в месяц: один сапожок, два кило мяса в магазине или один килограмм на рынке, кило яблок на рынке или три в магазине, четверть школьной формы или одно колесо от трехколесного детского велосипеда.

Над этим "прейскурантом" не смеялась только Наташа, тоже довольно современная женщина, хотя и не столь уверенная в себе, как Лариса.

– А мне кажется, Лариса, что вся ваша сила как раз от беззащитности. Это со многими женщинами теперь случается. Не так уж мы сами стремимся быть сильными, как нас вынуждает к этому слабость мужчин. Феминизируются они со страшной силой, вот что. Муж в доме – это тот же ребенок, только прозорливей.

Посплетничали немного о мужьях, а потом предложили рассказывать Зине, ее была очередь.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ,

рассказанная бичихой Зиной, официально именуемой "гражданкой без определенного места жительства", и повествующая о том, как мужественный воин Советской армии неожиданно воспыпал нежными чувствами к молодой еще тогда Зине, увлек ее на свидание и там добился от нее полной взаимности, действуя вполне в духе традиций Советской армии — сравните, например, ее действия в Афганистане.

Затем возлюбленные расстаются по не зависящим от Зины причинам.

Вскоре она узнает от своей матери, пытавшейся восстановить честь дочери через непосредственное начальство Васи или Коли (См. в тексте — новеллы — прим. автора.), что ее возлюбленный демобилизовался, то есть окончился срок его службы, и он уехал домой в неизвестном направлении

У меня, девки, первая любовь тоже военная была. Рядом с нашей деревней часть стояла стройбатовская. Солдаты в клуб ходили, за нашими девками бегали. Раз пошел меня солдат после кина провожать, заташил в кусты и трахнул. Сильный был, зараза. А я кричать постеснялась. Через неделю набралась духу, призналась маманьке. Та кинулась начальству на солдата жаловаться, а того уж и след простыл — дембиль ему подошел... Васей его звали. Или Колей?.. Не, кажись, Васей. Вот и вся любовь!"

Засмеялись женщины:

— Зина! Какая же это любовь?

— Чего там "какая"! Самая в натуре и есть. Будь вон Лариска годков на десять постарше, неужто б ее Володька не трахнул? В пятнадцать лет она б по кустьям не кузнечика с ним словила, а чего покрупней! Вас, девки, видно, папы-мамы

береглы пуще глаза да жареный петух в жопу не клевал, вот вы и верите сказкам про любовь.

И Зина сердито отвернулась. Ее соседка Наташа, та, что говорила о "феминизации мужчин", сказала сочувственно:

– Не сердитесь, Зина, ни на нас, ни на жизнь. Настоящая первая любовь ведь и вправду не всем выпадает. А кому выпадает, те как раз почему-то не умеют ее беречь. Иначе бы все семьи по первой любви создавались, но этого нет давным-давно, да и раньше было ли? Сейчас как раз моя очередь, и я вам расскажу историю своей первой любви, которую я предала самым глупым образом.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ,

**рассказанная инженером Наташей,
повествующая о такой классической первой любви,
что автору неинтересно писать этот подзаголовок.**

**Правда, в конце будет рассказано
о довольно редком для юного существа коварстве,
проявленном двоюродной сестрой Наташи,
но коварству у нас будет посвящена особая глава,
поэтому я передаю слово самой Наташе**

Ко мне первая любовь пришла не слишком рано и не слишком поздно, а в самом подходящем для этого возрасте, в семнадцать лет.

Девятый класс я закончила отличницей, и вот мои родители, чтобы я отдохнула перед трудным десятым классом, отправили меня на все лето в Сухуми, к нашим дальним родственникам грузинам. А чтобы было кому за мной присматривать, туда же поехала моя старшая двоюродная сестра Наденька, студентка медицинского института и тоже "вечная отличница".

Обе мы были девушки домашние, академические, что ли. Кроме учебы занимались только музыкой, да и то немного,

для себя. Обе были послушными дочерьми и даже носили косы, хотя тогда уже их мало кто из ровесниц донашивал.

Первое, что мы сделали с моей Наденькой в Сухуми — отравились прямо с вокзала в парикмахерскую и косы свои остригли, сделали себе прически "под мальчика". Вырвались, что называется, на свободу! Дальше этого, правда, у нас не пошло. Ни на танцы, ни в кино мы вдвоем ходить не решались, потому что наслушались рассказов о том, как грузины похищают русских девушек. А днем на пляж нас сопровождала тетя Этери, зорко оберегавшая племянниц от пляжных знакомств. Но местные парни нас сразу же заметили. Не знаю, как сейчас, после родов, но тогда, в семнадцать лет, поверьте, я была красotka хоть куда. Да и сестренка не хуже. Когда вечерами все семейство усаживалось на балконе пить чай, и мы с Наденькой тоже, мимо нашего дома взад-вперед прогуливалась целая ватага ребят. Они брэнчали на гитарах, пели песни и изредка, если за столом не было тети Этери, будто бы шутя звали нас прогуляться. Мы с Наденькой томилась, скучали, но на приглашения парней даже глазом не поводили. И это очень нравилось нашей тете. Мы же втайне только и думали, как бы уйти из-под стражи.

Помог счастливый, вернее, несчастный случай. Однажды на море поднялся шторм. Мы пошли с утра на пляж, но купаться нам тетя Этери не разрешила. Наденька смирилась, а я принялась уговаривать:

— Тетя, милая, ну хоть разочек разреши сплывать недалеко! Мы тоже росли у моря, плавать с рождения умеем, как лягушки!

Наконец тетя смилостивилась и отпустила: "Только недалеко!"

Какое там "недалеко"! Мы поднырнули под первые волны, а там пошли саженками вымахивать в море... Наплавались, нанырjались вволю, на волнах покувыркались — надо назад возвращаться. А на берег-то нам и не выйти! Только подплывем, встанем на ноги, тут же нас волной накроет, закрутит — и о камни! Тетя увидела такое дело, бросилась к воде. Бегает по краешку, руками машет, кричит, как курица. Нам от этого только хуже, тетина паника и нам передалась. Гля-

жу, у Наденьки уже рот кривится. "Давай, говорю, снова в море отплывем, отдохнем немного — и назад". Выплыли мы снова в море, плаваем, но уже без прежней удали: отдыхаем на спине, чтобы сил набраться для нового выхода на берег. Тут видим, к тете подошли два парня, она им что-то объясняет и на нас показывает. Скинули они рубашки, брюки и бросились к нам на выручку. Объяснили нам, как надо выходить: оказывается, тоже подныривать под волны, а потом, на мелком месте, сразу бросаться бегом на берег, пока волной не накрыло. Выбрались мы на берег, держась за руки. Тетя парней благодарит, а нам с Наденькой не до этого, мы их даже не разглядели.

Два дня нас тетя на пляж не пускала в наказание, а на третий сжалилась, повела. Только мы расположились на песочке, как тут же появляются наши спасители и прямо к ней:

— Тетя Этери! Если вы хотите, мы будем охранять ваших девушек в море! — говорит один.

— И на суше! — добавляет другой.

Тетя поглядела на них подозрительно, но согласилась, отпустила нас с ними плавать, все же спасители! А после стала и на прогулки с ними пускать. Только закон был у нее такой: ходить гулять и купаться только днем, и чтобы они нас приводили и сдавали прямо ей.

Конечно, мы быстро разобрались и влюбились: Наденька в Шалву, а я в Амирана. Первое время гуляли вместе, после стали разделяться, договариваясь о встрече на потом, чтобы к дому вместе подходить. А немного погодя мы научились с Наденькой спускаться из окна нашей комнаты по толстой виноградной лозе. Тетя нами не нахвалится: "Мои девочки по улицам не бегают, как другие, вместе с курочками ложатся!" Ложились-то мы и вправду вместе с курочками, но зато потом гуляли до первых петушков. Домой влезали когда уже светать начинало.

Поначалу мы только за ручку держались и разговаривали, разгуливая по ночному бульвару. Потом как-то сидели мы с Амираном у моря на камушках, а он взял и поцеловал меня в щеку. Я со страху заревела. Он, бедный, ходит вокруг меня

и не знает, как успокоить. Вошел в воду прямо в брюках и в ботинках и говорит:

— Пока ты будешь лить соленые слезы, я буду пить соленую воду!

И начал горстями черпать воду и пить, приговаривая: "Ой, гадость какая! Ой, помру, наверно!"

Я испугалась и кричу:

— Перестань сейчас же, я уже не сержусь!

А он, хитрюга, отвечает:

— Перестану, если сама поцелуешь!

Пришлось мне уступить. А потом я во вкус вошла и целовалась с ним столько, сколько он хотел. Но больше ни-ни!

Ах, девочки, какое же это было прекрасное лето!.. Амиран водил меня по всем заповедным местам, которые знал с детства. Мы собирали орехи в горах, раковины у моря, ходили на лодке ловить скумбрию. Как водится, строили планы на будущее: он тоже через год кончит школу и приедет в Ленинград учиться, а каждое лето мы будем возвращаться сюда, к морю. Плавать он меня научил так, что каждый шторм для меня стал праздником, я как дельфинчик на волнах кувыркалась. И расцветала с каждым днем, за лето лифчик пришлось два раза сменить — мал становился.

Пришла пора нам с Наденькой возвращаться в Ленинград. Всю ночь перед отъездом мы с Амираном просидели у моря, прощаясь. Провожать он меня пойти не мог из-за тети Этери: она бы сочла это недопустимой дерзостью. Но только наш поезд тронулся и мы с Наденькой грустно уставились в окно, как в наше купе постучали и вошли улыбающиеся Шалва с Амираном. У Амирана в руках была стеклянная банка с цветущими ветками магнолии — он знал, что я от нее без ума. Если бы вы видели, как на меня смотрели в Ленинграде, когда я шла по Невскому с этим букетом, от Московского вокзала домой на Лиговку! Ребята проводили нас до Адлера, и тут уж мы расстались, как мы тогда думали, до будущего лета.

Дома уже начиналась осень, первые желтые листики летали. А мне, стоило закрыть глаза, слышалось шуршание ночного моря, тихий голос Амирана. И привычка у меня дурная по-

явилась — губы облизывать. Это я его соленые поцелуи вспоминала. Долго у меня потом эта привычка сохранялась. А сухая ветка магнолии висела у меня над кроватью, я ее гвоздиком прямо к стене прибила. Цветы опали, а бутоны высохли и стали коричневыми, но когда я прижималась к ним носом, мне слышался тонкий-тонкий, далекий запах магнолии. Особенно если закрыть глаза.

Мы с Амираном переписывались. В своем школьном портфеле я носила его фотографию, которую он прислал мне сразу же после лета. Я стала немного хуже учиться, потому что все время отвлекалась и уносила мыслями назад, к морю.

Примерно через три месяца, когда уже выпал снег, приехала к нам в гости Наденька. Я обрадовалась ей страшно, поскорей увела ее в свою комнату и набросилась с расспросами: "Ну, как? Шалва пишет тебе? Ты очень скучаешь?" Наденька поглядела на меня недоуменно:

— Ты о чем, Наташка? Неужели об этом маленьком летнем романе? Брось об этом и думать, это же все было несерьезно. Мальчишки в курортных местах всегда летом ухаживают за приезжими. Кто этому придает значение?

— Я придаю значение. Мы с Амираном всерьез друг друга любим.

Наденька расхохоталась и долго не могла успокоиться.

— Какой ты ребенок, Наташка! Неужели ты не понимаешь, что ничего у вас не выйдет? Вы же люди разного круга, кроме всего прочего. Ну-ка, дай мне последнее письмо твоего Амирана.

Я, дурочка, послушно вытащила из портфеля конверт и подала ей. Наденька начала читать, улыбнулась. Потом она взяла из стаканчика красный карандаш и начала им отмечать ошибки в письме. Я почувствовала, как кровь у меня прилила даже к ушам, но остановить сестру не могла, только смотрела, как на каждой строке появляются красные отметки, будто красные колючки вырастают. Когда Наденька избеобразила все письмо, она вернула его мне и сказала:

— А вот теперь покажи это письмо своим подружкам в классе. Похвастайся, какой у тебя дружок появился.

Я молча сунула письмо обратно в портфель, но не для того, чтобы показывать его в классе.

Уже в следующем письме Амирана я сама заметила все ошибки, а за ошибками перестала понимать написанное, уже не слышала его голоса за каждой строкой. Дав мне время подумать, Наденька явилась через месяц.

— Ну, ты уже поумнела? Поняла, что вы не пара? Учти, что твои родители никогда не разрешили бы тебе выйти замуж за полуграмотного грузина. погоди, ты его еще увидишь на Кузнечном рынке торгующим мандаринами или мимозой! В кепке-аэродроме!

Тут она меня еще раз стыдом уколола. Так уж нас воспитывали, что торговля, да еще на рынке, казалась делом крайне неприличным, позорным.

— Давай-ка я помогу тебе написать прощальное письмо. Мы так его напишем, что он сразу позабудет все ваши глупости.

И я послушно согласилась. Ну и стервозное она мне письмо продиктовала! Я уж вам не буду его пересказывать, хоть и помню до сих пор каждую строчку. Смысл его в том был, что нечего тебе, мальчик, не в свои сани примеряться, знай свое место. Ваше дело, дорогие "нацмены" — попутно она мне это слово объяснила, — мандарины для нас выращивать да на курортниках наживаться.

Пока Наденька гадость эту мне диктовала, я тайно приняла решение ни в коем случае этого письма не отправлять, порвать его, как только она уйдет. Но Наденька была хитрее, она письмо с собой взяла.

— Ты еще передумашь, а я, как старшая сестра, должна позаботиться, чтобы ты не увязла в этой позорной истории. Иначе мне придется все рассказать твоим родителям.

Так и отправилось это письмо к Амирану. Он ничего мне не ответил, ни слова. Ветку магнолии я сняла со стены, оставила только один листочек, спрятала в книжку. Потом и он потерялся.

А лет через пять, когда мы с Наденькой обе благополучно вышли замуж, она мне как-то призналась:

— Ты помнишь еще свой маленький летний роман? А зна-

ешь, я ведь сама была по уши влюблена в твоего Амирана и очень злилась, что его приятель, а не он стал за мной ухаживать. Потому и заставила тебя с ним порвать, что сама не могла его забыть. Но видишь, все оказалось к лучшему, он действительно был не пара тебе.

Я своего мужа любила и люблю, но всю ночь после Наденькиного признания я проревела в подушку от обиды за детскую свою доверчивость и глупость и от страха перед людским коварством. С тех пор Наденька стала для меня чужой и мы почти не встречаемся.

Подивились женщины коварству Наденьки и решили непременно один из дней посвятить рассказам о женщинах-стервах.

Тут заговорила Валентина:

— Конечно, это нехорошо, Наташа, что ваша сестра прививала вам шовинистические настроения. Государство у нас многонациональное, вы могли бы спокойно выйти замуж за грузина, никто бы вас не осудил. Но в одном ваша сестра была права: навряд ли у вас с вашим мальчиком появились бы общие интересы и устремления. А без них крепкой семьи не построишь... Вот у меня, дорогие мои, первая любовь была не от фантазий. Это было настоящее крепкое чувство, основанное на общих интересах и общей работе. Слушайте!

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ,

рассказанная работником горисполкома Валентиной, очень назидательная, но, слава Богу, и очень короткая, а потому и подзаголовок у нее должен быть коротким — автор просто передает слово своей героине

Мы с моим Павлом Петровичем оба пришли на работу в райком комсомола прямо после института. Его на-

значили старшим инструктором, меня — ему в помощники. Сработались мы, подружились, а потом решили создать здоровую советскую семью. Товарищи нас поддержали, стали хлопотать для нас квартиру. Получили мы ее и сразу поженились. Сын у нас родился, а дочь запланирована через три года. Мы счастливая семья, и я думаю, это потому, что создавали мы ее на трезвую голову, без всяких фантазий.

Женщины выслушали короткий рассказ — чуть не написала "доклад"! — Валентины и приготовились слушать Альбину, эффектную блондинку, которая даже в родильном доме не переставала краситься и принесла с собой на роды целую сумочку импортной косметики.

— Вот вы, Валентина, как вас там по батюшке, про свою здоровую семью нам отчитались, — начала Альбина. — А вот я считаю, что тот мужик пригож, у которого ... хорош! Так в народе говорят, верно, Зина? А еще настоящий мужчина должен обеспечить женщину комфортом. В одном я с вами согласна, это что все беды наши женские — от фантазий. А фантазии откуда берутся, спрошу я вас? Исключительно от сексуальной необеспеченности. Вот на вас, Валентина, поглядеть: вроде вы номенклатурная единица, типичная партийная дама: фигура чурбанчиком, прическа, как у бухгалтерши. А румянец живой и глазки поблескивают, хоть вы их и прячете. Лекцию нам вот о здоровой семье пытались прочесть... Но я-то вижу, что у вас с мужем в постели разговоры ведутся не о решениях последнего пленума, это вы мне бросьте! А теперь я вам, девочки, расскажу, какая у меня была красивая первая любовь, вам такое и во сне не снилось!

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ,

рассказанная стюардессой Аэрофлота Альбиной,
повествующая о том, как развлекается
современная "золотая молодежь",
включающая разъяснение распространенной среди
этой молодежи игры "Ромашка",
а также содержащая ряд других полезных сведений
о сексуальной революции в СССР,
на фоне которой и разворачивается история
первой любви стюардессы Альбины,
прошедшей в ожидании оной любви
огонь, воду, медные трубы и много чего прочего

Было это под Новый год. Только я вернулась домой после очередного аборта, как начали мне друзья названивать: "Давай, Алька, с нами Новый год встречать". Я девка компанейская, друзей у меня навалом, все больше сынки и дочери богатых родителей или сами обеспеченные — торгашки, парикмахерши, из гостиниц для иностранцев девки и парни. В общем, "золотая молодежь".

В компанию пойти — это, конечно, здорово было бы: выпить, подзакусить дефицитиком, потанцевать, "травки" подкурить, в "ромашку" поиграть или еще что-нибудь в этом роде. Но вот как раз на "ромашку" идти после аборта мне не больно что-то хотелось... Что? Не знаете ни "травки", ни "ромашки"? Ну-у, вы даете! Отсталые вы тут собрались люди, как я погляжу. "Травка" — это план, марихуана, анаша, конопля индийская. Слабенький такой, совсем безвредный наркотик. Но приход от него отличный, особенно если в хорошей обстановке. Что такое "приход"? Ну, не поповский же приход! Кайф это по-русски. А "ромашка" — это игра такая молодежная. Девушки ложатся на ковре головой к центру, ножки раздвигают, как лепестки ромашки, а парни по кругу переходят с одной на другую.

Ну, что за детский крик на полянке? Не нравится — не буду рассказывать дальше. Терпеть не могу ханжества. Небось, пусти вас в такую компанию, так еще на порожке рас-

ставили бы ножки. Жизни вы не видели, хоть послушайте. Так продолжать или нет? То-то же...

Решила я на всякий случай сначала к подружке заглянуть, которая "дедушку" обещала привести, а если она мне лажу подсунет — вызвать мотор и к своим отправиться.

Заявляюсь к подружке, а там тьма болотная, но все чинно до одури: сидят и дуру Пугачеву по телевизору смотрят. Присела я в креслице, глаз кошу на "дедушку", да в полутьме не разглядишь. Мужик как мужик, а костюмчик на нем фирменный, это я по силуэту сразу угадала. Подружка со своим дружкой приобнявшись сидят, как примерные супруги. Он директор гостиницы, мы через него знакомимся с иностранцами. Зачем знакомимся? Чтобы о международной политике разговаривать, не ясно что ли...

Кончила верещать Пугачева, включила подружка верхний свет, и тут я, девочки, с первого взгляда на своего "дедушку" наповал влюбилась! Костюмчик, рубашечка, часики — все на нем "оттуда", все как есть до ниточки! И не то фуффло, что морячки из загранки возят, а самая что ни на есть фирма. Я ему сразу глаза, улыбочку, грудку выставляю, напролом иду. А он оглядел меня внимательно, полуулыбочки выдал, да и говорит:

— Что там у хозяйюшки в баре сохнет? Надо бы выпить пошонок на дорожку.

Подружка моя в бар полезла, а у меня так сердце кусками и опало. Песец, думаю, не приглянулась я ему. Но собралась с силенками, с кресла поднялась и — ножка за ножкой, попка сзади! — пошла подружке помогать, рюмочки к столу носить. Смотрю, косится на меня мой красавец одобрительно. Чего и добивались. Я к магнитофончику, включаю его и обратно шествую уже под музыку, бедрышками покачивая. Тут он в кресле откинулся, чтобы лучше меня видеть, и глазами всю обмерил. Чувствую — дошло.

Ну, что там долго рассказывать, подцепила я его, девочки. В ту же ночь повез он меня к себе на квартиру, и тут такая у нас с ним любовь началась! Для начала он велел мне все мои тряпки выкинуть, одел-обул и на Черное море повез. После я с ним побывала и за границей, он меня как перевод-

чицу возил, хотя я ни слова тогда ни по-каковски ни спикала, ни шпрехала. Заставил и языки учить, и я ему за то по гроб жизни благодарна: теперь в загранисье летаю. И дома, если подработать надо, всегда найду себе, на худой конец, демократика, а то и западного кадра склею. За три года, что мы с ним жили, я такую жизнь повидала, какая вам и во сне не снилась, в таких местах побывала, куда вас и поглядеть не пустят. А как мое время вышло — он девочек только до двадцати лет признавал, — не бросил он меня, как другие подлецы делают, а устроил в Аэрофлот стюардессой. Вот у меня какая первая любовь была!”

Альбина закончила свой рассказ, над которым одни женщины ахали, а другие посмеивались:

— Ну, спасибо тебе, просветила! Теперь будем знать, что у передовой молодежи “любовью” зовется. Ай да Альбина!

Одна бичиха Зина за Альбину заступилась:

— Чего расквохталась? Может, девка не от хорошей жизни на такое пошла, вы к ей в душу не лазали! Меня из лагеря на целину заслали, так я видала, во что там чистеньких комсомолочек с путевочками удельывали... Грязи они боятся, понимаешь...

Подошла очередь Гали, худенькой светловолосой женщины, похожей на девочку. Обычно она лежала, уткнувшись в книжку, но теперь оживилась и слушала рассказы женщин с вниманием, даже что-то иногда записывала в записную книжку.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ,

рассказанная "диссидентской женой" Галиной,
повествующая о том, как умненькая дурнушка
благодаря своей доброте и готовности
пойти на любую авантюру ради дружбы
находит свое счастье

в одном из политических лагерей Советского Союза —
не в качестве узницы этого лагеря, конечно!

Слыхали вы, кто такие диссиденты? Так вот я нечаянно стала диссидентской женой. Это и была моя первая любовь.

Вы сами видите, что я не из тех невест, что нарасхват идут: и худая, и в очках, и вообще не очень чтобы очень... Мне уже двадцать лет было, а я ни разу не целовалась и как-то мало о таких вещах думала. Любила театр, поэзию, училась на архитектурном в Академии художеств. Друзья, конечно, были и даже довольно много. И была у меня школьная подружка Людмила, с которой мы в институтские годы встречаться стали реже, но уж если встречались, то всегда нам было о чем поговорить, расходились заполночь.

А подружились мы с ней еще в школьные годы, подружились на любви к стихам: когда все зачитывались Есениным да потом еще Асадовым, мы с нею доставали стихи Цветаевой и Мандельштама. Еще почему-то мы обе любили Киплинга, и была у нас любимая песенка, к которой мы музыку подобрали и распевали вдвоем:

А в сказочной Бразилии,
В Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!
Бразилия, Бразилия,
Владычица морей,
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

Как-то, уже в институтские годы, прихожу я к моей Людмиле, а она какую-то посылку собирает и превесело так напевает нашу песенку, но с другими словами:

А в сказочной Мордовии,
Мордовии моей,
Такое изобилие
Порядочных людей!
Мордовия, Мордовия,
Владычица идей —
Увижу ли Мордовию
До старости моей?

Только, милые женщины, давайте уговор: то, что я вам сейчас расскажу, сразу же забыть и не вспоминать ни при каких обстоятельствах! Лишнего я все равно не болтаю и имена все изменю, но на всякий случай лучше предупредить. Вас, Валентина, это в первую очередь касается. Государственных тайн я все равно не знаю, так что пускай ваша партийная совесть спокойно себе спит. Договорились? Тогда продолжаю.

Я догадывалась, что подружка моя связалась с диссидентами: то новость такую расскажет, какую из газет не вычитаешь, то перескажет книжку, о которой все говорят и никто толком ничего сказать не может. Она особенно своих взглядов и не скрывала.

В другой раз захожу я к своей Людмиле, а она сидит в слезах над столом, на котором разложены редкостные продукты: колбаса копченая, банки растворимого кофе, какие-то консервы с иностранными этикетками, даже банка икры. "Что же ты, спрашиваю, Людмила, над таким богатством сидишь и слезы льешь? Нелогично". Тут Людмила подняла голову, поглядела на меня внимательно и говорит: "Кажется, Галка, тебя мне Бог послал. Слушай, какая история. Про "самолетное дело" знаешь?" — "Знаю, ты рассказывала". — "Так вот, я уже три года езжу на свидания к одному парню, получившему кошмарный срочище по этому делу". — "Куда ездешь?" — "Как куда? Во Владимир, в центральную по-

литическую тюрьму. Под видом невесты. Родственников у него нет и не женат он. Я добиваюсь разрешения на брак, но пока не дают. Сейчас его перевели в лагерь, подошло время свидания, а я ехать никак не могу: мама тяжело заболела, в больницу вчера положили на операцию. Ехать за меня совершенно некому, да и не пустят никого, потому что в деле у него одна я записана. Мы с тобой немного похожи — поезжай за меня!”

Сначала я просто опешила. Испугалась, конечно: шутка ли, в политический лагерь ехать! Но Людмила так ревела, так жалела этого парня, что я начала колебаться. Она мне его письма дала почитать, а в них столько благодарности за заботу, столько тепла, что и мне его жаль стало. Думаю, будет ждать человек, мучиться, а никто не придет... К тому же с Людмилой мы действительно очень похожи, в детстве нас даже за сестер принимали. Да и романтично! И решила я на эту поездку.

Людка от радости меня чуть не съела, стала попеременно с поцелуями рассказывать, что делать, куда ехать, кому что говорить... Ну, еще кой-какие подробности, о которых я помолчу.

Добиралась я в эту распроклятую Мордовию, как только декабристки ездили. Сумки с продуктами руки оттягивают, транспорт — что поймашь, обстановка незнакомая. И страх без Людкиной поддержки одолевать начал.

Нашла лагерь и еще больше испугалась: как в кино про фашистов! Попрошу, Валентина, без комментариев. Лагерь есть лагерь, и под звездой он или под свастикой — это для тех, кто там сидит, одинаково страшно. Не забывайте, сколько ваших коллег, партийных деятельниц, прошли через это. Нет, я не у Солженицына вычитала, хотя его я тоже читала. Это ваш Хрущев с высо-о-кой трибуны всенародно объявил. Впрочем, рассказ не об этом, а о первой любви.

Оформили мне какие-то бумаги и, едва живую от волнения, повели через проходную в комнату для свиданий. В комнате этой посередине стоял длинный стол и стулья по ту и по эту сторону. Посадили на стул и велели ждать. Осталась я одна, сижу и дрожу. Думаю, а что же мне делать, когда ”же-

ниха” приведут? Как с ним поздороваться, чтобы он догадался, что я — вместо Люды? Вдруг он спросит: ”Кого это вы ко мне на свидание привели? Никакая она мне не невеста...” Или приведут не его, а кого-нибудь другого? Вдруг тут, в этой комнате, еще одно свидание должно состояться? Что будет, если я чужого брата или мужа женихом назову? И вообще, как мне с ним здороваться, просто так или обнять придется? Разволновалась я до того, что с меня пот начал градом лить. Думаю, сейчас завалю я это свидание, посажат меня с Людкиным-то паспортом, а за мной и саму Людку, лет на десять! И как только я увидела, что охранник пропустил в комнату высокого парня в эковском костюме, кинулась я ему на шею с воплем: ”Славочка! Любимый!” и начала целовать его не разбирая куда. А сама на ухо шепчу ему: ”Я вместо Люды приехала, с ее паспортом...” Он меня тоже обнял, смотрит мне в лицо, глазами хлопает. Да вдруг как прижмет к себе, как начнет целовать — я чуть сознание не потеряла. А он мне шепчет между поцелуев: ”Передайте Люде, что Гек в больнице в тяжелом состоянии. Нужна операция, а его кормят анальгином. Боимся за его жизнь. Срочно нужен шум”.

Развел нас охранник по обе стороны стола, сам сел неподалеку, слушает, о чем мы говорить станем. А нам и говорить-то не о чем. Два раза я его о здоровье спросила, два раза он меня. Помолчали минуты две, а потом меня осенило, и я давай ему про свои настоящие домашние дела рассказывать: что все здоровы, что дачу на это лето папа снял в Токсово, на озере рядом с большим трамплином, что через месяц все туда поедем. Он вдруг оживился, голос потеплел:

— На озере Хеппо-ярви или на протоке?

— На полуострове за трамплином.

— Специально выбрали то место, где моя бабушка жила или нечаянно?

— Нечаянно! У нас все нечаянно получается! Ты уж не сердись...

— Чего ж тут сердиться, я просто счастлив. Ты поразительно похорошела с нашей последней встречи.

А надо вам сказать, что Людка хоть и похожа на меня,

но куда интересней и за собой следит, а я так, синий чулочек... Я смущаюсь, а Славик такими глазами на меня смотрит, прямо в душу заглядывает! Так на меня никто и никогда еще не смотрел. Тут у меня последние сомнения отпали на тот счет, правильно ли я делаю...

Валентина, я вас просила! Я про вашу образцово-показательную семью слушала не перебивая. Неужели вы не понимаете, что о политике еще не было сказано ни слова? Мы о любви говорим и только о любви. Остальные хотят слушать? Тогда я продолжаю, а вы, Валентина, можете пока книжку почитать. А еще лучше — газету.

О чем мы еще в то наше первое свидание говорили, я уже теперь плохо помню. Два часа пролетели как две минуты. Это я всего за двумя часами в такую даль добиралась! Славик опять подошел ко мне, взял за плечи и тихо один раз поцеловал в щеку, а потом еще руку поцеловал. И вот это два последних поцелуя самые страшные для меня и оказались.

Увели его. А из продуктов охранник разрешил ему взять только яблоки и немного колбасы. И это еще добрый попался, другие потом и того не разрешали. Пришлось назад почти все тащить.

Вернулась я в Ленинград сама не своя. Людке все рассказала, про Гека передала, отчиталась. Потом стала к ней чуть не каждый день забегать. Та удивляется, а я стесняюсь спросить, нет ли письма от Славика. И вот однажды прихожу я к ней, а она мне и говорит:

— Тут письмо пришло от Славы. По-моему, это тебе...

Взяла я письмо и читаю: "Дорогая Люда! Только на этом последнем свидании я понял, что всю жизнь мечтал о тебе и ждал тебя. Если это свидание должно было произойти в лагере, я готов благодарить судьбу за лагерь..." Много там было хороших слов, и все они мне, а не Людке предназначались. Поглядела на меня моя подружка и спрашивает:

— Кажется, у нашего Славы настоящая невеста появилась?

— Еще не знаю, но на всякий случай расскажи мне, как добиваться разрешения на брак с политзаключенным.

В следующий раз я поехала к Славiku уже со своим соб-

ственным паспортом и очень боялась, что знакомый охранник попадется или начальник какой-нибудь, который меня в прошлый раз под другой фамилией встречал. Обошлось. А еще через три года мы получили разрешение на брак. Андрюшку своего я тоже со свидания "привезла". А сейчас наш папа уже в ссылке, мы чуточку подрастем, окрепнем и к нему поедем".

– Так вот какие вы, диссиденты! – воскликнула Иришка, когда Галина закончила рассказ. – А я думала, какие-нибудь особенные...

– С волчьими ушами, что ли, чтобы "вражьи голоса" лучше слушать? – засмеялась Наташа. – Люди как люди. У нас тоже один работает. Раньше все подписи собирал, а теперь притих что-то. Время не то, видно... Или сядет, или уедет, так все считают.

– А еще я вот о чем думаю, девочки, – продолжила Иришка, ничуть не обидевшись на Наташу. – Интересно, кому приходилось хуже, декабристкам или женам политзаключенных при советской власти? Я думаю, что тогдашним женам было тяжелее, они ведь были аристократки, а наши больше привыкли к трудностям.

Все засмеялись, а Валентина возмущенно зашуршала "Правдой", из-за которой внимательно слушала каждое слово, звучавшее в палате.

– А мне так сдается, – вступила в разговор Зина, – что нынешним много тяжелее. Тогда все ж с продуктами полегче было. А теперь все хуже и хуже, ну, все как есть в очередь! Кроме газеты "Правда".

– Спасибо и на том! – засмеялась Эмма. – С чем бы мы здесь в туалет, извините, ходили, если бы больным не положено было раздавать газеты для политпросвещения?

– А мы раньше "Блокнотом агитатора" пользовались, – с мечтательной ноткой в голосе произ-

несла Иришка. — У него и формат был подходящий, и бумага рыхлая. Мы его из почтового ящика прямо в туалет несли. Валентина, а почему "Блокнот агитатора" теперь на такой неудобной бумаге стали печатать? Наверняка ведь подписчиков потеряли, бумага чересчур плотная.

Валентина отшвырнула газету в ноги кровати и повернулась лицом к стене. Женщины затихли. Но Галина прервала тишину:

— Неля, а теперь, между прочим, ваша очередь. Вы нам обещали рассказ тоже о лагере, только фашистском.

— Да, но это будет рассказ вовсе не о первой любви, а просто рассказ о маминой шубе. Но зато из него вы поймете, почему у меня никогда не было первой любви в обычном понятии.

И Неля начала свой рассказ.

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ,

рассказанная учительницей музыки Нелей,
новелла, в которой тема первой любви
неожиданно для автора сменяется темой первой ненависти,
а еще она отличается от других тем,
что имеет посвящение — поэту Науму Коржавину,
написавшему потрясающее стихотворение
о детях в Освенциме — "Мужчины мучили детей",
и стихи эти, безымянные,
ходят в списках по женским лагерям России

Я родилась во Львове перед самой войной. Мама у меня была еврейка, а отец поляк, но я себя считаю только еврейкой, и не потому, что у евреев национальность считается по материнской линии, а так... Ну, вы все поймете потом.

Родители оба были музыканты. Единственная картинка, которая запомнилась мне из той жизни — мама играет на

рояле. Потом наступила такая жизнь, что я это воспоминание долго считала сном: ведь не могло же быть, чтобы когда-то было так хорошо! Мне снилось открытое окно, а в нем ветер раздувает легкую занавеску. Она влетает в комнату и задевает край рояля. За ним сидит мама, очень красивая, в белом платье, и играет. Она иногда поворачивает ко мне улыбающееся лицо и чуть наклоняет голову в такт музыке. И везде — на черной блестящей крышке рояля, на мином белом платье, на желтом полу, который так хорошо пахнет — танцуют под музыку солнечные зайчики. Их много, потому что за окном качается высокое дерево. На нем танцуют листья и танцует занавеска в окне, и я тоже танцую в своей кровати. Конечно, я просто прыгала, держась за деревянную решетку, приседала, но в памяти осталось — танцую. Потом как-нибудь я вам расскажу, как позже я поняла, что это все же не был сон...

Ну, вот. А потом началась война и все мои связанные воспоминания связаны с нею. Во Львов пришли фашисты, и начались повальные облавы на евреев. Наш отец — это мама позже рассказала, когда я подросла, — решил, что самое лучшее для нас собрать вещи и пойти с утра на вокзал, как было приказано всем евреям. "Для нас" — это значило для мамы с тремя детьми. Мне тогда было два года, брату Левушке двенадцать и сестре Гене семь лет. А на отца приказ о евреях не распространялся, он ведь был поляк, я уже говорила... Мама стала плакать, она очень испугалась за детей.

— Что вы так разволновались? — возмущался отец. — Немцы цивилизованная нация, ничего плохого они вам не сделают. Вас эвакуируют в безопасное место где-нибудь в Германии, вы мне оттуда напишите. Не забудь сразу же сообщить им, что ты известная пианистка — может быть, они тебе организуют гастроли по Германии. Это же культурные люди, Бася, я не понимаю, отчего ты впадаешь в панику?

Но отец маму не успокоил. Она сказала ему, что пойдет к родственникам узнать, что они собираются делать, и побежала к дяде Арону за советом.

Дядя Арон был очень умный человек. Он всем потихоньку говорил, что единственный способ уцелеть еврею в этой

обстановке — это внимательно следить за всеми фашистскими приказами и делать все в точности наоборот. Когда мама вошла в дом дяди Арона, она увидела, что вся его семья занята сборами.

— Неужели вы тоже хотите идти на вокзал?! — удивилась она.

— Ни в коем случае! — ответил дядя Арон. — Мы уходим под землю.

Оказалось, дядя Арон и еще несколько смелых и сообразительных евреев раздобыли где-то карту канализационной системы Львова и решили выйти по трубам к руслу подземной реки, протекающей под городом. Дядя Арон велел маме собрать все необходимое, взять побольше еды, потеплее одеться и ночью прийти к нему вместе с детьми. Отцу он приказал ничего не говорить, а просто объяснить ему, что все родственники решили явиться на вокзал вместе, чтобы не потеряться потом в дороге.

Отец маме поверил и не стал вмешиваться в ее сборы. На улице еще было тепло, но мама достала из гардероба свою котиковую шубу и нас тоже обрядила во все зимнее.

Глубокой ночью мы пробрались к дому дяди Арона: это было опасно, потому что по городу ходил патруль. Потом мы вместе с его семьей и еще несколькими евреями пробрались задворками в какой-то глухой двор. Там уже был открыт канализационный люк, и мы все по одному спустились в него, а самых маленьких мужчины снесли вниз на руках. И старенькую маму дяди Арона, которая уже не ходила, тоже спустили на руках.

Из нашей подземной жизни, а она продолжалась несколько месяцев, я мало что помню. Там была темнота, горели слабые самодельные коптилки, везде капала вода и стоял отвратительный запах. А сверху иногда к нам доносился звон трамваев и колоколов. Дети плакали и просились наверх. Я тоже не хотела там оставаться. Мама говорила, что ей все время приходилось держать меня на руках: стоило отпустить, как я пыталась куда-то уйти. А еще там всюду бегали огромные крысы. Они охотились за нашими продуктами, и маме при-

ходилось держать на коленях не только меня, но и наш мешок с едой. Ни Левушке, ни Гене она не могла его доверить, потому что от плохого воздуха они все время засыпали, и тогда крысы грызли мешок. Но однажды, когда у нас оставалось уже совсем мало еды и мама прятала мешок на груди под шубой, крысы все-таки нас ограбили. Мама то ли крепко уснула, то ли потеряла ненадолго сознание, и крысы прогрызли ее шубку, потом мешок и утащили все, что там оставалось. Потом мама нашла у кого-то иголку и сделала из пустого мешка заплатку на шубу. С голода нам умереть не дали, а в шубке с заплаткой из мешка мама и в лагерь прибыла, где над ее видом очень смеялись немки. В какой лагерь? В обыкновенный. Фашистский концентрационный лагерь Освенцим. Да, в конце концов немцы нас все же выследили с собаками и взяли. Но не всех. Две семьи успели уйти и спастись. Говорят, это и были единственные евреи, уцелевшие во Львове.

Нас погрузили в вагоны и повезли в Германию. Конечно, для всех евреев это было большое горе, но только не для маленьких: мы ничего не понимали и только радовались солнцу. Правда, первое время мы и смотреть на свет не могли, глаза болели, но потом это прошло.

Про концлагерь я вам рассказывать не буду. Вы из кино и книг больше меня знаете, а я ведь совсем маленькая была и сама ничего не помню. Только одно хорошо запомнилось: как мы, дети, попавшие в женский барак вместе с матерями, боялись мужчин. Мы твердо и точно усвоили: женщины это защита, мужчины — страшная опасность. Они могли избить, могли убить на месте, пристрелить как щенка ребенка только за то, что он громко заплакал. А самое страшное — они могли разлучить с мамой. Младшие из нас боялись отойти на шаг от матерей, старались все время держаться за юбку или за руку.

Левушку от нас забрали в мужской барак и больше мы его не видели. А Геня скоро заболела, ее забрали в больницу, а оттуда в крематорий. Осталась я одна у мамы. Нам повезло, мы выжили и даже вернулись во Львов. Но в нашей квартире отец поселил уже свою новую жену и у них родился ре-

бенок. Он дал матери денег на дорогу и посоветовал ехать в Ленинград, где жили ее родственники. Обещал платить за меня алименты. Но мама отказалась: деньги тогда ничего не стоили, она думала, что в Ленинграде сразу же найдет работу. Музыкантша, вы подумайте! Такая наивность ее и погубила в конце концов. Когда я думаю о маме, всегда удивляюсь, как она, такая неприспособленная, ухитрилась сохранить мне жизнь.

Да, но я еще вот что хотела сказать вам об Освенциме. Как-то наши женщины узнали, что готовится приказ о ликвидации всех еврейских детей. Нас уже и оставалось совсем мало, всех почти ликвидировали постепенно, как ни берегли нас женщины. И тут мама приказала мне не отходить от нее ни на шаг, а заведя "дядю" — все равно какого, бежать к нашему месту на нарах и залезть под матрац. Я была такая худая, что на матраце и бугорка не было видно там, где я лежала. Ах, как трудно было маме отучить меня потом от этой привычки! Уже я все понимала, уже мы как-то устроились в Ленинграде, но если чужой мужчина заходил к нам в комнату — управдом или сосед, например, я тут же молча бежала к маминой кровати и лезла под матрац.

Подросла я и пошла в школу. Под матрац прятаться перестала, но безумный ужас перед мужчинами у меня так и остался. В школе я училась отлично по всем предметам, кроме рисования — его вел учитель. Когда директор проходил мимо меня по коридору, я вжималась в стенку, а если заговаривал — не могла ответить ни слова, и его-то слов со страху не слышала.

С годами это почти прошло. Но когда я стала девушкой, я никак не могла понять моих подруг: как это они могут испытывать какие-то нежные чувства к молодым людям? А если какой-то мальчик пытался за мной ухаживать, я тотчас мысленно примеряла на него эсэсовскую форму. Конечно, рассказы матери об отце тоже посеяли у меня недоверие к мужчинам, но самое страшное было вот это крепко усвоенное в лагере: если идут мужчины — надо прятаться, иначе быть беде.

Как же, спросите, я с таким вот страхом все же вышла

замуж? Очень просто. После смерти мамы родственники дали мне возможность доучиться в музыкальной школе, а потом я поступила в училище. Тут меня начали сватать, чтобы поскорее устроить мою жизнь. Они все уже старые были, мои дяди и тети, хотели поскорей до конца довести то, что маме обещали – поставить меня на ноги и устроить. Знакомили меня с какими-то красивыми и ловкими молодыми людьми, тоже евреями, которые хотели жениться на ленинградке. Многим я нравилась, но я каждый раз плакала, что огорчаю своих родных, и отказывалась. А однажды пришел к одному из моих дядей его друг, сорокалетний вдовец, тоже хотел жениться, просил подыскать ему спокойную добрую женщину, которая могла бы заменить мать его двенадцатилетней дочери. Вот этого человека я не испугалась, а девочку мне страшно жалко стало: я ведь тоже в двенадцать лет осиротела. Борис Николаевич на меня и внимания не обратил, сидит девчонка в уголке и слушает. А когда он ушел, я набралась смелости и сказала дяде, что вот за этого человека я бы вышла замуж без страха. Дядя удивился, пытался меня отговорить: "Ты сама еще ребенок, где тебе дочь воспитать!" – и отказался меня сватать. Но тут я совершила единственный героический поступок в своей жизни. Как только Борис пришел еще раз к дяде вместе с дочерью, я зазвала Ленусю к себе в комнату и все прямо ей сказала, и кто я сама и что хочу заменить ей мать. Ленуся моя расплакалась, обняла меня и тут же назвала мамой. Ну, а с папой своим она нас в три дня сосватала. Стали мы жить втроем, и страхи мои скоро меня оставили, разве что когда приснится что... Вот. А первой любви так и не было, как видите...

Все женщины пригорюнились, слушая рассказ Нели, а Иришка всхлипывала в платочек и шмыгала своим курносым носом, как младенец.

*Бичиха Зина качала головой и приговаривала:
– Вот сволочи, вот ведь сволота какая... Сейчас в лагерях детишкам, конечно, тоже не сладко приходится, но все ж таки свои – не фашисты, хоть не стреляют.*

– А ты про какие лагеря говоришь, Зина?

– Да про наши, советские, в которых "дэмэзры" есть, бараки для детишек, то есть. Показанному Дом матери и ребенка. Если попадает зэчка с дитем или в лагере родит – его туда, в "дэмээр" зтот. Подвезло мне, что сейчас не сижу, а то бы и мою дочку на казенный харч определили.

– Ты нам расскажешь про женские лагеря?

– Ой, не сегодня, девоньки! Два лагеря на день – это уши свянут. В другой раз. Сейчас вон Эмма пускай рассказывает, она этого дела затейница, вот ее и послушаем.

И Эмма тут же начала свой рассказ.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ,

**рассказанная театральным режиссером Эммой
и повествующая о первой любви,
объектом которой она стала,
о соблазненном и покинутом художнике сцены
и о том, что порой тому, кто соблазнил и покинул,
тоже не позавидуешь**

Я вам расскажу о том, как сама стала предметом первой любви, причем любви самоотверженной и, если хотите, безумной.

Первый мой брак, еще студенческий, был и неудачен, и недолг: через год развелись, благо новые законы вышли, ускооряющие этот душетравительный процесс. Расстались мы с моим сокурсником, и я сразу же вышла замуж за другого, тоже актера, но уже знаменитого в прошлом, а тогда проживавшего остатки былой славы. Сейчас он вовсе спился и исчез с моего горизонта, но тогда я считала, что брак у нас очень удачный. Единственное, что меня изводило до бешенства, это его постоянные любовные истории. Как только ему давали новую роль, он тотчас влюблялся в партнершу по сцене. Билась я билась с ним и решила, что единственный для нас

выход, если я хочу сохранить этот брак, — ехать играть в провинцию. Дали мне место режиссера в только что открытом театре в одном из новых городов Сибири. Бросили мы Ленинград и поехали. Муж соблазнился тем, что в провинции, да еще при жене-режиссере, ему обеспечены все главные роли. Так оно и вышло. Начала я прямо с постановки "Ромео и Джульетты", и он получил роль Ромео, хотя по возрасту и по виду уже годился разве что для Фальстафа. На Лира он не тянул талантом. И, как легко догадаться, начал он изучение роли с того, что влюбился в Джульетту. Джульетта у нас была само очарование: молоденькая девочка, только что окончившая театральное училище, глазищи на пол-лица и фигурка точеная. От моего поношенного Ромео она, естественно, пришла в бурный восторг. Его потому на молоденьких и тянуло, что женщина постарше вмиг бы разглядела всю мишуру его чувств. Начался для меня ад. Провожу репетицию, а мой мерзавец, ничуть не стесняясь, своей Джульетте глазки строит, ручки пожимает, а роль, между прочим, ведет скверно: и слов не помнит, и все интонации у него фальшивые. Ну, какой же Ромео в сорок с лишним, подумайте сами! Актеры, помреж, рабочие сцены — все всё видят и на меня косятся, кто сочувственно, а большинство со злорадным любопытством. Я же стараюсь взять себя в руки и сделать хороший спектакль. Словом, дохожу до полного нервного истощения, а до первого прогона еще работать и работать.

И тут, когда нервишки у меня совсем стали сдавать, вдруг замечаю я, что наш театральный художник Алеша, совсем молоденький мальчик, поглядывает на меня грустными влюбленными глазами. Заметила, и мне стало легче жить. Как только мой престарелый Ромео начинает при всех на репетиции куры строить глупенькой Джульетте, я только посмотрю на Алешу — и успокаиваюсь.

Однажды Алеша задержался после репетиции, подождал меня — я из театра последняя уходила, и объяснился в любви. Я молча погладила его по щеке и ушла. Но он продолжал просиживать все репетиции, не сводя с меня глаз.

Наступил день премьеры. Спектакль мой прошел с триумфом, местная городская знать устроила нам банкет. И вот на

этом банкете мой Актер Актерыч, разогретый аплодисментами, заявил мне, что бросает меня и уходит к своей Джульетте. Выбрал времячко для семейного конфликта. С горя я отправилась после банкета с Алешей гулять по городу, а потом пошла к нему в его комнатенку, которая у него была при театре, да и осталась у него до утра. Утром, только я глаза открыла, он и спрашивает: "А когда мы поженимся?" Я на него удивленно поглядела и отвечаю, что это невозможно.

— Ты не смеешь мной играть, — вспыхнул он. — Это тебе не театр! Если ты сегодня не останешься со мной навсегда, я покончу с собой.

Я плечами пожала.

— Из бутафорского пистолета застрелишься? В добрый час.

И ушла.

Прихожу через пару часов на репетицию — Алеши нет. Вот и хорошо, думаю, спокойно поработаю. И вдруг прибегает наш администратор и сообщает, что Алешу увезли в больницу на промывание: отравился каким-то снотворным. Первая мысль моя была: "Да как он смел! Что ж он меня на посмешище выставляет!" Кто-то из молодых актеров побежал в больницу узнавать, а я взяла себя в руки и провожу репетицию как ни в чем не бывало. Только сердце пост. А вечером мне говорят, что Алеша при смерти, слишком много он хватанул этой гадости. Тут я не выдержала, побежала к нему. Узнав, что я его начальство, меня пропустили в палату. Он едва в себе был, но меня узнал, глазенки заблестели. Шепчет: "Теперь ты меня не покинешь?" — "Не покину, не покину!" — отвечаю, а сама думаю, как же мне теперь быть с этим дурачком?

Пока Алеша болел, я добилась перевода в Ленинград. И что же вы думаете? Он, как только поправился, тотчас уволился из театра и помчался ко мне. И началось что-то вовсе кошмарное: работы у него в Ленинграде нет, жить ему негде, скитается невесть где и каждый день звонит мне по телефону. Как-то я ему говорю: "Алеша! Ведь ты не девушка, которую я соблазнила и с ребенком бросила. Как тебе не стыдно, будь

же ты мужчиной!” Не понимает, дурачок. Говорит: ”Если бы у нас был ребенок, я бы взял его себе и мне бы легче было”. Кончилось тем, что я от этой заботы в нервную клинику должна была лечь. Только это Алешу и остановило, заставило уехать из Ленинграда — он за меня перепугался. А я теперь иногда думаю, когда слышу истории о соблазненных и покинутых: ”Интересно, кому из них хуже, ей или ему?” И знаете, я предпочла бы трижды покинутой быть, чем еще раз такой шквал чужой любви выдержать. Бог с ней, с этой любовью! Предпочитаю ее видеть на сцене, где кинжалы картонные, а яд — подкрашенная водичка.

Посочувствовали женщины: кто Алеше, а кто и самой Эмме.

Тут подошла очередь рассказывать Иришке.

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ,

**рассказанная секретаршей Иришкой,
повествующая о безумных страданиях
юных влюбленных,
но заканчивающаяся хэппи эндом**

Мы встретились с моим будущим мужем Сережей на пляже у Петропавловской крепости. Был жаркий день, все купались, а у меня болело горло. Я сидела на стволе упавшей ивы возле самой воды и мне было жарко и грустно. Вдруг ко мне подбежала огромная черная собака чао-чао и стала меня обнюхивать. Я боюсь незнакомых собак и потому замерла, вспомнив, что говорил отец: ”Если боишься собаки, то старайся не двигаться и не показывай виду, что боишься”. И тут я услышала веселый голос:

— Мишка! Разве можно пугать такую красивую девочку? Посмотри, она почти такая же красивая, как ты.

Хозяин собаки подошел к нам и сел рядом на бревно.

— Ты не рассердишься, если я посижу здесь, пока Мишка купается?

— Сиди сколько хочешь. А почему ты сам не купаешься со своим Мишкой?

— Мне нельзя. Горло болит. А ты почему?

— У меня тоже горло.

— Тогда давай вместе смотреть, как купается Мишка.

Мы сидели и смотрели. Потом Мишка выбежал из Невы, подбежал к нам и стал отряхиваться. Из его кудлатой шерсти на нас полетел целый фонтан воды, нам стало весело и не так жарко.

— Тебя как зовут?

— Ира. А тебя?

— Сережа. А вот там загорает моя мама. Хочешь, я вас познакомлю? Пойдем к ней.

Мы подошли к Сережиной маме и он сказал:

— Мама, посмотри, какую красивую девочку нашли мы с Мишкой! У нее такие красивые глаза, даже красивее, чем у Мишки, правда? У нее глаза, как у коровы. Можно, я на ней женюсь?

Сережина мама сказала, что можно, только попозже, а сейчас она пока угостит нас клубникой. Она достала из сумки стеклянную банку с ягодами и дала нам. Сережа стал выбирать и отдавать мне самые крупные ягоды.

— Ты почему мне отдаешь самые хорошие ягоды? Это же несправедливость.

— Потому что у тебя болит горло.

— А у тебя тоже.

— Это не считается, я все равно сильнее и здоровее тебя и всегда буду о тебе заботиться. Ты согласна?

— Хорошо, заботься.

Потом я повела Сережу знакомиться с моими сестрами и тоже сказала, что он на мне женится, что ему мама уже разрешила. Сестры над нами смеялись, но не обидно.

Нам было пора уходить, мы стали собираться.

— Ты придешь сюда завтра? Я каждый день гуляю с Мишкой возле того дерева.

— Приду, если мама меня отпустит без сестер. А еще ты можешь мне позвонить, у нас есть телефон. Запомни номер.

Я сказала Сереже номер нашего телефона, и он много раз повторил его, чтобы не забыть.

А назавтра я заболела еще хуже, после ангины у меня стало плохо с сердцем и меня положили в больницу. Я лежала и плакала о том, что Сережа ждет меня напрасно у дерева и грустит. Я вспоминала тот день и думала, что мы уже никогда больше не увидимся. А еще я плакала потому, что из-за болезни меня остригли наголо и я уже больше не была похожа на Мишку. Это были самые печальные дни в моей жизни.

Но однажды в палату пришла сестра и велела мне надеть халатик и выйти в коридор: "Там к тебе пришли посетители!" Я удивилась, потому что мама в этот день ко мне уже приходила. Но это оказался Сережа со своей мамой. Когда он увидел, что меня совсем остригли, он разревелся и сквозь слезы сказал роковые слова:

— Ты теперь больше не похожа на Мишку! Они тебя совсем ухудшили!

Я подумала, что Сережа больше меня не любит и никогда на мне не женится. Горько заплавав, я пошла в палату. И это была самая трудная минута в наших с ним отношениях. Я шла к дверям палаты и думала, что вот сейчас умру. Но он меня догнал у самых дверей.

— Что же ты уходишь? Мы ведь тебе виноград принесли. Мама сказала, что ты от него сразу поправишься. Пойдем к ней!

Потом, когда мы сидели на скамейке в коридоре и ели виноград, Сережа сказал мне: "Ты теперь совсем некрасивая, но ты такая жалобная, как мокрый котенок". А его мама сказала, что нечего девочку все время сравнивать с разным зверьем, что обижать меня она ему не позволит. И правда, потом она всю жизнь так и делала, защищала меня, если ей казалось, что Сережа меня обижает. Только он по-настоящему меня больше не обижал, больше в нашей жизни драматичных моментов не было. В школе мы на одной парте все десять лет просидели, а после школы почти сразу и поженились. Вот такая была моя первая любовь. Только почему "была"? Она продолжается...

Этой историей и закончился первый день нового, как шутили рассказчицы, "Женского Декамерона".

Тут как раз на двух столах-колясках привезли ребятишек, раздали их мамам, и те принялись кормить своих крохотных сыновей и дочерей. А на завтра уговорились рассказывать истории о соблазненных и покинутых, поскольку Эмма всех заинтриговала необычной постановкой вопроса: кому хуже – соблазненному или соблазнителю, покинутому или покинувшему? Это ведь только на первый взгляд кажется, что выбирать тут не из чего – хуже всех тому, кого покинули. Но посмотрим, что завтра расскажут нам наши женщины. А вы сами пока тоже вспомните случаи на эту тему, с которыми вы сталкивались в жизни или о которых слышали от кого-то, и вы согласитесь, я уверена, что однозначного ответа на этот вопрос жизнь не дает. Как, впрочем, и на многие другие. Итак, до завтра!

ДЕНЬ ВТОРОЙ, ГЛАВА ВТОРАЯ,

**в которой рассказываются истории
о соблазненных и покинутых**

Второй день Женского Декамерона начался куда веселее, чем первый: уже с утра женщины готовились к вечерним рассказам, и когда долгожданный вечер наступил, дети были накормлены и увезены спать в детскую палату, женщины улеглись поуютнее в своих постелях, и Лариса первой начала рассказ.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

**рассказанная биологом Ларисой
и представляющая собой просто-напросто анекдот**

Я вам расскажу анекдот, который мне кажется ключом, раскрывающим психологическую основу всех историй о соблазненных и покинутых. Согласны?

— Давай, Лариса!

— Ну, слушайте. Лежат двое на травке в лесу. Он ее соблазняет, она осторожничает, но помаленьку поддается.

— Ты меня любишь, Ваня?

— Люблю, люблю!

— А женишься на мне?

— Женюсь, женюсь!

— Не оставишь с ребеночком?

— Не оставлю, не оставлю!

— А шубку купишь?

— Куплю, куплю!

— А в кооператив вступишь?

— Вступлю, вступлю!

— И на курорты будешь возить?

— Буду, буду!

— А зонтик подаришь?

...

— Уф-ф... А зачем тебе зонтик?

Женщины посмеялись над анекдотом, а несостоявшаяся "фрау" Ольга Зайцева заметила:

– Очень жизненный анекдот!

Бичиха Зина, чья очередь была рассказывать за Ларисой, сказала:

– Это точно, в жизни все так и есть. Я, девки, прямо с этого анекдота могла бы свою байку начать, но уж коли Лариса его первая выдала, так я начну сыздаля...

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,

рассказанная бичихой Зиной,
как две капли воды похожая на историю
ее собственной первой любви,
из чего можно заключить, что солдатская любовь —
дело непрочное и ненадежное.
Впрочем, мы имеем в виду только любовь
солдата к девушке, но отнюдь не к родине,
коммунистической партии
или идеалам интернационализма,
так что обвинить нас в клевете на советскую армию
никак нельзя, поскольку измена невесте и измена родине —
две большие разницы, как говорят в Одессе

У нас в деревне жила такая Клавка. Ох, и бедовая была девка! За этой Клавкой солдатня наперебой ухаживала, но она себя блюла: чуть что — в морду и тикать. Приданого-то у нее одна целка и была, отец пропойца, а мать инвалидка. Вот она за целку свою обоямья руками и держалась. А чтоб не снасильничал кто, она после танцев или кина не провожалась, шла домой с подружками, за которыми никто не ухаживал. Но, как говорится, чему быть — того не миновать. Приглянулась она старшине-сверхсрочнику, из хохлов, и решил он своего добиться. С подходцем начал: дескать, вот мамаша у меня старенькая на Украине живет, сад и дом хороший имеет, а годы уже не те, помощница нужна... На это Клавка уши развесила, как трико на веревке. Позволила она старшине провожать себя опосля танцев. Но

в кустья с ним не шла, стерегалась. Так он ее хитрее заполучил, на мягкой родительской перине. Взял он и посватался. Клавка рада, родители пуще — в сытые места девка едет, на юга. Выложились до крайности, последнюю овцу зарезали, кабанчика продали, в долг набрали деньгами и водкой, а свадьбу справили дочери по-людски. Расписываться старшина предложил дома, на Украине: мол, чего ж в солдатскую книжку штамп ставить, все одно ее сдавать — паспорт крепче будет. Клавка и сама знает, чем эти расписки по солдатским книжкам кончаются: дембель вышел — ни книжки, ни мужика.

Отгуляли свадьбу, стал наш старшина с молодой женой к матери своей собираться. Чемоданов накупил: какое ни есть, а приданое Клавке собрали. Ходит он по дому и выглядывает, что бы еще в новые-то чемоданы прибрать: "Вы, мамаша, нам это вот отдайте да то, в молодом хозяйстве все пригодится". Иконку со стены и ту прибрал: "А это у нас будет ваше родительское благословение". Отправил добро малой скоростью поездом, взял себе с Клавкой билеты не в какой-нибудь, а в купейный вагон, и отправились наши молодые на счастливую новую жизнь. Мы, девки, Клавку провожаячи, завидовали: "Молодец, девка! Хитрая! Не нам чета, раззявам".

Однаке рано мы ей позавидовали. Дня через два получает Клавкина мамаша телеграмму: "Мама, вышли денег и спроси в части адрес Михаила, дорогой потерялся". Хохот поднялся в деревне, как Клавкина мать стала телеграмму показывать. Но в части ей адрес матери Михаила этого дали, пожалели девку. Денег уж не знаю где она нашла, Клавкина мать, они ж с этой свадьбой как есть голые остались.

И приходит через месяц от нашей хитрой Клавки последнее письмо. Пишет она, что нашла село, где жил Михаил, и дом его ей добрые люди показали. Только из дома-то встречать ее вышла молодка с двухлетним пацанчиком на руках. Клавка наша заревела и давай ей рассказывать, как обманул ее Михаил, а та, как только взяла в толк, кто перед ней, схватила грабли да погнала Клавку со двора.

Вот такая была, как вы тут говорите, "соблизненная и под-

кинутая” в нашей деревне. И где она теперь, никто у нас не ведает. Может, как я, по кривой дорожке пошла да в бичах теперь кантуется, баланды вдосталь нахлебавшись. А может и вовсе сгинула, мне про то не известно.

Тут подошла очередь рассказывать Наташе, и она начала с предупреждения:

– История, которую я вам расскажу, очень похожа на Зинину, но конец у нее другой, счастливый. Только я прошу вас заметить, милые женщины, что для того, чтобы история моей соблазненной и покинутой обернулась хорошей стороной, было невероятное стечение обстоятельств.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ,

**рассказанная инженером Наташей,
в которой все кончается свадьбой,
но для этого нужно было случиться,
чтобы великая доверчивость
встретилась со столь же великой мудростью**

Работала у нас в конструкторском бюро девочка-чертежница Света Парамонова. Девочка прехорошенькая, но наивная до невозможности. Верила, что конфеты “Птичье молоко” и вправду делают из молока птиц. Над нею так и подшучивали: “Девочка Светочка, птичьим молочком вскормленная”.

Однажды прислали к нам в командировку симпатичного парня из Армении, из Еревана. Стал он за нашей Светочкой ухаживать и, смотрим, не без успеха. А пара — загляденье! Светочка вся беленькая, как одуванчик в пуху, а он красавец-горец с томными черными глазами. Ухаживал, ревновал смертельно, так глазами и сверкал на всех, а потом наобещал дурочке, что едет мать с отцом предупредить, чтобы к свадьбе готовились, — и уехал, оставив нашу девочку с пузиком. Светочка ждет-пождет: ну, как же! Рафик сказал,

что вернется, значит надо терпеливо ждать. Мало ли, говорит, какие у них там долгие переговоры с родителями идут, какая длительная подготовка к свадьбе? Словом, пока Рафик "к свадьбе готовился", Светочка наша благополучно родила мальчика. Только окрепла, стала в дорогу собираться. Мы ей: "Не дури! Ты уже мать, нельзя тебе быть такой доверчивой, ты же не за одну себя отвечаешь. Куда ты с ребенком попрешься?" Ничего слышать не хочет: "А вдруг он заболел или еще что-нибудь нехорошее случилось?" Поехала в Ереван, даже не зная адреса. А через месяц получаем мы свадебную фотографию: сияют оба с Рафиком, будто так и надо, будто так эта свадьба и планировалась. "Надо же! — говорят у нас в отделе. — Неужели наша Светочка была хитрее, чем нам казалось? Как она сумела этого парня прижать?"

Летом кто-то из наших поехал отдыхать в Армению, взял да и заехал к Светочке. Тогда-то все и выяснилось.

Оказывается, эта дурочка со своим малышом заявила прямо к родителям своего Рафика и спрашивает, где он. Ей отвечают, что Рафик в командировке в Москве.

— А вы кто?

— А я его жена, а вот это маленький Рафик, его сын. Здравствуйте! А вы наша бабушка, а вы — дедушка, да?

Старики растерялись. А Светочка ни капельки.

— Я так рада, что нашла вас! А что было с Рафиком? Его что, в такую долгую командировку послали или он болел? Почему он не смог приехать за нами?

Мать этого Рафика умницей оказалась. Она взяла внука, понесла в дом, незваную невестку накормила, а за ужином все, слово за словом, у нее выпросила. Поняла она, что за дитя перед нею. И старику рассказала.

Через месяц возвращается Рафик, а в саду у них столы расставлены, гости сидят, ждут.

— Что это, мама? Свадьба сестры, что ли?

— Нет, твоя, сынок.

Тут из дома выходит отец и выводит к нему счастливую Светочку! Кинулась к нему наша дурочка, обнимает и кричит: "Что же ты не написал про свои бесконечные болезни и ко-

мандировки, я же так волновалась! Еще бы немножко, и я бы стала в тебе сомневаться!”

Старик на эти слова погрозил Рафику кулаком: смотри, мол, сам, какого ребенка хотел обмануть!

Так наша девочка Светочка и не узнала никогда, что была и соблазненной и покинутой. Счастливым человеком!

После Наташи должна была рассказывать Валентина, которую женщины успели за глаза окрестить Номенклатурщицей. Все обернулись к ней с некоторой опаской: неужели опять прочтет лекцию на моральную тему? Но опасения их оказались напрасными на этот раз.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ,

**рассказанная Номенклатурщицей Валентиной.
Это одна из фантастических "выездных" историй,
хотя надо сказать, что вся история эмиграции
из Советского Союза — сплошная фантастика**

Есть, знаете ли, в ведении депутатов трудящихся порой такие дела, о которых даже мало кто слышал, что они в жизни встречаются. Например, установление отцовства, если человек был женат, имел детей, но умер, а какая-то женщина пытается доказать, что она после его смерти родила от него ребенка. Дела такие случаются в нашей практике редко и почти всегда остаются без удовлетворения, даже если их через суд потом пытаются разрешить. Тут все так трудно доказуемо, что и суды в тупик становятся. Но вот однажды одно такое дело было решено и положительно и скоро.

Приходит к нам старая женщина и говорит: "У меня сын погиб, а от него сейчас вот должен родиться ребенок у студентки филологического факультета университета. Мы бы хотели, чтобы наш внук носил имя сына и был зарегистрирован. Можно это сделать?" Отвечаем, что можно, но если есть вдова, то она должна подтвердить, что покойный муж

изменял ей именно с этой женщиной и что она не возражает, что пенсию за него будет получать еще один ребенок.

На другой день приходит молодая дама и говорит: "Да, я знаю, что это ребенок от моего мужа. Не возражаю, если ему будет дана та же фамилия, что и мои дети носят". Удивились все наши работники такому благородству, но потребовали еще свидетелей. Появились свидетели — жильцы квартиры, в которой жил покойный. Да, подтверждают, водил он гражданку такую-то в отсутствие жены и при всех нас как-то на кухне обещал ей развестись и жениться на ней. Видели, мол, как деньги ей давал и как она ему однажды в коробке принесла подарок — было, значит, и общее имущество. Ну, когда и дворник того дома к нам явился, подтвердил, что ходил, носил и так далее, пришлось оформлять отцовство. Тут как раз и ребенок родился.

Оформили все как полагается, а сами удивляемся возросшему благородству советских людей. Вот человек соблазнил и так трагически покинул соблазненную им женщину, а она родила сына и дала ему отцовское имя, пенсию будет получать на ребенка хорошую, а не пять рублей как мать-одиночка. И все только потому, что кругом оказались такие хорошие, честные, настоящие люди.

А через месяц мы узнали, что вся орава новоиспеченных родственников "соблазненной и покинутой" выехала вместе с нею в Израиль: оказывается, она накануне родов получила разрешение на выезд, вот тут-то они все и оформили! И уж вправду ли ребенок был у нее от покойного или нет — этого мы, к сожалению, никогда так и не узнаем. Пытались мы потом притянуть за лжесвидетельство и дворника, и соседей — но поди докажи! Так и улизнули все от ответственности. А нам об этом случае часто напоминают, чтобы мы не теряли бдительности.

Не успела Валентина закончить, как на нее налетела Галина, диссидентская жена или Диссидентка, как ее уже тоже успели прозвать женщины. Она вообще поглядывала на Валентину косо, недоверчиво.

— *Позвольте, Валентина!* — воскликнула она. — *А какие у вас основания считать, что ребенок не был сыном покойного?*

— *Да как же! Я вам говорю, что они все в Израиль укатили, смылись!*

— *А что в этом плохого?*

— *А то, что они к ребенку и к этой "соблазненной и покинутой" прицепились, как вагоны к паровозу — это, по-вашему, хорошо, честно?*

— *Значит, они хотели выехать, но просто поставить визу в паспорт, купить билет на самолет и улететь они не могли?*

— *Если бы им дали разрешение — пожалуйста, никто не держит!*

— *А вы думаете, Израиль им не дал бы разрешения на въезд?*

— *При чем здесь Израиль? А у нас могли бы не дать, по соображениям государственной безопасности.*

— *Спасибо вам, Валентина, замечательную вы историю рассказали, хоть и насквозь антисоветскую.*

Все улыбнулись такому неожиданному выводу. Но о политике говорить никому не хотелось, поэтому попросили начать рассказ Альбину, чья была теперь очередь.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ,

рассказанная стюардессой Альбиной
и представляющая собой советский вариант "Лолиты"

Для начала Альбина обернулась к "диссидентской жене" Галине и спросила:

— *Вот вы, Галя, читали такой запрещенный роман писателя Набокова "Лолита"?*

— Читала. Только он не запрещенный, а просто напечатан на Западе. И автор давным-давно на Западе.

— А надо бы запретить!

— Ну, Альбина, от вас ли слышу? Неужели вас смущает в книгах то, чем вы занимаетесь в жизни?

— В жизни меня ничем не смутит, это верно. А книжку эту я бы за вранье запретила, а не за секс. В этой книжке, девочки, один здоровый мудака со вкусом пишет про то, как он у девчонки мать убил, чтобы не мешала ему ею наслаждаться, и как он самой девчонке жизнь испакостил и тоже убил под конец.

— Альбина, что вы такое говорите! Не убивал герой ни матери, ни дочери. Любовника Лолиты он убил из ревности, а мать и дочь погибли случайно: одна под машину попала, а другая при родах умерла.

— Это он так пишет, а вы верите, наивные. Между строк читать надо! Он же матери, поди, нарочно свой дневник подсунул, в котором писал, что на девчонку нацелился и для этого на старой дуре женился. Я так думаю, Галина, что этот тип заранее все на десять рядов просчитал. Он и утопить ее хотел, да не вышло.

— Ну, предположим. А сама Лолита? Разве она не при родах умерла?

— Да что вы такая непонятливая, Галя! Вы сколько часов рожали?

— Не считала. Часа три-четыре, наверное. А что?

— А то, что если бы вас с десяти лет толкли толстой вонючей палкой, все бы вам внутри перекоржили, так вы бы так легко не отделались. Из меня мою девку трое суток тащили, уж хотели кесарево делать. Моя б воля, я бы и этому вашему Набокову, и всем мужикам, которые на детей лезут, раскаленными щипцами все их хозяйство повырывала! А первому — тому гаду, который со мной в Лолиту эту сыграл... Ненавижу!

Лицо Альбины покраснело и сделалось уродливым, слезы брызнули из глаз, смывая тушь и тени. Галя бросилась к ней, присела на ее кровать, обняла.

— Успокойтесь, Альбиночка! Молоко может пропасть, не надо. И не надо ничего рассказывать, не надо вспоминать.

— Чего уж не вспоминать... Умирать буду, вспомню.

А история-то короткая, почти нечего рассказывать. Этот Набоков деньгу, видно, зашибить хотел покрупней, вот и рассусолил пакости свои на целую книжку, размазал сперму по страницам. А вы, интеллектуевые дурочки, вздыхаете, будто там медом намазано. Слышала я ваши разговорчики, бывала я в культурном обществе. А в жизни все это так просто бывает, что и рассказывать нечего, а только взять да повеситься от злости.

Альбина высморкалась, вытерла глаза, отдышалась и принялась рассказывать.

Мать у меня тоже дура была, вроде той, Лолитиной. Отец нас бросил, и жили мы вдвоем на ее зарплату. Жили под Ленинградом, около Луги, в поселке Толмачево. Мать учительницей работала.

Я хорошенькая росла, просто ужас! По улице с мамой идем — все заглядываются, пристают. А нам нравилось. Как я теперь понимаю, у матери радости только и было, что дочка такая куколка. В школе я первые годы хорошо училась, при маме-то. Потом уж все под откос пошло, но это дальше...

Помните, девочки, как начался всеобщий кайф на фигурном катании? Все родители только и мечтали, чтобы своих детей устроить в школу фигурного катания, Черноусовых и Беложоповых из них вырастить. Моя тоже коньки мне купила и стала возить по воскресеньям в Ленинград, в воскресную школу фигурного катания. У меня здорово получалось, девочки! Если бы не эта сволочь Каюров, я, может, сейчас бы не разносила в самолете соки с улыбочками, а сама по Европам каталась, чемпионкой бы стала.

Так про Каюра. Приходит раз на каток известный тренер Каюров, который уже много талантов на лед выпустил. Поглядел он на наше катание и выбрал меня: "Талант у этой девочки несомненный. Но заниматься надо систематически и с более опытным тренером. Данные и фактура редкостные". Фактура, бля! И мать, и тренерша уши развесили, а я

тем более. А он дальше обрабатывает: "Надо вам для счастья дочери перебраться в Ленинград. И время упускать никак нельзя, каждый месяц тренировок сейчас — это годы успеха впереди". Дал он матери поахать, порасстраиваться, а потом и говорит: "Вы ищите обмен с Ленинградом, а я поговорю с женой: думаю, она согласится, чтобы Альбиночка пока пожила у нас и занималась у меня в спортивной школе". "Альбиночкой" я у него уже стала... Ну, мы чуть не руки целовать ему кинулись за такую доброту. Доброта, бля!

Простите, девочки, что ругаюсь — не выкипело. Да и не выкипит. Вы только послушайте, что этот гад надо мной вытворял.

Жена у него, точно, была. Только приходящая, для отвода глаз. Чем он ее заставлял такую роль при себе играть, не знаю, но только женой она ему не была. Мы с матерью ни о чем не догадывались. Приехали к Каюру, встретила нас эта мадам как самых дорогих гостей: "Ах, деточка! Ах, милочка!" Угощают нас деликатесами, мама даже рюмочку согласилась выпить. А сама на краешке стула сидит, за мое будущее трепещет. Каюр, слово за слово, сразу к делу: "Незачем ей возвращаться, время терять. Завтра пойдет в школу, начнем тренировки. Аллочка, приготовь девочке комнату!" Жена эта его подставная. Аллочка, повела меня показывать мою будущую комнату. Не знала я тогда, что это тюрьма моя будет на целых три года. И не тюрьма даже, а камера пыток. Зашла в комнатку эту и от счастья чуть не описалась: все новенькое, мебель как игрушечная, кровать как раз для меня, а на ней большая кукла импортная сидит, меня ждет. Алла соврала, что это ей кто-то подарил, а вот теперь для меня пригодилась. Потом я узнала, что Каюр все заранее рассчитал и приготовил.

Простились я с мамой, уехала она. Каюр и говорит Алле: "Девочка устала, уложи ее. Когда разденется, посмотришь мускулатуру и скажешь мне, все ли в порядке". А эта дрянь под него вовсю работала. Разделась я перед ней в своей новой комнате, она оглядела меня, пощупала руки-ноги и говорит: "Не знаю, деточка, выйдет ли толк. Мне кажется, у тебя мускулы на ногах затянuty. Или я ошибаюсь?.." Вроде раз-

думывает, стерва. А я так и замерла: неужели чемпионки из меня не выйдет? Смотрю на нее во все глаза и вот-вот зареву. Она погладила меня по голове и успокаивает: "Семен Ильич очень хороший тренер, не расстраивайся. Может, еще не все потеряно. Позвать его, чтобы сам посмотрел?" Я, дурочка, обрадовалась: "Позовите, тетя Алла!" Ох, как у них все продумано было, как отработано!

Явился Каюр, уже в халате, ноги волосатые, кривые торчат. "Ну, что тут у вас?" Алла ему про ноги мои говорит, сомнение разыгрывает. Начал он мне ноги, попку ощупывать, по письке пару раз провел рукой, погладил. "Да, — говорит, — придется поработать. Все будет зависеть от самой Альбиночки: отнесется к тренировкам серьезно, тогда все недостатки постепенно выправятся. Будешь стараться, девочка?" Я ему со слезами: "Буду, дядя Семен!" Он меня на руки взял, будто чтоб успокоить, на голые ноги к себе посадил, халатом прикрыл, к себе жмет. Успокаивает! А его Алла рядом стоит, меня по головке гладит, что-то говорит — отвлекает. Что уж у него там под халатом делалось, я тогда ничего не поняла. А как эту "Лолиту" вашу читала, так меня будто огнем обдало: он же кончал тогда со мной, это как пить дать!

Но скажите мне, девочки, откуда такие бабы берутся, как эта его Аллочка? Вот еще кому я простить не могу. Делай ты сама с мужиком что хочешь, двадцатый век, везде прогресс, но чего ж над ребенком глупым измываться поподлому?

Дальше еще страшнее было. Вы думаете, он меня изнасиловал и все? Как бы не так! На такие вещи Каюр не шел, тут он понимал, что я бы матери пожаловалась, а та могла и засудить. Мало бы ему, подлецу, не дали. Он тоньше сделал, умнее. Он так устроил, что два года пользовался мной, а я и знать об этом не ведала! Да еще и не один, а с товарищем.

Не верите? А вы послушайте дальше. На другой день отравились мы с ним в спортивную школу. Там каток был с искусственным льдом. Девочки, мальчики катаются. Каюр меня сразу на лед выпустил, другим тренерам показать. Я показала, что умею. Похвалили. Потом Каюр мигнул од-

ному: "Как тебе кажется, Витя, мускулы у нее на ногах не слишком затянuty? Алла говорит, что почти безнадежно". Этот разговор у них так шел, что только я одна слышала, других тренеров поблизости не было, когда они говорили. Велели мне еще покататься, ласточку сделать. Витя поглядел и говорит: "Да, неважно. Работы с ней, я вижу, много будет". Окликнул он одну девчонку и попросил показать, что она умеет. Девчонка эта здорово каталась, крутилась, как юла, в шпагат прямо на лед садилась. "Помнишь, — говорит Витя, — тоже ведь почти безнадежная была, а теперь?" Тут Каюр ему и говорит: "Ты приходи ко мне после работы, позанимаемся с ней, с Альбиной". Тот — "А как же! Девчонка явно талантливая, надо спасать положение".

Что, не догадываетесь еще, как они со мной поступили? Привели домой, раздеться велели, щупали, смотрели, а потом велели на стол сесть и ноги расставить. "Эге! — говорит Витя, вроде как бы более опытный тренер. — Да у нее вот где затянuto все! Надо операцию небольшую сделать, связки освободить". И начали они при мне обсуждать, класть меня в больницу на операцию или самим попробовать справиться? Говорят, что в больнице врачи-то опытные, но могут лишние связки затронуть и тогда конец всем надеждам на большой спорт. А самим бы сделать лучше, но права нет. Тут я разревелась, уж вконец они меня расстроили, и прошу: "Дядя Семен! Дядя Витя! Сделайте сами, я никому не скажу, даже маме!" Ну, они мне и сделали операцию "Чемпионка мира по фигурному катанию": один держит и целует, вроде бы успокаивает, а другой шурует там, выворачивает наизнанку. По очереди. Кровью стол залило, на пол течет. Я реву, но терплю, только за руки хватаюсь да к ним же, фашистам, жмусь, чтоб не так больно было. Один терзает, другой целует, слюнявит, гладит. Сделали они свое дело не знаю по сколько раз, я уж стала сознание терять — тогда только прекратили. Каюр меня в ванну снес, вымыл, потом в кровать уложил. Я в слезах уснула, но в надежде, что теперь уж все у меня в порядке.

Наутро Каюр меня в школу не повел, велел в кровати лежать, "отдыхать после операции", а сам отправился на тре-

нировку. К обеду вернулся вместе с Витей — проверить, как больная, идет ли на поправку? Догадываетесь, как они проверяли? Да, опять на том же столе, только уже крови столько не было. Но больно было все так же. И всегда эта боль была, всегда зубы мне, будущей чемпионке мира, стискивать приходилось. Потом у них это "массажем затянутых связок" называлось. Прямо так на тренировках в открытую и говорили: "Ты Альбиночке массаж делал? Что-то она опять на шпагатик плохо садится. Я сегодня зайду, сам помассирую". Но кататься они меня тоже, конечно, учили, успехи были. Тренеры они были толковые.

Два года эти подлюги так вот измывались надо мной, а я терпела. Потом мы как-то раз поехали на сборы, я уже в больших соревнованиях участвовала. Так вышло, что Каюру не удалось меня взять к себе в комнату, хотя он вроде как за моего родственника у всех шел. Поселили меня в одну комнату с той самой девочкой, которую Семен нам в первый день показывал. Вспомнила я, что они про нее говорили, будто и у нее связки были затянуты и тоже нужна была операция. Я ее и спросила: "Тебе тоже операцию на связках делали, да? У меня, знаешь, все так и продолжает болеть. Только я боюсь Каюру сказать, чтобы из школы не выгнал. А у тебя как?" А девочка эта, Катя, уже давно все поняла, ей тоже кто-то из раньше обработанных сказал. Она мне и открыла, что на самом деле с нами проделали и продолжают делать. И добавила: "Только ты никому об этом не говори, иначе Каюр с Витей нас выгонят, и не видать нам фигурного катания. Надо терпеть, Алька! Семен говорит, что потом мне это понравится самой. Я не верю ему, но терпеть все равно буду, потому что каток люблю. А как только стану чемпионкой, найду себе другого тренера, который мучить не будет. Лучше всего женщину".

Я, глупая, как только мы в Ленинград вернулись, все Каюру рассказала про разговор с Катей. И просила его больше мне этого не делать, потому что у меня всегда болит и болит. А он не испугался, что я все поняла. Наоборот, обрадовался, собака. "Раз ты все знаешь, то теперь мы наш "массаж" можем разнообразить. Тогда и тебе не так больно будет". И раз-

нообразил. Может, от некоторых его штук мне больно меньше стало, да зато стало хотеться повеситься.

Не выдержала я, сбежала к матери. Сказать я ей боялась, просто объяснила, что больше не хочу фигурным катанием заниматься, надоело, плохо себя чувствую. Каюр приехал за мной и уговорил мать, что это только капризы. Сунул он меня, плачущую, в машину и увез.

Думала я, думала, как мне от него избавиться, и придумала. Стала я на всех важных выступлениях на лед падать, хромоту разыгрывать. А то при всех за живот хваталась и кричала: "Ой, как болит! Все внутри болит, как будто палкой истыкано!" Каюр трясся от злости и от страха, уговаривал меня бросить этот цирк, сулил и славу и все на свете. Но я свое гнула. Не выдержал он и отвез меня к матери. Да ему что, он таких девчонок тыщу мог найти, которым в чемпионки мира загорелось!

У матери стала я в себя приходиться, только долго еще живот болел и Каюр с Витей по ночам снились. И сейчас редко-редко, но снятся рожи их перекошенные, ухмыляющиеся: "Массажик, массажик пора делать!"

Вы, Галя, говорите, что ваш Набоков не убивал мать Лолиты? А вы знаете, как Каюр с Витей мою мать убили? Да очень просто. Как-то опять они мне приснились, я заплакала во сне громко, мама ко мне прибежала. Обняла она меня, а я прижалась к ней и спросонья все и рассказала. Она меня успокоила как могла, уложила снова и тихонько вышла из комнаты. А на следующий день соседка меня в морг отвела: лежала там моя мама мертвая, из речки Луги вытащенная".

Тут Альбина, у которой голос уже давно начал дрожать, не выдержала, уткнулась в подушку, и плечи ее затряслись от плача. К ней подсела Галя, стала ее гладить по спине, успокаивать. А Бичиха Зина качала головой и ворчала себе под нос:

— Вот ведь что городские делают, баб им мало! Только успокоив Альбину, Галя принялась рассказывать в свой черед.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ,

рассказанная Диссиденткой Галиной,
романтическая и немного сентиментальная,
но, увы, повествующая не о современных
молодых людях,
а о дедушке-белогвардейце и его невесте,
что придает новелле
несколько ностальгическое звучание

У меня была для вас приготовлена совсем другая история, не та, которую я сейчас расскажу. Та была тоже печальная, как почти все такие истории. Но на сегодня довольно с нас печали, решила я, и очень вовремя вспомнила историю о соблазненной и покинутой, которая кончилась счастливым возвращением соблазнителя. А соблазнителем был мой родной дедушка.

Диссидентство у меня, видимо, в крови. Дед мой был белогвардейцем и ушел на Запад через Крым. Там он женился на моей бабушке, дочери профессора, у них родилась мама. А после войны они решили вернуться на родину. Их, конечно, посадили, а маму отдали в специальный детдом. Потом дедушку с бабушкой выпустили и даже дали деду возможность преподавать в университете — времена переменялись. Он вернулся из лагеря здоровым, как и был. У него вообще было железное здоровье. А бабушка только вышла, только встретилась с ним, на меня, на внуку, полюбовалась — хотя чем уж там было любоваться, не знаю, да и говорит в один прекрасный день: "Ну, вот и все. Теперь я могу спокойно умереть". И умерла. Устала она там очень, в лагерь, и жить ей уже не хотелось, не было больше сил.

Дедушка поначалу очень тосковал, чуть не каждый день ездил на кладбище. Потом ушел в работу. А родственники наши, и мои родители в том числе, стали наперебой подыскивать ему невест. Человек он был очень интересный, во всех отношениях красивый: высокий и совершенно белый, но с мужественным лицом, бодрым взглядом. И белогвардейскую офицерскую выправку из него никакие лагеря не смог-

ли выбить. Ему уже было за шестьдесят, а на него тридцатилетние женщины заглядывались. У него даже любовница была, профессорша с их кафедры, но у них ничего не вышло. Дед говорил, что в ней много ума и силы, но женственности ни на грош. Так они и расстались.

Вышел наш дед на пенсию и поехал в Киев к нашим родственникам, отдохнуть и поглядеть на места своей юности. Он оттуда родом был. Из Киева мы вдруг получаем телеграмму: "Встречайте такого-то, еду с невестой".

Приходим мы в назначенный день на Московский вокзал встречать жениха с невестой. Волнуемся, что за невесту он там себе нашел? Уж наверное что-нибудь совсем необыкновенное, потому что обыкновенных невест у него и тут хватало, в Ленинграде.

И вот подходит поезд из Киева и выходит из вагона наш дед, а рядом с ним крохотная седая старушка. Дед подводит ее к нам и говорит:

— Знакомьтесь. Это Наденька, моя невеста с одна тысяча девятьсот девятнадцатого года.

Мы думали, дед шутит, но потом узнали — все правда. Оказывается, дедушка, тогда еще молодой офицер, полюбил совсем молоденькую Наденьку и сделал ей предложение. Была уже назначена свадьба, как вдруг вышел приказ о немедленном выступлении из Киева. Наденька была вне себя от горя, но оба верили, что гражданская война вот-вот кончится, они снова встретятся и поженятся. И вот тут мой дедушка свою Наденьку и соблазнил, так уж у них получилось. И потом, говорил он, всю жизнь чувствовал свою вину перед ней и во всех церквах за границей грех замаливал, просил у Бога, чтобы это его "преступление", как он говорил, не искалечило ей жизнь. И в Киев он поехал в основном затем, чтобы побывать на месте их любви.

А Надежда Яковлевна, Наденька, рассказывала, как после ухода и исчезновения нашего деда она никак не могла его забыть. Кое-как приспособилась к новой жизни, вышла замуж, заимела детей и внуков, но каждый год в день их прощания приходила на берег Днепра, где они прощались и где, в беседке в старом парке, она ему отдалась. С годами этот

район застроили, но часть парка и даже беседка каким-то чудом остались. Надежда Яковлевна уверяет, что она и в Киеве осталась жить только для того, чтобы ходить туда каждый год в "их с Боренькой роковой день". Это моего деда зовут Борисом Сергеевичем.

И вот представьте себе их встречу. Приезжает мой дедулька в свой Киев, грустно и романтически настроенный, идет искать место прощания с невестой. Первое, что ему уже чудом показалось, это то, что он нашел уголок того самого парка, изменившийся, но не настолько, чтобы нельзя было узнать. Вдруг видит — беседка, та самая! Правда, чуть осевшая, ступеньки кое-где обвалились. Заходит он в беседку, а там сидит какая-то беленькая старушка, задумчиво смотрит на Днепр.

— Прошу прощения, я вам не помешаю? — спрашивает дед и собирается присесть на другую скамью, свободную. А старушка всматривается в него, поднимается со своей скамейки и спокойно так говорит:

— Вот вы и вернулись, Боренька.

Как тут моего крепкого дедульку инфаркт не хватил, я просто удивляюсь! Я их спросила: "Вы поцеловались, обнялись?" А дед отвечает: "Милая! В ту же секунду я узнал Наденьку, она же почти не изменилась — как мог я не схватить ее в объятия после стольких-то лет разлуки? Нам снова было семнадцать и двадцать лет, как тогда".

И знаете, должна признаться, что более влюбленной супружеской пары я до сих пор не знаю. Дед так помолодел, что снова пошел преподавать. Вот вам одна только сценка для примера.

Живут дед и Надежда Яковлевна, Наденька наша, недалеко от университета. Как-то я гостила у них с вечера и решила остаться ночевать, чтобы утром идти на занятия вместе с дедом. Академия художеств, где я училась тогда, совсем неподалеку от филфака, где дед читал свои лекции. Утром мы позавтракали и собираемся выходить. Торопимся, время уже поджимает. Дед остановился в прихожей и чего-то ждет.

— Наденька, мы уже выходим!

— Да, да! Сейчас иду.

Что-то она там в комнате замешкалась. Дед стоит и нервничает.

— Наденька, голубушка, мы опаздываем!

— Бегу, Боренька!

Я думала, она ему либо деньги даст, либо вынесет какие-то бумаги — ну, что-то в этом роде. И вдруг вижу: семенит Наденька из комнаты, а дед навстречу ей склоняется и подставляет лоб. Она его крестит, целует, встав на цыпочки, и шепчет: "Храни тебя Господь". И с этим мой дед уже спокойно идет на лекции. Так у них заведено, что он из дома не выйдет, если она его не перекрестит. Оба уверяют, что они потому так долго и не могли встретиться, что забыли тогда друга перекрестить на прощание.

История Галиного деда помогла женщинам отойти душой от тяжелого рассказа Альбины. У всех посветлели лица, потеплели глаза. Историю, рассказанную Ольгой, слушали уже спокойно, разве что прерывали смехом.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ,

рассказанная работницей Ольгой
и повествующая о хитроумной влюбленной,
сумевшей обратить в свою пользу
повальное мужское пьянство

А у нас в цеху была такая соблазненная и покинутая, которая всем "брошенкам" сто очков вперед дала, всех своей смекалкой обошла.

Работала у нас Люба Кузенкова, ладенькая такая деваха, из сытого пригорода, кровь с молоком. Стал за ней ухаживать столяр один из нашего же цеха, Митрохин Пашка. И улестил ее до записи с ним переспать. А как переспал, так и начал нос воротить: "Что ты, говорит, за девушка была, если под первого же, кто тебе жениться пообещал, сама легла.

Какая ж из тебя жена будет? Нет тебе моего доверия как порядочной женщине, вот и весь сказ!"

А Пашка этот Митрохин выпить был не дурак, каждую получку надирался прямо на заводе. Ну, ладно. Прошло сколько-то там времени, как он ей от ворот поворот дал, подошла получка. Пашка, как водится, с друзьями в раздевалке окопался, выпивает. А Люба рядом ошивается чего-то, приглядывает за ними. Как они дошли до кондиции, Люба тут как тут с пол-литрой: "Выпьем, что ли, еще, ребятки?" Тем только давай. Выпили — Люба вторую бутылку из сумки вымаст: "А еще по махонькой?" Не отказались. Тут Пашка с копыт, а Люба его к проходной, там такси вызывает и к себе везет. Привезла, раздела-разобула, спать с собой положила.

Утром Пашка просыпается: "А чего это я опять у тебя, Любка? Между нами ж все окончательно кончено". Та ему в ответ ласково так: "Не знаю, Пашенька, чего ты со мной увязался. Видать, соскучал". А сама ему рассольчику, стопочку на опохмелку, а сверху — котлетку горяченькую. Он вроде отошел с похмела. Тогда она его под ручку и на завод. И как бы ничего и не было: не подходит, не глядит, будто и не знает такого Пашку Митрохина. А сама ждет следующей получки. И опять та же история у них повторилась. Так и пошло: каждый раз в получку Пашка пьет сколь влезет, баба его к себе везет, утром опохмеляет, на работу доставляет. Так пару месяцев у них шло, а один раз вдруг нет Любы. Пашка пьет, а сам по сторонам зыркает: где, мол? А Люба дома у себя сидит при тех же условиях: рассольчик заготовлен, водочка тож, котлетки загодя изжарены. Явился голубчик. Люба ничего, все обычным порядком повела: спать с собой положила, утречком в вид привела, на работу доставила. А как следующая получка подошла и Пашенька ее желанный сам к ней по рефлексу пришел, она ему утром не рассольчику-водочки, а ультиматум выставляет: "Вот решай, друг Пашенька, либо мы сейчас идем в ЗАГС заявления отдавать, а после возвращаемся и это дело по всей положенности отмечаем. У меня вот и коньячок в холодильнике

стоит, и на заводе я увольнительную на нас обоих у мастера взяла. Либо иди ищи сам где опохмелиться.

Пашка прикинул, что подать заявления это одно, а расписываться — это еще баба надвое сказала. "Согласен я", — говорит. Люба тут же такси, за час они обернулись — и к столу. Расписываться им назначили через двадцать дней. Как день этот подошел, Пашка вспомнил и Любу сторонкой обходит. А она будто так и надо. Никакой ему реакции не выдает. Пашка успокоился, сама, думает, забыла либо от мысли такой отошла. А как снова получка да пьянка подошли, Люба на своем месте с пол-литрой: "Добавим, Пашенька?" Увезла его опосля домой, как повелось, а утром тем же манером: "В ЗАГС пошли, снова заявления подавать будем, раз прошлый раз не вышло расписаться". Пашка уже знает, что дело это не опасное, соглашается. Привезла она его, чуть тепленького, в ЗАГС. Тот, в полной потере бдительности, вполуха слушает, о чем Люба с загсовской бабой шепчутся. Берут у них паспорта, то да се, а потом шлепают в них печати и возвращают: "Поздравляем с законным браком, товарищи!" У Пашки и это мимо ума проскочило, ему бы поскорей до коньячка в Любином холодильнике добраться...

Как это вышло у Любы, что их расписали? А очень просто. Она в тот раз, как Пашка увернуться хотел по трезвому делу от записи, в обеденный перерыв в ЗАГС слетала и доложила там, что жених заболел и просит перенести запись дней на десять, как раз на получку следующую. А тем что? Они перенесли. Вот так наша Люба своего Пашку Митрохина заполучила и сама теперь Любой Митрохиной стала. И уж как сложилось у них, так и идет: два раза в каждом месяцу Пашка пьет, а Люба его опохмеляет, но в другие дни решительно не дает. "Ты мне, говорит, не рушь мой порядок! Я за него полнервной системы положила!" Ничего, сладились. Живут.

Посмеялись женщины над историей хитроумной Любы и незадачливого Пашки и приготовились слушать учительницу Нелю.

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ,
рассказанная учительницей музыки Нелей
и представляющая собой развитие темы,
начатой Альбиной в ее новелле о мерзавце-тренере,
из чего можно заключить,
что учителя, пользующиеся своей властью
над ученицами в сексуальных интересах,
встречаются чаще, чем нам того хотелось бы

Знаете, а у меня история Альбины не выходит. И не рада я, что у меня девочка родилась. Как ее уберечь от опасности, ума не приложу. И какая это несправедливость, что девочку растить — все равно что через джунгли с ней идти. Ни на секунду нельзя из рук выпустить — разорвут! Говорят о каком-то равноправии мужчин и женщин. Какое равноправие?! Человек ты или приманка для хищника, не поймешь. Вы меня уж простите, но мне одна история вспомнилась, похожая на то, что Альбина рассказывала. Тоже крошечный ужас. Ну, уж расскажу вам, все равно из ума нейдет.

Директор нашего музыкального училища метил перевестись преподавать в консерваторию. Долго добивался. Наконец у него реальная надежда появилась, обещали ему с нового учебного года ставку. А тут выясняется, что одна из соблазненных им студенток — он мастер был на эти дела — забеременела. А он женат. И что, как вы думаете, учинил этот тип, чтобы скандала избежать? Пригласил он свою студентку провести с ним отпуск на Черном море, перед тем будто бы, как подать на развод. А у него был друг надежный, врач-гинеколог. И вот они перед отпуском проводят вечер у него с этой девушкой. Соблазнитель и хозяин дома подсыпают ей в вино снотворного, потом ей сверх этого делают обезболивающий укол, и в таком виде гинеколог делает ей аборт. А утром наш директор будит ее и сонную везет в аэропорт, садится вместе с ней на самолет и едет с ней отдыхать. Она чувствует, что что-то у нее не так, на третьем месяце какие-то выделения, боль, но приписывает это дороге, минувшим волнениям. Отдыхают они "дикарями" — прямо на берегу, где-то возле Коктебеля, ставят палатку, питаются в рестора-

нах и так далее. Возвращаются из отпуска, и тут он ей заявляет: "Между нами ничего нет, не было и быть не может. До свидания, спасибо за прекрасно проведенное время. А если вы, милочка, вздумаете на меня клеветать, то можете с училищем распрощаться".

Девчонка в слезах бросилась к своей преподавательнице, все ей рассказала, а та прямиком отправилась с этим делом в партбюро.

Вызвали обоих на ковер, спрашивают директора:

— Ездили вы только что с этой студенткой в Крым, как она утверждает?

— Конечно, нет! Я был в санатории в Цхалтубо. Вот моя путевка.

И кладет заполненную и закрытую путевку — запасся заранее. А как девочка может доказать, что где-то на пустом берегу в самом деле их палатка стояла? Тогда велют ей принести из консультации справку о беременности. Она к врачу, а тот ей объявляет: "Никакой беременности у вас нет!" Бедная девочка чуть умом не тронулась. Исключили ее из училища за клевету. Поехала она домой в Вологду, оклеветанная, опозоренная, и отравилась. Спасти не удалось.

Прошло несколько лет. И вдруг тот самый гинеколог еще раз за такое же поганое дело взялся и погорел. Во время следствия он признался, что уже не раз делал такие абортыв за большие деньги и назвал всех своих клиентов. Между прочим, публика все такая чиновная, что наш директор между ними был как карась среди щук. Припомнили ему на суде и доведение до самоубийства. Дали три года, но почему-то уже через год кто-то из наших преподавателей встретил его в Омске. Между прочим, опять в музыкальном училище, хотя и рядовым педагогом. Словом, вновь пустили козла в огород. А тех, кто покрупнее, и вовсе к суду не привлекали. Пожурили, видно, в партийных верхах и решили, что этого достаточно.

Да, страшно рожать девочек, пускать их в эту жизнь. Но ведь и мальчика, из которого потом может вырасти такое чудовище, тоже невесело иметь? Ведь у этого нашего директора и у того гинеколога, у них ведь тоже были матери? Что же их так вызверило?

— Да-а! — задумчиво протянула Ольга. — Страшное дело, когда мужик только и есть что подставка для своего члена!

А Бичиха Зина спросила, ни к кому, собственно, не обращаясь:

— А вот, девки, интересно бы знать, есть ли на свете баба, которую бы никто и никогда насильничать не пытался? Я так думаю, разве страхолюда какая... Дак ведь ее в темноте использовать можно...

Все на минуту замолчали. Никто в палате не заявил, что есть, мол, такая женщина. А Зина продолжала:

— Так давайте, бабоньки-страдалицы, по новому кругу и расскажем, как кого насильовали, а? Но ей возразила Альбина:

— Хватит с меня этого мрака! Давайте что-нибудь повеселее на новый круг.

Зина прищурилась:

— Вроде "ромашки" твоей, что ли?

— А что? — задорно ответила Альбина. — Хотя бы и про "ромашку", а то скисли совсем. Давайте расскажем про то, кто в каком смешном положении с мужиком этими делами занимался. Что, осилите, скромницы?

Посмеявшись, решили рискнуть и темой следующего вечера назначить именно эту. Но еще оставались две истории о соблазненных и покинутых, и поэтому все обернулись к Эмме и приготовились слушать очередную театральную историю.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ,

рассказанная режиссером Эммой,
в которой в роли соблазненного и покинутого вновь,
как и в первый раз, оказывается мужчина,
и так ему, по мнению автора, и надо!

По совести говоря, мне вы могли бы засчитать по этой теме и мой первый рассказ о влюбленном в меня художнике. Хотя бы для равновесия — соблазненный и покинутый мужчина. Но у меня оказалась в запасе еще одна подобная история. Правда, случившаяся уже не со мной, но с человеком, которого я хорошо знала.

Этот парень был талантливым журналистом и большим любителем театра. Для журнала "Театр" он в основном и писал. И вот его угораздило влюбиться в женщину с тремя детьми, один другого меньше. Это тоже была первая любовь, как и у моего бедного Алеши. И женщина тоже была старше его, а уж опытнее несомненно. Муж ее оставил с тремя ребятишками или она от него сама ушла, этого я не знаю. Эта женщина, Лена, крепко взялась за нашего героя и соблазнила его довольно скоро. В один прекрасный день наш Юра оказался отцом троих прелестных детишек, а еще через полгода — истцом по делу о взыскании алиментов с гражданки Волковой, бросившей его с тремя детьми и исчезнувшей в неизвестном направлении. А поскольку гражданку Волкову уголовный розыск так и не нашел, наш отец-одиночка получает пособие от государства и растит свою троицу весьма прилежно и ответственно. Только иногда жалуется, если вдруг позволит себе немного выпить: "Покажите мне ту несчастную девушку, которую соблазнили, сделали ей за полгода троих детей и бросили! Я на ней немедленно женюсь. А пока я несчастней и покинутей всех соблазненных девушек в мире, и попытайтесь мне доказать, что это не так!"

Последнюю, десятую историю о соблазненной и покинутой рассказывала в этот вечер общая любимица Иришка.

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ,

рассказанная толстушкой Иришкой,
в которой в роли соблазненного и покинутого
опять едва не оказался мужчина —
к общему удовольствию дам

Я тоже знаю смешную историю про соблазненную и покинутую! — сказала Иришка, которую очень развеселила история Эммы. — Она с моей старшей сестрой произошла, Татьяной. Таня геолог. И вот как-то она проработала все лето в одной партии с парнем из Ленинграда, а осенью вернулась беременная от него. Сначала все было спокойно. Таня, по-моему, даже не раздумывала, женится он на ней или нет, а больше думала о ребенке. С врачами советовалась, книги нужные выискивала, Спока раздобыла за сто рублей на черном рынке. Словом, готовилась в мамы со всей ответственностью. А слевой своим продолжала встречаться как ни в чем не бывало.

Как-то приходит он к ней и начинает тягучий разговор о том, что вот надо бы сделать аборт, потому что ему хорошо бы сначала пойти в аспирантуру, а уже потом обзаводиться детьми. Разговор этот происходил в нашей квартире, когда еще мы обе с родителями жили. Я в соседней комнате сидела, делала уроки и все слышала: у нас там между двумя смежными комнатками не было двери, только занавеска висела.

Выслушала его Таня и говорит:

— Понимаю, Лева, тебе сейчас не нужны жена и ребенок. Но я вот тут за двоих нас подумала и решила, что нам, пожалуй, такой папа тоже не нужен. Так что решили мы без тебя обойтись.

— Как так? Но я же отец будущего ребенка, как это ты без меня можешь такие вопросы решать?

— А чем ты, Левушка, докажешь, что ты его отец? Тем, что тебе карьера дороже жизни ребенка, который уже есть, дороже здоровья матери? Нет, давай-ка ты, голубчик, действительно иди в аспирантуру, а заодно иди к чертовой матери. Мы без тебя обойдемся.

Так и выгнала. Уж этот Лева несчастный потом весь телефон нам оборвал, под окнами целыми днями околачивался. Но Татьяна марку держала: "Не звони, не ходи, не тревожь — мне вредно волноваться. Такой папа нам не нужен!" А сама, конечно, по ночам редела, я слышала. И вот однажды Лева приходит к нам, буквально врывается в комнату к Тане, грохает кулаком по столу и кричит:

— А какое ты имеешь право надо мной издеваться? Ты зачем треплешь нервы отцу всех своих будущих детей, а? Одевайся, поехали жениться!

Ну и поехали. Женились. Но Танька до сих пор спекулирует чуть что: "Не забывай, что это мы с Гулькой тебя в семью приняли, а то жил бы ты один-одинешенек!" Гулька — это их дочь, моя племянница.

На этом кончился второй день Дамского Декамерона, иссякли истории о соблазненных и покинутых. Назавтра было решено рассказывать о том, как кто занимался любовью в смешном положении.

Сестры привезли детей, и наши рассказчицы принялись их кормить, забыв обо всем на свете.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ, ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

**в которой рассказывается о том,
кто как и в каком смешном положении
занимался любовью**

*И вот пошел третий день нашего Декамерона.
Первой начала рассказывать Лариса.*

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

**рассказанная доктором биологини Ларисой,
которая как и в прошлый раз
отделалась просто анекдотом на заданную тему,
что, похоже, стало для нее правилом**

Я вам расскажу анекдот военных лет. Очень может быть, что я его в детстве слышала и запомнила, а поняла уже, конечно, позднее.

В одном партизанском отряде кончились припасы. Тут один мужик и вызвался сходить к жене в деревню, за продуктами. А дело зимой было. Встал он на лыжи и отправился в путь-дорогу. На другой день возвращается с мешком. Садится к костру, достает кусок сала.

— Вот, ребята, подошел я ночью к родной хате, стукнул в окошко. Жена на крыльцо выходит. Кто угадает, что я перво-наперво сделал, тот шмат сала получит.

Партизаны гадают:

— Обнял и поцеловал?

— Нет.

— Спросил, как дети?

— Нет.

— Есть попросил сразу же?

— Нет.

Тут один мужик и говорит:

— Трахнул, поди, прямо на крыльце!

— Правильно, угадал. Получай шмат сала. А кто угадает, что я потом сделал, тот пару соленых огурцов получит.

Опять гадают, что он там сделал.

— Ну, теперь-то о детях спросил?

— Нет.

— В дом прошел?

— Нет?

– Местность оглядел, нет ли чего опасного?

– Нет.

Тут снова тот мужик басит:

– Опять трахнул.

– Правильно. Получай и пару соленых огурчиков. А кто угадает, что я после сделал, тот получит бутылку самогонки!

Партизаны хором:

– Опять трахнул!

– Нет, не угадали. Лыжи снял.

Очередь была за Бичихой Зиной, но она так хохотала над анекдотом, что попросила дать ей отсмеяться: "Я уж буду крайняя рассказывать, девоньки! Ой, не могу – лыжи снял!.."

Пришлось рассказывать Наташе, но она не возражала, потому что ее история как раз подошла к анекдоту.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,

**рассказанная инженером Наташей,
свидетельствующая, что в мирное время
партизанские способы любви
могут быть применены и усовершенствованы**

Мой муж начал увлекаться фотографией. Это, скажу я вам, для жены далеко не радость. Мало того, что по ночам в ванную не пройти, что все окна сохнувшими фотографиями заляпаны, что от бутылок с реактивами вонь по всей кухне, так я еще и натурщицей служу!

Несколько лет назад увлекся он обнаженной натурой, снимал меня голенькую во всяких романтических позах, то как русалку на берегу реки, то как ящерицу на камне. Фантазировал как хотел. И часто возил меня для таких съемок в лес. Однажды он готовил этюд "Весна". Приехали мы ранней весной в лес, еще снег кое-где держался, только-только пригрело как следует. Выбрал он подходящее место в берез-

няке и ищет, куда бы меня между березок поставить. А я стою голая и дрожу. Говорит он мне:

— Вон там подходящая кочечка под березкой, встань на нее!

Я подошла, поглядела.

— Витя! Это не кочка, а муравейник.

— Не бойся, они еще спят.

Встала я на муравейник. Муравьев сначала не видно было, но под моими ногами они ожили и поползли.

— Витя! Они на меня лезут!

— Потерпи минутку, такой кадр получается! Еще пара дублей и все!

Я стою, приплясываю, а он ругается:

— Ты что, не можешь потерпеть ради искусства?

Я взвыла и бросилась с этой "кочечки", потому что они, муравьи, уже до таких мест добрались, что называть неприлично в ином, не в нашем с вами обществе! Витя неделю со мной не разговаривал.

А как-то задумал он сделать фотозюд "Зима" и снова с обнаженной натурой. Взял в рюкзак бутылку водки, чтобы меня после съемки растереть, и теплое одеяло — закутать. Поехали мы с лыжами в лес. Нашел он подходящее место среди огромных сугробов и белых деревьев, велел мне раздеться и встать среди них на лыжах. Я так и сделала. Он снимает, щелкает затвором и рычит от удовольствия: "Гениально!"

Отщелкал он половину пленки, а я ему кричу со своего места: "Баста! Замерзаю, как ямщик в степи!" Тут Витя ко мне подбегает на лыжах, вынимает из рюкзака водку, накидывает на меня одеяло и растирает, а сам приговаривает: "Умница, красавица моя. Это будет потрясающая работа". Обогрелась я слегка, первый озноб прошел.

— Давай мою одежду поскорей!

— Нет, погоди одеваться.

— Что-о? Опять снимать будешь?

— Снимать я с тебя уже ничего не буду, ты и так голенькая.

Тут он и повторил партизанский подвиг, не снимая лыж...

А этюд "Зима" занял первое место на районной выставке фотографов-любителей. Теперь он висит у нас в гостиной на стене: заснеженный лес, сугробы, а среди них легкий контур белого женского тела. Мы иногда с Витей на эту фотографию взглянем и рассмеемся, вспомнив свой "этюд на лыжах". Теперь приду домой, сразу же расскажу ему Эммин анекдот!

Подошла очередь рассказывать Валентине, Номенклатурище. Она сидела в кровати, теребила свою длинную косу, которую стала носить в род-доме вместо "номенклатурной башни" на макушке, и явно стеснялась начать.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ,

**рассказанная Номенклатурищей Валентиной
и раскрывающая загадку падения Хрущева**

Вот вы, женщины, а особенно вы, Галина, все на меня коситесь, будто я ненормальная женщина, а Коммунистический манифест в юбке. А ведь мне это обидно, честное слово. Вы не думайте, что мы, работники номенклатуры, не замечаем, как к нам изменилось отношение в народе. Едешь в трамвае и слышишь: "Чего пихаешься, коммунист, что ли?" Или в магазине: "Становитесь в очередь, здесь коммунистов вперед не пропускают, на фронте надо было вперед лезть!" А среди нас есть хорошие люди, как и везде, и пошутить мы тоже умеем.

Я вот вам сейчас расскажу историю о том, как я имела интимную связь с Никитой Сергеевичем Хрущевым во время его падения. Вот вам и "Да ну"! Только вы, пожалуйста, если будете кому пересказывать, ни имени моего, ни должности не называйте. Договорились? Ну, слушайте.

У нас с мужем часто бывают командировки в область для контроля работы на местах. Мы стараемся с ним так подгадать, чтобы ездить вместе: и морально так спокойней, и

денег меньше уходит. И вот посылают нас как-то в один районный центр. Приезжаем, а там какой-то спортивный праздник проводится, все места в гостинице заняты и общежития в городе забиты. Пригласил нас к себе председатель райсовета. Живем у него неделю в проходной комнате, и нет у нас никаких условий для выполнения супружеского долга. Я-то еще ничего, терплю, а Павел Петрович мой на стенку лезет. Ну, думаю, надо искать выход из положения. А жена председателя райисполкома заведовала местным клубом. Я у нее и попросила: "Нет ли у тебя, Маша, в клубе какой-нибудь тихой комнатки, где бы нам с мужем часок провести?" Маша мне дала ключи от клуба, рассказала, где там комната с диваном. Отправились мы с Павлом Петровичем. Вошли в клуб, я ищу комнату, где диван должен быть, а ему уже вообще невозможно. Открыла я дверь, да не ту: дивана нет, а стоят у стен какие-то рамы, плакаты, портреты, видно, мастерская художника у них там была. А муж мой бросил на пол свой плащ, меня на него и пошел работать. Стараются он, душу отводит, ну и мне неплохо... И вдруг — трах! — какой-то щит падает прямо сверху на моего мужа. Он на секунду замер, оглянулся, ногой дрыгнул, чтобы щит этот со спины сбросить, а тот с него не слезит, вместе с ним надо мной вверх-вниз качается. "Черт с ним, пусть пользуется!" — рявкнул мой мужик и довел дело до конца под щитом, как черепаха. Только тогда он сбросил его, встал на ноги, привел себя в порядок, а потом взялся за щит, чтобы на место поставить, да как расхохочется: "Смотри, Валентина, с кем ты сегодня любовью занималась!" Я глянула, а это портрет нашего тогдашнего Генерального секретаря Никиты Сергеевича Хрущева.

Погодите смеяться, женщины. На следующий день с утра по радио вдруг начинает сплошная музыка играть — ну, ровно как помер кто-то, или государственный переворот случился. Муж мой шепотком и пошучивает: "Валентина! А если это генсек скончался после того, как с тобой дело поимел, а? Ты ведь у нас баба горячая, а он уже в преклонных летах..." Погоняли по радио музыку, потюпали граждан да и объявили о снятии Хрущева. Представляете, каково нам было серьезность сохранить при этом известии.

Валентина закончила свой рассказ при общем хохоте.

— Ну и террористка у нас объявилась! — смеялась диссидентка Галина, заметно потеплевшая к Номенклатурищице Валентине.

Валентина от смущения была краснее советского флага, но смех женщин ее явно обрадовал.

Тут начала рассказ Альбина.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ,

рассказанная стюардессой Альбиной,
повествующая о том,
как с помощью Альбины американский разведчик
трех гэбистов одним разом поймел

Одно время, девушки, я подрабатывала в гостинице "Европейской". Каким местом, ты спрашиваешь, Зина? А всеми местами. Я ведь с иностранцами работала. Было нас девушек десять, каждая имела телефон, и когда требовалось, нас вызывали прямо к назначенному часу. И, как вы сами понимаете, за всем этим приглядывал КГБ. Мы им здорово помогали, гэбистам: отвлекали клиентов, если надо было обшарить их номер или пленку в магнитофоне сменить, заставляли их разговориться, ну и все такое прочее. Что? Зарплата? Нет, зарплата от КГБ нам не шла, все оплачивал клиент-иностранец. С этими чуваками не поспоришь: чуть что не так — пошла на улицу! А на улице своих проституток полно, да я, например, и брезговала с нашей публикой дело иметь: пьяницы, грубияны, нищие командировочные. То ли дело чистенький иностранец в "люксовом" номере, с рестораном и подарками, с европейскими манерами! Но все мы, конечно, были у КГБ на учете и дали расписку исполнять все их требования. И исполняли, само собой.

Однажды вызывает меня наш портье и чего-то я гляжу, а лица на нем нет. "Тебе, — шепчет, — Альбиночка, будет важное задание. Иди в тринадцатый номер, там тебя проинструк-

тируют". А в тринадцатом номере у гэбистов штаб был: там дежурили они, там и аппаратуру держали. Захожу. Сидит важный дядька, никогда до этого его в гостинице не видела, а с ним три здоровых молодых гэбиста. Дядька на меня сощурился: "Эта?" А я ему в ответ глазки потупила, легкое смущение изобразила. Я ведь знаю, на что такие дядечки клюют. Он хмыкнул: "Ничего, как будто годится. А все же капитан Лебедева нам подошла бы больше... Надо ее группу увеличить, чтобы не было таких прорывов, чтобы не посылать впредь кого попало на ответственные участки. Ну, проинструктируйте девушку при мне". Объяснили мне задание: прибыл важный американец, остановился на одни сутки. Надо проверить его багаж, а он не выходит из номера больше чем на полчаса. Так вот я должна подсесть к нему во время ужина и задержать его в ресторане как можно дольше. А эти трое тем временем обшарят номер. Тут же мне показали фотографию клиента, велели запомнить и топать в ресторан. Он уже скоро должен появиться к ужину. Я кивнула, еще раз дядечке на всякий случай улыбнулась и поплыла в ресторан.

В ресторане ко мне сразу подошел наш старший, провел к свободному столику, усадил и начал по-французски предлагать "легкий необременительный ужин, сохраняющий фигуру", а сам кивает мне на соседний столик, пока пустой: туда, мол, он клиента подсадит. Ужин, зараза, принес только для фасона: сыр, маслины и бокал вина. Больше помады с губ съешь, чем наешься. Ну, сижу я, потягиваю свое вино, жду. Через полчаса появляется клиент. Красивый такой мужик, и видно, что тертый-перетертый. Быстренько соображаю, что перед ним корчить советскую светскую даму бесполезняк, сразу смекнет, что дама подсадная. Решила брать его по-наглому: уставилась на него, а когда он поднял на меня глаза, я ему из-за бокала подмигнула со всей откровенностью. Он усмехнулся и поманил меня пальцем. Встала я, подошла с понтом к его столику, наклонилась: "Месье скушает?" И тут случилось вовсе для меня неожиданное. Не говоря ни слова, он кидает на стол десятирублевку, встает, хватая меня под руку и ведет вон из ресторана. Я глазом

кошу на старшего — тот белее известки, рожу мне корчит: "Задержи!" А как его удержишь, когда он деловой такой попался, тащит прямо в номер и все тут. Выходя из зала, я заметила, что старший кинулся в угол к телефону — предупредить тех, кто в номере копошился. Успел, видно: вошли мы, а там никого. Клиент мой хватает меня в охапку и швыряет на кровать, а сам начинает с себя одежду сбрасывать. А я шмякнулась на постель и чуть не вскрикнула: угодила попкой на какой-то твердый бугор. Пощупала я его незаметно и поняла, что это не иначе как чья-то голова. Гэбист под кровать забрался. Тут мой клиент подоспел, начали мы с ним любовью заниматься, а я попкой чувствую, что под кроватью не одна голова, а целых три: то в одном месте бугор выскочит, то в другом. Тесно им там, никак не поместятся, головы некуда деть. Уж не знаю, каково им там было, пока мы с клиентом на кровати плясали. Потом встал он и пошел в ванную. Тут я дверь в коридор открыла и шепчу этим, что под кроватью застряли: "Выметайтесь, пока он душ принимает!" Выскакивают из-под кровати трое гавриков, один другого злее, шипят: "Ну, погоди, сука! Сидеть тебе за измену родине!" И за дверь...

Ну, никакой "измены" мне, конечно, не пришили — самим стыдно было бы. А в "Европейской" моя работа кончилась. Да я особенно не жалела, потому что месяца через два-три оттуда всех наших девушек на сто первый километр отправили. Я так думаю, что их бригада гэбисток теперь заменяет, чтобы не было больше таких лаж, как со мной у них получилась. Видела я еще раньше эту самую капитаншу Лебедеву. Ничего, ладненькая, и мордашка, и все при ней. Зазря капитана бы не дали. Ну, к ней у меня зависти нет, одним ремеслом живем, хоть она по званию, а я по призыванию. А вот что мы с американцем этим, уже не знаю, шпион он или кто, трех гэбистских мужиков трахнули — это мне здорово в кайф. Эту публику я, да и все мы, девушки, терпеть не можем. Вечно они норовят попользоваться на дармовщинку, а чуть что — нос дерут, будто мы хуже их. Мы у клиентов бумаги тащим, разговоры заученные с ними ведем, водим их куда надо, а нам за это одна награда — из гостиниц не гонят. Им

же и звездочки, и зарплата, и уважение. Вон сколько фильмов про чекистов показывают. А хоть один был про то, сколько нас, девушек при гостиницах, на каждого такого чекиста работает? Вот я и радовалась, что хоть раз справедливость вышла — здорово трахнули мы их с этим Джоном!

История Альбины вызвала много вопросов у женщин: что за аппаратура стоит в номерах для иностранцев, не догадываются ли они, что находятся под надзором КГБ и т. д. Альбина действительно оказалась во всех этих вопросах хорошо осведомленной, ее слушали с большим вниманием, особенно Галина. А потом Галина рассказала свою историю.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ,

**рассказанная диссиденткой Галиной,
содержащая один из многих способов
передачи информации из лагеря на волю —
далеко не единственный,
иначе Галина с автором его бы не обнародовали**

Это случилось в наше третье свидание со Славой, уже после того, как мы поженились в лагере. Приехала я к нему на три дня, как обычно, привезла продукты и приветы от друзей. Провели меня в комнату свиданий. От радости я сама не своя: пытаюсь навести хоть подобие уюта в этой каморке, цветы в баночку поставила, раскладываю фрукты на столе, а сама все на дверь поглядываю и прислушиваюсь к шагам в коридоре. Но вот привели и мужа моего. Ну, что такое первые минуты лагерного свидания, этого я вам при всем желании передать не могу, потому что и сама никогда потом вспомнить не могла — тут ведь полная потеря сознания от радости и жалости.

Потом, когда немного мы со Славиком успокоились, в

себя пришли, уже я его покормить успела, замечаю я вдруг, что чем-то мой Слава озабочен и расстроен.

— Что случилось, милый?

— Да, понимаешь, не удалось мне пронести писульку с информацией на волю, уж больно злобный пес сегодня дежурил.

— А на память ты разве не знаешь?

— Я-то знаю, да ты не успеешь за три дня выучить, уж очень много накопилось, давно свиданий не было.

— А записать с твоих слов нельзя?

— Как ты тут запишешь! Мы же знаем, что комнаты свиданий просматриваются. А писать надо страницы четыре мелким почерком.

— Ну, давай придумаем что-нибудь.

Думали мы, думали и придумали. Такое придумали, что когда я со свидания уезжала, лагерная охрана мне чуть ли не честь отдавала, все надзиратели сбежались на меня посмотреть, а я не знала куда от такой чести деваться.

А придумали мы вот что. Утром вставали и, наскоро перекусив, тотчас снова укладывались в постель. Я распускала свои волосы — видите, они у меня довольно густые, ложилась сверху на мужа, встряхивала головой так, что волосы закрывали обе наши головы, и под этим прикрытием писала у Славы на груди под его диктовку. Писать было трудно, и не только потому, что нужно было уместить бездну информации на четырех тетрадных страничках в клеточку, но и потому, что Слава, для пущей достоверности, покачивал меня и вообще изображал, что мы занимаемся любовью. Конечно, за нами подглядывали, но ничего, кроме сексуальной мощи, в нас не заподозрили. Наоборот, когда я после этих трех дней выходила из лагеря и меня могли обшарить сверху донизу, если бы у них было какое-то подозрение, никому и в голову не пришло меня шмонать.

Но политика политикой, а нашего сыночка я все же как раз с того самого свидания и привезла.

Посмеялись женщины над диссидентскими хитростями, а Ольга заметила:

— Значит, сын у тебя под диктовку деланный? Ну, будет политик в папашу с мамашей... Раньше ведь, чем наши дети вырастут, все равно ничего путного в России не случится. Так, а теперь я вам расскажу, как мы с мужем устраивались, пока в общежитии жили.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ,

рассказанная рабочей Ольгой
о том, как они с мужем не имели возможности
вести нормальную супружескую жизнь,
пока не нашли выход — на крышу

Я уж как-то вам говорила, что вышла замуж за парня с нашего же завода. Вот... Свадьбу нам на заводе сыграли, в красном уголке, комсомольскую. А отыграли свадьбу, и некуда нам с Мишей идти, некуда и подарки свадебные нести, сервиз кофейный и белье постельное. Оба живем в одном общежитии, только он на мужском этаже, а я на женском. День проходит, другой, неделя, а мы все как неженатые. Встречаемся после работы, идем вместе в кино или в парк культуры и отдыха, а то к знакомым в гости. И все у нас хорошо, только одного нет — постели общей. Наобнимаемся, нацелуемся в парке-то, аж кости болят и губы горят, а потом идем понурые в свое родимое общежитие и расходимся по разным комнатам. Дирекция обещает выделить комнату, да на их обещанки никаких жданок не хватит! Маемся, словом.

В нашей женской комнате телевизор стоял, в складчину мы с девушками купили. И вот он как-то забарахлил, одну муть показывает. Тут Миша мой зашел. Глянул на экран и говорит: "Что-то с антенной неладно, надо на крышу слезать". Полез, а я за ним. Через чердачное окно выбрались мы на крышу, Миша враз неполадок увидел, починил антенну, а я рядом сижу, на его работу любуюсь. Кончил он свое дело, присел рядом. Сидим, на вечерний город любимся. Огни вни-

зу кругом, воздух наверху чистый, почти как в деревне, а главное, рядом никого. Сидели мы так-то, а потом муж мой законный и говорит: "Олюшка, ведь это мы первый раз вдвоем так далеко от людей. Самое нам время и место начинать семейную жизнь!" Скинул он свой пиджак, подстелил под меня, и тут мы с ним впервой себя мужем и женой почувствовали. Хорошо-то нам было! Никого ни рядом, ни за стенкой, только трамваи внизу позванивают да звезды сверху подмигивают.

Так у нас с того дня и повелось: как стемнеет, Миша ко мне в комнату постучит, а я уже наготове. У меня сумка с одеялом под кроватью стояла, я ее хвать — и пробираемся мы с мужем на чердак, а оттуда на свое место, на крышу. Оба мы повеселели, поспокойнели. Об одном только горевали, что лето скоро кончится, куда тогда? Но кончилась наша благодать раньше.

Как-то стою я на общей нашей кухне, жарю себе и Мише картошку на ужин. Думаю, вот сейчас поедим у нас в комнате и полезем наверх... Тут заходит на кухню тетя Шура, уборщица наша. А живет она, надо вам сказать, под самой крышей, дверь в ее каморку рядом с чердачной. Так вот, появляется тетя Шура и на всю кухню объявляет:

— А, это ты, Ольга! Давно я с тобой поговорить хочу. Объясни ты мне, голуба, такую историю. Чем вы с мужем у меня над головой на крыше занимаетесь, это мне и самой ясно, сама молодая была. А вот почему грохот от вас такой стоит, будто два шкилета на железе любятся? Вот этого я никак в толк взять не могу. Вроде ты с виду кругленькая, откуль костей в тебе столько? Я как впервой-то услышала, хотела к нервному врачу бсжать: с ясного небушка мне гром весь вечер слышится. А уж потом углядела, кто это гнездо у нас на крыше свил!

Бабы и девки наши общежитские со смеху поумирили, тетю Шуру слушавши. Им смех, а мне слезы. Больше уж мы с Мишей на крышу не влезали, терпели до весны, а весной нам все же дали комнату от завода. Хорошая комната, квадратная, пятнадцать метров. Есть теперь куда сына нести.

Выслушав рассказ Ольги, женщины посочувствовали всем таким бездомным супружеским парам, а Валентина сказала, что у них в горисполкоме даже вопрос решался: считать ли нарушителями общественного порядка молодых супругов, которых милиция и дружинники застали в парадных и у которых не было своего жилья? Вопрос так и не был решен.

А Неля добавила, что и в коммунальных квартирах порой с этим сложно, и в доказательство рассказала свою историю.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ,

**рассказанная учительницей музыки Нелей
и добавившая неожиданную советскую деталь
к английской экранизации "Саги о Форсайтах"**

У нас с Борисом жилищной проблемы, можно сказать, не было. У нас была проблема мебельная.

Борис поменялся комнатами с моим дядей, который жил за стенкой от меня. На его десяти метрах мы разместили Ленусю и были счастливы: мало кто может дать своему ребенку отдельный уголок. А сами спали в моей, она же была у нас и общей комнатой. Днем Ленуся больше времени проводит с нами, только уроки делать и спать уходит к себе. Семейная наша жизнь сразу наладилась, только вдруг возникла проблема с диваном. Купили мы после свадьбы раскладной диван, а он оказался музыкальным. Борис сначала шутил: "В хозяйку!", а потом нам стало не до шуток. За другой стеной у нас жила моя тетька, старая дева. Добродушная, но страшно любопытная до всего, что касается отношений между мужчиной и женщиной. А стенки в квартире тонкие, едва ли не фанерные. Тетька ночью закашляет — у нас слышно. Днем Боря чихнет, а тетька моя из-за стенки кричит: "Будьте здоровы, Борис Николаевич!"

Как нам вести супружескую жизнь на музыкальном диване

при такой слышимости? И все же мы нашли выход, Боря придумал. Вечером отправим мы Ленусю спать в ее комнату, а сами телевизор включаем погромче и под шумок на диване свои "симфонии" разыгрываем.

Как-то по телевидению передавали многосерийную "Сагу о Форсайтах". И как только мы раскинем свой диван и включим телевизор, чтобы заняться любовью — так как раз эта сага и начинается.

Как-то иду я по коридору, а тетя меня останавливает и спрашивает: "Деточка, чем вчерашняя серия кончилась? Я конца не дождалась, уснула, а у вас, я слышала, телевизор еще работал". Пришлось мне соврать: "Ах, тетечка, я ведь тоже вчера уснула!" Она же отвечает: "Ну, ничего. Борис Николаевич придет с работы, я его спрошу". Пришлось мне бежать на улицу и звонить из автомата знакомым, искать, кто смотрел вчера фильм и знает, чем он кончился. Еле-еле успела выспросить и Борю предупредить: уж очень мне тетю обижать не хотелось, а наводить на размышления — тем более.

Тут подошла очередь рассказывать Эмме, и она начала свою историю.

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ,

рассказанная режиссером Эммой,
посвященная тому, как трудно приживается
режиссерское новаторство на косной советской сцене

Расскажу я вам о том, как мы с художником Алешей — помните, я вам о нем рассказывала в первый день? — нечаянно ввели один новаторский момент в шекспировский спектакль.

Было это на одном из первых представлений "Ромео и Джульетты". Горячка премьеры уже спала, какие-то детали обкатывались, но в общем спектакль получился и шел с успехом. Молодые зрители битком набивали зал, приезжали из соседних городов, с большой стройки неподалеку. А у

нас в это время был разгар романа с Алешей. У него впервые были серьезные отношения с женщиной, и мальчик совсем потерял голову, ну а я за ним. Среди дня глянем друг на друга — и тут же бежим к нему или ко мне, никакого удержу на нас не стало. А иногда прямо в театре где-нибудь устраивались. Там-то мы чуть и не влипли.

Как все молодые режиссеры, я не могла обойтись без нововведений. Сцену, где Ромео и Джульетта прощаются после первой брачной ночи, я проводила на фоне разбросанной кровати Джульетты. Худсовет пытался заставить меня хотя бы застелить постель, но я отстояла "любовный беспорядок". Так вот, действие приближалось к этой сцене, когда нас с Алешей охватила очередная любовная горячка. Сцена у нас была вертящаяся, декорации заранее готовились на круге. Решили мы с ним воспользоваться кроватью Джульетты, которая как раз в этот момент была за сценой, в темноте. Бросились мы с ним к этой кровати и про все на свете забыли. Кончилось предыдущее действие, на сцене погас свет и началась смена декораций. И еще одно новаторство у меня было: смена эта проходила при открытом занавесе. На сцене был сумрак, и в этом сумраке зритель различал декорации следующей сцены. Ну, как вы уже догадались, круг двинулся, и мы с Алешей торжественно выехали на сцену, лежащие в кровати Джульетты. Молодые зрители в восторге бешено зааплодировали, а механик сцены, в ужасе, вместо того, чтобы тихо опустить занавес, нажал не ту кнопку, и тут с лязгом и грохотом сверху съехал железный противопожарный занавес. Но молодой советский зритель с ходу все понял: это его "железным занавесом" отгораживают от вольного слова в театральном искусстве! Тут уж такие овации поднялись, каких я после никогда на своих спектаклях больше не слышала. А мы с Алешей в темноте соскочили с Джульеттиной кровати и бежать! Слава Богу, никто нас так и не узнал. Я же еще после спектакля общий разнос учинила, заклеимила "неизвестных" позором! А что мне оставалось делать?

Легенды же о моем "новаторстве" дошли до Ленинграда, но здесь я уже правду рассказала нашим театрам, как все происходило. И что вы думаете, Гоге Товстоногову очень этот

"приемчик" в душу запал, а в Театре на Литейном его даже повторили, правда, с оговорками: в "Лошади Пржевальского", когда герой с героиней уединяются в палатке, на заднике сцены "совокупляются" два световых пятна. Очень впечатляет. Но в нашем спектакле, конечно, решение было смелее.

Женщины заспорили о том, надо или не надо показывать интимные сцены на сцене и на экране. Всех удивила Иришка, которая сказала:

— А я, девочки, против таких сцен, но не потому, что я блюстительница нравов, а потому что мне всегда смешно до чертиков, когда мне показывают других людей, занимающихся любовью или даже просто целующихся. Нормальный вроде герой, и вдруг он делает глупые глаза и тянет губы к героине, будто он сумасшедший и сейчас ее укусит. А когда в одном фильме я увидела пару прямо в постели за этим делом, то я потом месяц ничего с мужем не могла. Как вспомню их ненормальные лица и позы, так начинаю хохотать. Сережа уже ругался: "Ты меня так импотентом сделаешь! Угомонись, пожалуйста". А вам разве не смешно? По-моему, это всегда смешно на взгляд постороннего, если вдуматься...

Но женщины не стали "вдумываться", а потребовали от Иришки ее историю на заданную тему.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ,

**рассказанная Иришкой,
тоже страдавшей от тесноты жилья
и тоже нашедшей выход из положения**

Когда мы с мужем поженились, у нас не было своего жилья. Жить нам пришлось с моей сестрой, ее мужем и дочерью и нашей мамой. Шесть человек в одной комнате,

а комната тридцать два метра. Моего мужа к нам не прописывают, потому что есть прописка в общежитии, так что получилось у нас больше шести метров на человека и нас даже на очередь не ставили. Говорят: "Ищите обмен!" А где его найдешь, кто отдаст две комнаты за одну? Нужна большая доплата, а денег таких не было. Но днем мы об этом как-то не очень тужили, потому что жили дружно. А по ночам тяжело приходилось, сами понимаете. И вот мы придумали с Сережей, как нам хотя бы раз в неделю, в выходной, попользоваться одиночеством. Купили мы племяннице велосипед трехколесный. Как только мама в воскресенье уйдет на кухню готовить обед, мы племянницу на велосипед и в коридор, а сами — за дело. Сестра с мужем тоже, но они за шкафом, мы за ширмой. Свои, взрослые, так что уж как-то приспособились не стесняться. Главное, что ни мамы, ни Гульки в комнате нет.

Квартира у нас была большая, но на редкость терпеливая к детям. Целыми днями малышня по коридору на велосипедах разъезжает, и никто слова им не скажет, не подшлепнет, даже если на кого наедут во время своих гонок. Но скоро сами дети раскрыли нам секрет такой всеобщей терпимости. Как-то я утром выхожу из ванной комнаты в халате, а ко мне подбегает Вовочка, соседский сынок:

— Тетя Ира, а вы сейчас опять с дядей Сережей в кроватку ляжете?

— А почему ты об этом спрашиваешь, Вовочка?

— Потому что мои уже легли, и Юрины, так пусть и Гуля выходит на лисапед кататься!

— Ну и жизнь у нас, бабоньки! — воскликнула Ольга после рассказа Иришки. — Не жизнь, а сплошной анекдот! Ну, а ежели не смеяться, так, поди, и не выживешь, а?

В общем, с ней согласились почти все. Повздохав, женщины вспомнили, что Бичиха Зина еще сегодня не рассказывала, и предложили ей начинать, что она и сделала.

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ,

рассказанная Бичихой Зиной
и, по ее собственному определению,
"до чертиков смешная история",
над которой почему-то никто не смеялся,
кроме самой Зины, да и та смеялась невесело

До чертиков смешная история вышла у меня, девонь-ки, с одним фраером месяцев этак девять назад. А началось с того, что выпустили меня из лагеря по концу срока. Год я отсидела "за нарушение паспортного режима", у вас тут, в Саблине. Выпустили меня, справку дали об освобождении, десять рублей денег на дорогу, а ехать-то мне и некуда. В деревню к матери пути-дорожки давно заказаны, еще с той поры, как я по первому разу на зону попала: в деревне узналось, так матери бабы проходу не давали, языки все об меня обчесали в хлам. В Ленинграде не устроиться, тут своих без жилья пруд пруди. Но завернула я все же в Питер, решилась кой-кого навестить из старых друзей-подружек. Может, думаю, подсобят. Да ничего из этого не вышло. Кто и сам подзалетел, а кто нос воротит. Походила я так-то день, переночевала на Московском, а на другой день уж и не знаю, куда мне еще сунуться? Хотела одну знакомую старушку проведать, та на Крюковом канале жила. Заявилась к ней, а соседи говорят: "Померла старушка, месяц как схоронили". Вышла я оттуль, иду вдоль канала-то и думаю, а не сигануть ли мне напрямиком в воду, благо лед уже тонок — авось, пробью! Такие меня завидки взяли, что старушка моя знакомая уж отмучилась, а мне еще жить да маяться. Оперлась я на перилы-то, на темный лед гляжу, а в голове у меня все тяжелеет и тяжелеет, будто там камень какой растет. И все тянет меня в воду, так и тянет, уж за перилы держусь, чтоб враз не утянуло. Не знаю, сколь так простояла я над водой. Вдруг слышу, неподалеку колокола чистенько так зазвонили, совсем рядышком. Тут у меня в голове камень будто и полегчал. Отвернулась я от воды, отошла и огляделась: где ж церква-то, в которой звонят? Уви-

дала колокольню над деревьями, голубую с золотом, да и пошла к ней. Смотрю, в ту же сторону старушонка прошла, за ней друга, третья... Я к одной пристроилась и спрашиваю:

— Скажи, баушка, а в церкви-то что сегодня?

— Как это что? Чистый Четверг ныне, на исповедь народ спешит. Аль ты без креста, что не знаешь?

А я и впрямь без креста, давно уж крест у меня милиция сорвала, как пьяную подобрали лет пять назад. Все хотела новый завести да не собралась. Я уж и забыла когда в церкви была. Ну, думаю, успеешь ты, Зинка, в воду, зайди хоть в церкву поначалу, а там и в Крюков канал не так боязно будет.

Вошла я в Божий храм кулема кулемой, уж забыла как и креститься, не то что молиться. Да сообразила: иду за своей старушонкой, что она — то и я, куда она — туда и я. Она свечку купила, а я две взяла: грехов-то у меня воз, тут ящик надо бы. А мне вот только водку случалось ящиками брать, когда гуляли ватагой...

Старушонка моя налево подалась, где густо так людей, а над ними поп чего-то говорит-приговаривает. Пристроилась и я, слушаю. А понимать плохо понимаю, голова у меня еще слабая, гудит в ней все тот же камень, хоть и полегче он стал. Старушка рядом шепчет: "Грешна, батюшка!", крестится и кланяется. А я за ней, тоже грешна, мол, и тоже кланяюсь и крещусь. И что за служба такая, никак вспомнить не могу? Вроде в деревне такой не было, когда еще церква у нас была. И вдруг слышу, поп-то грехи нам всем отпускает! Спрашиваю свою старуху:

— Это что ж такое-то, баушка? Как же он всем вместе нам грехи отпускает? Грехи-то ведь у всех разные, у тебя с горошину, а у меня, поди, с гору...

— А ничего, милая! Перед Господом мы все одинакие, вот потому и исповедь общая была. Ты ж каялась, говорила "Грешна, батюшка"? Ну, вот тебе и отпущено. Теперь к причастию иди за мной.

И пошла я за старушкой своей, и причастилась. А сама как пень, даже имя свое забыла назвать попу-то.

— Зовут тебя как?

— Зинка...

— Перед Господом ты Зинаида, не гневи святую, имя которой носишь! Причащается раба Божия Зинаида...

И приняла я причастие. А как отошла, теплотой запыла, так меня и разобрало. Плюхнулась я на колени и слезами залилась. То ли опьянела от церковного вина, то ли душа во мне перевернулась — сама не знаю. Стою, плачу, а старухи меня обходят, не толкают: "Ишь, как молится, сердешная!" Подняла я голову, а надо мной Матерь Божия с младенцем, на иконе нарисованная. Глядит так, вроде как жалеет. Я ей и пожаловалась: "Что ж это Сын твой мне доли никакой не пошлет, ни бабьей, ни человечесьей? Сказала б ты Ему..."

Кончилась служба, пошли все из церкви, и я тоже. Вышла и присела в садике на скамеечку, а сама все слезы свои глупые утираю. Тут подсаживается ко мне та самая старушка.

— Гляжу я на тебя, милая, и вижу, что плохо тебе. А ты бы рассказала, может, я чем помогу.

Ну, меня разобрало от доброго слова, я ей все и выложила. Тут моя старушка мне и говорит:

— Я одинокая, живу в Луге в собственном доме. Приезжай-ка ты ко мне завтра. Пропишу я тебя к себе, а там поглядим, работу тебе поищем. Что ж христианской душе в Крюковом пропадать! Сегодня я у сестры гостить буду, а завтра с утра домой подамся, вот ты к обеду и приезжай. Адресок запомни.

Сказала мне старушка свой адрес, я его запомнила, на том мы и расстались.

Вы, девоньки, не обессудьте, что длинно так рассказываю. Скоро и смешное начнется.

Расстались мы со старушкой, а я и надумала сразу в Лугу ехать. Лучше мне там на вокзале пересидеть ночь, чем тут ментам глаза мозолить. А то еще заберут и сами устроят, в тот же лагерь и на то же место. Купила я себе в булочной батон, в молочном взяла бутылку кефира, в гастрономе двести граммов "докторской" колбасы да с тем и поехала на вокзал. Села в поезд, разложила все на столике, закусываю. Со вчерашнего ничего еще не ела, оголодала. А вагон почти пустой. Ко мне никто не подсаживается, вид у меня не тот. Но на

первой остановке, которая еще в Питере, заходит в вагон какой-то бородатый мужик и прямиком ко мне.

— Простите, это место свободно?

— Садись...

Глянула я на него, а он вроде свой брат-зэк. Пальто на нем черное висит, как на вешалке, лицо будто мукой выбелено, а волос из-под шапки торчит короче некуда.

— Ты, я погляжу, тоже с зоны канаешь?

Улыбнулся он.

— Совершенно верно, я только что освобожден из тюрьмы.

Ого, думаю, из тюрьмы! Не иначе как крупный деятель, а по разговору прямо доктор, а не зэк. Пододвинула я к нему хлеб и колбасу, бутылку протягиваю с кефиром.

— Давай, закусывай!

— Да нет, благодарю вас. Я сыт.

— За подло считаешь, гребуешь? Ешь, давай! Смотри, какой тощий вышел, прям доходяга на вид. Так не хошь — ешь за компанию!

— Ну, разве что за компанию.

Отломил он батончика, колбаски сверху кусочек положил, аккуратно так ест.

— А вы давно с зоны? — спрашивает он меня.

— А вчера откинулась.

— Живете-то где?

— А нигде.

— Это как же так? Куда же вы теперь едете?

Ну и денек! Как начала я с утра исповедаться, так и не останавлиюсь: рассказала я и этому мужику все как есть без утайки. Но уже без рева, понт держу перед мужчиной. Только как про церкву рассказывала, слеза чуть прошибла. Гляжу, у него тоже вроде как в глазу заблестело. А как я кончила рассказ свой, он мне и говорит:

— Знаете, не стоит вам ночевать на вокзале, опасно это с вашим лагерным документом. Если вас это не смутит, я приглашаю вас к себе. У меня тесновато, одна комнатенка, но зато в квартире есть ванна. Вымоетесь, отдохнете, а завтра пойдете спокойно к вашей старушке.

Конечно, я такому обороту обрадовалась. Правда, не хо-

телось мне в такой день с мужиком гулять, но и в милицию тоже страсть как не тянуло!

Приехали мы в Лугу, повел он меня к себе домой. Комнатка у него и впрямь махонькая, почти чуланчик. Одна стена вся сплошь в полках, а на них книг наворочено до потолка, у другой стены диван и стол, вот и вся обстановка. Одежда на гвоздиках в углу навешана. Усадил он меня на диван, а сам пошел ванну готовить и чай греть.

Ну, девки, намылась я, отмочилась после лагеря, будто заново на свет родилась. Постиралась заодно, конечно дело. После сели мы с ним чай пить и начался у нас разговор долгий и душевный. Смешное дело, я малограмотная бичиха, а он ученый человек и за грамотность свою сидел. За правду, значит. Один раз три года, а другой — восемь. Последние-то два года в "крытке" отбывал, за нарушения — не ладил он с начальством. А я ему свою жизнь с самого детства выкладываю, будто полную исповедь держу вместо утренней общей. Так мы друг друга слушали и жалели до самого вечера. Никогда у меня еще такого разговора с мужиком не было. И ведь без водки говорили-то, с одним чаем... А пришла пора ложиться, он себе в углу постелил ватник лагерный и пальтом укрылся, а меня, как я ни отговаривалась, уложил на своем диване, на чистое белье. И опять мы с ним разговор продолжаем. Уж не помню, про что и говорили. Невеселый был разговор, все о жизни. А на душе у меня слезы радостные собрались, как бадья переполнилась. Тут я ему и говорю:

— Что ж ты там в углу спать будешь? Хоть ты и ученый, а все ээк для меня, так давай мы по-простому будем с тобой. Иди-ка сюда. Меня-то не обижай.

Лег он ко мне, а я обняла его, да так мне жалостно стало, что разревелась я белугой над ним и над собой. А уж как у нас с ним что вышло, я и сама не помню. Только хорошо мне с ним было, девоньки, будто до него никого и не было. И помнится мне, что и он с мокрыми глазами был, не одна я сырость разводила. Смешно, верно? Пока не смешно, говорите? Ну, погодите, дальше самый смех начнется.

Утром встаем мы, а он и говорит вдруг:

— Простите меня, Зина, я должен был это сказать еще вчера. Но раз уж так получилось у нас, то говорю сейчас. Я хочу, чтобы вы стали моей женой.

— Да ты сдурел, что ли? Кто ты и кто я, подумай!

А он мне рот зажал рукой и в глаза целует.

— Кто ты, этого ты сама не знаешь. Я лучше тебя знаю, поэтому и прошу тебя! стать моей женой.

Ничего я не поняла. Сумасшедший, думаю, что ли? Так ведь не похоже... Тут ему уже на работу надо было идти, он мне и говорит.

— Зина, ты можешь приготовить нам сегодня обед? Вот деньги, а магазин в соседнем доме. Вот ключ от комнаты, вот от квартиры. Соседку нашу я предупрежу, что ко мне жена приехала, так что спокойно хозяйничай. Я приду в пять.

Вот так он мне все это на голову бухнул и ушел на работу. Ну, посидела я, посидела, а потом пошла на кухню с соседкой знакомиться. Та ничего, приняла меня по-человечности, показала, где его стол кухонный, рассказала, где магазин, где рынок. Сходила я туда и туда, а после рукава засучила и принялась за хозяйство. Пока обед варился, я комнатку его вымыла, белье нашла и выстирала. После поела и села ждать его с работы. Ждала, ждала и поняла, что бежать мне надо отсюда. Хороший он человек, так нечего мне ему судьбу мारать. Подхватила я свой сидор, ключи на стол выложила да и в дверь. А как дверь-то за собой захлопнула, так и вспомнила, что записку со старушкиным адресом я на столе забыла, как вечером ему показывала. И соседка тоже ушла куда-то. Позвонила я разок, постояла под дверью, да и пошла на вокзал. В тот же вечер я из Питера уехала в Вологду, где у меня подружка с нашей деревни на стройке работала. Вот такая смешная со мной вышла история.

— Да... Смеху не оберешься, — покачала головой Ольга. — Если ты, Зинка, все это для интереса не выдумала, то дура ты беспросветная, что от такого человека сбежала! Что он о тебе подумал, когда вернулся, а?

— А что он подумать должен? Обед я ему на

ЖЕНСКИЙ ДЕКАМЕРОН

кухне оставила, борщ и котлеты. Сдачу, что с магазина и с рынка осталась, на стол положила, на видное место. Ничего плохого он не должен бы подумать.

Тут в разговор вступила Галина.

— Зина, его звали Игорь Михайлович?

— Точно, Игорь! А ты откуда знаешь? Я ведь не говорила, как имя-то его.

— Просто я хорошо знаю этого человека. Я бы еще сомневалась, если бы ты не назвала его лагерные сроки. По ним я уж точно поняла, о ком идет речь. А ты теперь не жалеешь, что ушла тогда?

— А чего жалеть! У меня теперь сын есть, считай семья.

— Постой! — подскочила на своей кровати Альбина. — А ведь ты начала с того, что это было девять месяцев назад. Так сын у тебя с той ночи, что ли?

— Ну.

— Ох и дура!

Галина внимательно посмотрела на Зину.

— Между прочим, Зина, Игорь Михайлович до сих пор живет один.

Зина вдруг вскочила с кровати и схватила халат и сигареты.

— А ну вас, девки! Я вас повеселить хотела, какие бывают смешные мужики, а вы... Пойду хоть покурю. Пропади они пропадом, рассказы эти наши!

И Зина направилась в коридор, напевая громко и отчаянно:

Ленинградская тюрьма,

Лестница протертая!

Извела меня статья

Сто сорок четвертая!

И этой песенкой закончился третий день "Дамского Декамерона".

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ, ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

**в которой рассказывается о женщинах-стервах,
в просторечии именуемыми также и "суками"**

Утро четвертого дня началось с того, что пришла дежурная санитарка Федосья Поликарповна с ведром, тряпкой и шваброй и начала мыть палату. Из кармана халата у нее торчала серая тряпка, которой она на ходу проводила по спинкам кроватей и по тумбочкам. При этом Федосья Поликарповна не переставая ворчала на женщин: "Ишь, разлеглись! Наплодили нищеты и рады... Убирай тут за ними за семьдесят рублей..."

Женщины поняли намек и сунули Федосье Поликарповне три рубля. Ворчание прекратилось, но и уборка тоже: хитрая санитарка тут же собрала свое хозяйство и отправилась мыть соседнюю палату.

– Ну и стерва! Откуда только такие берутся? – вздохнула Эмма.

– Жизнь делает, – ответила Бичиха Зина, а Лариса предложила:

– Давайте сегодня будем рассказывать о женщинах-стервах!

На том и порешили.

Прошел день, наступил вечер, и первой начала рассказывать Лариса.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

рассказанная Ларисой.

Снова анекдот, но на этот раз древнекитайский, откуда можно заключить, что "стерва" – явление историческое и интернациональное

Крестьянин Ли работал в поле, мотыжил рисовую делянку. Вдруг бегут к нему толпой односельчане, машут руками, что-то кричат. Ли поднял голову, вздохнул и снова продолжает работу. Подбежали односельчане ближе и кричат:

— Ты что не слышишь? Твоя жена пошла в лес за хворостом, а там на нее напал тигр!

— Сам напал — пусть сам и выпутывается. Мне надо к возвращению жены делянку закончить, а то она меня загрызет.

— Сильна китайская стержозность! — заметила Бичиха Зина. — Но я вам, девоньки, скажу, что стервами бабы чаще всего-то из-за мужиков становятся. Я вот вам о двух подружках расскажу, которые со мной на зоне сидели.

**ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,
рассказанная Бичихой Зиной
о двух соперницах,
ликвидировавших предмет соперничества**

Сидели у нас на зоне две девахи-подельницы. Обои получили по три года, обои у нас в больничке санитарками работали, а до лагеря и до преступления своего они в мединституте учились, врачами хотели стать. Только врачами им теперь уж не быть, потому как они медицинскую науку для лютой бабьей мести приспособили. А история вышла у них такая.

Учились они и между собой дружили, всем делились. Жизнь студенческая, дело молодое — завелся у одной дружок. Бегает она к нему на свиданки, а опосля подружке рассказывает, как он ей в любви клянется, как замуж зовет, ну и все такое прочее. Тут вскорости и у второй подружки тоже хахалъ объявляется, и тоже она с ним в ЗАГС собирается. Жили-то обе девахи в общежитии, а на свидания бегали по очереди, потому как даже выходные туфли одни на двоих имели, чтоб не тратиться. А вечерами у них, значит, рассказы про то, как с милым гулялось. Ну, и вышло оно так, что обе себе по ребеночку и нагуляли в одновременье. Девки здоровые, самостоятельные, рожать собрались. Тут одна другой и говорит, что дружок ее просит аборт сделать, уговаривает с дитем подождать — не ко времени, мол. И у второй такая же история.

Но что подружек в удивление ввело, так это что говорили им ихние дружки одни и те же слова по этому делу. Одна и смекнула: "Слушай, подруга! А что это странно как у нас выходит: зовут наших женихов одинаково, слова они нам одни и те же говорят, на свидания мы ходим все как-то по очереди. Берет меня сомнение: уж не один ли у нас с тобой женишок?" Решили проверить. Как одна пошла в кобеднишних туфлях на свиданку, так другая за ней следом в тапочках. И выясняют они, голубушки, что один их парень за нос водит! Погоревали, поплакали, да и пошли вдвоем на аборт. А как отмучились, так и выстервились: "Да что ж это за справедливость такая, что нам страдать, а ему хвостом вертеть?" И решили они обманщику хвост-то этот самый и укоротить. Сговорились, все чин чином подготовили. Одна его зазвала в гости, снотворного ему в водочку подсыпала. А там вторая явилась. Разложили они родимого и кастрировали его по всем правилам медицинской науки. Вместе их и судили. Потерпевший рыдмь рыдает, а зал хохочет. Девки во всем признаются, а каяться — ни-ни. Но повезло им, однако, что судья и прокурор тоже бабьего полу были, а то б им тремя годами не отделаться!

А что всех в зоне удивляло, так это то, что не было промеж ними скандальных базаров ни до суда, ни после. Мужик ведь чем над бабами силен, хвостом своим, что ли? Не-ет! Силен он, бабоньки, только тем, что мы за него промеж себя войну ведем — вот где и раздолье ему! А кабы дружнее мы были да друг к дружке уважительнее, так, глядишь, он бы хвост-то и сам поджал.

— В общем-то это, Зина, правда, что женская солидарность — редкая вещь, — заметила Наташа, — но ведь и своего мужа надо охранять. Я вот, например, не виновата в том, что муж у меня красавец и женщины к нему льнут. Пока он мне ни разу не изменял, это я точно знаю. Но сколько раз был на грани! А сколько мне сил пришлось ухлопать на то, чтобы его в опасный момент от этой грани отвести, да не силой — силой его не возь-

мешь, а умом, тонкостью и, если хотите, вот этой самой стержовностью. Я вам расскажу только один эпизод из нашей жизни, когда мне пришлось такой стержвой стать, что я сама себе удивилась.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ,

рассказанная инженером Наташей
о том, сколько мудрости и стержовности
пришлось ей проявить для сохранения мужа

Было это уже лет через пять после свадьбы. Жили мы хорошо, сын уже у нас был, двухкомнатная квартира кооперативная. Но бывали и семейные сцены. Я по молодости еще не умела их гасить, увлекалась. Поскандалю, расплачусь — и к маме под крылышко. Мама пожалеет, утешит, а там и муж прибежит домой звать. Иду гордая, как королева, и думаю: "Ах, как я здорово себя с мужем поставила! Ах, как он боится меня погорять!" Вот с этими-то уходами я чуть сама его и не потеряла.

Однажды мы повздорили из-за какой-то ерунды, а у меня как раз еще неделя отпуска оставалась, летом дело было. Я хватъ своего Сережку и к мамочке на дачу. Сидим мы с мамой, шепчемся о наших женских проблемах, мама с Сережкой возится. На третий день я начинаю в окошко поглядывать: что-то наш папа за нами не едет? Где же это мой Витюшенька? Витюшеньки ни слуху, ни духу. А были у нас такие друзья Андреевы, к которым он обычно бежал утешения искать, когда я его шпыняла. Я дружила с женой, Олей, а он с мужем ее, Августом. Решила я позвонить Оле и спросить, как там мой супружничек себя ведет? Пошла на станцию за два километра, где был единственный на весь дачный поселок телефон, позвонила. А Оля мне и говорит: "Если ты не хочешь потерять мужа, приезжай немедленно. У него, кажется, уже подруга появилась, какая-то художница. Завтра у Августа день рождения, он собирался ее привести. Поэтому

Август тебя пригласить постеснялся. Но приезжай и ты обязательно”.

Возвращаюсь я к маме, все докладываю и реву, естественно. А мама мне и говорит: ”Ну, дочка, кончилось твое детство. Сейчас только и начинается супружеская жизнь. До этого все были игрушки, почему и я к тебе относилась, как к дитю, которое лишь бы тешилось. Теперь я тебе другой совет дам. Что бы там ни случилось, ни в коем случае никакого скандала и никаких выяснений отношений! А с соперницей, если она представляет серьезную угрозу, немедленно заведи знакомство”. Я в ужасе: ”Как, мамочка? Какое такое знакомство? Да я ей глаза выщарапаю!” — ”И потеряешь мужа, — отвечает на это моя мудрая мама. — Завтра же поезжай, но только не домой, а прямо на день рождения. Вот тебе деньги: если хочешь, сделай прическу. Я бы тебе подарила и на новое платье, но лучше, если ты забежишь домой, когда Виктор будет еще на работе, и наденешь то платье, которое ему больше всего нравится. Есть такое?” Я подумала и говорю: ”То платье не подходит. Это даже не платье, а старенький сарафанчик, который где-то здесь валяется. Я в нем была, когда мы с ним ездили на пляж и он мне в любви объяснился”. — ”Вот и прекрасно! Ищи свой сарафанчик. Я его постираю и отглажу, а ты иди и спокойно спи. Тебе завтра надо хорошо выглядеть. А Сережку у меня оставишь, он вам сейчас только мешает”.

Уложила меня мама, а сама, слышу, стирку затевает. Я, конечно, уснула в слезах и в полной панике: не верила я, что старенький сарафанчик может мне помочь. Мне хотелось заявиться в гости к Андреевым в каком-нибудь экстра-люксовом костюме и учинить разнос. Но нутром я чувствовала, что права мама, а не я. И решила я на пробу ее во всем послушаться. Утром я встала поздно, никто меня не будил. Встаю, а у моей мусеньки уже все готово: сарафанчик висит на стуле свеженький, а рядом корзинка с цветами и яблоками. Яблоки румяные, с листиками сорванные, а цветы в двух букетах по краям. Подарок имениннику. Под яблоками спрятаны баночки с водой, в которых цветы стоят. Надела я сарафанчик, взяла в руки корзину, поглядела на себя в зеркало — и бро-

силась целовать маму. "А прическа сюда никакая не нужна, правда, мамочка?" — "Ага, ты уже начинаешь соображать! Ну, дай тебе Бог скоренько набраться мудрости. И еще один важный совет: следуй ему и никогда не ошибешься: в любой ситуации, какая у вас там возникнет, прислушайся к своему первому импульсу — и поступи в точности наоборот. Если захочется подойти к сопернице — ты отойди, будет желание бежать куда глаза глядят — подойди и сядь рядом. Поняла? Запомнишь?" Я не поняла, но запомнила.

На день рождения я специально опоздала. Позвонила с остановки Оле и спросила, пришел ли уже муж с моей соперницей? Она сказала, что их еще нет. Пришлось мне час просидеть в сквере напротив дома, и только когда я увидела мужа рядом с какой-то черноволосой красавицей в джинсах, в моднящей куртке из замши, тогда я, выждав еще ровно час, отправилась в гости сама.

Вхожу я в гостиную к Оле, а там уже дым коромыслом, за столом шум и гам, разговоры вперехлест. Все принаряженные, а у меня вид, как у Золушки — извините, я прямо с дачи: не успела переодеться — на контрасте работаю! Друзья все ахнули, кинулись ко мне, именинник яблоки мои ставит посреди стола: "Взгляните, красотища-то какая!", а меня рядом с собой усаживает, начинает ухаживать. Олька с другой стороны на ухо шепчет: "Ну, мать, ты сегодня что-то невероятное с собой сделала — свежа, как утренняя роса". А сама кивает мне на мужа с его красоткой. Я и бровью не повела. Только сердце огнем горит, но свято держусь маминого совета.

Потом, как водится, столы сдвинули в сторону, начались танцы. Мы с Августом первые пошли, он специально для этого случая вальс поставил. После Августа знакомые и незнакомые мужчины пошли меня приглашать один за другим. Замечаю вполглаза, что Витюша мой все чаще на меня поглядывает, хотя и со своей особой не расстается. Устала я танцевать, села на диван, отдыхаю. Тут Витя подходит ко мне: "Позволено ли и мне пригласить вас на танец, прекрасная селянка?" У меня сердце от радости подпрыгнуло, как котенок за клубком, но я себя на месте удержала и отвечаю:

”Ох, прости, Витюшенька, устала! Попозже, ладно, дорогой?” И через пару минут я иду танцевать с Августом. Танцую и вижу, что моя соперница тоже на меня с интересом смотрит, и лицо у нее несколько оглушенное, что ли... И сидит она уже в одиночестве, а рядом кресло пустое — муж мой уже где-то в стороне с друзьями про свою фотографию дебаты разводит, которую имениннику принес и на стенку повесил. Мой портрет, между прочим. Других натур у него, слава Богу, пока не было. Тут меня осенило: попросила я Августа после танца отвести меня к пустому креслу возле соперницы. Тот удивился, но так и сделал. Я усаживаюсь и говорю: ”Августик, принеси мне холодненького попить. А вы не хотите?” — Это прямо к ней, к сопернице. Она вздрогнула и испуганно отвечает: ”Да, спасибо... Я с удовольствием...” Принес нам Август бутылку лимонада, два бокала. Тут уже можно и разговор начинать. Спрашиваю, давно ли она Августа с Олей знает? ”Нет, — говорит, — меня Виктор только пару дней назад с ними познакомил...” Сказала и покраснела тут же. А я ничего, делаю вид, что все в порядке. Спрашиваю, как зовут — ”Саша...” замолкает. Подбрасываю ей коварный спасательный круг: ”Вы с Виктором, видно, на почве любви к искусству познакомились? Вы, я слышала, художница?” Она обрадовалась и клюнула: ”Да, я приехала поступать в академию художеств, но не прошла по конкурсу. На будущий год снова попытаюсь”. — ”А нравятся вам работы моего мужа?” — ”Его фотографии? Да, он интересно работает...” Тут я делаю удивленное лицо и возмущенно восклицаю: ”Интересно работает” — и это все?! Да с ним по лиричности только Судек может сравниться! Неужели вы, художница, не видите, что перед вами гений?” Ляпаю ей такое, а у самой уши загорелись от стыда за такую наглую лесть. И в том же духе продолжаю страстный монолог, на пятнадцать минут. Она в ответ: ”Ах, простите! Я, наверное, просто мало знаю его работы...” Тут я зову мужа: ”Витя! Поди сюда!” Он подходит к нам, а в глазах тревога — что, мол, у них разговор идет? ”Что же ты, Витя, не познакомишь Сашу со своими работами? Ты непременно должен пригласить ее к нам домой и показать все, что у тебя есть!” Витя успокоился: ”Почему бы и

нет? Конечно, приходите как-нибудь, Саша". А я форсирую: "Зачем же откладывать на потом? У нас такой интересный с Сашей разговор получился о твоей фотографии, что мне хочется ей поскорей все показать. Давайте прямо отсюда поедем к нам. Наш сын сейчас на даче, у нас и переночуете. Фотографий у Вити столько, что и завтра на целый день хватит". И эта дуручка, поломавшись немного, соглашается. Витя на меня глядит с легким недоумением, и чувствую я, что ему стыдно становится от такого моего простодушия: сама соперницу в дом зову!

И поехали мы из гостей все втроем прямо к нам. Заморили мы эту Сашу Витиными фотографиями: я за нас двоих восторг изображаю, прошу еще и еще показать, а он, конечно, рад без памяти. Саша уже тайком в кулачок зевает, уже тошнить ее начинает от его фототворчества. А он, дурачок, не замечает, раскладывает свои шедевры перед нами по полу, рад такому вниманию. А на снимках все я да я — иногда и в чем мать родила. Спать разошлись под утро. Только мы с Витей улеглись, как он начал было о той ссоре говорить, извиняться, а я ему, зевая, шепчу: "Что ты, Витюша, я и не помню! Знаешь, сколько хлопот на даче в саду было? Ох, засыпаю, прости, милый!" К стеночке отворачиваюсь и — все. Витя поворочался, покряхтел и тоже уснул.

Назавтра с утра я заставила показать оставшиеся фотографии, от которых у бедной Саши уже скулы сводило, как от лимона натошак. Только после этого я отправилась на кухню готовить завтрак, шепнув ей: "Теперь вы видите, что перед вами гений художественной фотографии?" Ушла готовить завтрак, зная, что эти мои слова будут немедленно переданы Вите. Так оно и случилось. Витя вышел ко мне на кухню и говорит: "Чего это ты перед чужой женщиной моими фотографиями так расхвасталась? Вроде ты раньше мне рекламы не делала". А я ему невинно этак: "Так зачем бы я стала говорить об этом с людьми далекими от искусства? А она художница, должна же она понимать, что перед ней". Витя мой расцвел от удовольствия.

За завтраком выяснилось, что Саша еще не нашла постоянную комнату в Ленинграде. Тут я и заявляю: "А у нас еще

недели две детская будет свободна, мама никак не хочет с внуком расставаться. Поживите у нас, Сашенька!” Бедняга растерялась, но довольна: комнату снять в Ленинграде ох как непросто! А Витя принахмурился, ему это не очень по вкусу: не из тех он людей, кто в своем доме способен на какие-то шашни. Но пришлось и ему согласиться.

И вот тут началась для меня веселенькая жизнь! Ухаживаю я за соперницей, как за лучшей подружкой. Витя уже ревновать начинает, что к нему я меньше внимания проявляю. А к ней холодеет не по дням, а по часам. Девка она молодая, красивая, сказать нечего. Но чужой человек в доме — это все же чужой человек, со своими привычками, которые далеко не всегда совпадают с хозяйскими. Оставит она туфли посреди прихожей, чулки в ванной бросит — я ничего не убираю, а Витю это раздражает донельзя: ”Сказала бы ты ей, что нечего свои тряпки по всему дому раскидывать!” А я успокаиваю: ”Потерпи, Витюша, она же гостя”. И вижу, что он уже действительно начинает ее только терпеть. А за одну вещь мне до сих пор стыдно. Саша из Свердловска приехала, а ведь у них там голодуха страшная. Мясо и масло, рассказывала она, по карточкам выдают. Как-то, когда мы с ней вдвоем без Вити обедали, я смотрю, она украдкой чайной ложкой масло из масленки ест. А я ей подвинула масленку и говорю: ”Ешьте на здоровье, Сашенька! Какая милая экстравагантность, приятно смотреть — как ребенок лакомитесь”. И с того дня аккуратненько ставлю масленку перед ее прибором и ложечку рядом кладу. Она и клюет, бедная птаха, и еще ложку облизывает. А Витю моего от этой ”милой экстравагантности”, вижу, с души воротит.

Ну, кончился их роман тем, что однажды Витя мне говорит: ”Как хочешь, Наташка, а я больше не могу. Кто-то из нас должен уйти, либо она, либо я”. Что и требовалось доказать! К этому долгожданному дню я уже давно приискала через знакомых комнату для Саши на другом конце города, чтобы в случае чего по времени определить, ездит он к ней или нет. Переехала от нас Саша, и у нас с мужем начался новый медовый месяц. Каждый день я только и слышала: ”Как хорошо в доме без гостей!”

Вот так, мои милые, пришлось и мне побыть стервой. И, как видите, получилось.

Наташа закончила свой рассказ и несколько смущенно оглядела женщин: не осуждает ли ее кто-нибудь? Но все решили, что так этой Сашеньке и надо — а не гоняйся за чужими мужьями! А Номенклатурищица, усмехнувшись, негромко сказала:

— А знаете, Наташа, вам повезло. Могло все кончиться совсем иначе, если бы эта девочка была чуть поумнее. Но в одном с вами совершенно согласна: дома бабе и стены помогают. Расскажу и я вам нечто подобное из собственного опыта.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ,

рассказанная Номенклатурищей Валентиной
и продолжающая начатую Наташей тему
о том, как легко расправиться с соперницей
в своем доме

Была у меня подружка Тamarочка. Работала она машинисткой в одном ленинградском журнале и сама стишки пописывала. Настоящая питерская интеллектуалочка, вся из себя изящная, разными литературными именами напичканная с детства и прехорошенькая. Худенькая и бледненькая, но это ей шло. Почему-то мы с ней подружились, хоть и очень разные были. Жила она с родителями, те ее в строгости воспитывали, но Тamarочка была вполне современная девушка: если в кого влюблялась, то тут же и жить с ним начинала, без долгих размышлений на этот счет. Нет, грязи за ней не водилось, но взгляды были свободные. Замуж она не торопилась, ее больше увлекала романтика встреч, увлечений, а потом страданий и разрывов. Тем и жила. И вот как-то влюбилась она в очередной раз, но, похоже, серьезнее, чем обычно. Стала поговаривать о доме, о семье. Ну, думаю,

девка за ум берется, давно пора. Я ей только хорошего желала, но она мало меня слушала. В душе она меня считала мешанкой, я это видела. А еще она думала, что как женщина я рядом с ней — нуль на толстых ножках, куда мне до нее! Это ее устраивало: она считала, что я своей "заземленностью", как она выражалась, не стесняясь, оттеняю ее тонкую одухотворенность. На этом вот она и погорела, голу-бушка.

Как-то моего мужа услали в командировку на целый месяц. Дело было летом. Я скучаю, естественно. В квартире одной тошно, на дачу поеду одна — там и того тошнее. Пожаловалась как-то Тamarочке, а она мне и говорит:

— Валюша, какая удача! Нам с Юриком негде жить, не можем комнату найти. Давай мы к тебе на месяц поселимся? Тебе веселее, а я его помаленьку приучу к семейной жизни, к домашнему теплу.

— Тamarочка, так ведь чужое тепло плохо греет. Да и неудобно: я как-никак тоже молодая женщина, вдруг он начнет на меня поглядывать, а ты станешь ревновать?

Тут моя Тamarочка улыбнулась тихонько. Да так улыбнулась, что улыбочка эта ее тонкая меня по сердцу резанула. Так и послышалось мне за ней: "К тебе-то ревновать? Погляди на себя в зеркало, деревенщина". Но вслух она сказала иначе:

— Ах, Валюша! Об этом я совсем не беспокоюсь. Ты совершенно не в его стиле. Он художник, из петербургской семьи художников и искусствоведов. Так что там совсем другая ментальность!

— Ну, ладненько, веди сюда свою ментальность. Но только потом, чур, если что, на меня не жалуйся!

Шутя будто бы говорю, а сама думаю: "Ну, погоди, подружка!"

На другой же день она со своим дружкой ко мне и переехала. У нее чемодан с нарядами да сумочка со стишками, а у него холсты и краски. Я им на время кабинет мужа уступила. В комнате почти ничего не трогала, но одну вещь все-таки сделала, и с умыслом. Я ведь и вправду деревенская, родители, то есть, оба из деревни в город пробились, а я уж

тут родилась. Но с деревней родной мы связи не теряли, каждый год под Вологду ездили отдыхать, к родне. И тамошние бабки надарили мне всяких разных кружев. Ох, милые женщины, как там у нас когда-то плели кружева! Теперь, правда, уже не то, халтурят на заграницу и только. А моя родная бабушка плела до той поры, пока не ослепла над работой. И было у меня огромное кружевное покрывало на кровать, красоты необыкновенной. Серое, из неотбеленной нитки, а рисунок на нем совсем простенький: лужок, на нем мальчишечка деревенский гусей пасет, а рядом девочка плетет веночек. Покрывало это бабушка себе когда-то в приданое сплела, а потом мне подарила. Я хранила его в шкафу, муж стелить не разрешал — не модное. А тут я решила проверить, смыслит ли Тамарочкин художник в простой красоте или он такой же, как она, только по модерну мастак? Повесила я это покрывало на стенку, как ковер. Обои у нас в кабинете под дерево были, импортные, и как раз подошли под бабушкино кружево. Сняла я и нейлоновые занавески с окна, а взамен повесила теткин подаренье: кружевные, домашней работы, и тоже с рисунком — на них зимний лес и снежинки сплетены были. А еще достала я глиняный большой горшок, в котором огурцы солила мужу на закуску. Вместо вазы для цветов. Хотела специально на рынок съездить за цветами, а потом сообразила. Я как раз перед тем на даче побывала и привезла два подсолнуха. Они у меня в кухне висели, дозревали. Завянуть еще не успели, только чуть пожухли. Я их в горшок и поставила, благо стебли были длинные, нарочно оставила такие, чтобы было за что подвесить. И получилась у меня из стандартного мужнего кабинета светлая деревенская горенка.

Явились мои гости. Тамарочка первая в эту горенку заглянула и длинный свой носик сморщила: "Ах, Валюша, это все хорошо бы убрать!" Я плечами пожала: "Смотри, кума, тебе жить..." А сама жду, что художник скажет. На вид его не поймешь: сам длинный, волосы тоже длинные, белые, а глаза голубые. И молчит все время, только имя свое и называл — Юрий. Я ему говорю:

— Проходите в свою комнату, располагайтесь.

Кивнул, прошел молча. А я из большой комнаты слушаю — поймет или нет? Вышло даже лучше, чем я думала. Слышу, он тихо ахнул: "Как здесь славно!"

Вот так они у нас и поселились. У меня обида на Тamarочку прошла, другого коварства я не замышляла. С меня бабкиных кружев хватило. Да и работы у меня много в то время было, недосуг за гостями смотреть. Они сами по себе, я сама по себе. Один только раз я нечаянно силу свою на Юрике испробовала. Как-то утром в субботу не сразу на дачу поехала, как обычно, а решила сначала голову помыть. Волос-то у меня, как у коня в гриве, даром что светлые. Возни с ними не оберешься. Заварила я сушеной ромашки и мяты, после мытья прополоскать. Запах по всему дому пошел, как с летнего поля. Вымыла голову, выполоскала и села перед телевизором с распущенными волосами, чтобы просохли скорей. Как раз "Клуб кинопутешествий" показывали, люблю я эту программу. Тamarочка с Юриком тоже вышли из своей комнаты. сели смотреть. Юрик смотрит и все принимает укладкой. Вдруг взял он прядь моих волос в руку и поднес к лицу.

— Я все думал, откуда этот запах, а это, оказывается, ваши волосы! Чем вы их моете, каким таким шампунем?

— Это не шампунь, а обычные травы, ромашка да мята.

— Дивный запах. Никогда не думал, что волосы могут так пахнуть. Тамуся, надо и тебе ромашкой волосы мыть.

Тamarочка плечами пожала. А я говорю просто, не подумав:

— Нет, брюнеткам ромашка не подходит. Тamarочке крапива подойдет.

Юрик засмеялся:

— Это верно! Характер у нее слегка крапивный, так что будет полная гармония.

Тamarочка вспыхнула, а я стараюсь выйти из положения.

— Да не обязательно одной крапивой, хотя она оттенок приятный дает и корни укрепляет. Можно и мятой, и багульником, и тимьяном, и лопухом. Я вот поеду к себе в Ириновку и выберу там подходящие травы для тебя, Тamarочка, если хочешь попробовать.

— А вы что, сами собираете и сушите травы? Первый раз в жизни вижу настоящую травницу.

Тамарочка, ревнюшка несчастная, кто ее за язык дергал только, съязвила:

— Это у Валюши рудиментарные остатки деревенской жизни.

Уколоть она меня этим хотела. Но вышло наоборот. Я терпеливая, да не без норова, лучше меня не задевать.

— Да, Тамарочка правду говорит. Одна из моих бабок была немножко колдунья: травы знала, наговоры разные, и меня обучила. Могу, Валюша, твоего милого присушить. Хочешь?

— Глупости какие, — отрезала моя подружка. А Юрик на меня во все глаза глядит. Еще бы! Какой современный интеллигентный мужик не мечтает о ведьме? Совсем его разобрало.

— Валя, возьмите нас с Тамусей с собой в Ириновку. Очень вы меня заинтриговали вашими травками. А я за это ваш портрет напишу, хотите?

— Ну, уж как Тамара решит.

Пошла я на кухню продукты на дачу собирать, а сама думаю, что никуда они не поедут со мной, не такая уж Тамарочка дурочка. Но она вдруг является и говорит:

— Валюша, а может нам и вправду с Юриком поехать к тебе на дачу на пару деньков? Что-то он нервничать стал в последнее время. Боюсь, не разладились бы у нас отношения. А там природа, лирика... Поедем вместе?

Поверите, жалко мне ее стало. Так жалко, что я ей прямо и говорю:

— Тамарочка, ты меня знаешь, я в бирюльки с мужиками не играю. Не по чину мне это, да и своего вполне хватает. Но ты сама не видишь, что твоего художника несет на меня? Мне это ни к чему, а тебе тем более незачем.

— Ну, вот и поехали! Там он же со мной все время будет.

— Это тебе сейчас так кажется. Ты забыла, что в Ириновке меня каждый кустик знает, я там с каждым деревом на ты. Хозяйка я там, Тамарочка, и все там мое. Моим будет и твой Юрик.

— Валюша, мне не хочется тебя обижать, но ты себе вообразила что-то несусветное. Вы же с ним абсолютно разные люди.

— Вот поэтому я для тебя и опасна, что мы с ним такие разные. А в общем, если хочешь рискнуть — рискни. Мне-то все равно, мне твой Юрик ни так, ни этак не нужен.

— Вот и прекрасно! Так едем?

— Едем!

И покатили мы, три дурака, в мою Ириновку. Что я там вытворяла, этого мне вам не передать. Бабка моя, травница и наговорница, точно свою внучку во мне узнала бы. Я-то не так уж много знаю и помню из того, что она мне, девчонке, поведала, а вот, поди ж ты, как понадобилось — настоящей ведьмой стала. Приехали мы к обеду, а я поглядела на небо и говорю "Вечером гулять не пойдем — туман сильный будет". Тамарочка с Юриком не верят: "Откуда же возьмется туман?" Я и пошути: "А я позову, мне надо для цветов, приморились они на жар". Наступил вечер и все как в песне — "уж как пал туман на поле чистое..." Все равно запросились гулять. Повела я их по лесу в тумане. Играю с ними: то одних оставляю, то появлюсь негаданно — я-то в своих местах и в тумане ни об один камушек не споткнусь. А Юрик на это, как на чудо какое смотрит. Вернулись с прогулки, мне-то что, я привычная, только щеки порозовели. А Тамарочка и побледнела, и посинела от холода, куда весь лоск подевался. Поставила я самовар, чтоб ее отогреть, Юрик опять балдеет: "Какое чудо! Самовар на крыльце и вокруг сад в тумане! Я это должен нарисовать, это все такое забытое и родное..."

Утром я встала, как всегда, в пять. Решила клубники гостям к завтраку набрать. Много у меня ее на даче. Я ее не на грядках сажаю, а вдоль дорожек — и красиво, и места не занимает, и ягод больше дает. Набрала полное решето, иду к дому по дорожке. Босиком, только юбку длинную набросила на ночную рубашку. Волосы даже не прибрала, висят до самой... некуда ниже. Вдруг поднимаю глаза — Юрик на крыльце стоит и любитесь мной. Да и как не любоваться — ведьма ведьмой!

— Валюша, я никогда не был ранним утром в лесу. Пойдемте погуляем, вы мне про травы расскажете.

— Я одеться должна, причесаться.

— Бога ради, не надо! Идемте как есть.

Что ж, думаю, идем, коли сам напросился...

Водила я его по лесным полянам, рассказывала про травы лечебные и приворотные. Я сама-то ни в те, ни в другие не верю, разве что для мытья волос или как специи на кухне употребляю. Но рассказываю ему, что от бабки знаю. Он слушает, не дышит. И вижу я, что глаза у парня совсем сумасшедшие стали, вот-вот обнимать кинется. Э нет, думаю, это мне ни к чему! Свернула я с тропинки и повела его болотом. На болоте какой смысл обниматься — все равно лечь некуда. Я с кочки на кочку аккуратненько прыгаю, а он, милашка, проваливается, джинсы по колено мокрые. Ничего, терпи, раз тебя потянуло за ведьмами по лесам гоняться! Часа два так я его водила, а потом пожалела и к дому тем же болотом вывела. Только он обрадовался, что болото кончилось, я раздвинула кусты и дом ему показала. А на крыльце дома сидит бедная одинокая Тamarочка, не знает, куда это мы пропали?

Ну, долго рассказывать, как этот день прошел. Мне самой было впору голову потерять, а уж Юрик потерял свою безвозвратно. Тamarочке же во всем не везло: на солнце обгорела, в осиное гнездо влезла и дулю под глазом получила. А про настроение ее и говорить нечего, хуже просто не бывает. Мне ее жаль смертельно, все же подружка, а проучить надо.

Словом, кончилась наша поездка для Тamarочки трагически. Хоть Юрик и сообразил в конце концов, что со мной ему не светит, но и с Тamarочкой больше оставаться не хотел. Как вернулись в город, он тут же собрал вещички и исчез из моей да и из ее жизни. А портрет мой все же нарисовал по памяти: я в том самом виде, босиком, в мятой ночной рубашке и старой юбке вверх, патлатая, траву какую-то собираю в лесу. "Молодая ведьма" называется. Тamarочка меня на его выставку сводила, когда мы с ней помирились.

Знаете, зачем она со мной снова дружбу начала водить? Чтобы "ведьмовству" от меня научиться. А чему учиться, когда я сама не знаю, как у меня что получалось? И на ведьмовство, и на стервозность бабе нужен особый дар и настро-

ение. Но лишний ум все эти вещи забывает. Я и сама, как прочту пару лекций о международном положении, так даже родной муж со мной в постели сучает.

Одобрели женщины рассказ Валентины: "А, не зарывайся! Имеешь мужика – не рискуй!"

Начала рассказывать Альбина.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ,

**рассказанная стюардессой Альбиной
о том, как она была стервой
не из корысти или соперничества,
а исключительно по природной склонности**

Это случилось со мной, когда я уже свою развеселую жизнь оставила, стала стюардессой работать и вышла на международные линии. Появился у меня дружок, штурман Гришенька. На одном "Ту" летали. Парнишечка из провинции, лопушок. Роста невысокого, глазки – пуговки, фигурка – брюковкой. С другими летунами, пообтесавшимися в заграничных полетах, не сравнить. Он на меня сразу глаз положил, как я на борту появилась, а мне, хоть я вообще-то баба не промах, поначалу нужен был заступник. Я Гришеньку и пригрела. Любовь у нас с ним в основном в небе происходила. Разнесу я конфетки, водичку и иду в дежурку. Тут Гришенька выходит из рубки, мы напарницу мою выставляем и за дело. Приключений у нас с этой любовью выпадало достаточно, но все обходилось, везло нам. Как-то я забыла микрофон выключить. Начали мы с ним любовью заниматься, а трансляция идет на весь салон. Счастье мое, что летела делегация французов. Народ сексуально просвещенный, слушает нашу возню и балдеет. После я выхожу завтраки разносить и ничего не понимаю: все мне улыбаются, комплименты говорят. А в последнем ряду старичок сидит. Он подзывает меня и шепчет по-русски: "Мадемуазель! Я вас очень прошу, если вы с вашим дружком снова уединитесь, то, пожалуйста, не выключи-

чайте микрофон и на этот раз. Я получил огромное удовольствие, это лучший полет за всю мою жизнь!”

Но скоро Гришенька мне надоел. Уж очень несходные у нас были характеры: он все меня скромности обучал, от любого моего словца краской заливался. Зануда был редкостный, любил учить жить. Ну и доучил на свою голову.

— Если ты такой правильный скромница, — говорю я ему однажды, — так что же ты, брюковка такая, не делаешь мне предложение, а нескромными делами со мной занимаешься? И чем нескромнее, тем с большим удовольствием это делаешь, между прочим. Вертлявая у тебя скромность какая-то, Гришенька!

А Гришенька мне и заявляет:

— Нет, я не настолько тебя люблю, чтобы жениться на тебе. А без любви это будет аморально.

И тут, паршивец, мораль подвел под основание! Ну, послала я его подальше, а вскоре у меня другой летун появился, уже интересней и без моральных вывертов. Летать же продолжаем в одном экипаже с Гришенькой. Я на него ноль внимания, да и он повздыхал-повздыхал и утешился. И вдруг я слышу, что у него роман с диспетчершей в аэропорту нашем. Сбегала взглянуть из любопытства. Ну, вижу, мой брюковка наконец-то себе репку под пару выискал: глупенькая девочка и тоже глазки-пуговики и сама кругленькая. Усмехнулась я Гришенькиному везению и хотела уже из диспетчерской уходить, как вдруг что-то у меня внутри зашевелилось, какая-то тьма от живота вверх к глазам поползла, и в ушах зазвенело. А как отошло это, так осталась холодная ясность и твердое желание немедленно эту репку из грядки выдернуть и выбросить. Подхожу я к ней, присаживаюсь рядом на стул, локти на ее стол ставлю и глаза в глаза смотрю. Молчу. А глаза, чувствую, стали у меня страшные, бешеные.

— Что такое? Кто вы такая? Что вам надо? — девочка совсем растерялась. Тут я ей и говорю тишайшим голосом:

— К Гришеньке больше не подходи. Один раз разрешаю тебе только спросить у него, кто такая Альбина. Увидишь, как он испугается, и все поймешь. А мало тебе будет, спроси

у кого-нибудь про Галю Климову. Не послушаешься – пеняй на себя. Я тебя предупредила.

Сказала я ей такие слова в перепуганную ее рожицу и вышла. Вышла, а саму всю колотит. Потом опомнилась и думаю: "Для чего я все это натворила? Зачем это мне?" И ответа не нахожу.

А Галя Климова, про которую я этой репке ляпнула, это одна стюардесса была у нас, которую из ревности подружка кислотой ошпарила. Я ее и знать-то почти не знала, просто на язык попалась.

Возвращаюсь из очередного рейса и узнаю, что Гришенькина новая любовь срочно уволилась и скрылась в неизвестном направлении.

В следующем рейсе Гришенька приходит в дежурку, просит мою напарницу выйти и, когда та выходит, берет меня за руку и говорит:

– Прости меня, Альбина, я ведь не знал, что у тебя это так серьезно.

А я удивленно на него гляжу и не понимаю, забыла уже про эту его кадришку из диспетчерской. Пожала плечами и вышла.

И остался наш Гришенька не солоно хлебавши ни там, ни тут. А спросите меня, зачем это мне надо было – не отвечу. Сама не знаю. Видно, сидит у нас внутри какой-то специальный бабий черт, он и командует в таких случаях.

Очередь рассказывать была за Диссиденткой Галей.

– Знаешь, Альбина, пожалуй, этот черт, о котором ты говорила, двуполый. Вот послушай историю об одном моем приятеле, которого тоже этот черт обуял.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ,

рассказанная Диссиденткой Галиной,
из которой становится ясно,
что представления о стервозности у мужчин
и женщин весьма различны

Были у меня друзья, муж и жена, Герман и Тоня. Прожили вместе лет семь, а потом Герман вдруг надумал Тоню бросить. Завел себе подругу. И надо же было случиться такому, что и эта его подруга оказалась моей приятельницей. Слежу я за всей этой историей и до поры не вмешиваюсь. Тоня умница, поняла, что с Германом уже ей не жить: погоревала-погоревала, а потом и сама начала искать замену. Был у нее друг детства, со школы в нее влюбленный, ну она к нему и прибилась. Сама ли его разыскала, случай ли их свел — не знаю. Встречаются, гуляют вместе, в кино ходят. А Герман дни и ночи проводит у своей новой избранницы, моей подруги Жени. Та знает о Тоне, но слушает только Германа, голову потеряла.

И вот как-то прибегает ко мне разъяренный Герман где-то уже под вечер и с порога заявляет:

— Ну, я убедился теперь, какая у меня жена! Больше тянуть нельзя, надо развод начинать.

— А что такое случилось? Чего ты взерошил?

— Представляешь, выхожу из дома и вижу картинку. Идет моя благоверная, то есть, бывшая благоверная с каким-то хахалем. Друг другу в глазки заглядывают, а он еще держит руку на ее плече. Подошел я к ним, ручку его с плечика снял и говорю: "Разрешите представиться, я муж данной особы. А теперь позвольте предложить вам катиться отсюда к чертовой матери и больше в этих краях не появляться!" Хахаль смотрит на Тоню и спрашивает: "Это действительно твой муж?" А моя растерялась и лепечет: "Да, это мой муж... Но я тебе должна объяснить!.." Тот говорит: "Не надо никаких объяснений!" — развернулся и пошагал в сторону. А эта дуручка за ним бежать бросилась. Как это тебе нравится?

Сам кипит, аж красный весь. Тут я ему и говорю:

– Послушай, Герман! А если я сейчас позвоню Тоне и дам ей адрес твоей Жени, чтобы она тоже могла туда прийти и твою ручку с чужого плечика снять?

Он остолбенел, а потом подхватил шляпу, плащ и бросился к дверям. В дверях обернулся и прошипел:

– Ну и стерва же ты, Галина!

Видите, вот так и я в стервы попала.

– Да, у мужиков для нас вторая мораль имеется, особая, – усмехнулась Эмма. – Они действуют по логике: "Тебе дала? – Нет, а тебе? – Тоже нет. Вот б...!"

– Да, и мужья стервецы бывают, и жены стервы, но таких стерв, как свекрови, если невестку невзлюбят – таких хуже не бывает! – сказала Ольга. – Вот послушайте-ка еще одну нашу заводскую историю.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ,

**рассказанная работницей Ольгой,
из которой действительно следует,
что самые лучшие стервы получают из свекровей**

Работала у нас такая Маша Клязьмина. Хорошая баба, передовик производства, но не вредная. А жила трудно, одна сына растила, мужик в войну погиб. И до того она в своем Егорушке души не чаяла, что и сказать нельзя. Жилы из себя тянула, а парня выучила на инженера. У нас на Адмиралтейском вместе и работали: мать в цеху, по уши грязная, а сын итэровец, при галстучке и белой рубашечке. Мать эти рубашечки ему и настирывала-наглаживала. Иной раз идем в столовку обедать и аж неловко: мать в задрипанной спецовочке с нами в общем зале хлебные котлеты рубает, а сынок за шницелем сидит в соседнем зале для итэрровцев, где и белые скатерти на столах, и официантки. А Маша заглянет в

ихний зал и вся от радости зайдет: "Мой-то за одним столом с директором!"

Однако и Егор Николаич, сынок-то Машин, хороший человек был, с рабочими обходительный и дело знал. Но подвела его неумная материнская любовь так, что потерял он жену, ребенка и всю собственную психику. В дурдом попал.

Приглянулась ему чертежница одна, Шура. Хорошая девушка, скромная. Но из простой семьи и без высшего образования. Сын к матери — жениться, мол, хочу на Шурочке. А та ни в какую: "Лучшей не нашел? Она ж без диплома и семья простая! Нам такая не ко двору!" — послушать, так подумаешь, что сама она из столбовых дворян. Но Егор Николаич на своем настоял: пригрозил матери, что иначе уедет вместе с Шурой из Ленинграда на Север, та и сдалась. А сама с нами делится: "Ничего, пушай. Нонешние браки недолгие. Чем так трепаться-то по девкам, лучше женатым пожить. А там разведутся, найдет Егорушка себе жену под пару. Не дурак же он у меня, видит, что Шурка простая, проще некуда!" Как женился Егор Николаевич на Шуре, так им вместе с матерью дали двухкомнатную квартиру от завода: она старая заслуженная работница, а он — молодой инженер. Живут втроем. Мы уж думали, Маша смирится. У Шурочки-то больно характер хорош, где можно — завсегда уступит. С Машей ласкова, все "мамочка" да "мамочка". Но оказалось, что Маша своего держалась, все выжидала, когда ж разводиться начнут? А они взяли да и ребенка завели, сына Шурочка родила. И вот тут наша Маша вовсе с цепи сорвалась! Представляете, бабоньки, возненавидела она ни в чем не повинного ребеночка лютой ненавистью! Бабка-то внука! Это где ж видано? Даже имени его никогда не называла, а все "отродье" да "ублюдок" он у нее. Житья не стало Шурочке совсем, стала она просить Егора Николаевича, чтобы им разменяться. Поначалу он против был — мать ведь! Но после видит, что нет с ней, нашей Машей, сладу, и подал на размен. А та давай бегать по заводу — в партком, в местком, в растудыегоком: "Караул! Сын с невесткой меня из дома гонют!" Стали Егора Николаича вызывать, стыдить, уговаривать, и отступился он от размена. А Маша невестку поедом ест, совсем житья

бедняге не дает: "Это ты, ты, проклятая, его против матери строполишь!" Не выдержала Шурочка, ушла из дома в общежитие, в наше, заводское. А Маше этого мало. Проведала она, что Егор Николаич ходит туда каждый день, уговаривает Шурочку домой вернуться. Выписала она скоренько Шурочку с сыном из своей квартиры тайно от Егора Николаича, а потом милицию на нее напустила: "Без прописки в общежитии живет!" А у Шурочки еще декретный отпуск был. Милиция к коменданту, а комендант опосля к Шурочке: "Извините, против милиции ничего не могу. Придется вам к мужу возвращаться — милиция беспокоит". Оказалась Шурочка на улице. А ведь слабая еще, нервы-то вконец расшатаны. Ну и сиганула она с ребеночком в Неву с моста лейтенанта Шмидта. Не спасли. А Егор Николаич-то с расстройства загремел в дурдом. Год его лечили, теперь выпустили. Работает вроде, но уж не тот, не прежний: тихий стал, ходит по заводу, как тень. От матери ушел, комнату снял. А Машу, вы думаете, проняло? Ничего подобного! Поседела она совсем, умом тоже чуток тронутая стала, но все свое твердит: "Вылечат Егорущку врачи, невесту ему найду с дипломом и богатую. Зря я, что ль, всю жизнь себе в куске отказывала, учила его?" Вот такая дурость все семейство сгубила. А ведь как подумаешь, то ведь жалко и Машу. Наши бабы, которые постарше, рассказывают, что пока Егор Николаич института не кончил, Маша ни разу в столовой не обедала заводской: принесет хлеба с повидлом или маргарином и жует в уголке в раздевалке. Полтинника себе на обед жалела, бутылки кефира в буфете не брала! Разве ж и ее не жаль?

— А мне кажется, — сказала Неля, чья очередь рассказывать была за Ольгой, — что самые большие стервы — это бывшие жены. У нас одна такая в квартире жила.

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ,

рассказанная учительницей музыки Нелей,
утверждающей, что бывшие жены
по отношению к своим бывшим мужьям
тоже бывают вполне приличными стервами

Жили у нас в квартире муж, жена и сын. Характер у нее был, прямо скажем, не из самых миролюбивых. И вот развелись они. Сын, как водится, остался при матери. Отец хочет с ним встречаться, а она на порог не пускает: "Ты теперь для нас не отец, а всеми презираемый алиментщик! Твое дело деньги присылать вовремя, а нет — в тюрьму посадим. И больше нет у тебя никаких ни прав, ни обязанностей перед нами". Мальчишка растет и отца не знает. Как-то слышу на кухне разговор матери и сына: "Мама! А кто мой папа?" — "А твой папа подлец!"

Долго ли коротко, но отец решил по суду требовать встреч с ребенком. Суд установил им для встречи два часа по воскресеньям. Вы думаете, она пустила сына хоть на одно свидание с отцом? И не подумала! Он звонит — она вешает трубку. Приходит — их с сыном нет дома, она его с утра за город каждое воскресенье увозит.

Не выдержал отец и снова обратился в суд. Выписали ей штраф тридцать рублей за то, что препятствует встречам отца и сына. Что же делает эта стерва? Ни за что не угадаете!

Однажды возвращаюсь я с работы, смотрю, а из комнаты Анны Павловны, так звали эту бывшую супружницу, грузики выносят полированный гарнитур. Спрашиваю: "Вы что, переезжаете, Анна Павловна?" Отвечает: "Нет, это я продала гарнитур". Через день являются какие-то люди и уносят ковер, потом телевизор. А после мы узнаем, что Анна Павловна продала все что могла, а штраф не уплатила. Явился судебный исполнитель имущество описывать, а в квартире пусто! Анна Павловна тем временем срочно вышла замуж за какого-то пожилого офицера и уехала с ним, естественно, не простившись с бывшим мужем. Не знаю уж, отступился он теперь

от мальчика или продолжает их искать. А алименты с ребенка берут с него по-прежнему.

Мнения жёницн об этой воительнице за права материнства разделились: одни сочувствовали несчастному отцу, а другие считали, что мать была в своем праве.

Чтобы остановить затянувшийся спор, Эмма попросила внимания и стала рассказывать.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ,

рассказанная режиссером Эммой
и представляющая собой
еще одно самокритичное повествование
о собственной стервозности, включающее два эпизода

Я много стерв встречала в жизни, но одну из них я знаю лучше других — самое себя, а потому о себе и расскажу.

Мой бывший муж, эта неугомонная стареющая знаменитость, давал мне массу поводов к тому, чтобы быть стервой по отношению к его избранницам. Я их по очереди ненавидела в той последовательности, в которой они появлялись на сцене его жизни. Расскажу вам пару эпизодов и постараюсь передать, что я чувствовала в то время, проанализировать механику самой стервозности.

Эпизод первый. Та самая молоденькая Джульетта, с которой он изменял мне в сибирском театре. Поначалу я пыталась охавать соперницу. Говорят, это самый непродуктивный путь ревности. Да, если действовать грубо, в лоб, и это то я быстро усвоила! Тогда я стала действовать осторожно. Поскольку на словах муж отрицал связь с ней, это давало мне возможность приписывать мою хулу другим людям и удивляться, если он за нее заступался.

— Ты знаешь, дорогой, почему-то все у нас твердят, что

у Джульетты кривые ноги. Конечно, есть немного, но, по моему, это из зала совсем незаметно!

Нечего и говорить, что после этих слов муж три дня рассматривал ноги Джульетты, и в конце концов ему стало казаться, что что-то с ними не так, если "все говорят". Так же последовательно и от имени других были раскритикованы ее глаза — "пучеглазая и один глаз немного косит", манера причесываться и одеваться. Признаком успеха было то, что Джульетточка наша, вполне хорошенькая во всех отношениях, вдруг стала менять прически, платья, злоупотреблять косметикой. Однажды я застала ее перед зеркалом в уборной в слезах.

— Что с тобой?

— Говорят, у меня глаза разные, а я смотрю, смотрю и не пойму, то ли правый больше, то ли левый?..

А я слушаю и радуюсь недоброй радостью.

Но развела я их более тонким и нетривиальным способом. Стала нахваливать ее игру, опять же от имени других:

— И чего все хвалят эту твою Джульетту, врут, будто она тебя затмевает, что ты рядом с ней не Ромео, а ее отец Капулетти?

Это на него подействовало куда сильнее. Джульетта начала его раздражать. Поняв, что это — способ, я им Джульетту и добила. Сама написала письмо в местную газету от имени анонимного поклонника, расписала ее игру дальше некуда, а в конце добавила: "Жаль, что исполнитель роли Ромео, прекрасный столичный актер, в этой роли рядом с Джульеттой проигрывает, и единственно из-за возраста". На этом их роман был кончен.

На некоторое время мы с мужем опять примирились и сошлись, а затем был второй акт того же спектакля. На смену актрисе пришла буфетчица из нашего же театра. Милая свеженькая девочка-сибирячка, которая, конечно же, не устояла перед приезжей знаменитостью. Старый козел выскакивал с ней пококетничать прямо в антрактах, в том костюме, в котором был — на девочку это действовало потрясающе: среди публики бывали ее знакомые, друзья, соседи, и все они видели, каким она пользуется успехом. Она стояла за стойкой

вся розовенькая, как Снегурочка, и сияла, как новогодняя елка.

Поначалу меня опять занесло.

— До чего ты опустился! О чем ты с ней говоришь?

— Находится о чем. А ты не смей говорить о ней плохо, это неблагоприятно!

— Неблагоприятно?! Важно, что я вообще о ней говорю. Может быть, это ее звездный час. Представляешь: о ней, маленькой провинциальной мешаночке, заинтересованно говорю я, режиссер из Ленинграда. Какая уж тут разница, хорошо говорю или плохо?

От этих разговоров он бесился, а я еще больше. Сколько раз сама хотела удержаться, но не было никакой возможности. И чем горячее и злее становились мои слова, тем больше я холодела внутренне, опустошаясь, но не избавляясь от нестерпимой ревности. Зато потом наступала полная пустота. И тяжелее всего было работать в это время, а работать надо было: театр держался на мне. Это поняли все, и в том числе мой дорогой муженек, когда я не выдержала, все бросила и уехала: труппа распалась, а сам он еле-еле устроился руководить самодеятельностью в районном клубе.

Впрочем, с этой девочкой из буфета я тоже успела расправиться, и очень просто. Как-то перед концом антракта, когда они ворковали через стойку, я подошла к ним, будто бы что-то сказать мужу перед следующим действием. Сделала какое-то замечание, причем в довольно категорической форме: показала и ему, и этой девочке, кто тут старше по театральному счету. Он разозлился, но вынужден был себя сдерживать, а маленькая буфетчица слушала нас раскрыв рот. Тут же ему пришлось уйти — прозвенел первый звонок. Тогда я повернулась к девочке, улыбнулась и сказала:

— Ничего, Анечка, привыкайте! Если у вас действительно явный талант и вам следует идти на сцену, то надо заранее изучать театральные порядки. Ах, что это я! Муж просил пока никому не говорить о его планах относительно вашего театрального будущего, даже вам самой! Вы уж меня ему не выдавайте, пожалуйста.

И отошла. Все было кончено. Засверкали перед бедной

девчушкой огни рампы, зазвучали аплодисменты, замелькали афиши. А главное, все так близко, понятно — со школьной скамьи она у нас в буфете и театр, конечно, полюбила, отраву эту. И, конечно, волей-неволей, по простоте своей она мужу и показала, какие мечты у нее завелись. А муж, хоть и повелас, но все-таки актер был не без понятия и таланта. Видит он, что у девочки данных никаких: ноги бочоночками, весу лишнего кило двадцать, а произношение и дикция самые варварские. И ее робкие надежды на его помощь привели мужа в бешенство.

И знаете, милые, что меня остановило на этом пути, несмотря на все мои успехи по изничтожению соперниц? Жуткая трата нервной энергии, которая на них уходила. Добившись своего, я долго чувствовала себя опустошенной или взрывалась истерикой, когда уже все было кончено и муж возвращался ко мне. Как-то я задумалась и поняла, что стерва во мне уничтожает в первую очередь меня самое, что с этим нельзя вести творческую жизнь, что это своего рода наркомания, разрушающая женщину. С тех пор мне очень жаль женщин, погрязших в этом бесовстве — больше у них уже ни на что другое сил не остается. Если отношения пошли так, что бабу сделали стервой, то лучшее для нее самой — уйти, и как можно раньше. Потому что остановиться, перестроиться она уже не сможет, уйдет в этот омут с головой и вынесет ее через годы разрушенной старухой на пустой берег.

После Эммы должна была рассказывать Иришка, и она начала.

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ,

рассказанная секретаршей Иришкой,
повествующая о любящей матери,
превратившейся в стервозную тещу

Эта история случилась с моей подругой Аллой. Отец оставил их с матерью, и они жили вдвоем в небольшой комнате в коммунальной квартире. Жили бедновато, мать работала парикмахершей, но Аллу она любила и баловала. Выросла Алла, кончила техникум, начала работать, а тут и жених у нее объявился — молодой морской офицер, красавец, умница, в Аллу влюблен без памяти. Плавал он на военных кораблях, на корабле и был прописан. Поженившись, они стали жить у Аллы, в одной комнате с матерью. Сначала все было ладно, теща зятя вроде бы приняла и даже полюбила. Но потом мы, подружки, стали замечать, что Алла с лица спадает, нервничает.

- Что с тобой происходит? С мужем нелады?
- Нет, с мужем все в порядке. Мать жизни не дает.
- Что такое?

Алла только рукой махнула. Но мне потом на ушко приналась. Мать ее почему-то возревновала к их интимной жизни. Комната одна, ну они шкафом отгородили материну кровать, а сами спят на раскладном диване. Вечером ложатся и ждут, когда мать уснет. А та моду взяла: поворочается, а потом начинает похрапывать — вроде бы уснула. Только молодые примутся за свое дело, как она встает, выходит из-за шкафа и начинает искать то таблетку от головной боли, то воду — пить ей вдруг захочется, то еще что-нибудь. Бессонница, говорит, и все тут! Всю жизнь Алле с мужем отравляет. Стали они искать комнату. А попробуй сними комнату в Ленинграде — и не найдешь, и никаких денег не хватит. А тут еще Алла забеременела, ребенка ждут — а с ребенком комнату никто не сдаст, сами знаете. Алла пыталась с матерью поговорить, а та делает вид, что не понимает, о чем речь. Еще и оскорбленную невинность из себя строит: "Я пятнадцать лет без мужика живу, мне твоих забот не понять!"

Кончилось у них все очень печально. Отвез муж Аллу в родильный, дождался возле больницы, пока она родила мальчика, и на радостях побежал домой с бутылкой коньяка — бабушку поздравить с внуком! Выпили, лег он спать, теща за шкаф отправилась. А ночью она к зятю в постель залезла, представляете? А тот спросонья и спяну навалился на нее... Потом взвыл, вскочил и бежать! Так и рухнула у Аллы вся семейная жизнь: муж от стыда больше и не показывается, хотя деньги на мальчика шлет, и немалые. А бедная Алла посела с горя.

И решили наши женщины, что, пожалуй, теща по стервозности опередила и жен, и свекровей. А назавтра решили они рассказывать о неверных мужьях и женах. Эмма при этом поставила условие:

— Милые дамы! Поскольку мы уже доверяем друг другу, то давайте договоримся: кто из нас сам изменял мужу — рассказывать без утайки все как есть!

— А если неверности не было, но была жуткая и неоправданная ревность, то можно про ревность рассказывать? — спросила Иришка.

Решили, что в таком случае, если уж с неверностью ничего не получилось и осталась одна ревность, то можно рассказывать и про ревность. Так кончился четвертый день.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ, ГЛАВА ПЯТАЯ.

**в которой рассказывается
о неверности и о ревности**

Весь день наши рассказчицы лукаво поглядывали друг на друга, стараясь угадать, кто будет вечером исповедоваться в нарушении супружеской верности.

Подошел вечер, и начались рассказы. Первой, как обычно, начала рассказывать Лариса.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

**рассказанная доктором биологии Ларисой,
повествующая о двух типах женской неверности
и представляющая собой обыкновенный анекдот**

Поскольку мужа у меня не было, некому мне было изменять, некого было ревновать. Поэтому вот вам анекдот.

Коммунальная квартира. Встречаются в коридоре две соседки, у одной в руках простыня и подушка и несет она их к дверям, а сама плачет.

— Чем это вы так расстроены, Марья Ивановна, и куда несете постель?

— Ах, я только что на этой постели изменила своему мужу! Несу простыню и подушку на помойку выбрасывать, чтобы не напоминали мне о грехе.

— Ну, голубушка, если бы я начала выбрасывать все, на чем изменяла своему мужу, у меня в комнате остался бы один абажур. Да и то... Иван Иванович такой шутник, такой шутник!..

Отсмеявшись, женщины повернулись к Зине — ее была очередь.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,

рассказанная Бичихой Зиной
и почти в точности повторяющая
историю Отелло, Яго и Дездемоны,
но в лагерном варианте

Была у нас на зоне одна пара: кобел Наташка Кузнецова по прозвинию Натан и его жена Нинка Семиречная. Любовь промеж них была жуткая, друг без дружки и на развод не выходили. Натан свою жену берег и ревновал смертной ревностью — бил то есть, ежели кто на нее посмотрит из других коблов. Но Нинка ему верность хранила, с другими не связывалась. Боялась. И все ж таки Натан драмировал с ней по всякому поводу. Жили они, конечно, семьей, вместе питались, вместе и спали, как муж с женой. На ночь завесят шконки простыней и любятя в свое удовольствие, только скрип по бараку идет. Все про то знали, и никто из лагерного начальства их не трогал, потому что Нинка была хорошая швея, двойную норму на швейке гнала, а Натан — механик по швейным машинам, без него тоже не обойтись. Начальство, оно в таких случаях, когда план от коблов и ковырялок зависел, на их любовь сквозь пальцы смотрело. Поставят синюю полосу на личную карточку — знак такой, что занимается ээчка запрещенной "женской любовью", и дело с концом. Больше никакого воспитания не проводится. А коблы за такое понимание старались и сами норму гнать, и других ээчек заставлять. Поглядишь на зону, а что ни бригадир — то либо кобел, либо ковырялка. Да ведь и начальницы отрядов, офицерши, которые долго при лагере работали, тоже в "женскую любовь" с годами ударялись; мужики характеру их фашистского не выдерживали, сбегали, вот они и перешли на ээковскую любовь.

Так вот что случилось с неразлучной нашей парой, Натаном и Нинкой. Пригнали к нам на зону кобла с малолетки, Цыгана. Цыган собой невелик, вроде черного воробья, а любкий: всех ковырялок на зоне одну за другой перепробовал, одна Нинка своему Натану верная оставалась. А Цыгану это

как нож в горло, ему и эту надобно попробовать, чтобы уж совсем "центровым коблом" считаться — первым, то есть, на зоне. Он Нинку и так и этак обхаживает, а та не дается да еще и грозит: "Натану скажу!" А Натан Цыгана вдвое выше ростом и в плечах что мужик-амбал. С пятнадцати лет на зоне и с первой ходки под мужика канает, вот у нее обличье мужское и выработалось. Грудь нет совсем, зато плечи — ого!

И удумал этот Цыган такую подянку, какой на зоне не бывало, чтобы Нинке с Натаном семью разбить. Натан, как водится у хороших мужей, дарил Нинке подарки разные: косыночку выменяет, полотенецко, лифик. И ходила Нинка в синей-пресиней такой косыночке, Натановом подаренье. Как войдешь в швейный цех, так издаля эту косыночку видно, как василек в поле горит! И однажды пропадает у Нинки эта синяя косыночка. Поискала-поискала, а нет как нет. Ну, думает, "крысятницы" утащили, воровки лагерные. Тут седьмое ноября подошло, праздник. На зоне все готовятся, наряжаются: в клубе концерт будет и танцы опосля. Нинка надевает другую косыночку, красную. Натан это заметил и спрашивает:

— А чего не синюю надела-то?

Нинке бы тут сказать, что пропала косынка, а она боится: ну, как Натан заведется и набросится с кулаками, что не убегла его заветный подарок? Она и соврала:

— А надоела она мне, каждый день в ей на работе. Хочу сегодня в красной ради праздника побыть.

И вот набились зэчки в клуб. Сидим, ждем концерта. Выходит замполит, доклад читает, зуду гонит, лапшу нам политическую на уши вешает. Отслушали. Тут выходит на сцену лагерный хор со скамейками. Поставили скамейки, вскарабкались на них в два ряда и запели "Бухенвальдский набат". Слова там помните какие? Люди мира, поют, встаньте-ка на минуту, в Бухенвальде колокола бьют. Хорошая песня, зэковская, любят ее по лагерям. И начальству нравится, потому как политическая песня. Они, значит, поют: "Люди мира, встаньте!", а мы глядим, встает Натан со своего места, голову вытягивает и в упор смотрит на запевалу. А запевала — Цыган, и на нем, на цыганской его шее, повязана Нинки-

на синяя косыночка. На всю зону демонстрация, переспал, мол, и с этой! Тут Натан хватает Нинку за руку и шипит: "А ну, выйдем!" Нинка сразу в слезы, упирается, не хочет выходить. Уже начальство, что в первых рядах сидело, и "придурки" начали в их сторону поглядывать, а Натан белый весь от злости и не унимается: "Выйдем, говорю, просука ты этакая!" Нинка и вышла с ним. Тут кто-то из женщин говорит: "Надо за ними бежать. Убьет ведь Натан свою Нинку!" А другие в ответ: "И пускай убивает, не наше это дело в чужую семейную драму вмешиваться". И верно, не принято это на зоне. Так мы и досидели весь концерт до конца. А как перерыв между концертом и танцами объявили, вышли мы из клуба покурить-проветриться, а на зоне шухер поднялся, надзорки, охрана впереди себя бегают, кричат. Возле больницы толпа собралась. Оказывается, пырнул Натан свою жену Нинку ножом за тую синюю косыночку. Его скрутили и в "шизо" увели, а то бы он и Цыгана прирезал.

Нинка жива осталась, зашили ее врачи. А Цыган чувствует, что плохо его дело: выйдет Натан через пятнадцать суток и прирежет, дознавшись до правды. И ударился Цыган в побег. Поймали, конечно, собаками загнали. Дали еще два года и оправили в тюрьму, тем только Цыган от ножа и спасся. А Натан вышел из "шизо", ходит под окнами больницы и поет:

Нет больше женской любви!
И повторяю я снова:
Мне не нужны твои обещанья,
Только одно прошу на прощанье —
Прямо в глаза мне смотри!

Все, значит, драмирует, правды от Нинки добивается. Ну, а как узнал про Цыгана, так поверил, что Нинка была ему верная. Только сам Натан не дождался, пока Нинку из больницы выпишут, связался с новенькой, что этапом с юга пригнали, цыганочкой. "Я, говорит, долго без женщины не могу, природа у меня такая". *Кобел, он и есть кобел.* Все одно как мужик.

– Очень интересный вариант "Отелло", – сказала Эмма, выслушав рассказ Бичихи Зины. – И жизнь у вас в лагере, послушать тебя, была не скучная.

– Это уж точно! На зоне не соскучишься! Если выживешь... – ответила Зина.

Тут подошла очередь рассказывать Наташе. Она помялась, посмуцалась, а потом и выпалила:

– Ладно, женщины! Раз уж у нас такой уговор, то расскажу я вам свою тайну, как изменила я мужу. Только виноват в этом он сам был!

– Ладно, ладно! – засмеялась Альбина. – Разберемся, кто был виноват, сначала рассказывай!

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ,

рассказанная инженером Наташей,
искренне уверенной в том,

что к измене ее принудил муж своей неумной ревностью,
а сама она ни за что бы на это не пошла, ни за что!

Был у меня старый друг, бывший однокурсник Антоша. Чудесный парень, красивый и веселый. Когда-то Антоша пробовал за мной ухаживать, но я к нему относилась только как к другу. Нет, даже больше – как к брату. И если он меня целовал при встрече, как водилось у нас на курсе, для меня это было все равно, что с подружкой поцеловаться. Антоше я все свои девичьи секреты рассказывала, а когда появился на горизонте мой будущий муж, то и про него все до капельки выкладывала. Проще говоря, Антоша мне подружку заменял. Вышла я замуж, Антоша тоже вскоре женился, а дружба наша сохранилась. У мужа были друзья юности, а у меня был Антоша. Муж сначала удивлялся нашей дружбе, а потом начал потихоньку ревновать: "Не может быть, чтобы между вами никогда ничего не было! Откуда такая привязанность?" А я пытаюсь его образумить: "Глупый! Если бы что-то было, так мы давно уже расстались бы. У нас просто

дружба, неужели ты не понимаешь?” Но Витя мой не унимается, все мрачнее на Антошу глядит. Антоша как-то спрашивает меня: “Может, мне к вам не заходить больше? Что-то твой муж на меня косится”. А я как представила себе, что у меня Антошу отнимут, так мне так обидно стало, хоть плачь. Уговорила Антошу не обращать внимания. А чтобы мужа не дразнить, стала чаще встречаться с ним не дома. Как у меня что-нибудь случится или мысли какие в голову придут, которыми хочется с другом поделиться, я звоню Антоше на работу и назначаю свидание в кафе. А мужу приходится врать, что собрание или встреча с подружкой. Но появилась у меня тайна, и вижу я, что муж это чувствует. Как-то Антоша зовет нас на свой день рождения. Муж мне и заявляет: “Я не пойду, и ты хорошо сделаешь, если не пойдешь”. Я его уговариваю, что нехорошо это будет с моей стороны, если не пойду на день рождения к лучшему другу. Тогда муженек мне и заявляет: “Ладно, иди. Но домой можешь в таком случае не возвращаться. Там и оставайся ночевать!” — “Опомнись, — говорю ему, — Антоша ведь женат, как это я могу там остаться?” А этот дурачок мне отвечает: “Ну, ведь как-то вы до сих пор устраивались?..” Тут я взъерилась: “Ах так! Ну, хорошо же! Я иду на день рождения и вернусь только завтра. Можешь успокоиться!” Одеюсь кое-как и выскочила, хлопнув дверью. Приезжаю к Антоше, поздравляю его, сажусь с гостями за стол и делаю вид, что мне страшно весело. А сама думаю, что же мне дальше делать? Вернуться поздно вечером домой — скандал. Не вернуться — тоже скандал. Но проучить мужика надо, значит надо мне куда-то поехать на ночь, но только не к маме — там он меня сразу же отыщет, и все начнется сначала. И тут мне, можно сказать, повезло. Вдруг звонок и появляется брат Антоши, живший в Москве: у него как раз командировка в Ленинград выпала, он и явился к братцу на день рождения. Кирилл его имя, мы с ним давно знакомы были. И вот этот самый Кирилл тоже когда-то за мной гонялся, наперегонки с Антошей. Узнаю я, что остановился Кирилл в гостинице. И решила я, мои милые, изменить в эту ночь своему мужу с Кириллом. Почему именно с ним? Ну, потому что Антоше мне жизнь разбивать не хоте-

лось, жена его мне нравилась, а Кирилл холостой был. И начала я с ним кокетничать. Да так тонко, что никто из гостей ничего не заметил, и Антоша тоже, но Кирилл сразу понял, что я на все готова. И вот после ужина пошел он меня провожать. Хотел сразу такси взять, а я попросила прогуляться пешком.

Идем мы под руку по снежной улице, а у меня в глазах и снег черный, так мне страшно: шутка ли, в первый раз мужу изменить! Дошли пешком до Невского, а тут уже надо либо к моему дому сворачивать, либо к гостинице, где Кирилл остановился. Я нарочно замедляю шаг, даю ему возможность взять инициативу в свои руки. Он это понял и спрашивает: "Может быть, мы посидим еще часок в ресторане гостиницы?" Я соглашаюсь. Сидим, пьем какое-то сухое вино. Тошно мне, но я улыбаюсь и болтаю что попало, лишь бы весело выглядело. А Кирилл видит мое смущение и от этого еще больше заводится. Ну, сидели мы так, сидели, а надо что-то начинать, иначе вовсе невольно становится. Я и говорю: "Расплачивайся и идем к тебе в номер". Кирилл удивился моей решительности, заспешил, расплатился, и пошли мы к нему. Пока по лестнице поднимались, я уже совсем струсила и хотела бежать. Но сдержалась: понимаю, что другой такой случай может когда и представится, но ведь уж точно не так вовремя!

Вошли мы в номер. Пустота какая-то нежилая, окурками пахнет, хотя пепельница пустая. Свет желтый, неуютный. Остановилась я посередине и говорю Кириллу: "Ну? Что же ты меня не раздеваешь?" Он подошел, снял с меня шубку. Это еще ничего. А как дотронулся до молнии на платье, на спине, так меня саму будто молнией прошибло. Руки чужие, холодные — бр-р! "Отвернись, говорю, я сама разденусь!" Разделась я и шмыгнула под одеяло, дрожу потихоньку. Кирилл закурил сигарету и сел рядом: "Можешь ты мне объяснить, для чего тебе понадобилось все это?" Тут я разревелась и все ему рассказала. Кирилл покачал головой: "Ну и дела! А мне что же теперь прикажешь делать? Сидеть всю ночь в кресле и сторожить тебя? Ну, уж нет, такие капризы надо наказывать". Выключил он свет и лег со мной. Я сразу к

стенке и в комочек сжалась, руки под коленками сцепила — не достанешь! Он попробовал меня повернуть, а я не далась. Думаю, что вот так всю ночь и пролежу рядом — что он со мной сделает? А утром пойду домой со спокойной совестью: и сама нетронутой осталась, и мужа наказала. Но Кирилл хитрее меня оказался. Он начал тихо-тихо гладить мне волосы, нашептывать что-то нежное, а потом долго-долго рассказывать, как он любил меня, когда мы студентами были. Я ручки разжала, ножки выпрямила и к нему бочком повернулась, тут он меня и слал! Ворвался он в меня, прямо как буря какая-то. От Вити я такого даже после разлуки не видела. Я и опомниться не успела, как все было кончено. У него, конечно, не у меня. Лежу я рядом, как оплеванная. Все, думаю, отсюда выйду и под трамвай! Лежу и плачу потихоньку. А пахнет от него незнакомо, волосы на ногах колючие, тесно с ним лежать и противно. Скорее бы утро, что ли! Но Кирилл отдохнул немного и снова начал меня оглаживать, целовать, приговаривать. Во второй раз мне уже больше понравилось, а в третий уже захотелось и гладить его жесткие волосы, и запах вроде как родней стал. И к утру, милые мои, была я уже в Кирилла влюблена по самые уши! И никаких угрызений совести не чувствовала, ничегошеньки, кроме одного: хотелось мне, чтобы эта ночь никогда не кончалась. Провели мы с ним в постели почти целый день, только к вечеру выбрались. Поужинали в ресторане, а потом он проводил меня на такси до дома. Поднимаюсь я к себе домой и удивляюсь, что ничего не боюсь, ни о чем не жалею. Вхожу, а муж перед телевизором сидит. "Ну, что, — спрашивает, — довольна?" Отвечаю: "Да, довольна. Ты же сам этого хотел!" А он мне вдруг заявляет: "А теперь успокойся. Не воображай, что тебе удалось поиграть у меня на нервах. Я звонил к Антоше, и его жена мне сказала, что ты ушла с подружкой". Так ничем и кончилась моя измена. Кирилл уехал, я больше с ним встречаться не захотела. Но Витю моего будто подменили: больше никогда никаких Отелло он передо мной не разыгрывал. Так я до сих пор и не знаю, догадался он или интуиция ему подсказала, что опасно меня ревновать?

Эмма внимательно посмотрела на Наташу:

– Скажите, Наташа, а этот Кирилл похож был на своего брата Антошу?

– Как две капли воды! Они же родные братья.

– Ну, вот вам и разгадка вашей измены. Вам и на самом деле хотелось переспать с Антошей, но страх мешал. Вы и устроили подмену. Отсюда и удовлетворение изменой и спокойствие потом: вы добились того, чего подсознательно хотели долгие годы, только скрывали от себя.

– Ах нет, не может быть! – воскликнула Наташа, но покраснела, как свекла.

– Именно так и есть! – рассмеялась Номенклатурщица. – Перед собой-то чего стесняться. И хорошо вы сделали, что разрядили себя, а то бы нервная система к чертям полетела. Вот вы на меня, женщины, поглядите: вроде я здорова, здоровей некуда. А однажды чуть не дошла до полного нервного истощения. И надо-то было всего лишь одно – изменить мужу разок, чтобы все на место встало. Рассказать?

– Расскажите!

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ,

рассказанная Номенклатурщицей Валентиной,
представляющая собой один из способов
сохранения душевного здоровья и равновесия

Был у моего мужа друг детства Костя. Я его долгие годы знать не знала, только мужнины рассказы слушала: какой Костя умный, какой талантливый, какой замечательный друг. Очень мне его увидеть хотелось. А Костя этот сделал замечательную карьеру, работал за границей, изредка приезжал в Москву. Тогда мой муж срывался, как помешанный, и ехал к нему повидаться. Меня любопытство разбирало: что за Костя такой? Как муж уедет к нему, –

я места себе не нахожу, про этого таинственного Костю думаю. И представлялся он мне чем-то вроде Штирлица, из "Семнадцати мгновений весны", эдакий красавец-разведчик с грустными глазами.

И вот как-то Павлик получает от своего Кости письмо, читает и начинает плясать с письмом в руке.

— Костя к нам в гости едет! На целых три дня!

Что тут началось! Павлик весь распределитель горисполкомовский растряс, все собирал для друга закуски. Меня заставили пироги печь: "Костя русскую кухню любит!"

Я днем убегаю с работы, по магазинам ношусь, квартиру прибираю, а ночью лежу без сна и все этого таинственного Костю пытаюсь себе представить.

И вот появился наш долгожданный гость. Вошел он, я чуть не ахнула: в точности Штирлиц из фильма! И челюсть вперед, и глаза грустные. На меня глянул, улыбнулся, руками развел.

— Ну, Павел, отхватил же ты себе русскую красавицу! Таких девах за границей не водится, разве что в Баварии, но те без нашего огонька! Хороша, прямо скажем, хороша!

Я чуть смутилась, но смело говорю в ответ:

— А если так, то чего ж зря за границей болтаться? Жили бы здесь, мы бы вам невесту по вкусу живо нашли.

— Да нет... Я холостяк по убеждению.

— И по должности! — объявляет мой супруг. А Костя усмехнулся невесело и кивнул:

— Да, пожалуй что и по должности тоже.

Ох, милые мои, тут я про себя решила, что Костя точно в разведке работает. Романтика, а?

Ну, погостил он у нас три денечка. Все больше с мужем беседовал, гуляли они где-то вдвоем. Я вокруг стола вертелась, готовила им завтраки, обеды и ужины, а они завтракали, обедали и ужинали. Обидно мне было, что Костя на меня внимания особого не обращал, а что поделаешь? Может, он в своих парижках и лондонах не таких красавиц видывал, а мне только комплименты говорил про русскую мою красоту? Мне вроде и все равно, а досадно.

Понравилось у нас Косте. Прощаясь, он мне руку целует и говорит:

— Дурак я был, что, приезжая домой, по гостиницам ошивался. Если хозяйшка не возражает, теперь буду почаще у вас останавливаться.

— Милости просим! — отвечаю.

С этого раза так и повелось, Костя каждые год-два у нас появлялся. Для мужа это праздник был, а для меня — сердечная морока. Знала я, что нечего мне на Костю глаза пялить. Он мне не пара, да и дружба у них с Павликом настоящая была, не стал бы он другу подлость делать. И все же чувствовала я, что тянет Костю ко мне, тайно тянет. Может, он и сам не догадывался или виду не подавал, но я замечала. Выхожу из комнаты на кухню, а взгляд его на моей спине горит прямо. Чувствуем мы это, бабы, всей кожей чувствуем ведь. И стало со мной такое твориться, что и вспомнить страшно. За месяц до Костиного приезда я ни одной ночи спокойно не сплю, думаю о нем непрерывно, извожусь прямо сказать нельзя как. И все про себя думаю: "Да неужели ж и одной ночи у нас с ним никогда не будет?" Ребенок уже у нас с Павлом, крепко живем, а как Костин наезд в гости — на меня лихорадка нападает. И случилось раз так, что он приехал, а мужу в срочную командировку отправляться надо. Денек они вместе побыли, а на другой Павлик уехал, и Костя тоже стал собираться. Тут я ему и говорю:

— Вам-то куда торопиться, Константин Ильич? Вы уж оставайтесь, побудьте у нас. Пироги-то вон не съедены!

Поглядел он на меня внимательно и остался. А ночью я сама к нему пришла в мужнин кабинет, где он спал. Он хоть и ждал этого, знала я, а все же попытался сопротивляться:

— Вы с ума сошли, Валя! А как же Павел?

— Я этой ночи пять лет жду. Мне одна ночь всего и нужна, а Павлу все остальные останутся.

Ох, и ночка была у нас, милые! Я прямо чувствовала, как тоска моя из каждой клеточки жаром выходит и в Костю переливается — пять лет ведь копилось! И все легче и легче мне становилось, а к утру стала я вся чистая от этой любви моей запретной. Вышла она из меня. Поглядела я на Костю, а у него

вокруг глаз чернота и в глазах черная тоска горит. И говорит он мне первые утренние слова:

— Я тебя никогда не забуду, Валентина.

— Знаю. Не забудешь. Зато я теперь тебя смогу забыть, не разрушить теперь тебе мою жизнь.

— Разве тебе плохо было со мной?

— Хорошо, Костенька. Так хорошо, как никогда с мужем не было. Да ведь это не от тебя зависело, это моя дурь была. Прошла она. Все, вылечилась я от тебя. Теперь гуляй по своим заграницам, помни Валину ночку, а мне дальше жить. Здесь, с Павликом.

Понял он меня. В дверях обнял так, что кости хрустнули, и еще раз сказал:

— Я тебя никогда не забуду!

И ушел. Навсегда. Больше он уже к нам не приезжал, а Павлику писал, что дела не пускают. И я легко теперь его вспоминаю. Вспомню, улыбнусь своей смелости и дальше живу.

— Ну и молодец ты, Валентина! С каждым днем ты мне все больше нравишься, хоть и влюбляешься в шпионов.

Это бросила реплику Альбина, которой как раз подошла очередь рассказывать.

— А я бы на такое никогда не решилась, — вздохнула Галина.

— Вот потому ты и тощая такая, — засмеялась Альбина. — Мораль тебя заедает. А против Валиного здоровья никакая мораль не устоит! Теперь я вам расскажу, как со мной один хитрый мужик устроивался, чтобы жене изменять.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ,

рассказанная стюардессой Альбиной
и представляющая собой один из образчиков
мужской блудливой хитрости

Познакомилась я как-то с директором вагона-ресторана, так просто, чтобы приодеться через него. Зима на носу, а у меня ни шубки, ни сапожек. Действую по пословице: женщина тогда хорошо одета, когда одевается в кредит, а раздевается за наличные. Мужик из себя недурен и богат, самый ценный кадр. Переспали мы несколько раз с Львом Борисычем, а он возьми и влюбись в меня насмерть. Так влюбился, что дня без меня не может. "Эх, говорит, женился бы я на тебе, Альбиночка, кабы мою жену с работы выгнали!" А секрет тут простой: жена в ОБХСС работает. Страшная, злая да еще и бесплодная. И женила она на себе Льва Борисыча добровольно-принудительным путем, вроде как мы на субботники ходим: можешь не идти, твое дело, но... Попался ей Лев Борисыч с какими-то махинациями, вот она ему и предложила либо в тюрьму идти, либо в ЗАГС. И выбрал бедняга вместо лагерного срока бессрочную каторгу с нелюбимой женой. Отводил душу на стороне, а сам хоть и деляга каких мало, но тосковал по любви, хотел иметь постоянную женщину возле себя. Так вот ко мне и привязался. "Как бы нам с тобой устроиться, чтобы и не расставаться, и жене не попадаться?" — размышляет мой Лев Борисыч после каждой нашей ночки. И додумался. Стал он мне в каждый свой рейс покупать билет до конечной станции и обратно, да еще и не один, а купе целиком — чтобы нам никто не мешал. Хотел сначала устроить меня официанткой в вагон-ресторан, но я не согласилась — не по мне эта работа, знаю я, как мужики распоясываются в дороге. В самолете и то порой на такое нарвешься, что потом не знаешь как отплеваться. Да и жена Льва Борисыча, ревнивая кикимора, его в каждую поездку провожала, могла заподозрить и оскандалить. Не люблю этого.

И вот началась у нас с ним любовь на колесах. В Ленинграде я сажусь в поезд как обычная пассажирка, только из-

дали поглядываю в окошко, как эта страхолюдина вокруг моего любовника вьется и злыми глазами на проводниц зыркает — нет ли среди них молоденьких и хорошеньких? Устраиваюсь в купе привольно, одна ведь еду. А там Лев Борисыч появляется и начинается у нас с ним любовь под стук колес. А приезжаем обратно — жenuшка его нас встречает.

Так мы с ним полгода проездили, южный загар с меня в ту зиму не сходил, хороша была как никогда. И, если уж честно, признаюсь, хоть и неловко: сама я тоже к Льву Борисычу привыкла. И вот как-то меня разобрало, я и говорю: "А что, Левушка, если тебе бросить твои шахер-махеры и уехать со мной куда-нибудь подальше от твоей красоти?" Он побледнел и отвечает: "Нет, Альбиночка, я ее боюсь так, как на фронте мин не боялся: мина враз разрывает, а эта стерва способна всю жизнь рвать по кусочку живьем. Нет уж, надо терпеть..."

Чем, спрашиваете, кончилось? А чем оно могло кончиться?.. Надоело мне мотаться в поездах, бросила я его. Еще меня мысль стала мучить, вдруг он не столько своей ведьмы боится, сколько не хочет терять доходное местечко? А я, девочки, про себя знаю, что только тот мужик может меня покорить и взять, который ради меня большое страдание на себя примет, последнего ради меня лишится. А они все больше насчет веселой жизни хлопочут, ну, так что ж, буду и я веселиться, пока время есть...

Порассуждав немного о том, способны ли мужчины на большие жертвы ради женщин, все пришли к неутешительному выводу, что навряд ли Альбина дождется своего героя. Только сама рассказчица молчала, усмехаясь каким-то своим мыслям.

Следующей рассказывала Галина.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ,

рассказанная диссиденткой Галиной.

В ней говорится о том,
как рассказчица увидела в доме лучшей подруги
все признаки измены и ужаснулась,
а также о некоторых бытовых сложностях
советской действительности

Я вам уже говорила, что есть у меня задушевная подруга Людка, которая меня с моим Славиком сосватала. У нее тоже был "диссидентский роман": человек, которого она любила, отсидел семь лет в лагерях. Сначала у них была переписка — Людка переписывалась чуть не со всеми политзаключенными, посылки им посылала, теплое белье вязала. Ее даже звали "диссидентской сестричкой". А потом ее Гарик освободился, они встретились, полюбили друг друга и поженились. Брак был очень счастливый, я все смотрела на них и мечтала: "Вот мой Славик освободится, и у нас так будет". А сама у Людки училась, наблюдала, как та дом ведет, как со своим Гариком обращается — готовилась к будущему счастью. Когда же мы с подругами на работе рассуждали о семейной жизни, я говорила, что знаю идеальную супружескую пару, и рассказывала им о Людке с Гариком.

И вот однажды я вдруг с ужасом поняла, что моя любимая Людка нагло изменяет своему Гарикку. Случилось это так. Как-то забегаю я к Людке без предварительного телефонного звонка, с работы пораньше освободилась и шла мимо. Думаю, дай зайду, посмотрю, как они. Звоню в дверь и слышу, как по коридору несется Людка. Распахивает она дверь — рожа сияет, глаза блестят. Увидела меня и скисла: "А, это ты, Галка... Ну, проходи". Вхожу в комнату и с порога вижу накрытый стол, закуски, посреди бутылка водки. Спрашиваю: "Ждешь гостей?" Та, как мне показалось, немного смутилась и отвечает: "Не гостей, а гостя. Слушай, Галка, если у тебя дело — выкладывай и уходи. Мне страшно некогда". А сама на часы поглядывает и явно нервничает. Ну, я посидела минутку для приличия, попросила какую-то книжку и ушла. Иду к себе

домой и удивляюсь: кого это Людка так ждет? Может, кто из лагерников освобожден, тогда почему она от меня его прячет? Обиделась немного.

Дня через два опять захожу к ней вернуть книгу и застаю все в той же позиции: снова стол накрыт, Людка к дверям бегом бежит, только вид у нее уже не такой веселый и глаза красные. Видно, долгожданный-то гость так и не является. Любопытство меня разобрало, я и на другой день без предупреждения к ней заявила. Людка меня впустила, а сама села на диванчик, в уголок и на меня не глядит. Пальцы ломает, нервничает, глаза опухшие — ревел. И тут я поняла, что на моих глазах происходит какая-то любовная драма. А я еще Людку идеальной женой считала! Но на всякий случай осторожно спрашиваю:

— Людка, ты все ждешь какого-то гостя?

Та кивает, а слезы у нее через края переливаются и по щекам бегут.

— А он не идет?

— Нет, не идет...

— Так ты плюнь! Не идет и не надо!

— Не могу я плюнуть на этого человека, Галочка! У меня сейчас весь свет клином на нем сошелся!

Схватила диванную подушку, уткнулась в нее и ревет. Я так и обмерла: Людка ты моя, Людка, до чего же ты дошла, до чего докатилась! И кому теперь верить, если даже Людка при таком-то муже из-за какого-то хмыря изводится?

Тут открывается дверь и входит Гарик. Видит он накрытый стол, плачущую Людку, меня, ошеломленную — и ничего. Подходит к Людке и гладит ее по голове:

— Так и не пришел?

Людка мотает головой и пуще ревет. Я уже ничего не понимаю.

— Так кого вы ждете-то, черти? — кричу уже в полном обалдении.

— Кого, кого... — отвечает Людка. — Водопроводчика!

— Я тебя без шуток спрашиваю.

— А я тебе без шуток отвечаю! Вторую неделю в туалете труба течет, не успеваю пол подтирать, отпуск пришлось за

свой счет на работе взять. А в жилищной конторе каждый день говорят: "Ждите, завтра непременно будет!" Водопроводчик у нас жуткий пьяница, опять в запое, а другого нет. Я уж водку припасла, чтоб ему сразу опохмелиться как придет. А он все не идет и не идет, этот их дядя Вася...

И опять моя Людка заревела белугой!

Тут я не выдерживаю и начинаю хохотать, как безумная. А успокоившись, объясняю Гарику и Людке, что, наблюдая сцену ожидания водопроводчика дяди Васи, пережила нравственную трагедию — решила, что Людка любовника ждет...

— Дура ты! — говорит Людка. — Да я Гарика так не ждала, как этого дядю Васю — жизни ведь никакой без него нет, в туалет не войти!

Конечно, женщины сразу вспомнили истории собственных мучительных ожиданий — кто водопроводчика, кто электрика, кто мастера по холодильникам. Наташа рассказала, как она два года ожидала мастеров по ремонту квартиры, а Иришка — как она шила в ателье мини-платье до тех пор, пока мода "мини" не сменилась на "макси" и пришлось это долгожданное платье подарить соседской девчонке.

Тут очередь рассказывать наступила Ольге.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ,

**рассказанная работницей Ольгой
и свидетельствующая о том,
что мужа подчас замечают измены своих жен
только при условии, что сами этого желают**

Я чему удивляюсь, Галина? Тому что ты задушевную свою подружку прямо с ходу в измене заподозрила. Только я тебя не виню — такие уж мы бабы и есть, все нам одно мерещится. А вот кому я сильно удивляюсь, так это мужикам! Ежели у кого жена на других мужчин и не глядит,

тот непременно ее ревностью изводит, к каждому пустяку у него придирки. То не так посмотрела, то не туда села, то зачем новое платье не вовремя надела — для кого, зачем, почему? А вот ежели жена и впрямь изменяет, то мужик уже остороженько кумекает: есть ему резон замечать ее измену или нет никакого в том смысла?

Был у нас на заводе мастер Антон Семенович. Не мальчик уже, а все в холостяках ходил. И собой не очень чтобы очень — так, круглевастенный да головастенный, мужского духу в нем мало. Бабы поспелее на него и не глядели, так он за молоденькими ударял, которые на завод из деревни подались. Так и шло у него до поры — девок одну за другой менял и был уверен, бедняга, что чем баба моложе да неопытнее, тем сподручнее с нею управляться. На этом его жизнь и подловила.

Прибыла к нам из-под Пскова такая Раймонда Замошкина. Имена сейчас в деревне такие дают, что только коровам под стать: то Джульетта приедет в город дворником устраиваться, то Сильвия в кочегары наймется. А к нам вот на завод Раймонда заявила. Ну, мы ее быстренько в Райку перекрестили. Пока эта Райка робела, она ничего была, скромная. Тут ее наш Антон Семеныч и приглядел, посватался. А девке чего? Выхода ведь нету: в общежитии все бока на казенном матрасе облежишь, пока получишь комнату. Один выход жениха искать, а тут он сам объявился. Да и не так уж чтобы совсем плох, и не за таких из-за прописки и жилплощади выходят деревенские наши красотули. Оженились, стали жить. Год наша Раймонда держалась, а потом пошла-поехала, с кем попало в уголок бежит и юбку задирает! Да не где-нибудь блудила, а тут же на заводе, на рабочем месте. У нас рядом с мебельным цехом столярка, а в ней молодых парней полно. Вот она и повадилась с ними по очереди любовь крутить. Как обеденный перерыв или конец смены, так наш Антон Семеныч, весь из себя бледный, вокруг столярки ходит, в углы заглядывает, женушку свою выискивает и вытаскивает. Искать-то ищет и находит, а вот измены — не видит! Выходит, к примеру, Райка из душевой, а за ней парень-

столяр идет и застегивается. Антон Семеныч парня в упор не видит: "Помылась, Раечка? Ну, пойдем домой".

Однажды до того дошло, что застучал он свою Раечку в столярке в перерыве между сменами прямо на куче стружек под Женькой, бригадиром столяров. У них там возня вовсю, а он подходит и тихо так, вежливо спрашивает: "А что это вы тут делаете?" Райка, видно, в азарт вошла, она зыркнула на него из-под Женьки и отвечает: "Ты что, не видишь? Е...ся!" Повернулся бедный Антон Семеныч и побрел в свою конторку. А Райка свое дело с Женькой сделала, халат одернула, волосья прибрала и следом. Входит в конторку как ни в чем не бывало: "Пошли домой, Антоша!" А тот сидит в стол уставившись, не отвечает. Худо ему. А эта оторва и заявляет: "Да ты никак и вправду подумал, что я с Женькой в стружках того..? Да я ж пошутила! Озоровали мы, боролись, кто, мол, сильнее?.. Вставай, пошли домой, ужинать пора". Встал тихий Антон Семенович и побрел вслед за женой, а о том, что в столярке было, и не заикнулся. Поверил. Глазам своим не поверил, словам ее, сгоряча вырвавшимся, не поверил, а вранью ее наглому — пожалуйста. Значит, так ему надо было.

Дальше была очередь Нели, и она начала свой рассказ.

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ,

**рассказанная учительницей музыки Нелей,
в которой на сцене вновь появляется водопроводчик,
а за ним электрик**

Обе последние истории подсказали мне то, что я вам сейчас расскажу. Это будет анекдот и история из моего опыта, правда не про водопроводчиков, а про электриков. Не смейтесь заранее, потом будет над чем посмеяться.

Сначала анекдот, который мне напомнила Оля. О том, как мужчины относятся к изменам и откуда у них возникают подозрения об изменах. Так вот, встречаются два старых

приятеля, оба недавно женились. Спрашивают один другого, не изменяет ли молодая жена. Первый говорит: "Я очень подозреваю, что моя мне изменяет с каким-то садовником. Как ни приду домой — на столе свежие цветы, на окнах она тоже развела целый ботанический сад. С чего бы это, если у нее нет любовника, который цветами занимается? Чует мое сердце — изменяет". Второй вздыхает и говорит: "У меня тоже есть некоторые подозрения, что моя жена изменяет мне с водопроводчиком". Друг удивляется: "Как же ты это усек? Краны что ли у тебя новые каждый день появляются?" — "Да нет. Понимаешь, как-то я прихожу с работы на час раньше, а жена дома, в постели, и рядом с ней водопроводчик. Вот тут у меня и возникло подозрение, а уж не изменяет ли она мне с этим водопроводчиком?"

А теперь уже не анекдот, а история, как говорится, из жизни. Случилось у нас как-то на кухне замыкание — в стене, проводка внутренняя. А стена на кухне сырая. Надо кому-то вызвать электрика, а некому. Старики наши квартирные как один гриппуют, а кто помоложе — на работе. Вызывать же надо с утра, а то никого потом не доищешься. У меня в этот день в музыкальной школе концерт. Ну я принарядилась и забежала перед работой в жилконтору — электрика вызвать. Электрик, на мое счастье, оказался на месте. Молодой здоровый парень, симпатичное лицо, только взгляд какой-то уж больно наглый, обшаривающий. Я ему говорю: "Замкнуло у нас в стене, кабель новый нужен". А он так, с ухмылочкой какой-то нехорошей мне отвечает: "Ну, что ж, для такой красоты кабель всегда имеется. Приду в пять". Вроде ничего особенного не сказал, ну, обычный мужицкий юмор, а что-то неприятно мне стало. Ушла поскорей и забыла.

Прихожу домой около пяти, а вскоре звонок — и на пороге он, электрик. Я даже не успела переодеться, вышла в халатике. Он стоит на пороге, игриво на меня поглядывает, молчит и улыбается. Я ему говорю: "Идемте, я вам покажу где авария". А он в ответ: "Да уж понятно, где у вас аварии случаются. Разберемся!" Я пожалала плечами и веду его в кухню. Открываю перед ним дверь, а он вдруг вытаращил на меня глаза и говорит: "Так это ж кухня!" — "Ну да, вот, видите,

вся стена черная — замыкание!” Он тут удивленно на меня посмотрел, хмыкнул и говорит: “А, так у вас и вправду авария. А чего ж вырядились, когда за мной пришли?” — “Да вам-то какое дело? Вырядилась на работу, концерт у меня был сегодня...” Тут он сбросил с плеча сумку с инструментом и давай стену долбить, а на меня уже больше и не взглянул. Я вижу, что парень за работу взялся и тоже ушла к себе в комнату. Когда он закончил работу и позвал: “Хозяйка!”, я вышла, убедилась, что все в порядке и спрашиваю: “Сколько за работу?” А он оскалился и говорит: “За что ж платить? За проводку мне государство платит. Я ведь думал, вы по другой аварии меня вызываете. Ну, там у меня за кабель такса — десять рублей. Приспичит — я всегда готов”. Тут я поняла, каким дополнительным заработком пробавляется наш электрик! С тех пор, если надо кого-то вызвать для ремонта, я всегда мужа посылаю.

*Удивились женщины электрику-совместителю,
а больше всех Альбина:*

— Надо же, какая скромная такса! Как у последней грязнули от Московского вокзала! Видно больше из собственной потребности этим занимается. Но приятно слышать, что мы и в этом разлагающийся Запад догоняем!

— А что, разве у них такое есть?

— Мужчины-проститутки? Да сколько угодно! Я читала, что там даже специальные публичные дома для женщин есть. Пошла, выбрала себе по вкусу — и забавляйся, сколько карман позволит. Впрочем, может и врут опять наши газеты, не знаю...

— Фу, гадость какая! — воскликнула Иришка.

— А когда все это тайком творится — не гадость?

И все согласились с Альбиной, что подпольная проституция ничуть не лучше открытой, после чего свой рассказ повела Эмма.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ,

рассказанная режиссером Эммой
и содержащая ответ на вопрос,
волнующий многих советских женщин:
как достать дубленку?

Я вам расскажу о том, как изменяли мужьям блондинки одного провинциального города. Почему именно блондинки? А вот послушайте.

Было это в южном городе, уж позвольте мне не говорить, в каком именно — мало ли где у кого из вас есть знакомые и родственники! Уже после развода с мужем работала я там в театре главным режиссером и была, как говорится, на виду. Поклонников у меня целый хвост, но был и хороший друг, начальник управления культуры. Когда-то он учился со мной на одном курсе в театральном, но потом решил выступать на другой сцене, номенклатурной, и продвинулся вверх довольно скоро. Но когда я приехала в его город работать, он вспомнил дружбу прежних студенческих лет и принялся опекать меня. Устроил сразу главрежем, выбил квартиру, словом, помогал во всем. И совершенно бескорыстно, хотя бабник был отчаянный еще с тех же студенческих лет.

Подошла моя первая зима в этом южном городе и зима, я вижу, довольно суровая: город хоть и на юге, но в горах, климат континентальный — лето жаркое, а зимой держись. А я этого не учла, шубу свою сибирскую продала, когда от мужа уезжала, ходить мне не в чем. Бегаю в театр и обратно в своем довольно-таки пижонском замшевом пальтишке и чувствую, что до воспаления легких осталась мне максимум неделя-другая. Надо прибарахляться, что-то теплое покупать. Тут как раз вошли в моду дубленки и все богатые красавицы города в них шеголяют. Думаю, надо и мне такую, чем я хуже? Наши актрисы тоже пообзавелись дубленками. Спрашиваю одну, другую: "Где вы достали дубленку?" Все, как сговорились, отвечают, что в другом городе. Одна в Одессе, другая в Москве, третья в Риге. А дубленки все на один фа-

сон, вот что меня удивило. Обратилась я за помощью к своему приятелю:

— Послушай, Гоги, я совсем замерзаю. Можешь ты мне помочь найти дубленку?

А он как подскочит!

— Что?! Дубленку, тебе? Ни за что в жизни, хоть режь! Все что хочешь проси, только не это. Хочешь, машину выпишу, будешь в театр в теплой машине ездить?

— Да ты что, Гоги! Зачем мне машина, я и водить-то не умею. Я дубленку хочу, замерзаю я.

— Нет, дубленку ты от меня не получишь. Ты порядочная женщина, мы с тобой последним кефиром перед стипендией делились, ты для меня как сестра — не будет тебе дубленки!

А почему — молчит. Решила я, что это какая-то местная придурь — считать, будто дубленки носят непорядочные женщины. Потом случайно узнала. Оказывается, мой друг Гоги, как все кавказцы, безумно любил блондинок и считал делом чести перепробовать всех стоящих блондинок в городе. Еще в институте Гоги любил говорить, что со всеми блондинками не переспшишь, но нужно к тому стремиться. А здесь их было не так уж много, город был южный и черноволосых красавиц в нем было больше. Гоги соблазнял своих блондинок дубленками, которые ему поставлял кто-то с Западной Украины, где наладили их производство. В конце концов он снабдил дубленками чуть ли не всех наших белокурых красавиц, в том числе жен местного начальства, актрис, преподавателей местного вуза, врачей. И несколько посвященных друзей, а в конце концов и я, знали: если на блондинке дубленка — значит от Гоги. Между прочим, многие из блондинок в дубленках были женами весьма высокопоставленных мужей — прокурорская жена, супруга секретаря горкома партии. Мужья могли бы спокойно им эту дубленку и сами достать. И вот надо же, ни одна не устояла — только через Гоги подавай им дубленку! А я потом Гоги поддразнивала: "Счастье твое, что тут мало блондинок, а если бы тебе нравились черненькие?" Гоги делал вид, что впадает в панику и хватался за голову: "Через год одно из двух кончилось бы: либо дубленки на фабрике моего приятеля, либо я!"

Наступила очередь последней рассказчицы, Иришки. И тут она всех огорошила:

– Я вам расскажу, как я своему Сереженьке три раза подряд изменила.

– Ты?! У вас же такая любовь!

– Вот именно поэтому. Слушайте.

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ,

**рассказанная толстушкой Иришкой,
повествующая о том,
как она изменила мужу,
чтобы все было "как у людей"**

Живем мы с Сереженькой, живем, и вдруг появляется у меня новая подружка Сонечка. Хорошенькая, как куколка, но стерва! Начала она меня допекать, что я жизни не знаю, в мужчинах не разбираюсь, а все потому, что никого, кроме Сереженьки своего, никогда не знала.

– Ты хоть целовалась с кем-нибудь другим? – спрашивает она меня как-то.

– Целовалась. С родственниками, с подружками.

– А с другими мужчинами?

– Нет, конечно! Зачем это мне?

– Ну, так ты даже не знаешь, что из себя твой Сереженька представляет по сравнению с другими мужчинами. Может, он как раз не твой тип, а ты этого даже не знаешь.

Начала она мне объяснять про сексуальную несовместимость. Я ей возражаю:

– Но ведь мне с моим мужем очень хорошо, мы по воскресеньям, если есть возможность, вообще из постели не вылезаем, целый день голубимся.

А она говорит:

– Вот видишь! А с другим ты, может, неделю бы не вылезала. Ты же не знаешь других, как слепой котенок уткнулась в своего Сереженьку и довольна.

И так она меня задевала, задевала и растревожила. Стала

я задумываться: а что, если и вправду есть кто-то лучше Сережки моего, а я об этом и не догадываюсь? И так эти мысли стали меня изводить, что спасения от них нет. В кино вижу красивого актера и думаю: а вот как бы мне с ним было целоваться, лучше или хуже, чем с Сережкой? Лежим с мужем в постели, а я воображаю, что это не он и пытаюсь понять, что бы я при этом почувствовала? Похудела даже от этих мыслей, представляете, какой ужас? Просто наваждение!

Как-то уехал мой Сережа в командировку, а я твердо решила ему изменить и Соньке нос утереть. Я ведь уверена была, что Сереженька мой выше всяких сравнений! Так оно и оказалось...

Не перебивайте, я все расскажу, по порядку. Стала я думать, где же мне найти подходящий объект для измены? И придумала. Выбрала я трех кандидатов: одного эстрадного певца, по которому все девчонки с ума сходят, еще актера из Театра комедии, не очень красивого, но жутко знаменитого, и художника-нонконформиста, у которого выставка была даже в Америке. Нашла их адреса и послала всем троим письма: "Я хочу с вами изменить своему мужу. Пожалуйста, не откажите в любезности, мне это очень надо для семейного счастья". И фотографию свою каждому послала и телефончик. Все трое сразу же позвонили, я им назначила свидания в три дня подряд. И что же вы думаете? Ну, ни один ни в какое сравнение с Сереженькой не шел, ни один! Так я этой дуре Соньке и сказала. А когда Сереженька вернулся из командировки, я его обрадовала и потребовала, чтобы он тоже мне с кем-нибудь изменил и потом сказал, кто лучше — я или другая женщина? А он не хотел изменять. Потом признался мне, что ему это не надо, что он мне изменил несколько раз перед нашей свадьбой и потом убедился, что я лучше их всех, с кем он мне изменял.

Только вы знаете, девочки, я вот иногда думаю, что он меня обманул, что вовсе он мне не изменял, а выдумал это, чтобы от меня отвязаться, чтобы я не приставала к нему больше. Как вы думаете, обманывает он меня или нет?

Женщины хохотали над изменами глупой Иришки, которой, впрочем, никто не поверил, хотя виду не подал. Потом Эмма для порядка спросила:

— Ну, а ты хоть что-то испытала с этими тремя красавчиками?

— Конечно! Они же очень старались мне понравиться, я же им объяснила, в чем дело. Только они в это дело старание вкладывали, а Сереженька — душу. Вот они и не могли с ним сравниться.

— А ты, Иришка, совсем не такая дурочка, как можно подумать. В тебе, хоть и наивная, а мудрость какая-то есть, — дипломатично решила Лариса. — Ты только больше не бери дурного в голову, а то влипнешь в историю.

— Нет, зачем же? Я же теперь убедилась. А с Сонькой я, конечно, раздружилась. Ну ее, а то еще чего выдумает, а мне потом отвечай.

Но женщины еще долго, до самого сна посмеивались над "мудрой" Иришкой. И так закончился пятый день.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ, ГЛАВА ШЕСТАЯ,

**в которой женщины рассказывают
о насильниках и их жертвах**

ЖЕНСКИЙ ДЕКАМЕРОН

Утром шестого дня Бичиха Зина напомнила:
— Бабоньки! А мы ведь надумали рассказать о том, как над нами мужики насильничали. Аль забыли?

— Лучше бы и не вспоминать, — проворчала Ольга.

Но другой темы никто не предложил и потому остановились на этой.

Наступил вечер, детей принесли покормиться, потом снова забрали, и тогда Лариса начала рассказывать.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

рассказанная биологом Ларисой.

В ней выясняется,

как Лариса едва не стала диссиденткой,

но это ее диссидентство кончилось

из страха перед насилием — нет, не со стороны властей, и не КГБ, а самого обычного уличного хулигана

А бы с радостью отделалась анекдотом, как обычно, благо есть в моем арсенале парочка и на эту тему, но ведь мы не просто развлекаемся, а, можно сказать, ведем социально-психологическое исследование на заданную Зиной тему: есть ли на свете женщина, которую никто и никогда не пытался изнасиловать? По существу мы проводим выборочный опрос. Нас здесь десять совершенно разных женщин, и вот интересно, останется ли к концу вечера хотя бы одна, которой нечего будет рассказать?

Предлагаю вашему вниманию, мои дорогие исследовательницы, свой печальный опыт на этот счет.

В этой истории, Галина, мои пути пересеклись с вашим диссидентским кругом. Это не редкость среди ленинградских интеллигентов: почти у каждого есть либо знакомый диссидент, либо знакомый знакомого диссидента. И нет ничего удивительного в том, что, не найдя себе такого героя, каким

был мой Володька, я обратилась в конце концов к героям нашего времени — к инакомыслящим. В конце шестидесятых это было совсем нетрудно, поскольку кругом собирались какие-то подписи под документами в защиту то одного, то другого преследуемого. Это теперь все, кажется, попритихло и посерьезнело, а тогда в связи с диссидентскими кругами был даже особый шик. Моего инакомыслящего избранника звали Володей. Очень может быть, что с имени и началась моя к нему симпатия: половина моих поклонников и любовников — Володи. Был это веселый и общительный малый, большой умница, знавший европейские языки и неплохо разбиравшийся в литературе, не только самиздатской. Сидел в лагере, сидел и в знаменитой Владимирской тюрьме, с Буковским и Гинзбургом был на ты. Словом, знаменитость.

Как водится у нас, влюбленных баб, не успев с ними толком переспать, я уже по уши влезла во все его дела. Что-то подписывала, куда-то ездила по его поручениям, по ночам на машинке перепечатывала самиздат, сбивая ногти. И вроде жизнь моя стала наполняться особым смыслом. Дело, конечно, было вовсе не в политике, а в растущей уверенности, что я нашла своего "второго Володьку". Трудный это был процесс, до того трудный и сложный, что для того, чтобы в самой себе разобраться, я даже стала стихи писать. Помню сравнивала себя с сугробом, в глубине которого прорастает подснежник, или еще с чем-то в этом роде. Глупость одним словом, но счастливая глупость.

А трудно мне было потому еще, что я, привыкшая подчинять, снова должна была научиться подчиняться, поскольку таковым было мое представление о счастье. Тогда, конечно. Теперь я свою независимость на такое счастье уже не сменяю, но для этого надо было мне еще много чего пережить...

Володе-новому я доверяла слепо — кому ж еще можно было доверять? Он был проверен-перепроверен по всем параметрам современной общественной морали, диссидентской, конечно. Друзья его лагерные рассказывали легенды о дружбе с ним. Оба свои процесса, а он садился дважды, он прошел без малейшего урона, как нож сквозь прозрачную воду. И даже мне никогда не говорил, что было ему нелегко там, за ре-

щеткой. Из-за любви к нему и я пережила арест на несколько часов и скажу вам, мои милые, что даже час провести под арестом и допросом — страшно. Очень страшно.

Арестовали нас с ним вместе во время демонстрации. Да, я уже и на демонстрации вместе с ним ходила. Удивляюсь, как только из аспирантуры тогда не вылетела? Но обошлось.

Взяли нас на Сенатской площади, запихали в милицейские машины и повезли в отделение милиции. По дороге Володя крепко держал меня за руку и шепотом давал инструкции: как вести себя на допросе, что отвечать. А в основном уговаривал, что бояться нечего, что меня непременно отпустят. В отношении самого себя у него такой уверенности не было: дело на него всегда было наготове. На этот случай он тоже давал мне ЦРУ — "ценные руководящие указания": идти к нему домой и прятать бумаги, сообщить тому-то и туда-то, а главное на Запад. Я же про себя думала, что буду ходить к нему на свидания и носить передачи, и в темноте милицейской машины я улыбалась: это мне казалось, хоть и горьким, но таким счастьем! Как же, нашла себе настоящего мужчину...

В милицию вслед за нами явились гэбэшники, смотрели у всех документы и вели допросы. Я просто отмалчивалась, боясь по неопытности сказать что-нибудь лишнее.

Выпустили одних через два часа, а других, и Володю в том числе, посадили на пятнадцать суток. Один раз удалось мне ему и передачу снести в тюрьму на улице Каляева. А когда прошли эти две недели и Володю выпустили, стал он мне еще больше доверять, а я в него еще сильнее влюбилась. Роман наш проходил тревожно: я каждый день, идя к нему домой, боялась, что его уже взяли, а он старался перед неминуемой, как ему казалось, посадкой успеть сделать как можно больше. Стал он меня все больше вводить в курс дела, знакомить с нужными людьми, учить конспирации. И ГБ начала за мной приглядывать: часто я замечала за собой на улице какие-то подозрительные тени, неотступных и неотличимых друг от друга молодых людей в одинаковых плащах с особенными какими-то затылками.

Как-то я засиделась у Володи далеко за полночь, помогала

составлять обращение в защиту недавно арестованных самиздатчиков.

— Володя! Мне, пожалуй, уже надо двигаться домой.

— Оставайся у меня. Надо бы все сегодня закончить, мало ли что может случиться завтра.

— Никак не могу! Я маму сегодня не предупредила, она будет с ума сходить, если я не явлюсь до утра. Надо хоть в два ночи, но добраться домой. У тебя есть на такси? Я не взяла с собой денег.

— Ты знаешь, совсем пустой.

— Тогда проводи меня, чтобы мне одной ночью не идти по городу.

— Прости, не могу никак. Я должен закончить этот документ, ведь люди в большой опасности. Тебе же совсем недалеко идти!

— Все равно я побаиваюсь. В последнее время за мной постоянно ходят то один, то двое.

— А что они тебе сделают? Наоборот, это же лучшая охрана от бандитов!

Тут он засмеялся. Вы не удивляйтесь, что я дословно помню весь этот разговор, ведь наш последний это был разговор, почти последний. Потом уж оставалось три слова сказать да проститься...

Ну, я продолжаю его просить, а он начинает хмуриться.

— Что-то ты сегодня, Ларочка, не ко времени решила женской робостью кокетничать. Давай отложим это до другого раза.

Подавила я вспыхнувшую обиду, поцеловала его и ушла. И вот выхожу я одна-одинешенька на темную Гороховую улицу и спешу по ней быстрым шагом, чтобы скорее добраться до Садовой, где хотя бы света побольше. И, как вы можете догадаться, вскоре слышу я за собой шаги. Снег хрустит. Тут я сдуру свернула в первый попавшийся переулок: если это случайный прохожий, то он мимо пройдет, а я успокоюсь и побегу дальше. Но шаги за мной сворачивают в тот же переулок и ускоряются, настигают. Оглядываюсь: парень в меховой куртке, лицо шарфом до половины замотано. Тут он бегом меня догоняет, хватает сзади, зажимает мне рот ручи-

щей в перчатке и тащит в подворотню. Там прижимает меня к стене, развернув к себе лицом, и, продолжая зажимать мне рот, другой рукой он рванул на мне пальто так, что пуговицы орехами посыпались в снег. Потом ухватился за ворот платья, рванул его и предстала я перед ним в одном бельишке — спереди. Хорошо, что на мне еще были рейтузы, а под ними колготки: он одной рукой продолжал держать меня за плечи и ею же зажимает мне рот, а другой лезет вниз и пытается разобраться в моем хозяйстве. Рвет одно, другое, а все никак не доберется до тела. Зубами скрипит от злости, трясется весь — противно от ужаса! Тут я изловчилась и вцепилась ему в руку зубами. Взвыл он и на секунду отпустил укушенную руку: тут я вырвалась и помчалась вон из этой подворотни и дальше по переулку. Но он опомнился и, слышу, за мной опять бежит. Тут меня осенило, даже сама не понимаю как, в таком-то перепуганном состоянии. Свернула я в первый попавшийся двор, он, естественно, за мной, а я остановилась посередине и быстро оглядела окна — горит ли свет хоть в одном? На мое счастье одно окно на втором этаже светилось. Я останавливаюсь перед ним и ору на весь двор:

— Володя! Володя, беги скорей сюда! Тут ко мне бандит привязался!

Насильник опешил и остановился. А я уже не бегу, а стою спокойно, будто ко мне и в самом деле из-за того окна придет спасение. И опять кричу:

— Володя, скорей же!

— А, черт, сорвалось!.. — хрипло рявкнул насильник и бросился бежать вон со двора.

Я зашла в первую попавшуюся парадную и прижалась к стене, дрожу. Немного так постояла и выглянула: не вернулся ли он во двор? Потом осторожно вышла, перешла двор и оглядела переулок. Никого. Тогда, запахнув растерзанное платье и пальто стянув руками, я потащилась к дому. Бежать уже сил не было. Пришла, прошмыгнула в ванную, согрелась, вырвелась и легла спать. На том и кончился мой "диссидентский роман".

Хотите, Галочка, обижайтесь, хотите нет, но я вам скажу прямо: конечно, друзья ваши и соратники люди замечательные и даже, если хотите, герои в своем роде. Но не мужчины, нет. Даже их время не пощадило.

Галина спорить не стала, но заметила:

— *Вы судите, Лариса, по одному частному случаю. Я догадываюсь, кто этот человек. Он действительно отдаст жизнь для человечества, но для ближнего пальцем о палец не ударит. Видели вы его маму?*

— *Да, видела. Чудесная женщина.*

— *А знаете, где она работает?*

— *Разве она не на пенсии?*

— *На пенсии. Но чтобы сын мог полностью отдавать себя своему делу, его мама-пенсионерка работает еще кочегаром в двух котельных.*

— *Что ж она, сочувствует его взглядам? — спросила Валентина.*

— *Не знаю. Скорее всего, она просто хорошая мать, а он этим пользуется, сам того не замечая.*

Лариса пожала плечами:

— *Теперь мне это все равно, я имею сына, а больше мне никого не надо. Вот из него постараюсь вырастить такого мужчину, какого я себе представляю. И пусть мне потом моя невестка ручки целует! Представляете, я уже ненавижу эту стерву.*

— *Кого?*

— *Мою будущую невестку, которая отнимет у меня сына.*

Женщины посмеялись над Ларисиной ревностью, а потом рассказывать стала Зина.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,

рассказанная Бичихой Зиной.

Если читатель помнит,
то ее женская судьба началась именно с насилия
и, как выяснится из ее рассказа,
продолжалась она под постоянной угрозой
того же насилия.

Но именно Зина свой рассказ посвятила насилию,
совершенному мужчинами над женщиной

девоньки, долго морочить вас не буду, свои обиды на мужиков пересказывать, все не перескажешь. Я уж и сама не упомяну, когда они со мной насильничали, а когда я сама давала, чтобы насилия не сотворили — все спокойней. В тюрьме — было, на этапах — было, а покуда я бичевала, так и недели без того не проходило, чтобы кто из бичей не полез ко мне по пьянке погреться. Да в нашей жизни это ни за грех, ни за страх не считается. У меня за себя давно все обиды прошли, я затопанная. Судьба моя гнутая-перегнутая, что пружина часовая, ее х... не перешибешь!

А вот жалко мне девчоночек, что в чистоте и в невинности терпят. Но я вам другое расскажу, как однажды я и мужика пожалела. Не совсем мужика, мальчишку еще, а все же один из мужеского полу за всех вас расплатился сполна. Слушайте.

Было это на Вологодской пересылке, в тюрьме то есть. Держали там в камерах всех баб безразрядно: одни идут на зону, других еще только что замели и следствие только начинается. Девочки-малолетки и старые зэчки, что по шестой-восьмой ходке идут, все в одной камере. Друг от друга вшей и жизненного опыта набираются. То же и у мужиков в ихних камерах. Одно слово — пересылка!

Сидела с нами здоровущая наглая баба, директор мяскокомбината. При харчах работала, ну и заворовалась выше меры. Перед нами она нос задираала: "Вы шелупонь, нищета подорожная! По мелочам живете, по мелочам крадете! Меня муж смолоду учил: красть надо только миллион, любить

только королеву. Я и жила по-королевски. А отсижу, сколько понадобится, выйду — и опять все по-старому пойдет”. Женщины ей говорят: ”Так ведь и загремишь по новой, Антонина?” А та смеется: ”Ничего! Мы теперь с мужем и сыном осторожней будем действовать, наученные!” И муж, и сын тут же сидели, в этой же тюрьме и на одном этаже с нами. Переговаривались они на прогулках, записочки через баландеров друг другу пересылали. Спросили мы, сколько лет сыну, а она отвечает: ”Девятнадцать. А что? Должен жизни учиться, чтоб потсм не затоптали другие”. И песенку еще запоет: все, мол, ништяк! Живем!

Веселая баба в камере клад. но у Антонины веселье уж больно злое было, все-то она других баб словами колола. Да и про всех людей, кроме сына и мужа, доброго слова ненароком не обронила.

Говорили мы про жизнь на зоне. Антонина и тут вперед всех высказывала, хотя зоны еще и не нюхала: ”Если в жизни все люди враги, то в лагере и подавно. На воле я по чужим ногам к хорошей жизни пробиралась, а на зоне по головам пройду на свободу! Я к начальству подъеду, кто помоложе — в любовники возьму, кто постарше — взяткой крупной свяжу”.

Тут одна старая зэчка по кличке Маханя ей и говорит: ”Рано ты, пташечка, голосок подаешь. Смотри, где-то сидешь? Тюрьма строптивых не любит, а любит осторожных”.

И тюрьма осадила Антонину вскорости. Да так осадила, что даже Маханя не пожалела.

Гнали через эту пересылку эзков-мужиков из Коми в Сибирь, на газопровод, что для немцев строить начали. Народ пришел бедовый, все большесрочники да ”химики”, одни бандиты, другие шантрапа. Тюрьма переполнилась и ходуном пошла. Что ни день, драка либо шум какой. В камеру, где сидел Антонинын сын, бросили их человек десять. И в первую же ночь они всем табором парня изнасиловали. Сначала он кричал, на помощь отца-мать звал. Антонина сперва в дверь стучала, надзирателя звала. А надзирателю что? Они в такие дела не лезут: коли они сунутся в камеру спасать, так их самих покалечить могут. Антонина аж головой о железную

дверь колотилась — никто не подошел. Скоро в той камере и крики смолкли, в тишине все продолжалось. Антонина под дверь сползла, сидела в волосы вцепившись и выла. Час, другой воеет, у нас уже терпелу не стало. И верите ли, вдруг мы видим, что волосы ее белеть стали прямо у нас на глазах.

К утру обоих, и мать, и сына, сволокли в тюремную больницу: его на хирургию зашивать унесли, а ее отвели к психам. Тронулась. Белая вся была и бессловесная.

А Маханя нам и говорит: "Вот думается мне, товарочки, что сына своего Антонина сама сгубила. И не тем одним, что в тюрьму за собой повела, а тем, что не научила с людьми жить. Видно и он не по делу в камере выступал. Не любит тюрьма не по делу бодливых, скоро рога обламывает".

Ужаснулись женщины рассказанной истории, а иные и удивились:

— Разве бывает такое между мужиками — насилие?

— Бывает, — ответила Зина. — И ежели так мужика обработали, то он дальше уже в зоне и не человек. Никто с ним за одним столом есть не сядет, рядом не ляжет. А кому надобность приспичит, тот развернет его за бараклом — и в задницу. Несчастные они самые на зоне люди, "машки" эти, педерасты.

— А те, кто ими пользуются? Их тоже презирают?

— Не, эти в молодцах ходят. Это как и на воле между бабой и мужиком: он сверху — ему и почет. То же и на женских зонах: коблы над ковырялками верх держат.

— Эх, Зинуля! — вздохнула Ольга. — Я-то думала, что ты расскажешь, как жизнь навела справедливость, хоть одного мужика за изнасилованных баб наказала, а ты про то, как парня на девичье место поставили. Нет в том для нас никакого утешения.

Ольгино сокрушенное замечание насмешило жен-

щин, все еще находившихся под тяжелым впечатлением от рассказа Зины, а Валентина пообещала:

– погоди, Ольга! Вот придет моя очередь, я тебя утешу. Наберись терпения! А ты, Наташа, начинай свой рассказ, а то Ольга изведется в ожидании справедливости.

И Наташа начала свою повесть.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ,

рассказанная инженером Наташей,
повествующая об опасности,
которой ей в раннем детстве удалось избежать
благодаря тому, что ее к этому времени
уже слегка просветил соседский мальчишка

Меня по-настоящему никто, слава Богу, не изнасило-вал. Бывало, что приставали на темной улице, но больше с гнусными предложениями, чем с агрессивными намерениями. Зато в детстве произошла со мной история, которая едва не кончилась для меня очень печально. Помог мне избежать насилия Витька Треухов из тридцать первой квартиры, кошмар моего детства.

Я была ростиком маленькая, и мне никак было не дотянуться до звонка в нашу квартиру. А дверь в нее была возле окна на лестнице. И вот я приспособилась влезать на подоконник, а оттуда уже звонить домой. Но тут меня подстерегала беда — этот самый Витька. Как ни старалась я потихоньку подходить к окну и влезать на подоконник, он ухитрялся меня подстеречь: по-моему, он просто весь день сторожил меня у замочной скважины своей двери. Как только я оказывалась на подоконнике, он выбегал из квартиры, подлетал ко мне, нырял мне под юбочку и проводил рукой по пишке. Я его отталкивала ногой, била по голове кулаками, а он хихикал мерзко и быстро убегал в свою квартиру, чтобы не попасться на глаза моим родителям. Я пускалась в рев от обиды, а когда мама или папа спрашивали, в чем дело, я мол-

чала. Ну, они и думали, что это меня кто-то в игре обидел, не обращали внимания.

Я не понимала, зачем, собственно, Витька это делает, но почувствовала, что есть в этом что-то очень для меня оскорбительное и одновременно стыдное. Словом, Витька из тридцать первой квартиры превратился в моего лютого врага. Я все мечтала, как вырасту большая и отомщу ему, а еще больше мечтала поскорей дорасти до звонка, чтобы мне не нужно уже было влезать на подоконник: когда я стояла на полу, Витька мне был не страшен, я ему и подойти не давала. Коварство Витьки состояло в том, что он выскакивал именно в ту минуту, когда я, держась одной рукой за раму окна, другой тянулась к своему звонку, а ноги мне приходилось расставлять для упора. Тут он и осуществлял свое гнусное злодейство.

Но вышло так, что из-за Витьки я избежала куда большей опасности. Однажды я играла одна в песочнице, в садике возле нашего дома, и тут ко мне подошел какой-то дяденька и спросил, хочу ли я, чтобы он показал мне фокус? Я сказала, что да, хочу. Он вытащил из кармана такую стеклянную бутылочку с водой, а в воде плавал цветной чертик, очень смешной. Дяденька этот нажимал на пробку и чертик в бутылочке крутился и прыгал. Потом дал мне самой попробовать, у меня тоже получилось. Фокус мне понравился, а он и говорит: "Пойдем ко мне в гости, у меня дома много таких фокусов. А чертика можешь сразу взять себе". Я обрадовалась, дяденька мне очень понравился, и я дала ему взять себя за руку и увести от дома. Он привел меня к себе домой на другую улицу. Завел он меня в свою комнату и велел разговаривать тихо-тихо, а то у его соседа большая злая собака — услышит и прибежит. Мне это тоже показалось интересно и таинственно. Стал он передо мной выкладывать всякие забавные игрушки, одна лучше другой, и все незнакомые: китайчонок с качающейся головкой, совсем как живая змейка из каких-то камушков, кланяющийся утенок из пушистого желтого меха. Помню, безделушки эти были все такого рода, что до каждой, чтобы она действовала, нужно было дотронуться пальчиком. Потом он вытащил свой член и спросил,

видела ли я когда-нибудь такую игрушку? Я ответила, что нет, не видела, но эта игрушка мне не нравится. Он сказал: "А ты потрогай пальчиком, увидишь, что будет". Я потрогала и его член запрыгал под моей рукой. Это мне показалось тоже забавным. Тут он присел передо мной на корточки и провел у меня рукой между ног, совсем как это делал Витька из тридцать первой квартиры. Тут я рассердилась, хлопнула его по руке и заорала: "Ты плохой дядька! Ты обманщик! Я домой хочу!" Он испугался, вскочил на ноги, вывел меня из своей квартиры и довел до угла нашей улицы: "Иди, девочка, иди домой!" Больше я его никогда не видела на нашей улице.

Вот такой ужас прошел мимо меня, когда я была много младше Альбины, когда с ней случилась ее беда.

Интересно бы знать, а где же возрастной предел, ниже которого эти мерзавцы не заходят? — закончила Наташа вопросом.

Тут Валентина и говорит:

— Могу удовлетворить твое любопытство, Наташа. Практически такого предела нет. В нашем районе как-то судили отца, изнасиловавшего по пьянке свою двухмесячную дочь.

Женщины ахнули.

— И что же с ним сделали? Расстреляли?

— Нет, только посадили, хотя прокурор требовал расстрела. Но самое поразительное это то, как вела себя его жена. Она кричала и на судью и на прокурора: "Я дочь потеряла, так вы меня и без мужа оставить хотите?"

— Невозможно поверить! — воскликнула Эмма.

Тут Галина невесело усмехнулась:

— Отвечу вам, Эмма, по-театральному: "На свете много есть такого, друг Горацио, что и не снилось нашим прокурорам. От Славы и его друзей, сидевших в лагерях, я слыхала такие истории, от которых порой вообще теряешь веру в человека. Сколько преступлений совершается из

мести, из других низменных побуждений, а сколько просто из-за денег! Кстати, у меня предложение: мы очень зарылись в сексуальной материи, но ведь одними низменными или возвышенными чувствами живет человек. Разве деньги, например, никакой роли в нашей жизни не играют? Давайте поговорим завтра на эту простую житейскую тему. Договорились? А сейчас я обращаюсь к Валентине: Валюша, а где же обещанное возмездие насильнику? Мы ждем вашего рассказа.

И все с интересом и ожиданием уставились на Валентину.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ,

**рассказанная Номенклатурщицей Валентиной,
содержание которой автор
не считает нужным излагать наперед,
тем более, что смысл ее — возмездие насильнику,
Валентина сама поторопилась сообщить заранее**

Было это прошлой зимой. Пригласил нас на день рождения старый друг, майор милиции, живший и работавший в городе Пушкине. Муж поехал прямо с работы, а я задержалась на совещании и выехала позже, часов в восемь. Выхожу я на привокзальную площадь в Пушкине, там ни такси, ни автобусов. Мороз завернул, стоять на площади и ждать транспорта, когда люди уже давно гуляют и пьют за здоровье именинника, мне совсем не хотелось. Решила я на своих двоих добираться, благо наш друг Аркадий жил не слишком далеко. Не сообразила я только того, что идти-то парком надо, а этого в темное время лучше не делать — мало ли что...

Бегу я вприпрыжку по парку и вдруг слышу за собой шаги, и снежок хрустит как-то подозрительно. Оглядываюсь — догоняет меня мужик в дубленке нараспашку, рожа красная, глаза белые. Ну, думаю, конец пришел либо мне,

либо моей каракулевой шубке. Подбегает он ко мне, за шубку хватается, но не снимает, а лезет под нее, к титькам. И одновременно валит меня за куст на краю дорожки. Я орать, а он мне в лицо рычит: "Ори громче! Тут мои кореша неподалеку в беседке пьют: будет им царский закус, баба на троих. Гы-ы!" Еще и смеется, гад. Но я замолчала, только руками-ногами отбиваюсь, да где там! Шуба мешает, шапка на глаза налезла, ничего не вижу. А он уже причиндал свой выставил, тычет им мне в коленки, как ножкой от стула. Я причиндал-то этот руками от себя отталкиваю, а он своей рукой путь ему расчищает, труссы на мне рвет.

Тут, в самый интересный момент, должна я сделать небольшое отступление. Была на мне каракулевая серая шубка, как я уже говорила, сапожки импортные, французские, по большому благу добытые, и лохматая песцовая шапка. Даже рукавички на мне из Канады, Костя прислал в подарок. Словом, одета я дама дамой. Но была на мне одна, прямо скажем, неприличность: канадские эти рукавички были пришиты к рукавам шубки на резиночках, как у первоклассницы. Я за собой знала привычку терять перчатки и рукавички при первой возможности, а эти, поскольку Костина память, мне потерять не хотелось: вот я и поступилась шиком ради памяти о милом дружке. Да так крепко пришила, воценой ниткой, чтобы уж никак не потерять. Вот рукавичка-то меня и спасла, а насильника моего наказала.

Я борюсь, значит, с ним, барахтаюсь в снегу без толку, шапку с глаз стряхнуть пытаюсь, а сама уже чувствую, что слабею, задыхаюсь и сердце к горлу подкатывает. И вдруг он как взвояет диким голосом: "А-а! Пусти, сука!" Рванулся и пуще взвыл. "Отпусти!" — рычит. Ничего не понимаю, кто ж кого держит? Тут чувствую я, он руку мою зачем-то к себе потянул, к штанам своим расстегнутым. Я руку-то назад рванула, и тут он уж таким звериным голосом завыл, что я испугалась: а ну, как те, в беседке, услышат. "Тише ты!" — говорю ему, а сама пытаюсь понять, что ж это такое у нас вышло, что не я, а он отпустить просит? Он мои руки уже не хватается, но правую к себе тянет, хоть и не рвет уже. Я левой рукой шапку свою с глаз отодвинула, села в снегу и смотрю, в чем дело-

то? Батюшки мои, и что же я вижу?! Рукавичка моя резинкой захлестнулась ему за яйца и затянула их накрепко. Тут я поднимаюсь уже на колени и говорю ему: "А ну, вставай. Поигрался и хватит. Вставай и идем, а то хозяйство твое сейчас оторву!" Он послушно поднимается, держась обеими руками за это самое хозяйство. Слезы у него из глаз катятся, но больше не воет, только постанывает. "Отпусти, пошутил ведь я!" — просит. "Ты пошутил, а теперь я пошучу. Пошли". Вывела я его на дорожку, веду. На всякий случай — на вытянутой руке, чтобы он, опомнившись, своими лапами до меня не добрался. "Чего это у тебя, чем ты меня держишь?" — спрашивает он. "А это такое специальное средство от насильников, из Канады. Вроде наручников, называется "нахерники". Теперь ты от меня вырвешься только в кастрированном виде". Говорю так, а сама боюсь: если не поверит, то сообразит, что все равно он сильнее меня и уж как-нибудь вырвется, да еще мне за позор и боль отплатит. "Куда ведешь-то?" — "Иди, иди!" — покрикиваю я и дергаю за резиночку. Он ойкнул и дальше идет послушно. А я в панике соображаю, как же мне-то от него отвязаться? Ну, прямо как в шутке про медведя: "Я медведя поймал! — Ну, так веди сюда. — А он не идет! — Тогда сам иди. — А он не пускает!" К майору милиции на день рождения в качестве подарка доставить не получится — придет в себя по дороге и еще неизвестно что учинит со мной. Где ближайшая милиция я тоже не знаю, а он-то наверняка знает да не пойдет. Вот ведь связались! И тут вспоминаю я про его приятелей, которыми он грозился. Страшновато было, а все же рискнула. "Ладно, — говорю, — достаточно я тебя проучила. Отпущу, так и быть. Только одной мне с этими нахеровыми наручниками не справиться. Где тут твои приятели водку пьют? Веди к ним, пусть они помогут мне тебя освободить". Он замялся: "А сама никак не можешь?" — "Не могу, тут мужская сила нужна. Они рассчитаны на то, что на крик жертвы прибегает полиция. Это ж за границей сделано, чучело!" — "А! Ну, тогда идем..." — и привел он меня в беседку, где и вправду дружки его выпивали водку под морозный снежок. "Принимайте дружка, — говорю я им. — Выручайте! Есть у кого перочинный ножик?"

Смотрят они на нас, глаза вылупивши, ничего понять не могут. Один порывлся в карманах, вытащил нож. Тут мой насильник дубленку, которой прикрывался, пока на поводке шел, распахнул, и увидели они его во всей красе и с рукавичкой под яйцами. Что с ними было, не передать! От хохоту так друг на дружку и повалились. Но страдальца освободили, перерезали ножом резиночку-то. А на меня глядели в полном восторге: "Ай да баба! На такую нарвешься в темном переулке — не обрадуешься". А этот олух как увидел рукавичку и сообразил, как попал на веревочку и какие у меня "канадские нахерники" были, так от стыда сел на скамейку и голову в колени запрятал, переживает.

Ну, я не стала дожидаться, пока он очухается, побежала поскорей к дому своих друзей. А два парня вызвались меня проводить: "Хоть ты и бедовая, сама справишься, но надо тебе уважение оказать". Третий остался утешать пострадавшего. По дороге я, конечно, не удержалась и рассказала этим ребятам, как все было, по порядку, так они у меня дорогой чуть не уписались. Сдается мне, что тому горе-насильнику до сих пор от друзей прохода нет.

А и ладно: этот-то уже ни в жисть ни к одной бабе насильно не сунется. Боюсь, что и добровольно не очень, после такой-то передраги.

Женщины заходились от хохота, а Альбина, держась за живот, подбежала к койке Валентины с криком:

— Валюша! Рыбонька ты моя! Дай же я тебя расцелую за этот подвиг!

Тут и другие женщины кинулись Валентину обнимать и целовать.

— Да, утешила ты нас, девонька... — вытирая выступившие от смеха слезы, пропела Зина. — Вот уж разутешила!

Долго не могли успокоиться развеселившиеся женщины, пока на хохот не прибежала дежурная медсестра. Рассказали, уже все вместе, про подвиг Валентины и ей. И медсестре история очень понравилась.

лась, и она смеялась, но все же попросила их так громко не хохотать, а то в соседних палатах роже-ницы волнуются. Поэтому все притихли и попросили рассказывать Альбину, чья теперь была очередь.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ,

**рассказанная стюардессой Альбиной,
в которой говорится о том,
как она попала в руки садиста
и как напрасно ждала помощи
и от общества, и от тех, кто это общество охраняет**

Мне страшно жаль, бедные вы мои слушательницы, что я не могу рассказать вам ничего веселого, как Валентина. Вы, наверное, думаете, что после того, что случилось со мной в детстве, мне уже никакие насильники были не страшны? Ошибаетесь. И даже совсем наоборот: сама я с кем хотела, с тем и развлекалась, но чуть только был намек на какое-то принуждение — я взрывалась, как ракета. Знакомые мужики знали про это и остерегались, вели себя со мной поумному. Только все равно нарвалась я еще раз, да так обидно, что потом не могла успокоиться до тех пор, пока не отомстила до полного успокоения грешной моей души.

А было так. Парень как парень, на вид маменькин сыночек. Познакомились на танцульках, в ресторан сходили, в кишинько. Я сама собиралась с ним, так сказать, поближе познакомиться, но он поторопил события на мою и на свою голову.

Как-то объявляет он мне, что у него завтра день рождения: "Будут друзья, потанцуем. Приходи, пожалуйста!" Я соглашаюсь, и он мне записывает свой адрес, чтобы я сама приехала к назначенному часу.

Назавтра наряжаюсь я, покупаю в подарок торт и являюсь, как умная Маша с чистой шеей. Звоню. Открывает он мне в самом затрапезнейшем виде, в тренировочном костю-

ме. В квартире тихо, пусто, вечеринкой не пахнет и гостей не видеть.

— Где же твои гости?

— Гости потом явятся. Пока вдвоем посидим.

Отдаю ему торт, прохожу в комнату. Квартира отдельная у него, из двух комнат, так что видно — не один живет. Беспорядок везде страшный, какие-то тряпки всюду валяются, туфли, все женское.

— Это кто тут у тебя дамским хламом разбрасывается?

— Жена сегодня утром в отпуск уехала.

— Ага, теперь понятно все. Жена утром на курорт укатила, а вечером ты уже приглашаешь меня на день рождения вдвоем? К чему столько дыма, мальчик? Я бы и так нашла, где и когда с тобой трахнуть.

Услышал он это и тут же полез ко мне с руками, а я его — по рукам.

— Не тяни грабли! Терпеть не могу ваши мужские хитрости. Неси-ка мое пальтишко. Отменяется твой день рождения до другого раза, когда поймешь, какую политику со мной вести надо.

Я и тогда не собиралась его полностью отшивать. По вкусу он мне пришелся. Красивенький такой мальчишек, на вид безобидный, губки бантиком, глазки как у куколки. Я всегда любила мужиков, из которых мужское не выпирает, чтобы даже внешне не было в них грубости и чтоб сексуальное из них наружу не лезло. Вот и этот с виду как раз такой был, безобидный. Только и вранья, прохиндейства всякого ради переспать я тоже терпеть не могу, а тут он меня разочаровал.

Направилась я к дверям, но он меня опередил, подскочил к двери, запер — и на меня. Я его оттолкнула:

— Ты что, силой?! Так я же тебя соплей перешибу!

— А это мы сейчас поглядим, — отвечает он мне, и глаза у него становятся узкие, злые, как у рассерженного кота. И тут, девочки, начал он меня избивать приемчиками каратэ. Худой, с виду слабый, а руки сильные, будто из железа. И этими приемчиками он загнал меня в угол, согнул так, что у меня дыхания крикнуть не хватало. Потом бросил на пол и начал ногами в ботинках. И все бил по груди и между ног. Тут уж я

начала страшно кричать, звать на помощь. Я знала, что меня слышат: из-за стены от соседей доносилась музыка. Потом там врубили ее погромче, видно, чтобы моих криков не слышать. Поняла я, что от соседей помощь не придет. Тогда я исхитрилась сорвать туфлю с ноги и запустила ее в окно. Стекло разбилось, туфля улетела во двор. А оттуда стали слышны голоса стариков, игравших за столиком в домино: я мимо них проходила, видела. Там же какие-то старушки на лавочке сидели, сплетничали, меня с головы до ног оглядели, когда я по двору шла. Вот на них на всех я и рассчитывала. Кричу: "Спасите, убивают! Насилуют!" И услышала, как смолкли голоса во дворе, обрадовалась. Думаю, за милицией побежали или уж прямо сюда, в квартиру. Но так никто и не явился мне на помощь, и этот тихий мальчик-садист избил меня вконец, потом связал и насилдовал, продолжая издеваться: щипал грудь до черных синяков, наматывал волосы прядями на пальцы и выдирав их. А еще схватил меня за горло обеими руками и сжимал его в такт.

Кончилось все тем, что он дал мне одеться, выдал старые туфли жены — не идти же босиком, и вытолкал за дверь.

На другой день я утром едва подняла голову от подушки: лицо, голова, тело — все было как сплошной синяк. Позвонила я на работу и отпросилась на неделю в отпуск за свой счет. Наврала, что какая-то родственница где-то умирает, мне лететь туда надо. И сама подыхала вместо этой родственницы, заходясь от боли и от обиды в слезах.

Отлежалась я и пошла подавать в суд на этого мерзавца. Направили меня к следователю. Анохин была его фамилия. Так вот этот Анохин заявил мне, что заведет дело, если есть свидетели. Я рассказала ему, как вели себя "свидетели" за стеной и во дворе. Он усмехнулся: "Обычное дело. Потому-то большая часть изнасилований остается без последствий, свидетели отказываются помогать следствию". Посоветовал он мне самой пойти в тот дом и поговорить с людьми: может, кто окажется посмелее?

Я так и сделала. Пошла туда и обошла всех соседей по лестнице, где жил этот фраер, встретила с дворничихой, узнала у нее, где живут пенсионеры и бабки, которые обычно

во дворе старые жопы просиживают, за жизнью жильцов наблюдают. Соседи все отказались: одни ввали, что вообще ничего не слышали, другие, что слышали, но не видели, а потому свидетельствовать не могут. Третьи просто отказались со мной разговаривать: "Не наше дело!" Одна тетка возмутилась даже: "Да у нас в роду такого не было, чтобы кто-то свидетелем в суд пошел! У нас семья порядочная!" А в той квартире, откуда музыка громкая слышна была, генерал жил, прямо в форме мне дверь открыл и в квартиру пригласил. Рассказала я ему, кто я и зачем. Понадеялась я на него: этот воевал, не может быть, чтобы струсил! Но он выслушал меня и изрек: "Порядочные девушки не попадают в такие ситуации, где их могут изнасиловать. Мою дочь никто не насилует!" Вот эти его слова меня доканали, до того они мне обидными показались. После-то я и ему хорошо отомстила, заодно с тем мерзавцем, но про то в другой раз расскажу. В общем, поход мой кончился только одной пользой: дворничиха отдала мне мою туфельку, которую во дворе на другое утро после той ночи подобрала: "Дорогая туфля-то, я и подняла — вдруг кто спросит?"

Пришла я снова к следователю Анохину, рассказываю про мои успехи и прошу хоть экспертизу снять с побоев. А он говорит, что не станет этого делать: "Дать делу ход — останется нераскрытым; и я получу выговор. Лучше уж не начинать". Поняла я, что и он мне не поможет, ушла ни с чем, вдвойне оплеванная. Хотела с собой покончить, а потом передумала, стерпела. Оно и к лучшему вышло.

— А как же ты ему отомстила? — спросили женщины.

— Хорошо отомстила, он и сейчас еще за тот "день рождения" расплачивается и еще впереди его кое-что ожидает, хотя уже не от меня. Это я, девочки, в другой раз расскажу. А сейчас тошно мне про то продолжать.

— Это хорошая мысль, — подхватила Валентина. — Мы все про беды наши женские говорим да обиды. А ведь мы, бабы, при случае и отомстить

умеем, да еще и как! Давайте вот в один из оставшихся дней про то и расскажем.

На том и порешили, а обязанность рассказывать перешла к Галине.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ,

рассказанная диссиденткой Галиной.

**В ней говорится о том,
как она подверглась грубому насилию за чужие грехи**

Беда моя произошла по моей собственной дурости, от недоверия к людям: нашла я себе врагов там, где должна была сразу найти друзей.

Ехала я поздней осенью к Славе на свидание. Поезд мой опаздывал на десять минут и эти пропавшие десять минут были мне как острый нож в горло. Дело в том, что наш поезд и по расписанию должен был прийти в Потьму всего за двадцать минут до отправления местного поезда, которым я уже могла добраться до Барашево, где был Славин лагерь. Но за эти двадцать минут нужно было с тяжелыми сумками и рюкзаком слезть с одного поезда, потом по длиннющему висячему пешеходному мосту перейти над всеми железнодорожными путями — а их там путей двадцать, наверное, спуститься и еще пройти несколько сот метров до платформы местной "кукушки". "Кукушкой" там этот поезд звали. Что, Зина? Так и всюду зовут? Ну, я этого не знала. Словом, на "кукушку" я явно опаздываю, а опаздывать мне нельзя ни в коем случае: свидание назначено на завтрашний день. Если же я сегодня на поезд не успею, то завтра я в Барашево утром уже не попаду, а после обеда мне никто свидания не оформит. День пропадет, и будет у нас два дня вместо трех. А то и вовсе свидание отменят. Обидно, что все может провалиться из-за десяти минут.

Вышла я из московского поезда и бегом, бегом через висячий мост. Волоку свои сумки, рюкзак по спине меня колотит, задыхаюсь, пот градом. Только я до середины моста добежа-

ла, как внизу, подо мной, медленно прошла "кукушка": три пассажирских вагончика и вагон для заключенных, с окнами только на одной стороне. Я опустила свои сумки, мешок сняла, села на него и заревела. Потом успокоилась и решила попробовать добраться на попутных машинах. Вышла на привокзальную площадь и спросила, где шоссе в Барашево. Мне показали. Вышла я на шоссе, стою, голосую. Машин не так уж много. Несколько крытых фургонов мимо меня проехало с охранниками в кабине — эков повезли с работы или на работу. Эти, конечно, не остановятся. Вдруг останавливается обычный грузовик, в кузове какие-то бочки. Шофер, молодой парень, высовывается из кабины и спрашивает: "Куда надо?" Я отвечаю: "В Барашево". — "Садись!" Я забираюсь в кабину, распахиваю кое-как свою поклажу, и мы трогаемся.

По дороге парень косится на мои сумки:

— Из Москвы едешь?

— Из Москвы.

— Прибарахляться ездила?

Вот тут бы мне правду сказать, что еду, мол, к мужу на свидание в лагерь, и ничего бы не было. А я испугалась, что если он узнает, что я приезжая, то из этого может что-нибудь для меня нехорошее выйти. Я и соврала, будто я местная:

— Да, ездила в Москву за покупками. Там ведь с продуктами легче.

Знала я, что в Москву из половины России народ едет за продуктами, по всем гастрономам толкуются люди из провинции с мешками, закупают и колбасу, и масло, и сыр.

Парень версию мою принял.

— Понятно. А живешь где, в Барашеве?

Пришлось подтвердить, потому что других мест, кроме Барашева да Потьмыя в Мордовии и не знаю.

— Да, в Барашеве, — говорю. Я не сообразила, что в Барашеве, как почти всюду вокруг лагерей, а уж тем более политических, живут только те, кто связан с лагерем работой.

— Работаешь там сама или муж служит?

И опять я, не ведая беды, говорю: "Муж".

— Ясенько с вами, мадам, — говорит шофер и прекраща-

ет разговор. А мне это и кстати, я о своем думаю, о предстоящем свидании со Славой. Едем мы молча час, другой. Уже и стемнело вскоре. Тут шофер мне вдруг и говорит:

— Вот что, дорогуша. Что-то мне плохо едет, устал я. Тут по дороге мой приятель на лесоскладе работает сторожем, при складе и живет. У него заночуем, а утром пораньше я тебя в Барашево доставлю.

Что ж, спорить не приходится. Мне все равно где ночевать, в Барашеве или в дороге, лишь бы к утру успеть, к свиданию. Приезжаем мы к его приятелю. Место пустынное, забор какой-то длинный, а возле сторожка. Я-то предполагала, что у приятеля семейный дом с хозяйкой, которая меня устроит на ночь, как полагается, а я ей заплачу. Оказалось, что в сторожке всего две комнатенки: одна вроде конторки, с какими-то графиками по стенам, столом, скамейками и железной печуркой, а вторая и вовсе закуток с койкой, ее я потом увидела. Вошли мы, я свои сумки в угол поставила, присела на скамейку поближе к печке, отогреваюсь: в кабине грузовика дуло немилосердно, ноги застыли. Приятель моего шофера очень мне с первого взгляда не понравился: вид какой-то больно потрепанный, сам небритый, ватник драный.

Шофер принес из кабины две бутылки водки, ставит их на стол и приятелю говорит:

— А закуски нам вот эта мадам привезла из Москвы. Давай, дорогуша, выкладывай свой дефицит!

Я достала кружок колбасы, немного сыру, три апельсина.

— Вот, ребята. Больше не могу, извините.

— И на том спасибо. Надеюсь, в другом деле ты пощедрее будешь.

Пьют они водку, а я попросила себе чаю — чайник на печурке стоял, хозяин мне налил кружку. Сидим, пьем. Они о чем-то своем беседуют, я о своем думаю.

Выпили они одну бутылку, шофер и говорит:

— Теперь поспим, а вторую после этого прикончим. Глядишь, мадам после-то и разговорчивей станет, и новую закусь подбросит.

Поднимается он со скамейки, подходит к двери во вторую комнату и распахивает ее ногой:

— Силь ву пле, мадам, как говорят в хорошем обществе. Прошу раздеваться и раскладываться.

Я вхожу, вижу одну койку и спрашиваю:

— А вы где же ляжете? Или тут еще есть помещение?

— Зачем такая роскошь? Мы со Степой по очереди будем, нам не впервой.

И начинает он раздеваться, поглядывая на меня с недоброй ухмылкой. Тут я окончательно поняла, что он задумал.

— Что вы собираетесь делать?

— Что хоч и сделаю, то и собираюсь. Не одетым же на бабу лезть.

Подходит он ко мне, опешившей, хватает за плечи и швыряет на койку. Я в слезы, прошу отпустить, не трогать. А он сдавил мне горло и шипит:

— Замолчи и не вертуйся! А то сейчас враз прикончу, в лес сволоку и там волкам на съедение брошу, как последнюю падаль!

И такая лютая-лютая в его голосе ненависть ко мне, что я обмерла от ужаса: в жизни меня никто так не ненавидел! Пытаюсь я что-то сказать, объяснить, а он мне подушку на лицо накиннул:

— Молчи, а то сейчас задохнешься, падаль!

Сделал он свое дело быстро и будто с отвращением. И это тоже было непонятно, унижительно и страшно. Тотчас встал, оделся и отворил дверь в первую комнату.

— Степа, я ее сделал. Можешь ты теперь идти.

Тут я вскочила и с ревом бросилась к своей одежде, и ору им:

— Негодяи! Насильники! Бандиты!

А шофер хохочет:

— Это ты верно, бабка! Мы для вас и негодяи, и насильники, и бандиты. Все это мы уже слышали и наслушались со Степой, было дело.

Тут этот Степа вдруг говорит:

— Оставь ее, Коля. Что-то меня сегодня на ментовское тело не больно тянет. Давай-ка ты ее и вправду отвези на шос-

сейку, там подберет кто-нибудь. Да смотри, чтобы она дорогу и номер машины не запомнила! А то приведет еще гостей дорогих, хлопот не оберешься.

— Ладно. Только сначала я в ее "сидорах" пошурю. Надо с нее за работу взять! Не задарма же я ее...

Тут он хватает мои сумки и начинает выкладывать их содержимое на стол. А я стою и жду, равнодушно смотрю на этот грабеж: мне уже все равно. Он же все на две кучи раскладывает и приговаривает: "Это нам, это ментам, это опять нам..." Достает он кусок сала, пакет с чесноком и озадаченно на меня смотрит:

— А ты чего ж это в Барашево везешь из Москвы чеснок да сало? Свое, что ль, кончилось к зиме? Этого-то добра у вас всегда хватало, а не хватало, так из эковских посылок пробавлялись...

И тут я, поскольку мне уже все равно, отвечаю правду:

— Мужу везу, в лагерь.

— Что?! Так он у тебя сидит?

— Сидит.

— Так ты не ментовка?!

Я качаю головой.

— И муж у тебя эк?

Я киваю.

— Погоди... Что же ты соврала, что живешь в Барашеве? Там ведь одни менты живут...

— Я думала, что безопасней назваться местной.

Тут шофер этот, Коля, за голову схватился:

— Ах ты, дура-дуреха! Что же ты наделала и на что меня толкнула? Жену брата-эка я обидел!

Подошел он ко мне, за плечи взял, в глаза смотрит, а у самого слезы по щекам бегут.

— Прости меня, прости, родная! Сама ж ты меня в заблуждение ввела, я ж с тобой как с ментовкой поступил, не по охоте, а по злобе... Простишь ли меня?

Вижу я, что слезы у него не пьяные, искренние слезы. Поняла я, что все, что случилось со мной, не мне предназначалось... Тут я, конечно, от этого еще пуще заревела. А Степан нас обоих успокаивает:

— Ладно вы, ребята! Птичий грех не грех, а обида ведь нечаянно вышла. Прости ты его, а то ведь он замается. И меня прости, если не то слово сказал или чем обидел.

Простила я их, женщины. Не сразу, а простила. И в слезах уснула на той самой кровати. Больше-то негде было, а я с ног валилась от всего пережитого.

Утром шофер Коля разбудил меня и отвез до самого лагерь. На прощание просил мужу ничего не говорить:

— Переживи уж сама, не расстраивай парня. А меня еще раз прости. Ну, счастливого вам свидания!

Конечно, я Славе ничего не сказала. Решила я это в собственной душе похоронить, одна справиться.

А через три дня, когда кончилось наше свидание и пошла я на ту самую "кукушку", увидела я неподалеку от лагеря Колину машину: поджидал он меня, чтобы довезти до Потьмы к поезду в Москву. "Кукушку" мне еще ждать и ждать пришлось бы. А он с самого раннего утра меня сторожил, хотел этак обиду загладить.

Ближе всех приняла к сердцу Галину историю, конечно, Зина, она даже всплакнула. Но жаль ей было не Галину, а попавшего в такое положение Колю-шофера.

— Хорошо, что ты его поняла и простила, а то бы он мог с собой что-нибудь сделать.

— Да, он потом, уже в дороге, мне признался, что такая была его первая мысль. Ладно, хватит об этом, все-таки вспоминать тяжело. Рассказывайте дальше вы, Ольга!

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ,

рассказанная работницей Ольгой
и содержащая бесполезные рассуждения
на тему: в какую смену безопаснее работать
одиноким женщинам

Получили мы с мужем однокомнатную квартиру в новом доме, в районе новостройки за Автовым. Знаете ведь Автово? Так вот, за ним квартал новый выстроили, за лесом. Автово кончается, потом лесок этот идет, а потом уже наши дома. Квартал сами знаете какой, пока весь не достроен: в одних домах уже люди живут, а другие пустыми коробками стоят, без окон, без дверей. Вокруг грязь, канавы, машины всякие строительные, будки. Жуть, одним словом! В темноте здоровому мужику впору ноги переломать.

Отпраздновали мы новоселье. Муж взял отпуск за свой счет, чтобы новую квартиру в порядок привести: где полы перестлать, где двери перевесить, чтобы закрывались, где щели в окнах заделать. Кто в новый дом въезжал, знает, сколько недоделок строители оставляют. Хорошо еще, что мужик у меня рукастый, все сам умеет. Ну, он по дому трудится, а мне на работу надо ходить — на одну зарплату долго не протянешь. И выпало мне выходить в вечернюю смену. Одной. Раньше-то мы всегда вдвоем ходили, в одном цеху работаем и в одну смену.

И вот в первый же вечер возвращаюсь я после двенадцати последним автобусом, выхожу на последней остановке, дальше мне через лес идти. Небольшой лесок, а в темноте боязно. От самой остановки за мной два парня идут. Вот и хорошо, думаю я по простоте, все не так страшно. Народ весь, что этим автобусом приехал, уже в разные стороны разошелся, и как остались мы втроем, так они ко мне и подвалили: "Позвольте под ручки взять, чтобы вам в темноте не оступиться!" Я и позволила да еще поблагодарила: ведь и вправду в темноте опасно, не видать, куда и ступаешь-то. Взяли они меня крепко под руки, идем. Молчат они, а мне от их молчания вдруг тревожно стало: лучше бы трепались,

ерунду какую-нибудь мололи. А как вошли мы в лесок, так один мне рот зажал, а другой под ноги подхватил, и потащили меня в кусты, как тушу баранью бессловесную. Но повезло мне, что днем по этой дороге бульдозеры да панелевозы ездил, все изрыли: один впопыхах и оступился, ногу подвернул, тот, который рот мне зажимал и за плечи волок. Уронил он меня головой прямо о землю, а сам за ногу схватился с криком. Второй еще шага два меня по земле проволока, а потом тот, что сидел за ногу схватившись, крикнул ему: "Да брось ты эту суку! Помоги мне!" Видали? Я же еще и сука! Отпустил меня и этот, я подхватила и бежать.

Домой пришла, мужу пожаловалась, а он и говорит: "Олюшка, не можешь ты бросать работу. Не вытянем. Может, ты в другую смену попросишься?" Так я и сделала: подошла к нашей бригадирше Любе и говорю, так мол и так. Та баба с понятием, поставила меня в ночную: "На работу муж проводит, а возвращаться поутру уже не опасно".

Вышла я в ночную. Отработала. Утром возвращаюсь в седьмом часу и на подъезде к дому вижу, что навстречу-то автобусы переполненные едут, а из моего к Автову почти весь народ уже послезал. Опять мне одной через лес в темноте топать!

Вышла я из автобуса не одна, опять какие-то мужики со мной, трое или четверо. Но на этот раз я похитрее сделала. Из автобуса-то я вышла, а домой с ними не пошла, перешла дорогу, где люди в обратную сторону садились, и постояла, подождала, пока они в лесу скрылись. Потом побежала одна к дому. И что же вы думаете? Через лес-то я благополучно перебралась, даже и не споткнулась, ветерком летела. А вот как вышла на пустырь, тут меня будто заранее поджидали: из пустого недостроенного дома выскочил парень и давай меня тянуть в черный-то проем! Я его сумкой своей хозяйственной по морде отоварила, вырвалась и бежать, и бежать!

Прибегаю, реву: "Что делать? Нет никакой моей возможности подвергать себя! И желания нету!" Муж успокаивает и уговаривает попробовать уже теперь в дневную смену выйти. Вышла. Так у меня в автобусной давке по утрянке кошелек из сумки вытащили! Ну, не обидно ли?

На этом самом месте я уже твердую точку поставила, заставила мужика бросить ремонт до отпуска летнего. Стали вдвоем на работу выходить, уже без всяких приключений на мою голову.

Мне-то при мужике спокойно, как говорят, "какой ни есть муж, а за него завалюсь — никого не боюсь!" Но как подумаю я про заводских девушек-одиночек, что по темени, по ночным да вечерним сменам ездят, и из пригородов электричками, и из новостроек автобусами, и в толкучке-то их всякий обжимает как хочет, и всякий обидеть норовит — так вот их-то жалко мне. Мужней бабе от ночных этих хищников и то какая обида, а уж про молоденьких девчушек и говорить нечего!

Погоревали женщины о том, что вот никак власти не додумаются их хотя бы от ночных смен избавить, а потом рассказывать стала Неля.

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ,

рассказанная учительницей Нелей
о том, как ее насильовали в трех шагах от мужа

Муж мой об этом не знает и никогда, надеюсь, не узнает. Вы знаете, как познакомились мы с Борисом и как Ленуся, дочь его, нас сосватала. Но была еще причина, по которой мы с ним легко поняли друг друга, а потом и полюбили. Борис тоже был в лагере, в плену, и вышел оттуда живым только благодаря тому, что попавшие вместе с ним в плен русские солдаты не выдали немцам, что он еврей. А внешне он мало похож на еврея, скорее даже как раз на немца — блондин с голубыми глазами.

Бориса все пережитое в лагере искалечило не столько душевно, как меня, сколько физически. Четыре года назад он перенес инфаркт. Я уже думала, что теряю его, но, к счастью, все обошлось. Выписался он из больницы, и мы поехали в

деревню, чтобы он окреп на свежем воздухе. И вот там это случилось.

Борис еще плохо двигался, ходил с палочкой, как старичок. Неподалеку от деревни было лесное озеро. Мы выходили из дома с утра, пока еще не было жарко, шли к озеру и там проводили весь день, пока не спадала жара и мы с Борисом могли отправиться в обратный путь. Брали с собой одеяла, еду, книжки. Боря больше лежал в тени, в орешнике, и читал. А я купалась в озере, собирала грибы и тоже отдыхала от волнений, пережитых за время его болезни. Там же, у озера, я собирала хворост и разводила костер, грела чай, жарила грибы. И Боря с каждым днем становился все живее, спадала больничная синева с лица, светлели глаза. Иногда я ложилась с ним рядом, и он клал мне руку на грудь. Это было все, что мы могли себе позволить.

Однажды я бродила неподалеку от озера, собирала последнюю чернику. Изредка мы перекликались с Борей, а когда я всходила на горюшку, то и видела его в просветах орешника. Он лежал и спокойно читал книгу.

И вот тут на меня напал какой-то парень, по виду городской, не местный. Потом я узнала, что он все же местный, но учится в Ленинграде, в техникуме, а домой приехал на каникулы и живет на соседней улице. Я его несколько раз потом встречала в магазине.

Набросился он на меня, повалил, полез целоваться. Я сначала чуть не закричала, а потом — в одно мгновение! — представила себе, как на мой крик бежит Борис, забыв свою палочку, хватаясь за сердце. Как бросается он в драку со здоровым и потерявшим разум насильником — и замолчала. Сама прошептала этому мерзавцу: "Только тихо, ради Бога, тихо!"

И так же молча я дала ему уйти. Потом поднялась, пошла к озеру, вошла в воду и поплыла. Старалась не плакать, чтобы Боря не спрашивал, почему глаза красные? Вот и вся история.

*— А что было дальше? — спросила Альбина. —
Что ты сделала дальше?*

ЖЕНСКИЙ ДЕКАМЕРОН

– *Дальше? Я сварила Борису грибной суп, покорила его.*

– *А дальше? – не унималась Альбина. Она сидела в кровати, в упор уставившись на Нелю огромными глазами. – Ты ведь знала, где живет этот парень.*

– *Знала.*

– *И молчала?*

– *Конечно. Со мной был Борис.*

– *И ты не захотела даже уехать оттуда?!*

– *Я не могла. Борис очень хорошо поправлялся, а переехать в другое место – у нас не хватило бы денег до конца моего отпуска.*

– *По-моему, это глупость! – мрачно проговорила Альбина.*

– *А по-моему, подвиг, – спокойно возразила ей Лариса. И женщины согласились с Ларисой.*

И Эмма, чья очередь была рассказывать, прежде чем начать, предложила:

– *Давайте мы в один из оставшихся дней поговорим о подвигах женщин, о том великодушии, которое они часто проявляют в жизни.*

– *Согласны! – ответила за всех Лариса. – Но сейчас вы, Эмма, должны рассказать на заданную тему. Мы ждем!*

– *Я готова!*

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ,

рассказанная режиссером Эммой
о насилии, учиненном над ней без применения насилия

Это будет рассказ и о том, почему я решила стать режиссером и добилась этого.

Театр я люблю с детства. Если вы помните, то в первый день я не стала рассказывать о своей первой любви, а рассказала о влюбленном в меня художнике. Это потому, что моей настоящей первой любовью был театр. Да и теперь я

эту любовь ни на какую другую не променяю. Мужикам я изменяла, театру — никогда. Хотя однажды была на шаг от этого.

Актерский талант у меня был с детства, и это было замечено: с двенадцати лет я занималась в театральном кружке Дворца пионеров и всегда играла главные роли. В театральный институт попала довольно легко, хотя конкурс был чудовищный: что-то человек сто пятьдесят на место. Отучилась первый курс, тут и случилось со мной то, о чем я хочу рассказать.

Кто смотрел кинофильм "Девочка из леса"? Ага, почти все. И что же, вы меня не узнаете, неужели я так постарела? Да-да, это я играла Наташу, дочь лесника. А роль досталась мне таким образом. Пришли в наш институт киношники и стали отбирать девочек с актерского на пробу, на главную роль. Взяли и меня. Дали нам сыграть по сценке, сняли на пленку. Режиссер просмотрел полученные кадры и выбрал меня и еще одну, уже с третьего курса. Разумеется, у нее актерского опыта уже побольше, но внешне я больше подходила к роли.

Режиссер, Гектор Федосеев, дал нам обеим прочитать сценарий, чтобы мы лучше в роль вошли, а потом велел сделать еще одну пробу. После этого приглашает он меня на студию для разговора. Приглашает специальным письмом на институт. Я обрадовалась, думаю: "Моя взяла!" Принарядилась, причесалась, явилась. Принимает он меня в своем кабинете, усаживает в кресло и говорит:

— Вот что, милочка. Дело сложное. Обе вы хороши, обе мне нравитесь, но обе чуть-чуть не дотягиваете до роли — темпераменту маловато.

И начинает он длинную и нудную беседу на тему, что такое женский темперамент и откуда он берется, и как его отсутствие дает о себе знать даже в самой спокойной роли.

— Наш мастер мне никогда не говорил, что у меня его нет! — осмелилась я возразить. "Мастерами" мы звали наших преподавателей актерского мастерства, так главный предмет назывался.

— Вот-вот! Я и говорю, что темперамент — дело тонкое, его сразу не выразишь, хотя, конечно, есть способы...

Догадываетесь? Я тогда не сразу поняла его, хотя у меня уже все было с одним моим сокурсником. Но Гектор был терпелив, он снова и снова заводил свою шарманку, пока до меня не дошло, что он хочет, чтобы я ему тут же, как говорится, не отходя от кассы, отдалась — для обнаружения моего темперамента!

Когда он понял, что до меня дошло, он повел разговор совсем просто:

— Как ты понимаешь, ни насиловать, ни принуждать я тебя не собираюсь. А если ты всерьез думаешь о роли, то вот диван, а вот ключ от двери. Я тебя не тороплю, а ключ кладу вот сюда, на стол. Сиди и думай. Надумаешь — сама запри дверь.

Ну, что вам сказать, подруженьки? Фильм-то вы ведь видели, так что знаете — роль я получила. А теперь знаете и то, каким путем. А когда я уже стала сниматься и как-то столкнулась носом к носу со своей побежденной соперницей, она взглядела мне в глаза, усмехнулась и говорит: "Есть такая старая театральная шутка: "Путь к успеху лежит через диван режиссера". Поняла я, что эта девка крепче меня оказалась и не поддалась. Зато роль осталась у меня.

На съемках Гектор ко мне не приставал. Он вообще слабак был по части баб, его только на первый раз и хватало. Кроме того, у него был тайный комплекс именно насильника: уж больно жена у него была уродливая, настоящая толстозадая жаба. Звали ее на студии "Императрица Задница". Когда-то его путь к успеху пролегал через постель этой Императрицы Задницы — она была дочерью главного режиссера театра. Вот он теперь и отыгрывался на молоденьких актрисочках.

Играть мне было очень трудно: роль у меня героическая, а я себя продажной женщиной чувствую. Очень трудно она мне далась, эта первая моя роль. Но тогда же я решила, что в актрисах не останусь, а непременно стану сама режиссером. И стала, как видите. Не было бы счастья, да несчастье помогло...

Женщины поговорили о том, что актерская жизнь вообще не такой уж сплошной праздник, как это кажется издали. А еще им очень понравилась фраза режиссера о том, что "ни принуждать, ни насилловать он не собирался".

— Эталон мужской логики! — заметила Лариса. — Так же как Олины насильники кричали, что она "сука".

Поскольку все уже закончили свои признания, за исключением Иришки, то она и поспешила начать свой рассказ.

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ,

рассказанная секретаршей Ириной
и повествующая о том,
как ей хитростью удалось не только избежать насилия,
но и перевоспитать насильника

Со мной вот что было. Возвращаюсь я как-то вечером с работы довольно поздно. Живем мы с Сережей в высотном доме в конце Московского проспекта, где "стамеска". Какая "стамеска"? В нашем районе это все знают. Это новый памятник защитникам Ленинграда. Скульптор знаменитый, а такого наворотил, что никто ничего не понимает, только улицу перегородил толпой своих шедевров. А из толпы торчит вверх этакая гранитная фиговина с косо срезанным концом. Вот жители нашего района ее и прозвали "стамеской". А некоторые еще неприличнее зовут, но я не скажу как, потому что тут Неля, а она еврейка и может обидеться.

Так вот, не доходя этой "стамески" или "не скажу как" и стоят по сторонам проспекта два двадцатизэтажных дома, в одном мы с Сережей и живем, на восьмом этаже.

Вхожу я, значит, в лифт поздно вечером, а за мной входит парнишка, совсем молоденький. Входит он и сразу нажимает кнопку с цифрой 22. Я удивленно на него смотрю: на двадцать

втором этаже никто и не живет, там чердак. Хочу нажать свою, а он схватил меня за руки и не дает:

— Поедем наверх со мной.

— Это зачем же еще?

— Сама знаешь...

Вижу, что он и насильник-то еще неопытный, а держит крепко. Надо хитростью от него избавляться. И начала я с ним такой разговор:

— И не стыдно тебе? Такой симпатяга, с тобой любая девушка добровольно побежит трахаться, а ты к посторонним женщинам в лифте лезешь, на чердак тащишь. Вот уж удовольствие — на чердаке, где кошками воняет!

— Никакая девушка со мной не пойдет, ты мне зубы не заговаривай.

— Почему не пойдет?

— А я — "пэтэушник" и живу в общежитии, и денег у меня нет.

— Подумаешь! С милым рай и в шалаше. Что, полянок в лесу мало стало? — А лифт уже мой восьмой этаж проезжает.

— А у меня вон прыщи по лицу. Какая девушка со мной пойдет?

— Подумаешь, два прыщичка! Зато глаза у тебя вон какие выразительные!

Глаза у него и вправду очень выразительные были: и хочется-то ему, и страшно, да еще и любопытно — в жизни глупее глаз не видела.

— Ну, уж ты скажешь!.. — вроде как застеснялся он от моего комплимента, и руки мои уже не так крепко держит. Тут я изловчилась и локтем одним по всем кнопкам лифта прошлась -- какая нажмет. И как раз вовремя: лифт дошел до двадцать второго этажа, остановился, дверь открылась, и парень попытался силой меня вывести.

— погоди! — кричу я ему. — Я ж тебе еще не рассказала, как от прыщиков избавляться!

А сама уперлась ногой в стенку лифта возле двери, не даю себя вытащить. Тут дверь закрылась и лифт вниз пошел — сработало, я же кнопки локтем нажимала.

— Ну, теперь отпусти, — говорю парню. — Не удался тебе опыт. Кто-то лифт вызвал.

Он и сам уже понял, меня отпустил, а сам побледнел.

— Не бойся ты! — говорю ему. — Не сдам я тебя в милицию и людям не скажу. Жалко мне тебя. И подумай над моими словами. Тебе-то не к лицу насильно, я тебе это как женщина говорю! Не было б у меня мужа, я бы тебе сама свидание назначила.

— Да ладно... — бурчит он, а сам лицо в воротник спрятал — стыдно ему или обидно, что сорвалось?

А лифт пошел через этаж останавливаться, я ж по всем почти кнопкам прошла. Я не стала дожидаться восьмого, раньше вышла и спустилась до своего этажа по лестнице: не хотелось мне с ним в кабине оставаться.

Но история на этом не кончилась. Как-то едем мы с мужем в метро, и вдруг заходит на остановке тот самый парень и с девушкой под ручку. Узнал меня, покраснел как рак. Я глазами показываю на девушку: как, мол? Он кивает — все в порядке! А потом такой фокус делает: проходит мимо нас в проходе, будто ему так удобнее к выходу идти, и, поравнявшись со мной, говорит:

— Позвольте пройти!

Мы с мужем даем дорогу, а он смотрит мне в лицо и тихо произносит:

— Большое спасибо!

Будто бы за то, что дали дорогу. А я-то знаю за что... Больше уж я его не встречала.

История Иришки всех немного утешила, хотя и не так, как история Валентины про рукавичку. Уговорились завтра рассказывать истории, связанные с деньгами: многое ли зависит от них в этой жизни? С тем и стали готовиться ко сну, и так кончился шестой день Женского Декамерона.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ, ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

**в которой женщины рассказывают
истории о деньгах**

Наступил седьмой день Женского Декамерона, пошли, как было уговорено, рассказы о событиях, связанных с деньгами. Первой принялась рассказывать, как всегда, Лариса.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

**рассказанная биологом Ларисой
о пяточке, которому, как оказалось, цены нет,
хотя на него много не купишь**

У меня особо сложных отношений с деньгами никогда не было: в двадцать пять лет я уже кончила аспирантуру, получила место младшего научного сотрудника и неплохую зарплату. Мама врач, отец строил аэродромы по всей стране, а потом имел отношение к строительству космодромов. Нет, не Байконур, есть еще кое-что, но это не наша тема... Когда я заявила родителям, что замуж выходить не собираюсь, а хочу завести ребенка и жить одна, это для них была катастрофа, которую они с трудом пережили. Но смирились и помогли мне купить кооперативную квартиру, однокомнатную. Но как сын подрастет, я ее сменяю на двухкомнатную, уже деньги начала откладывать. Себе я ни в чем не отказываю, хотя, могу признаться, и потребностей особых у меня нет. За границу я езжу на государственный счет, в плане обмена научной информацией, отдыхаю, где хочу, бриллиантами не увлекаюсь, а машина мне не нужна — возни с ней много. Так что денег мне хватает, даже про запас кое-что отложено, на всякий случай. А больше всего мне придает уверенности то, что почти всем этим я обязана самой себе.

Но был в моей жизни случай, когда моя судьба зависела от пяточка, когда я, атеистка, молила Бога о пяточке — и Бог мне его послал. Просто ничем иным не объяснить этот случай, как не вмешательством высших сил.

Было это когда я еще училась в аспирантуре. Занималась я генетикой, которая тогда еще только недавно из "продажной девки буржуазной науки" превратилась в "передовую от-

расль отечественной биологии”. Репрессированных генетиков, кто остался жив, реабилитировали, допустили к науке, возвели в ранги. Но не всех. Прослышала я, что в одной автономной республике, где было полным-полно лагерей, в университете преподает один такой ”невозвращенец” биологию и потихоньку занимается генетикой. И как раз той темой, которая меня больше всего интересовала тогда, да и сейчас интересует: возможностью предсказывать генетические отклонения в развитии плода в первые месяцы беременности. И решила я на почти невозможное: заполнить этого упрямого старика себе в научные руководители. Все говорили вокруг, что шансов никаких, что именно ленинградские ученые его в свое время предали и дали посадить, а потому он вообще отказывается приезжать в наш город, даже когда его приглашают на встречи с иностранными учеными.

Написала я старику письмо. Он не ответил. Я написала второе и послала тезисы своей кандидатской, копии уже сделанных глав. А попросила только об одном — позволить мне приехать в его глушь поговорить с ним. И он разрешил. Вся в волнениях и страхах, как перед первым свиданием, собралась я и поехала.

Местечко он себе выбрал для жизни, то есть ему выбрали в 37-м, мрачнее некуда: за окнами вагона тайга, тайга, тайга, и через каждый десяток километров — лагерьный забор с вышками. Уже теперешние лагера, должно быть. И по вагону какие-то подозрительные личности шастали: в серых ватниках и коротко остриженные. Пассажиры говорили между собой, что недавно была амнистия для уголовников и надо лучше смотреть за вещами. А у меня вещей — одна спортивная сумка да маленькая сумочка с документами и деньгами. Чего бы проще уберечь? А не уберегла. Свистнули и то и другое. И деньги, и паспорт, и пропуск институтский. Подъезжаю к месту, а что делать — ума не приложу! В кармане курточки случайно уцелела пятерка. И это все. Решила — обойдусь как-нибудь, не возвращаться же не солоно хлебавши? Надо хотя бы попытаться! Самое обидное, что пропали мои записи.

Своего научного кумира я быстро разыскала в университете. Жесткий старик. Поговорили мы с ним в перерыве между

лекциями и назначил он мне встречу на завтра в своей лаборатории, ровно в десять.

Вышла я из университета с ощущением неминуемого завтрашнего провала: за десять минут разговора даже тени улыбки не промелькнуло на его лице. Скорее он смотрел на меня подозрительно и на встречу согласился явно неохотно, предлагал сначала поговорить тут же, в коридоре. Но я настояла хотя бы на получасовом разговоре. И вот теперь я вышла и стала думать: как же мне выкрутиться из этой ситуации? Копии диссертации и статей мне никто не пришлет, даже если я дам телеграмму, значит, приходится рассчитывать только на результат разговора, если он получится серьезным. Кроме того, встают житейские заботы: как добраться назад, где искать украденное и как обернуться сейчас с этой последней пятеркой?

Сходила я в милицию при вокзале, там рассказала, в каком поезде и вагоне ехала, билет показала. Просила непременно прислать мне бумаги и документы, если они обнаружатся: бывает, что воры их подкидывают, оставляя себе только деньги и вещи. Мне это обещали, и надо сказать, действительно, через две недели прислали уже в Ленинград: сумку с бумагами вор бросил в тамбуре того же поезда, и если бы я догадалась спросить о них у проводников, не пришлось бы мне являться к старику с пустыми руками.

Зашла я на почту и дала родителям телеграмму, чтобы срочно выслали денег на почтамт до востребования, а сама пошла в гостиницу. Сняла койку в общем номере за полтора рубля, плату потребовали, как всегда, вперед. В комнате — шесть незнакомых женщин, а мне надо подготовиться, с мыслями собраться к завтрашней встрече. Что делать? Вышла я на улицу, часа полтора погуляла по городу. Холодно. Тогда зашла в кафе погреться, заказала кофе, пирожное и просидела над ними час. Официантки стали коситься, пришлось еще заказать. Потом пошла в кино, какой-то детектив смотрела и думала о своем, но и из этого приюта надо было уходить, когда сеанс кончился. Денег уже не оставалось, чтобы еще куда-нибудь спрятаться, купила я на самые последние пачку сигарет и пошла в гостиницу. Легла пораньше, но

уснуть не удалось, ворочалась, переживала до утра. В результате утром проспала глупейшим образом, будильника ведь у меня с собой не было. Проснулась в половине десятого, а мне до университета пешком полчаса идти! И пяточка не осталось на автобус от вчерашних моих штаний по городу. Боже мой, что делать? Вскочила я, кое-как лохмы пригладила, а сама уже на грани отчаяния: ну надо же, как мне не везет со стариком!

Выскочила я на улицу, а возле гостиницы остановка автобуса, который идет к университету, и автобус как раз вот-вот отойдет. Тут меня как что-то подтолкнуло: влетела я в него, когда двери уже закрывались. А ладно, один раз в жизни можно и зайцем!

Еду я, ничего не вижу ни вокруг, ни в окне — вся в себя ушла, в страхи свои. И вдруг, не доезжая одну остановку до университета, вижу я, что в автобус с передней площадки входит мой старик. Прямой, как палка, лицо на утреннем свете серое, ни улыбки, ни живинки в глазах. Входит и садится на переднее сиденье, лицом прямо ко мне, а меня не видит — я в другом конце автобуса. Сажу и думаю: подойти или нет? А потом решила, что не стоит, раз он меня не замечает. Лучше явиться в кабинет, как договорились.

И тут я с ужасом вижу, что вместе с ним, со стариком моим, в автобус вошла контролерша, базарного типа баба, и начала проверять билеты. Все, это уже окончательная катастрофа! Сажу и чувствую, как рушится мир вокруг меня. Дура я, дура! Ну что бы вчера хоть пяточок оставить на дороге? Сейчас контролерша дойдет до меня и поднимет крик, начнет позорить: "А еще в очках!" или что-нибудь в этом роде. И что он подумает обо мне? Что я авантюристка какая-нибудь? Ни диссертации, ни работ, ну ничегошеньки — так еще и контролер в автобусе без билета поймал... Чувствую, что вот сейчас немедленно разревусь. Сдерживаюсь только потому, что делу это не поможет. А она все ближе, ближе проверяет, а остановка длинная — не выскочить, некуда деться.

И тут я взмолилась: "Господи! Неведомая мирообразующая сила! Пошли ты мне спасение не ради меня, а во имя науки. Ведь говорили у нас и писали, что признать генетику —

значит признать существование Твое. Во имя этого хотя бы, Создатель ген и хромосом, пошли пяточок!”

Но поздно, поздно... Неотвратимо, как танк, движется на меня контролерша. В панике я отвернулась и усталилась в окно. И тут я вижу: за резинкой, которой крепится стекло, заткнут пяточок. Живой, медненький, темненький! Я его — хватаю! — вскакиваю с места, быстро опускаю в кассу-автомат и отрываю себе билет. И тут меня отпустило, почувствовала я, будто тьма какая-то от меня отошла, отступила — и я спокойно двинулась по проходу навстречу контролеру к передней площадке, где сидит мой кумир. И он на меня смотрит — заметил. Мимо контролерши я проплыла, как облачко мимо утеса, небрежно сунув ей билет на ходу. А тут и остановка.

Вышли мы со стариком из автобуса вместе, он даже раньше вышел и руку мне подал — поддержал. Идем по улице к университету, а он вдруг и спрашивает:

— Скажите-ка по совести, а почему вы пяточок в последнюю минуту в кассу опустили, когда контролер вас чуть не застучал? Всегда так экономите?

Тут я ему всю правду и выложила. Очень он хохотал над моей молитвой “неведомой мирообразующей силе”, но сказал, что в этом несомненно что-то есть, какое-то зерно истины — иначе откуда бы пяточку взяться? Я и не ожидала, что он способен так веселиться. Словом, в его лабораторию мы пришли уже друзьями. Остается добавить, что он и по сей день руководитель всех моих работ, хотя из дыры своей так и не выехал. Я к нему езжу.

И могу сказать вам совершенно откровенно, что никогда я так не страдала из-за денег, как тогда, и никогда я больше так не радовалась случайным деньгам, как тому пяточку.

— Ну, вот мы и еще кое-что про тебя узнали, Лариса! — улыбнулась Эмма, когда рассказ был окончен.

— Да, ты уж, Ларочка, не отделявайся больше анекдотами, — поддержала ее Альбина. — Чего тебе от нас броней закрываться? Мы не опасные.

Кто-кто, а я твою самостоятельность очень уважаю. Я тебе, если хочешь, даже завидую.

– Ну, завидовать погоди. Наш Декамерон еще не окончен – мало ли что еще от меня услышите... А теперь давайте послушаем Зину. Зинуля, ты была в лагере. Вот где, наверное, полно страшных преступников из-за денег?

– Хватает, – махнула рукой Зина.

– Вот и расскажи историю пострашнее.

– Ладно, попробую.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,

рассказанная Бичихой Зиной,
которую сама она считала самой страшной из всех,
услышанных в лагере

Сидели у нас на зоне мать и дочь, одной восемнадцать, другой тридцать шесть лет, обеих, пока они сидели, лечили от алкоголя – принудительно, конечно. А сидели они за убийство, и обе друг дружку в том убийстве взаимно обвиняли. Держали их в разных отрядах, потому как если они сходились, то пух и перья летели. Очень они здорово дрались.

Рассказали мне зэчки их историю, а история вот какая. Жили они в рабочем поселке, где народ весь был приезжий и непросыхающий: пили все и пили всё. Мать с мужиками крутилась, спилась с молодых юных лет и дочку по пьянке родила, сама не ведая от кого. Когда ж эта история с ними приключилась, был у них один сожитель на двоих, мать уже чуть не до белой горячки допилась, и дочь за нею по пятам шла.

И вот как-то является их сожитель с получкой. По этому случаю затевается большая пьянка, приглашаются друзья-подружки, дым коромыслом. Тут же пьют, тут же и спят кто с кем попало. К вечеру на следующий день водка и деньги кончились, гости разошлись, мать с дочерью на преждевременную опохмелку потянуло. И тут кто-то из них вспомнил,

что у сожителя должна была быть тринадцатая зарплата. Стали к нему приставать: "Где тринадцатая? Давай, выкладывай!" А он ни в какую: "Не выдавали еще тринадцатую". Повернулся на бок и дальше спит или вид делает.

Тут мать посылает дочку к соседу, что с ним вместе работал. Спроси, мол, была ли тринадцатая? Та мигом обернулась, возвращается: "Была!"

Начали они мужика донимать: "Где деньги? Чего прячешься?" Стащили его с кровати, обыскали и, ничего не найдя, начали его вдвоем бить. А он только мычит. Тут одна из них, только не знаем которая, и предложила узнать у него пытками, куда он деньги спрятал? В зоне-то у них из-за того и спор был, кто это дело надумал. Каждая на другую валила.

Связали они мужика и начали его пытать. Сначала его же ремнем беднягу избивали. Он очухался и озверел от злости: "Не получите вы моих денег, хоть огнем жгите!" Эти чертовки и огнем начали его жечь — папиросами горящими. Он все равно не говорит, куда деньги спрятал. Тогда они ему и говорят: "Коли не отдашь деньги, так мы тебе начнем ноги пилить и начисто отпилим". Этот дурак тоже в раж вошел: "Пилите! У меня отец партизан был, так вот и я пыток не боюсь! Несите вашу пилу!"

Принесли они из сарая пилу двуручную, койку с сожителем вытащили на середину комнаты, встали по сторонам да и начали. Может, сначала просто пугали, а потом уж озверели — не знаю, врать не стану. А только он и вправду молчал, как партизан, пока они ему обе ноги напрочь не отпилили. Тут он сознание потерял, а они видят, что толку с него уже нет, что навряд ли заговорит — и бросили его. Накрыли одеялом, а на ноги набросали подушки, чтобы кровь впитывалась. Сами же бросились шарить, деньги искать. Нашли. Накупили еще водки. А пока дочка за водкой бегала, мать сожителя сволокла на балкон и там накрыла его одеялами, как узел какой. И забыла про него, будто его и не было. Дочь приходит с водкой, видит, что сожителя нет. Спрашивает: "Где он?" А мать отвечает: "Не знаю, ушел, должно быть..." У дочки еще разума в голове чуток оставалось: "Как же ушел? У него ж ноги отпиленные". — "А не знаю как. Он ведь хит-

рый, изловчился и ушел”. Тут они вдвоем замыли кровь, нажарили картошки и опять гостей созвали. Гуляют день, гуляют другой. Про сожителя кто спросит — отвечают, что ушел совсем от них, надоел. Дело житейское, никто особенно и не допытывается. С работы раз-другой прибегали, видят, что люди гуляют, ну и отстают ни с чем.

Случилось так, что одну бабу затошнило с перепоею, а туалет занят был. Она и вышла на балкон поблевать. Перекинулась через перила, сделала свое дело прямо на улицу и стоит, в себя приходит. Тут видит она, что в углу балкона ворох какого-то тряпья под снегом, а с краю чуток виднеется хороший мужской ботинок. ”Чего это у них ботинки почти новые на балконе под снегом валяются?” — подумала баба да и потянула к себе ботинок, а с ним выволокла обрубок ноги. Мигом она протрезвела. Видно, не совсем еще пьянь пропащая была. Вернулась в комнату, никому ничего не сказала, скоренько распрощалась и будто домой пошла. А сама в милицию.

Взяли их, и труп того ”партизана” увезли. Экспертиза потом сказала, что сожитель жил еще несколько часов, а потом уж истек кровью и замерз.

Вот на что две бабы решились и что один мужик вытерпел из-за денег.

Дикая эта история особенно взволновала Ольгу:

— Как пьет народ, как пьет! И чего только по пьянке не творят, пересказать невозможно. Так вот еще лет десять мужики наши попьют, да и вымрут. Одни мы, бабы, останемся.

— Разве женщины не пьют? — спросила Валентина, и сама же ответила: — Пьют, и еще как. С каждым годом растет женский алкоголизм. Одних женских вытрезвителей сколько стало, а я еще помню время, когда был один на всю страну, в Мурманске. В других городах тогда с ужасом об этом говорили. А теперь что? В каждом приличном городе, да еще и не один, а несколько.

– Дети пьют, вот что страшнее всего! – сказала Иришка.

– Пора выдвигать новый лозунг, – усмехнулась Галина, – “Коммунизм есть советская власть плюс алкоголизация всей страны”.

Поговорили, погоревали и предложили рассказывать Наташе.

– Только, Наташенька, повеселее что-нибудь, а то у меня до сих пор мурашки! – взмолилась Иришка.

– Ладно. Зина напомнила мне одну историю, тоже связанную с тринадцатой зарплатой. Постараюсь отвлечь вас от мрачных мыслей.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ,

рассказанная инженером Наташей
о тринадцатой зарплате и о памятнике Ленину

В тот год, когда ввели тринадцатую зарплату, я уже окончила институт и работала на заводе инженером. Завод старый, с традициями, много кадровых рабочих и в общем обстановка лучше, чем бывает обычно. Но в цехе, куда меня направили, был жуткий тип, который портил все дело – парторг. Под стать себе он подобрал и работников профсоюза, а хороших, но безыдейных мастеров потихоньку выживал и на их место выдвигал своих подхалимов. Рабочим же от него житья не было, все он требовал от них какой-то сверхсознательности, выдумывал все новые и новые социалистические обязательства, какие-то “почины” изобретал, от которых делу был один лишь вред, но зато звону много. О нашем цехе постоянно писала заводская многотиражка, а то и в “Ленинградской правде” статейка появлялась. Парторг все их вырезал и собирал, надеясь этими бумажками выстелить себе путь к более высокому назначению.

И вот, когда объявили о тринадцатой зарплате, парторг этой еще невыданной зарплатой рабочих начал прямо допе-

кать, будто собирался выдавать ее из своего собственного кармана. На собраниях он то и дело твердил: "Государство учитывает, что сознательность наших рабочих, к сожалению, еще не всегда поднимается выше материальных интересов, а потому и вводит тринадцатую зарплату. Так и смотрите на это, как на уступку вашей несознательности!" А сам, хоть и кричал на всех заводских углах о своем партийном долге, подразумевая, что его долг подгонять рабочих, особой личной сознательностью по отношению к государству не отличался: путевки в санаторий себе и всей семье брал со скидкой, за счет профсоюза, квартиру ему ремонтировали наши же рабочие и в рабочее время. Как-то при выдаче зарплаты молоденькая кассирша нечаянно обсчитала его на три рубля, так шуму было на три дня, бедную девочку чуть с работы не выгнали.

И вот допекает он рабочих этим благодеянием, тринадцатой зарплатой, а сам подстерегает, не совершит ли кто прогул или опоздание, не нагрубит ли мастеру? Чуть что — приказ о лишении этой самой тринадцатой. Рабочие злятся, а цеховое начальство, не парторговские подхалимы, видит, что от его партийного энтузиазма производство страдает, а сделать ничего не может — идеология! Ему слово скажи поперек, так он под это слово такую политическую торпеду подведет, что потом неприятностей не оберешься.

Но работала в нашем цехе мастером пожилая уже женщина, Юлия Константиновна. Девчонкой она на фронт попала санитаркой, имела боевые награды, да и в мирной жизни вела себя смело и независимо. Парторг бы ее давно с места выжил, но на ней держалось производство целого участка и заводское начальство ее высоко ценило. И вот эта Юлия Константиновна видит, что рабочие люто возненавидели парторга, даже стали уходить из нашего цеха. Решилась она встать на сторону рабочих и избавить их от этого идеологического чудища. Видимо, был у нее сговор со старыми рабочими, потому что поддержали ее в первую очередь они, а за ними уже и другие. Вот что она придумала, чтобы свалить парторга.

На заводском дворе у нас был скверик, а в нем фонтан и скамейки вокруг. И Юлия Константиновна сговорилась с ра-

бочими внести "почин", которые так любил парторг: отдать всем тринадцатую зарплату на сооружение вместо фонтана памятника Ленину — в знак благодарности государству и родной партии за эту самую тринадцатую.

С нетерпением мы ждали годового собрания в цехе. Обычно, когда такие собрания объявляют, рабочие, а особенно работницы, не знают, как от них увернуться. Проводятся эти собрания после работы, а чтобы несознательные работяги домой не убежали, закрывается на это время проходная. Но в любом заборе найдется дыра, и наши работницы через дыры в заводском заборе убегали к своим семьям с собраний и митингов в защиту мира. Но на это собрание пришли все как одна: очень уж интересно было им посмотреть, чем кончится отважный поход Юлии Константиновны против парторга. И хотя лишних денег ни у кого не было и во всяком кармане нашлось бы место для тринадцатой зарплаты, никому не жаль было ее потерять, лишь бы от зануды-парторга избавиться. К тому же он половины рабочих этих денег уже лишил либо частично, либо полностью. Нажал и на бригадиров, и на мастеров, и на начальника цеха, чтобы ни одно нарушение дисциплины не прошло без следа. Потому работягам терять было нечего, а толковые мастера и бригадиры решились своими тринадцатыми поступиться, потому что и им неведомо стало: были они хозяевами на производстве, а стали мальчиками и девочками на побегушках у парторга.

И вот началось долгожданное собрание. Начальник цеха все свои цифры с трибуны в зал высыпал: план-переплан-перевыполнение-недовыполнение, собрал бумажки и ушел обратно в президиум. Взгромоздился на трибуну парторг и начал по бумажке долдонить, как партия проявила заботу обо всех рабочих, дала им тринадцатую зарплату, а вот отдельные несознательные рабочие... и пошел... и пошел...

После парторга берет слово Юлия Константиновна, выходит и не спеша начинает повторять все только что сказанное парторгом: партия и правительство, правительство и партия... Словом, прошла зима, настало лето — спасибо, партия, за это! Удивляемся мы, что это она ту же мочалку жевать принялась, уж не струсил ли в последнюю минуту? А она тянет

резину и все на дверь поглядывает и на часы. Парторг, он же и председательствовал на собрании, постучал карандашиком по графинчику: "Регламент, Юлия Константиновна!" Она ему в ответ ласково улыбнулась, кивнула и дальше продолжала говорить одними цитатами из Ленина: "Как сказал Ленин, как заметил Владимир Ильич..." Парторг вздыхает, а ничего сделать не может: не рискует перебить оратора, когда тот ленинскими цитатами сыпет.

Тянет Юлия Константиновна свою "лениниану", а тут и отворяется дверь в зал и входят торжественно корреспондент и фотограф, а за ними семенит довольный редактор заводской многотиражки. Подбегает редактор к парторгу, изгибается над ним и шепчет так, что на весь зал слышно. Из "Ленинградской правды"! Парторг, довольный, кланяется, руками разводит: "Добро пожаловать!", а сам мигает и машет Юлии Константиновне, чтобы закруглялась. А та улыбается и громким голосом сообщает:

— И вот, в свете всего сказанного, группа рабочих и инженерно-технических работников нашего цеха решила в знак благодарности партии и правительству отказаться от первой тринадцатой зарплаты, а на эти деньги поставить в заводском сквере памятник Ленину — на месте фонтана.

Услышав долгожданные слова, зал раздражается бурными аплодисментами. А Юлия Константиновна, чуть переждав овации, продолжает:

— Мы уверены, что нас поддержит администрация, и в первую очередь наш уважаемый парторг Василий Иванович!

Поворачивается она к президиуму и с улыбкой приглашает парторга на свое место:

— Ждем вашего слова, Василий Иванович!

В президиуме половина улыбается — те, кто уже был в курсе выдумки Юлии Константиновны, а другая половина, прихвостни парторга, уловив его недовольство, сами недовольно пожимают плечами.

Выходит наш Василий Иванович на трибуну и начинает:

— Я не знаю, кто позволил эту самодеятельность? Кто решил этот необдуманый почин? С кем это согласовано? Такие скороспелые инициативы партком не может поддержи-

вать. Мы должны сначала все обсудить с товарищами, соотнести с вышестоящими организациями.

Тут слово берет комсомольский вожак Алик Бочагин:

— Удивляюсь я вам, Василий Иванович. Не ожидал я слышать такое от старшего партийного товарища! Что значит "самодеятельность"? Настоящий почин и должен быть самодеятельным, а не сфабрикованным в тиши кабинетов, как это порой еще бывает! Мы, комсомолы, всецело поддерживаем почин рабочих нашего цеха и беремся дополнительно помочь в расчистке места под памятник Владимиру Ильичу! Да здравствует памятник вечно живому Ленину вместо фонтанов бюрократии!

Выдал он эту залепуху в стиле боевых двадцатых, а зал доволен, смеется и аплодирует: теперь уже парторгу этот почин не закопать! Плакали его личные денежки, его собственная тринадцатая, а с нею и премии других прихлебателей. Корреспондент из "Правды" страшно доволен: "Какой материал! Завтра же это будет в газете!" Бегает по залу, интервью берет, фотограф щелкает вспышкой, а парторг со своими стоят кучкой, и слышим мы там ропот недовольства. Кто-то кому-то бросил: "Надо завтра в обком звонить, пусть там разберутся, что это за почин тут сами собой заводятся?"

А назавтра выходит "Ленинградская правда" со статьей корреспондента о нашем почине и с таким заключительным абзацем: "Очень жаль, что инициатива рабочих не встретила должного понимания там, где, казалось бы, ее должны были всецело поддержать — в парторганизации цеха".

Слетел наш парторг, а на его место поставили вскоре Алика Бочагина, который хоть тоже болтун был изрядный, но понимал, что кто-то болтает, а кто-то и работает: с рабочими он вел себя осторожнее.

Памятник Ленина в заводском дворе соорудили, и прозвал его заводской народ "памятником Ильичу и Константиновне", имея в виду, конечно, не Надежду Константиновну Крупскую, а нашу Юлию Константиновну. Правда, ее через год тоже выжили на пенсию, но это уже другая история.

Посмеялись женщины над незадачливым парторгом и пожалели Юлию Константиновну.

Тут подошла очередь говорить Валентине, и она начала:

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ,

рассказанная Номенклатурщицей Валентиной.

Как ни странно, это история о диссидентах и чекисте

Сейчас я вам по секрету, подружки, расскажу одну диссидентскую историю, связанную с деньгами ЦРУ. А вы погодите, Галина, возмущаться, сначала выслушайте. Я эту историю знаю из первых рук, от следователя КГБ, который ею занимался. Только очень вас прошу, никогда не ссылайтесь на меня, если вздумаете ее кому пересказывать! Фамилию следователя я вам не назову, а из диссидентских ни одной не запомнила. Запомнились мне почему-то только имена двух дочек ссыльного — Даша и Саша. Впрочем, это ведь неважно. Вы, Галя, сами скажете и без имен, похоже это на правду или нет.

Историю мне эту рассказал мой знакомый, работавший недолгое время в КГБ. Я назову его Евгений, но это не настоящее его имя, а только взято мной для рассказа.

Евгений окончил юридический факультет Ленинградского университета, и пригласили его работать в КГБ. Был он там младшим следователем, проще говоря, мальчиком на посылках. А потом было у него одно дело, после которого он из КГБ ушел и стал вскоре простым адвокатом. Как-то я его спросила, что ж он отказался от такой блестящей карьеры. И вот что он мне рассказал, но повторяю — по большому секрету!

Приехала в Ленинград туристка из ФРГ и встретила с одним диссидентом. В КГБ точно знали, что она привезла ему деньги. И поручили Евгению проследить, куда эти деньги пойдут. Решено было заранее, что они от ЦРУ, и надо было только доказать, что получивший использует для антисоветской де-

ятельности. Евгений имел право проверять почтовые отправления подозреваемого, поэтому он очень скоро установил, что на другой день после отъезда немецкой гостии он послал пятьдесят рублей какому-то ссыльному в Иркутскую область.

Полетел Евгений в Иркутскую область и вскоре нашел этого ссыльного. Жил он в маленькой избушке на берегу таежной речки с женой и двумя девочками, Сашей и Дашей. Походил Евгений вокруг, расспросил местных сотрудников, соседей, проверил почту. И оказалось, что этот ссыльный, получив деньги, тотчас отправил их в Воркуту.

Пришлось Евгению лететь в Воркуту. Явился, нашел какого-то доходягу, отсидевшего лет двадцать, уже с туберкулезом легких, зато без единого зуба. И без денег: этот, как только получил пятьдесят рублей, не выходя из почтового отделения, отправил их в Читинскую область, какой-то женщине-ссыльной.

В Читинской области Евгений попытался даже встретиться с этой женщиной, но она отказалась с ним разговаривать. А судьбу денег он выяснил и без допроса: она их отправила на Украину.

На Украину Евгений летел, уже проклиная этих диссидентов, которые развели такую конспирацию, что он, выясняя судьбу пятидесяти рублей, потратил государственных денег только на все эти перелеты уже в десять раз больше, не говоря о прочих расходах.

На Украине местные товарищи из КГБ встретили Евгения и уже сами сказали ему, что адресат только что освободился из лагеря строгого режима, деньги получил, но в тот же день отправил их... в Иркутскую область.

Можете себе представить, в каком настроении летел Евгений снова в Иркутск? Случилось так, что он опередил перевод и прибыл на почту, когда там еще выписывали извещение для ссыльного. Он предъявил свое удостоверение и устроился за почтовой стойкой, будто бы разбирая почту: сторожил, когда ссыльный явится за деньгами.

Тот явился с женой и обеими девочками. Получил деньги и тут же, не выходя из почты, стал советоваться с женой и

ЖЕНСКИЙ ДЕКАМЕРОН

дочерьми, кому они пошлют эти деньги, кому они больше всего нужны. И тут Евгений понял, что никакой тайны в этих пятидесяти рублях нет и не было: просто люди пересылали их друг другу, считая, что другому они нужнее. Не стал он следить, куда дальше поплыли эти деньги, а вернулся в Ленинград и под приличным предлогом из КГБ уволился. Его отпустили, потому что он еще только стажировку проходил, мало знал.

Ну что, Галина? Похоже это на правду?

Галина, слушавшая Валентину очень внимательно, сказала, что не только похоже, но что она могла бы назвать по именам всех участников этой истории, кроме украинца.

— Украинцев в политлагерях добрая половина, поэтому невозможно угадать, кто это был. А из остальных я могу назвать только Егора Давыдова, который жил в городе Тулуна, Иркутской области. Его жену зовут Лера, а девочек действительно Даша и Саша. Я потому не боюсь назвать их, что сейчас они уже в Германии, в Мюнхене. Оттуда теперь друзьям помогают. Вот пришлют они мне деньги или что-нибудь из вещей с немецким туристом, и другой Евгений из КГБ начнет новое дело о деньгах из ЦРУ! Напишут гадостей в газетах, какой-нибудь телевизионный фильм состроят под названием "Наемники ЦРУ" или "Продавшиеся за доллары". Надеюсь, что хоть вы, если увидите подобное, не поверите — после рассказа Валентины. Спасибо, Валюша!

И все женщины порадовались, что лед между Валентиной и Галиной, кажется, растаял окончательно.

— Ладно вам в любви объясняться, представительницы враждующих классов! — с некоторой долей ревности в голосе бросила им Альбина. — Моя теперь очередь. Я вот сейчас все впечатление

от вашей идиллии испорчу, расскажу вам про любовь за деньги.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ,

рассказанная стюардессой Альбиной,
в которой дается описание блеска и нищеты
советских проституток

Для затравки — анекдот. Про покойную Фурцеву, министра культуры. Сидит Фурцева со всеми министрами, одна баба среди мужиков. Зашел у них разговор о том, есть ли в Советском Союзе проституция. Фурцева говорит:

— Проституции у нас нет, потому что это — пережиток капитализма и с ним давно покончено.

А министры-мужики смеются:

— Как же нет, когда все бабы — продажные?

— Что же, и ваш министр культуры тоже?

— Да, товарищ министр.

— И сколько же я, по-вашему, стою?

— Ну, учитывая с одной стороны возраст и комплекцию, но с другой высокое положение, сто рублей можно отдать.

— Так мало?!

— Видишь, Катя, ты уже торгуешься.

Это анекдот. А теперь я расскажу вам, что на самом деле творится. С самого выска, не с Фурцевой, а с проституток, что большое начальство обслуживают, я начать не могу — я там не была, я с ними не спала.

Дальше идут подпольные миллионеры, ну, с этими я дело имела. Недолго, правда, пока совсем молоденькая была. Они любят, чтобы "девочки" были и вправду почти девочки, после восемнадцати — считай старуха, в тираж пора. Обслуживала я их так. Приезжает шофер и говорит: "Собирайся, через полчаса выезжаем. Оденься так-то и так-то". Собираюсь, сажусь в машину и едем мы обычно на чью-нибудь дачу. Там гости, вино, угощение — и мы на закуску. За такой вечер по-

лучала я до пятисот рублей, смотря кто был гость и откуда. Лучше всего платили грузины, хуже всех — гости с Украины. Прибалты хоть и прижимисты, зато элегантно проводили время с девочками, почти ж западные люди. Один раз "в гости" съездишь — год можно не работать.

Дальше идут "девочки-позвоночки". Я в "позвоночках" не была, но подружек имела. Эти почти безвылазно сидят у себя дома, ждут, когда клиенты позвонят. Клиенты обычно богатые и важные люди, которые репутацией дорожат или перед женами дрожат. Звонит такой клиент, часто и вовсе незнакомый, и приглашает в гостиницу. За ночь "позвоночек" получает тридцать-пятьдесят рублей. Если у нее клиентура хорошего класса.

Примерно столько же получают девочки при гостиницах, но у них жизнь труднее: с иностранцами приходится работать, под надзором. Зато есть шанс получить хорошие подарки и даже завязать связь на будущее. Некоторые наши гостиничные девочки так окружили иностранцев, что те на них женились и вывезли их за границу. Конечно, им и в голову не приходило, что их жены — бывшие проститутки, работавшие под присмотром администрации гостиницы, милиции и КГБ. Все выдавалось за случайное милое знакомство в ресторане или холле гостиницы. Хотя подумайте сами, ну какая советская девушка будет ужинать одна в ресторане гостиницы "Астория" или "Европейская"? Это же чушь, лапша на уши!

В гостиницах для своих та же система, только гости поскромнее: больше тридцати рублей редко получишь, разве что грузины опять же попадутся. Да эти везде умеют платить! Им широко жить не запретишь.

Всякие разные есть домашние проституточки. Бывает, что такой "девочке" уже и под пятьдесят, а клиентура у нее крепкая, годами собранная. К таким от жен хорошо бегать. Обслуживают они вполне знакомых людей, назначают им дни, живут почти что семейно. И с деньгами у них по-семейному. Моя подружка, например, своим и в кредит давала, если у них были денежные затруднения. И наоборот: надо ей шубку новую справить, она берет деньги на ее покупку, а потом полгода, или сколько там, спит за так.

Дальше надо выходить нам на улицу. Вот уж где я не была, там не была. Наши девки друг дружку улицей пугали: "Пойдешь к Московскому вокзалу за пятерку!" И там тоже свои категории. "Такси-герл" — это еще ничего. Сговаривается девка с таксистом, он ее и возит мимо вокзалов, сам ей клиента подбирает. В багажнике и водку возит, тоже по своей цене. "Такси-герл" за десятку идут.

А случилось вам вечером проходить мимо Московского вокзала? Где-нибудь около двенадцати? А вы прогуляйтесь. Таких "красавиц" увидите, что только носы у них не провалены. Эти идут за пятерку с любимым. Кто к себе ведет, а кто и в парадную.

За эту же цену промышляют бабы в Гостином дворе и других больших универмагах. Я одну семейную такую знала: муж у нее на заводе, двое ребятишек. А она каждый день на промысел выходила и двоих-троих клиентов обслуживала. В парадных. Десять-пятнадцать рублей в семью принесет — и довольна.

Про портовых, что моряков обслуживают, не знаю, врать не буду. Наверно, подороже, чем у вокзала, но не так, как при гостиницах.

Мальчики всех тех же категорий идут дороже девочек. Опять, бабоньки, дискриминация! А собираются они в садике напротив Пушкинского театра, в "Катькином садике" — там памятник Екатерине. Ну, хватит с вас? С меня тоже. Страшнее этого я про деньги ничего не знаю. Вот разве Зина что добавит.

Первой на рассказ Альбины откликнулась Зина:

— Про тех, что большие деньги с мужиков берут, про тех я ничего не знаю. А вот девочек, что у вокзалов и в портах ошиваются, тех встречала. Знаете, какую самую малую плату при мне брала баба с мужика?

— Какую?

— Рубль.

Женщины ахнули.

— И это еще не все. Рубль — деньгами. А у пив-

ных ларьков по утрам бабы-алкоголички за кружку пива отдаются, то есть ровнехонько за двадцать две копейки. Так-то. А теперь ты, Галя, расскажи нам что-нибудь из вашей красивой жизни, где люди друг дружке последнее сами несут.

– Нет, Зинуля. У нас ведь тема – деньги, а про деньги у меня другая история приготовлена, которая к диссидентам особого отношения не имеет. Я вам про свекровь мою расскажу.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ,

**рассказанная диссиденткой Галиной,
о том, как складывались у нее отношения со свекровью
и как она осталась перед ней в неоплатном долгу,
получив от нее не так уж много денег**

Моего Славика мать родила, когда ей было уже за сорок. Поздний ребенок, так это называется. Говорят, они не все удачные, не знаю, но мой Славик – несомненно удался!

Пожились мы со Славиком в лагере, и во время нашего свидания он мне говорит:

– Галочка, у меня ведь мама в Ленинграде живет. Я ей написал про тебя. Ты бы сходила к ней, познакомилась. Мама совсем больна, из дому почти не выходит.

Дал он мне адрес, а вернувшись из Мордовии, я через день пошла к Анне Николаевне. Так звали его маму. Жила она в конце Садовой улицы, на Покровке. Прихожу, звоню, открывает соседка. Повела она меня по квартире и показала комнату Анны Николаевны. Я постучала и слышу вдруг: "Входи, Галина!" Обомлев, открываю дверь и вижу худенькую старенькую женщину, всю седую. Сидит она в большом потертом кресле, укутанная в серый пуховый платок.

– Проходи, садись. Ну, как съездила? Здоров Славик-то?

– Здоров, все спокойно сейчас у него. А как вы догадались, что это я пришла?

— А ждала я тебя, — просто отвечает она, — Славик-то писал мне про тебя, я и ждала. Что ж это, думаю, невестушка не идет показаться? А тут слышу, шаги незнакомые, и меня женский голос спрашивает, я и догадалась. Ко мне ведь мало кто ходит. Сестра да медсестра, вот и все мои гости.

Попили мы с Анной Николаевной чаю, рассказала я ей про свою поездку, про то, как расписали нас в лагере, про себя и свою семью.

— Как родители-то приняли, что жених у тебя в лагере?

— Да ничего, вроде бы...

— А ты не торопи. Выйдет Славик, они и полюбят его. Не торопи родителей-то. Им тоже не сладко, что муж у дочки за колючей проволокой. Ведь каждому не объяснишь, а каждый спросит, за кого дочка замуж вышла.'

С этой встречи полюбила я Анну Николаевну. Тянуло меня к ней, особенно, если какая неприятность случится. Приду, заварим чай, поговорим о том, о сем, Славика повспоминаем — мне и легче станет.

А дома у меня не очень хорошо все складывалось. Родители начали на меня коситься сразу же, когда я им объявила про жениха в лагере. Когда же узнали, что я ребенка жду, то совсем у нас нехорошо стало. И решила я уйти от родителей. Но куда? У Анны Николаевны совсем крохотная комнатка, туда даже вторую кровать некуда ставить, Славик на раскладушке спал. Куда ж тут с ребенком подселиться? И решила я комнату снять. Долго искала и наконец нашла, но дорогую, за сорок рублей. Из моих восьмидесяти пяти — накладно. А еще надо на свидания, на посылки откладывать. В общем, стало мне жить туговато. Одно было хорошо: комнату я нашла недалеко от Анны Николаевны, на Фонтанке. Нет-нет да и прибегу к ней.

Мама меня уговаривала аборт сделать, но об этом не могло быть и речи. А чувствовала я себя очень неважно. Ребенок во мне рос, а я питалась хуже, чем до беременности. Не получалось у меня с деньгами. У родителей не брала, хоть и предлагали — обиделась. И стала какая-то пришибленная, рассеянная. При такой-то бедности еще и деньги теряла. Дома положу куда-нибудь, а потом найти не могу. Пожаловалась как-то

Анне Николаевне на эту свою новую беду. А та велит кошелек завести: "Ты все в сумке держишь да в кармане, вот они, деньги-то, и не знают своего постоянного места".

И вот стала я замечать, что часто нахожу деньги в кармане пальто под рукавичкой или в сумке, на самом дне, и свернуты они как-то не по-моему, не вдвое, как я обычно делаю, а вчетверо. Я и это сваливаю на свою рассеянность.

Но трешки и пятерки эти меня здорово выручают. Только тревожусь я при этом, что терять деньги, а потом находить их в неожиданном месте стало у меня уже привычкой. Уж за свою психику стала беспокоиться — ребенка ведь жду!

И вот как-то, когда была я уже на шестом месяце, прихожу я к Анне Николаевне, а она совсем больная, не встает уже. Дождалась я врача, а после, когда врач осмотрела, послушала Анну Николаевну, я вышла за ней в коридор и спрашиваю:

— Доктор, как мама? Это очень серьезно?

— Ну, что я вам скажу? Нового сердца мы ей не поставим, а старое сносилось. Тут уж ничего не поделаешь, надо вам приготовиться к худшему. Год в лучшем случае еще поддержим лекарствами, а там...

— Может быть, в больницу?

— Попробуйте устроить человека в таком возрасте, пенсионерку, в больницу! Разве что по очень большому благу. Или скорая привезет, когда уж совсем плохо будет. А так... Нет, и не пытайтесь!

Как представила я себе, что Анна Николаевна Славика не дождется, так и заплакала, не удержалась. Но тут же задала в себе слезы, чтобы она по виду моему не догадалась, что я от врача услышала.

Возвращаюсь в комнату, а свекровь моя мне и говорит:

— Ты не горюй обо мне, Галочка. Я теперь спокойно умру, ведь знаю, что Славик не один. Мне бы вот только внука увидеть... И сейчас не хнычь, а сходи-ка лучше для меня в магазин. Вон там сумка моя стоит, а в ней кошелек.

Взяла я сумку, выслушала, что купить надо, и пошла. Взяла в гастрономе молока и сыру, а как раскрыла у кассы кошелек, чтобы расплатиться, так и застыла, слова сказать не могу. Лежат в мамином кошельке деньги, и все бумажки свернуты

вчетверо, как те мои "найденные" трешки да пятерки. А получала наша мама пенсии сорок пять рублей. Вот и считайте, от какого пирога она мне крохи отщипывала.

Иду я потом в булочную за хлебом, а у самой слезы кап да кап. И мечтаю, как ребенок, что случится чудо: мама поправится, а потом вернется Славик. Будем мы оба работать и купим маме теплую и легкую шубку, самые теплые зимние сапожки. А то она всю зиму не выходила, потому что тяжело ей было носить свое суконное зимнее пальто на вате. Этими мечтами я и утешилась.

Умерла мама совсем недавно, когда я только-только в декретный отпуск пошла. Так и не купили мы ей шубку. И даже "мамой" я ее ни разу не успела назвать — все стеснялась, про себя только так звала. И сейчас зову.

Деньги она оставила в конвертике, на котором написала "Галине": все, что оставалось у нее от пенсии, все, что накопила она к концу жизни — двадцать рублей восемьдесят копеек. И ведь пришлось мне их потратить на похороны. Только одну ее пятерку я оставила и не хочу тратить, как бы туго ни пришлось. Нет, не из тех, что она оставила, совсем другую пятерку. Уже перед самыми родами я разбирала летние вещи и нашла ее в кармане курточки: это мама еще летом мне подсунула. Славик выйдет, ему и отдам.

История Галиной свекрови всех растрогала, и женщины утешали саму Галю как могли, потому что она закончила свой рассказ уже в слезах.

А когда Галина успокоилась, начала рассказывать Ольга.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ,

рассказанная рабочей Ольгой.

Эта история вновь возвращает нас к войне,
когда совершались не только подвиги

Сама я из-под Тихвина, деревенская. В Ленинград приехала на завод поступать уже восемнадцати лет, а до того была обыкновенная деревенская девчонка.

В каждой русской деревне, говорят, бывает свой дурак или сумасшедший. Про другие деревни не знаю, а у нас была такая старуха, звали ее Нюрка-Денежка. Почему такое прозвище ей дали и за что, про это я сейчас вам и расскажу. А настоящая ее фамилия была Антонова.

Сама я Нюрку-Денежку помню уже тогда, когда она и на человека мало походила. Ходила в рванье, жила зимой по углам у людей, а летом просто в лесу возле деревни. Страшная была, дети ее боялись и дразнили, обижали. Вот что про нее рассказывали.

Через нашу деревню возили эвакуированных из Ленинграда, блокадников. Везли куда-то дальше, говорили — в Сибирь. А совсем больных снимали с поезда и оставляли у нас. На других станциях, видно, тоже. Распределяли их по избам, даже и хозяев не спрашивая. Приказ такой вышел, чтобы эвакуированных селить. А вот чем им кормиться — об этом начальство заботы не проявило, а у нас им на карточки даже хлеба не получить было. Беда.

Ну, однако люди вырвались из-под немца, грех умирать на воле. И они как-то выживали. Кто покрепче был, в колхозе начал работать. Грамотность ихняя городская никому не нужна была, а вот руки, хоть и слабые, сгодились. Другие, что уже едва ноги таскали, меняли свое городское барахлишко на хлеб, на картошку да молоко детям. Бабы наши детишек ленинградских очень жалели. Если у кого была корова, так тот подселенных детей со своими за один стол сажал: натолкут им картохи с молоком — съешьте сколь на всех хватит! Но были и такие, что пользовались чужой бедой, наживались

на ней. Эти старались половчей выменять у блокадников последние тряпки.

Нюрка Антонова — она по хваткости среди первых передовая была. Она не ждала, пока блокадники к ней придут что поменять, не-ет! Берет она с утра корзину, кладет туда яйца, сало, ставит бутылки с молоком и отправляется по дворам: "Выкуренные у вас живут?" Это она эвакуированных "выкуренными" звала, для куражу, потому что люди ей глаза ими кололи. Войдет она в избу, где есть подселенцы, и предлагает им: "Меняться будете? А ну, показывайте, что у вас есть!" То, что ей предлагали, она не брала. "Все покажите, что вывезли! Сама выберу!" Людям деваться некуда, они и допускают Нюрку к вещам, а та уж смотрит, щупает и свои цены назначает. Начнет торговаться, а люди-то усталые, слабые, у них сил нет противиться: видят еду и на все соглашаются.

Награбила Нюрка таким манером полную хату добра: туфли модельные на каблуках, шубы каракулевые, боты фетровые, меховые воротники. Шляп и то себе наменяла! Бабы наши смеются: "Зачем тебе, Нюрка, ихние городские шляпы? Чучело огородное, что ли, обрядишь?" А Нюрка отвечает: "Разбогатею я на них, сволочах, что город свой защищать не хотят, удирают, а потом сама в Ленинград подамся жить. Вот шляпы-то и пригодятся". Такие у нее были планы.

Кроме тряпок меняла Нюрка и на деньги, и тут уж вовсе спуска блокадникам не давала, грабила почем зря, а потом хвасталась: "У меня денег столько, что избу вместо обоев можно оклеить, как в городе! И мне по гроб хватит, и сыну останется до конца его жизни".

У самой Нюрки тоже постоялица стояла, молоденькая и с маленьким ребенком, девочкой. Эту Нюрка ободрала, как липку, благо заступиться некому было. Постоялица, рассказывают, чистенькая была и повывела из Нюркиной избы тараканов и клопов, только мухи остались. И вот кто-то прислал ей от мух листочки бумажные, ядом мушиным пропитанные. Листочек такой она клала в блюдце с водой, а сверху малюсенький кусочек сахара: мухи садились и дохли. Уж

очень боялась эта ленинградочка, что от мух к ее дочке зараза какая-нибудь пристанет. И вот случилось так, что девочка увидела сахар в блюде с мушиным ядом и съела его, и блюде вылизала. Тут же ее корчить стало. Мать бросилась к Нюрке: "Дайте для ребенка молока, от отравления!" А та ей: "Ты сперва заплати!" Бросилась та к чемодану, вытаскивает, что у нее там оставалось. А Нюрка уж давно ее барахлишко на зубок знала, нос воротит: "Не из чего тут выбирать. Давай все навалом за банку молока, а то помрет твоя девка!" Та и отдала все до последнего чулочка, своего и девочки. Отпоила ее молоком с водой, спасла. Бабы наши после этого случая Нюрке пророчили: "Будет тебе за эвакуированных, Нюрка! Не от людей, так Бог накажет". Так оно и вышло.

Долго судьба испытывала Нюрку. Сперва на сыне. Сына она своего от фронта выкупила, большие деньги платила, будто бы припадочный он. А в конце-то концов с нее такую взятку потребовали, что стал ей сын дешевле денег: велела она ему на фронт собираться. Последний год уж войне шел. "Авось, говорит, обойдется! Да и в Германию надо бы наведаваться, за трофеями". И погиб ее сын даже не доехав до фронта: эшелон их разбомбили. Погоревала она, но добрее к людям не стала, так же норовила все, что видела, под себя заgrabастать. Мужик ее тоже с фронта не вернулся, и это она пережила спокойно: "С моим богатством я себе и другого найду, и сына нового рожу!" А вот доканала Нюрку денежная реформа. Была такая реформа после войны, когда деньги чуть не в один день сменили. Нюрка же свои запасы и обменять не могла, потому как хранила их не в сберкассе, а в погребе — от глаза людского берегла. И вот как деньги ее превратились в пустые бумажки, тут она и свихнулась. Вышла на рассвете из дому, шубы да платья развесила в саду на яблонях, туфли за ворота в шеренгу выстроила, на забор белье, чулки шелковые вывесила, а сама в избу скрылась. Сбежался народ, шумит: "Никак Нюрка умом тронулась?" Решили пойти в избу, поглядеть, чего она там? Входят, а она стены своими деньгами оклеивает и песни поет. И впрямь баба тронулась.

С виду Нюрка была нестрашная, ее бы жалели, как жалели у нас и пьяниц подзаборных, и контуженных с войны, и с дет-

ства дураков. Да она сама людям не давала забыть, на чем ума лишилась. Зимой, летом она ничего, а как осень подойдет и полетят с деревьев листья, так Нюркина дурь силу проявляет. Ходит она по деревне, по лесу, собирает листья сухие и складывает в пачечки. Потом перевязывает эти пачки нитками, веревочками — что найдет, и прячет в укромных местах. И все оглядывается и приговаривает: "А вот денежки у меня опять собрались! Вот мои денежки ко мне и вернулись!" А люди-то помнят, как было... За то и прозвище ей дали Нюрка-Денежка.

Задумались женщины над рассказом работницы Ольги. Почти все были ленинградки, а ведь из каждой ленинградской семьи кто-то погиб в блокаду. Помолчали.

Тут подошла очередь рассказывать Неле, и она, извинившись, что история ее тоже совсем не веселая, начала.

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ,

рассказанная учительницей Нелей
и повествующая о том,
как коллекционирование портретов вождей
обернулось трагедией для маленького мальчика

Подрабатывала я в одном детском садике музыкальными уроками. Была у меня средняя группа, ребятки по четыре, по пять лет. И вот этим малышам постоянно говорили о Ленине, о партии и прочих таких вещах, которых дети либо вообще не понимают, либо понимают слишком буквально. Особенно отличалась идейным энтузиазмом воспитательница средней группы, где я вела музыкальные занятия. Часто она своими разглагольствованиями перебивала мои песенки: "А вот дедушка Ленин, когда был мальчиком, тоже пел народные песни. Кто знает, детки, какие детские народные песенки пел в детстве дедушка Ленин?" Кто-нибудь из

малышей непременно ответит: "Замучен тяжелой неволей!" Сколько раз я просила ее не мешать мне на занятиях, но все без толку: "Я говорю детям о Ленине! Это самое важное, что они должны знать даже в музыке!" Ну, попробуйте возразить такой...

Она же придумала для детей идиотское соревнование: кто больше найдет дома в старых газетах и журналах портретов Ленина и принесет в детский сад. Дети старались, вырезали, приносили. Потом эти портретики ребятишки наклеивали в специальный альбом. Этих альбомов у воспитательницы накопилась чертова уйма, девать их было некуда. Зато если приходила какая-нибудь комиссия с проверкой, она доставала свои сокровища и трясла ими. И даже вытрясла себе какой-то почетный значок и грамоту.

И вот однажды утром приходит в садик один мальчик, сын директора магазина, и приносит целую пачку портретов Ленина, вырезанных из сторублевок. Эта дура не поглядела, что это за портреты, сунула их не глядя в ящик своего стола, чтобы потом заняться наклеиванием. Вечером мальчика увела домой мама, и больше он в садик не вернулся.

Зато на следующий день явилась милиция и потребовала показать, что за портреты принес мальчик.

Оказывается, отец мальчика здорово наживался в своей торговле, а нечистые деньги в крупных купюрах держал дома в разных тайниках. Один такой тайник мальчик подглядел и утром, пока мама готовила завтрак, а отца уже не было дома, он забрался в отцовский кабинет, вытащил деньги и вырезал столько портретиков, сколько успел, пока мама не позвала завтракать. Отец, придя с работы, обнаружил порезанные деньги и долго не мог понять, что с ними произошло: Тут как раз мать привела сына из детского сада, а мальчик сразу отцу и похвастался: "Папа, это я вырезал дедушку Ленина и снес в садик! Марья Ивановна меня похвалила!"

Мать схватила за сердце, а взбешенный отец давай бить ребенка по ручонкам, пока опомнившаяся мать не отняла у него сына.

Много ли надо такому малышу? В нервном шоке и со вспухшими руками его отвезли в больницу. Из больницы

позвонили в милицию. Приехал следователь. Мальчик ему все и рассказал. Отца посадили за вскрывшиеся хищения. А наша примерная Марья Ивановна по сей день работает в том же садике, только теперь уже заведующей.

– Нет, девочки! – взмолилась Иришка, – давайте больше таких диких историй не рассказывать!

– Что ж делать, если сама жизнь их сочиняет? – возразила ей Галина. – Ведь и народ дичает...

Но Эмма, поглядев на Иришку, сказала:

– Ладно, не криви рот, а то сейчас заплачешь. Расскажу я смешную историю специально для тебя. Чем-то она похожа на историю с диссидентскими деньгами, но, слава Богу, в ней нет ничего конспиративного, и можно все имена называть. А ее герои люди довольно известные. Это неофициальные художники, поэты, те, кого в Ленинграде зовут "второй культурой", а раньше называли просто – "богема". Люди, которые живут, будто нет никакой советской власти, и она тоже – до поры делает вид, что их не существует. Слушайте.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ,

**рассказанная режиссером Эммой
о заколдованной десятке и "второй культуре"**

Поездила я по стране, поработала в разных театрах и решила вернуться в Ленинград. Первое время устроиться мне никак не удавалось, подрабатывала на радио, на телевидении, Снегурочку на детских елочных представлениях изображала. Тем временем окончательно оформила развод с мужем, и он мне от щедрот своих выделил комнату в двадцать метров. У него была трехкомнатная квартира до развода. Так он ее разменял на двухкомнатную для себя и комнату в

общей квартире для меня. Ну, хоть жить было где. А жилось туговато, надо прямо сказать.

И вот как-то сижу я дома, кропаю какой-то дурацкий сценарий для сельской самодеятельности — тоже вид заработка. Тут звонит мне Костя Кузьминский.

— Слушай, Эмма! Мне позарез надо двадцать рублей. Заложил в ломбард матушкино обручальное кольцо, а завтра срок подходит. Если не выкуплю — пропадет. Надо тридцать рублей, а у меня только десять. Можешь на неделю двадцать рублей одолжить?

— Нет, Костенька, не могу. Самой надо отдать соседке за телефон и за свет, а нет ни копейки. Боюсь на кухню выходить. Извини уж!

Вешает Костя трубку, а я снова принимаюсь за свой сценарий. Через пару часов он вдруг является собственной персоной. А надо вам сказать, что поэт Кузьминский редко на своих двоих передвигался. Обычно он лежал у себя дома на диване в халате, строчил стишки, а вокруг него крутились поэты и художники. Можно сказать, что его диван и был центром "второй культуры". Является Костя и протягивает мне десятку:

— Так я и не нашел еще двадцать рублей. Кольцо все равно пропадет, так хоть ты свои долги заплати. А то съедят тебя соседи, и русский театр останется необновленным твоими идеями.

Обрадовалась я, схватила десятку и тут же, в коридоре, взяв карандаш, лежавший на телефонном столике, на краю этой самой десятки стала подсчитывать: сколько мне надо отдать за свет и телефон и не останется ли за квартиру заплатить? А Костя поворчал, что я к деньгам почтения не имею, и потопал обратно на свой диван.

Только я собралась свою десятку, из которой на все платы так и не выкроилось, нести к соседке, как снова звонок в дверь. Является московский поэт Бахыт Кенжиев.

— Эмма, выручай! Надо срочно возвращаться в Москву, а я деньги потерял! Есть десятка?

— На твоё счастье есть. Вот она.

Отдаю ему Костину десятку, и счастливый Бахыт убегает.

Через час звонит художник Юра Галецкий.

— Эмма! Ты давала десятку Бахыту? Так вот, он мне ее вернул для тебя: мы его провожали и собрали ему на билет. Мне сегодня некогда, так я ее Ширали передал, он тебе занесет.

Жду я, жду Ширали, а он звонит только на следующий день:

— Эмма! Я честно нес тебе твою десятку, но по пути зашел в "Сайгон" и там встретил три дня не жвавшего Сашку Исачева, ему отдал. Не сердисься?

— Конечно, нет! Отдал и отдал.

"Сайгон" — это кафе на углу Невского и Владимирского, а Саша Исачев — художник из Белоруссии, у нас в Ленинграде прижился.

Так ушла от меня эта десятка.

Прошло полгода примерно, и вот стал наш Костя собирать на Запад. Собирал он стихи неофициальных поэтов, прозу самиздатскую, а вот про деньги как-то подзабыл, понадеялся, что все само собой утрясется. Остается неделя до отъезда, а у него денег нет на билет! Кинули мы ключ, и понесла наша неофициальная шатия-братия свои трешки, пятерки и десятки Косте на отъезд. Приносили и бросали в кувшин, который кто-то для этого поставил посреди стола. Пришло время за билетами идти, Костя меня и просит: "Эмма! Я тут страничку дописать должен, а ты пока вытряхни деньги из кувшина — может, уже хватит на билеты?"

Вытряхнула я деньги, стала считать. И вдруг среди десятков вижу одну, на которой сбоку записаны знакомые цифры!

— Боже мой, Костя! Ты помнишь, как ты мне зимой приносил десятку?

— Не помню такого, чтобы я десятки разносил. А что?

— Как не помнишь? Я еще стояла в коридоре и писала прямо на десятке свои долги. Ты еще ворчал, что не нашла бумаги.

— Да, что-то припоминаю... Так в чем дело-то?

— А в том, что вот она, та самая десятка!

И рассказала я ему, как наша заколдованная десятка пошла по кругу.

Тут и наши друзья, которые были в комнате, удивились, а Петя Чейгин говорит:

— Нельзя такую замечательную десятку государству на черное дело отдавать, на билеты для Кости. Давайте мы ее лучше тут пропьем.

Отдали мы Пете десятку и послали его за вином. Возвращается наш мрачный поэт Петя Чейгин без вина и без десятки:

— Я в гастрономе Наташку Лазареву встретил, художницу. Ей в кочегарку на дежурство идти, а денег не хватало даже на сырок. Я ей десятку отдал.

Интересно бы спросить Наташу Лазареву, разменяла ли она ту десятку? Зная ее характер, думаю, что нет — тоже кого-нибудь встретила. Смешно сказать, но я теперь, как попадает мне в руки десятка, смотрю, не написано ли там с краю: "Тел. 2.40, кварт. 5, свет 2.50". Если вы встретите, то знайте — это она и есть.

После Эммы наступила очередь Иришки, и тут все женщины требовательно повернулись к ней:

— Ну, ты теперь нас порадуешь веселой историей? Ты ворчала, что мы грустное рассказываем.

— Ох, девочки! Мне так тяжело было о печальных вещах слушать, а сама, кажется, тоже не слишком веселую историю расскажу. Зато смешную! Слушайте.

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ,

рассказанная секретаршей Иришкой,
повествующая о коте Рублике
и мальчике, потерявшем рубль

Это было давно, когда я еще училась в школе, классе в седьмом или восьмом. Мама, отец и старшая сестра весь день были на работе, а я по заведенному в семье порядку должна была в это время сделать уроки и сходить в магазин. Также на мне были прачечная, обувная мастерская

и прочие такие дела. Я хозяйственная девочка была. Мы жили благополучно, но деньгам счет вели, поэтому мама мне оставляла каждый день на домашние расходы небольшую сумму, а вечером я ей отчитывалась и давала сдачу.

Сделала я уроки и пошла за хлебом. Булочная была прямо на нашей улице, совсем недалеко от дома. Смотрю, возле дверей булочной стоит мальчишка лет семи-восьми и плачет горячими слезами.

— Ты чего тут реवेशь? — спрашиваю его.

— Деньги потерял...

— Чего ж теперь реветь? Иди домой, скажи матери и больше не теряй!

Пожалела я мальчишку, но подумала с гордостью, что вот я уже сколько лет и в магазин хожу, и за квартиру плачу, а ни разу денег не теряла. Мальчишки, они все такие!

Отнесла я хлеб домой, а потом понесла обувь в ремонт. Иду опять мимо булочной, а мальчишка тот все стоит. Холодно, октябрь на дворе. У него уже и кулаки, которыми слезы и сопли по лицу размазывает, посинели.

— Чего стоишь? Иди домой! Замерзнешь!

— Я ходил. Мама велела идти на улицу и не возвращаться, если не найду деньги.

— А много ты потерял-то?

— Ру-у-бль...

— Эх ты, растяпа!

И пошла я в обувную мастерскую. Отсидела там час в очереди, возвращаюсь и опять вижу этого пацана на том же месте. Уже не ревет, а только икает от холода, лапы свои замерзшие в рукава спрятал.

— Да иди ж ты домой, горе мое! Не убьет тебя мать.

— Не убьет. Она плачет, что я рубль потерял. Чего я домой пойду?..

Пришла я домой, а мальчишка у меня из головы не выходит. Был бы у меня свой рубль, я бы ему отнесла. А у меня только хозяйственных три рубля осталось и еще надо белье в прачечную нести. Никак я не могу мальчишке помочь!

Собрала я белье грязное в узел, отправилась сдавать. Стоит, горе мое, на том же месте!

В прачечной сижу в очереди, думаю о своих школьных делах, вроде про мальчишку забыла. И вдруг слышу такой разговор. Одна женщина в очереди возмущается:

— Уже больше часа сижу тут. Ну как же можно так медленно работать?

А приемщица в сердцах швырнула узел с бельем в угол и кричит в ответ:

— А вы идите на мое место за тридцать рублей работать! Посмотрю, как вы будете шевелиться! У нас вместо двух приемщиц одна в каждую смену выходит, нету людей, что я могу сделать?

И пошла дальше шуровать грязными узлами. А я думаю: "Вдруг у того мальчика мама тоже за тридцать рублей работает? Мало, что ли, таких? А если тот рубль, что он потерял, последний?" Совсем жалко мне стало мальчишку.

Подошла моя очередь, сдала я белье, заплатила. И осталось у меня полтора рубля. Тут я решила: будь что будет, но если он стоит на том же месте, не ушел домой, то дам я ему этот несчастный рубль, а уж с мамой как-нибудь договорюсь. Пусть она подарит мне его как бы в премию за то, что сама я никогда денег не теряла!

Получила я в другом отделении чистое белье из стирки, подхватила пакет за веревочку и пошла поскорее к дому. Беспokoюсь, только бы не ушел мальчишка!

Нет, стоит, бедняга. В темноте и не видно его, к водосточной трубе прислонился, совсем иззяб. Подхожу, достаю торжественно свой рубль:

— Вот тебе рубль, кончай реветь и беги скорей домой. Мать успокой.

А он опять в рев пустился и рубль не берет.

— Ты чего?

— Мама сказала, чтобы я не вздумал просить у прохожих, чтобы искал то, что сумел потерять!..

— Так ты же не просишь, я сама даю!

— Все равно нельзя. Это чужой рубль.

— Тогда ты скажи маме, что нашел его на улице.

— А врать тоже нельзя!

И пуще заревел. Ну, что ты тут поделаешь? Стою я рядом с ним и тоже помаленьку всхлипывать начинаю.

— А ты чего реवेशь, такая большая?

— А мне тебя жалко.

Постояли мы так, пошмыгали носами. А потом меня вдруг осенило.

— Ты вот что. Я тут из-за тебя стою с тяжелым пакетом, мерзну. Все руки отморозила. Видишь, я без перчаток? Теперь ты за это помоги мне белье до дому донести, тебе все равно делать нечего.

— Ладно, давай помогу.

Взяли мы пакет с двух сторон за веревочку и понесли к нам домой. Пришли. А дома я достаю рубль и говорю со всей взрослостью, на какую была способна:

— Ты мне помог белье донести, так вот тебе рубль за работу. Про заработанный рубль мама ничего не скажет, только похвалит. Да-да, я знаю!

Как он обрадовался, как помчался вниз по лестнице, даже спасибо не сказал!

А вечером, когда мама пришла с работы, я ей рассказала все как было. Очень я волновалась, не влетит ли мне самой за такое самоуправство? Но мама спокойно выслушала меня и говорит:

— Правильно сделала. Молодец, что сообразила дать ему возможность этот рубль "честным трудом" заработать. Хороший, видно, мальчик.

Часов в девять, когда уже все наши были в сборе, вдруг раздался звонок в дверь. Сестра пошла открывать, возвращается и говорит:

— Ирина! Это тебя какой-то кавалер с котом спрашивает.

Выхожу я, а перед дверью стоит тот самый мальчишка и держит в шапке маленького рыжего котенка.

— Мама велела пойти и сказать "спасибо" за рублик, что ты мне за работу дала. Она не сердилась и плакать перестала совсем. Еще она сказала, что такая работа стоит меньше, что тот рублик еще и подарок мне от тебя. Вот, спасибо.

— А это кто у тебя?

— А это теперь тебе от меня подарок. У нас в подвале кошка

одна котят родила, я и взял одного. Там еще два осталось. Ничего, что рыжий?

— Очень хорошо! Замечательно рыжий! Спасибо тебе огромное.

Он передал мне котенка и довольный пошел восвояси.

Вот за котенка мне попало. Но потом наши все к нему привыкли. А называли мы его Рубликом в память о том парнишке.

— А ты так и не спросила, где его мама работала? — поинтересовалась Валентина.

— Ах да, я и забыла сказать! Я же почти правильно угадала. Они жили без отца, а мать работала уборщицей в школе. Там же они и жили, в комнате при школе. Значит, и получала она тогда те же самые тридцать рублей, что и приемщица в прачечной.

— Ну, с тех пор самая маленькая зарплата выросла больше чем вдвое, до семидесяти рублей! — успокаивающе сказала Наташа.

— Да, выросла! — ответила ей Эмма. — Но цены тоже выросли так, что это те же тридцать рублей, если не меньше.

— Это верно! — вздохнула Зина. — Кто без профессии, тем на одну зарплату и не прожить.

И все поняли, что она думает о своем будущем устройстве на работу, и стали наперебой советовать ей, куда обратиться за помощью, где есть работа с общежитием. Неля сказала, что можно найти работу в яслях, тогда и сын будет при ней.

В этих разговорах о будущем устройстве Зины и закончился седьмой день Декамерона.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ, ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой рассказывается о мести

Начался восьмой день Декамерона. Утром, после первого кормления детишек и после завтрака Нюменклатурица Валентина обратилась к Альбине:

— Альбина! Ты нам намекала, что тебе удалось отомстить и своему садисту-насильнику, и тому генералу, который говорил, что порядочных девушек никто не насилует. Вот бы ты сегодня нам об этом рассказала, а?

— Ладно, Валюша, расскажу. И может, мы тогда все расскажем истории о том, как женщины и мужчины мстили своим обидчикам?

Все согласились с Альбиной, и вот вечером начались истории о мести.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

**рассказанная биологом Ларисой,
представляющая собой не анекдот,
но вполне достоверную историю
из анекдотического быта коммунальных квартир**

Я вам расскажу, как один тихий интеллигент отомстил своим соседям по коммунальной квартире.

В одной ленинградской квартире умерла старушка, освободив крошечную десятиметровую комнату. Между жильцами, как водится, началась за эту комнату настоящая война: кто-то стоял в очереди на улучшение жилплощади и хотел, присоединив эту комнатку к своей, улучшить положение немедленно, кто-то хотел съехаться с женой, у которой где-то была комната еще меньше и ее можно было бы обменять на старушкину. Но районный жилищный отдел не стал разбираться в том, кто из жильцов имеет на нее больше прав, а просто отдал ее одному молодому инженеру. Ну, вы сами можете догадаться, что соседи новому жильцу не обрадовались. Всю свою ненависть друг к другу они перекинули на бедного парня. Его всячески притесняли на кухне и в местах общего пользования. Если к нему заходил приятель, участковому мили-

ционеру немедленно писался донос, что у нового жильца собираются пьяницы и наркоманы. Если, не дай Бог, в гости приходила знакомая девушка или коллега с работы, женщина, то его обвиняли чуть ли не в содержании притона. Парень поначалу пробовал отбиться, выяснял с ними отношения, но этим только подогревал атмосферу. И он затих. На кухню старался не выходить, в свою комнату шмыгал, как мышонок, а на все попытки втянуть его в скандал — отмалчивался.

Долго ли, коротко ли, да только всем жильцам этой квартиры неожиданно повезло. Власти задумали построить на этой улице какое-то сверхмодерное здание, для чего надо было снести сразу несколько старых домов. На снос пошел и дом, где была эта квартира. Всем жильцам выдали ордера на комнаты в новых районах, а некоторые даже получили небольшие отдельные квартиры. Общей радости не было предела. Получив неожиданную возможность перебраться в более приличное жилье, все как-то подобрели, во всех проснулись забытые бытом человеческие качества. Проще говоря, совесть. И говорят жильцы между собой: "Ну, ладно. Мы-то сколько лет вместе жили, все друг про друга знаем. Было у нас плохое, но было ведь и доброе. А вот новому-то жильцу что хорошего про нашу квартиру вспомнится? И ведь человек он, по совести говоря, тихий, интеллигентный, никому никогда не нагрубил..." И решили жильцы квартиры собраться все вместе и попросить прощения у интеллигента. Так и сделали. Купили они пирожных, приготовили чай и вызвали его вечером на общую кухню. Он пришел, встал в сторонке, дрожит потихоньку: что, мол, они еще на прощание ему приготовили, какую такую гадость? А жильцы ему говорят: "Дорогой вы наш сосед, очень мы раскаиваемся в несправедливом к вам отношении. Теперь вот мы все разъедемся по разным концам города. Так уж вы простите нас и не поминайте лихом. А теперь давайте вместе выпьем чаю на прощание, за мир, так сказать, и дружбу". Поглядел на них интеллигент, растрогался до слез. Снял очки, протирает и говорит: "С радостью прощаю вас, дорогие друзья. А чай я с вами пить не могу, и вот по какой причине. Все это время,

пока вы вели против меня военные действия с целью выжить из квартиры, я открыто против вас не выступал — где мне! Но вы, наверное, видели, что по вечерам я иногда выходил на кухню со своим чайничком. Так вот, чай-то я себе в комнате в другом чайнике грел на элетроплитке. А в этот чайничек — писал. И когда никого из вас на кухне не было, я его содержимое подливал во все ваши чайники и кастрюльки. Так что уж простите и вы меня!”

С тем и разъехались добрые люди по своим новым квартирам.

Долго женщины смеялись над этим, с позволения сказать, интеллигентом, вспоминая попутно и другие случаи из коммунальных войн, которые иногда кончались примирением, а иногда и судами за увечья, нанесенные в местах общего пользования одним соседом другому.

Следующей рассказывала Зина.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,

рассказанная Бичихой Зиной

**и, конечно, что снова история из лагерного опыта:
о том, как убийцу можно определить по глазам,
и о старухе, убившей свою невестку,
чтобы отомстить сыну**

У нас в лагере женщин-убийц много было: одни мужика убили, когда от побоев защищались, другие из-за нужды своего ребеночка загубили новорожденного, а бывали и убийства из мести, из ревности. Что я заметила, девоньки, так это вот что: убийцу-то без всякого следствия по глазам можно узнать. Странные у них такие глаза, будто бы белые. Нет, не светлые, как вот у детей или очень добрых людей бывают, а натурально белые. Даже у черноглазых как пелена особая на глазах — белые они, и все тут! И еще замечала я, что коли убийство нечаянное, как в законе пишется ”по не-

осторожности”, то пелены этой нет. Сначала-то я думала, что это мне только кажется, что это я сама себе выдумала такое, потому как убийц очень не люблю. Ну, что это в самом деле! Люди, уж бывает, такую жизнь беспросветную ведут, ни в чем им счастья нет, а то такие калеки или инвалиды, что и жить-то вроде им нечем и незачем, а все ж таки и они жизни радуются. Вон у нас в деревне был с войны калека: и без рук, и без ног, и контуженный. А как вынесет его жена на солнышко, положит на травку, так он лежит и улыбается всему, жизни то есть. Так как же можно человека жизни лишать, если и такому-то она в радость? Вот я и думала, что это у меня самой от удивления перед убийцами в глазах белеет. А потом заметила, что я и не знаю часто, по какому делу женщина сидит, а вижу, что глаза у нее белые, и чудится мне — убила она. Выспрошу тихонько других женщин — так и есть, убийца. Еще одна примета есть, это уже о том, как дошел до этого человек. Если убийца по нечаянности, так он здорово кается, мучится, наказания себе ищет. А по умыслу убившие, те наоборот, те как раз ненавидят тех, кого убили. Ему, говорят, хорошо в земле лежать, а я на зоне за него, подлеца, страдаю! Такое вот у них рассуждение.

Бабы, что из ревности убили, те не с такими белыми глазами ходят, а будто только со светлой поволокой. Иногда только сбоку эту белизну и видать, али когда в злость впадает такая вот баба. И тоже каются они часто, а то и хорошее про убитых мужей и сожителей вспоминают. А вот те, что убили из мести, — те никогда не каются. Страшные они, я их сторонкой обходила. А особенно одну старушку. На зоне ее Кузнечиком звали, а работала она в кипятилке, по утрам и вечерам раздавала кипяток для чая. Была я одно время дневальной в моем бараке, по причине малого моего срока, так просто беда мне с этим Кузнечиком была. Надо кипятку на всех носить, это ведер шесть-восемь, а я не могу у нее воду брать, ну хоть ты лопни! Приходилось за пачку махорки кого-нибудь из других бичей нанимать. А я ведь смолю, как паровоз, накладно мне это. Даже курить бросала, чтобы к старухе этой других посылать за махорку. И вот стало мне любопытно, да что же это за страх у меня перед ней такой? Поглядеть,

так бояться-то вовсе нечего: маленькая она, как сучок, лицо с кулачок, лапки сухонькие, как у паучка — чего бояться-то? А боюсь до смерти. Глаз ее боюсь. Они у нее маленькие, цвета стеклышек от пивной бутылки, а вот белый этот свет из них прямо так и режет, так и режет по сердцу. Страшно!

И пристала я к нашим женщинам: "Расскажите, за что Кузнечик-то этот сидит?" Зэчки поначалу от меня отмахивались: "А, нехота и вспоминать!" Потом одна рассказала, а другие подтвердили.

Женился у нее сын, а невестка неугодная попалась. Жили в одной комнате, как ни крутись — разойтись некуда. Скандалили, лаялись. Старуха в одну-то ссору схватила ножик столовый со стола и на невестку кинулась. Та здоровая бабенка была, со смехом нож-то из рук у старухи вырвала и говорит: "Ну куда тебе на меня бросаться? Ты от натуги-то лопнешь, пока еще замахиваться будешь!" Тоже, вишь, злая была, нет чтобы миром утишить свекровь-то. Сын промеж них мечется, не знает уже, кто у них там прав, кто виноват. Хотела невестка за нож в милицию заявить, а муж уговорил пожалеть старую — мать ведь она ему.

Ну, оба молодые работали, а старуха с внучкой сидела. Пять лет уж девочке было, когда беда случилась. Дошла злоба у старухи до последнего предела, она девочку и убила, пока родители на работе были. Убила, кусок отрубила от ножки и сварила на нем суп из лапши. Приходят родители домой, а она им говорит, что девочка на улице гуляет, и сажает их за стол. А сама веселая... Кормит их обоих супом из собственной их дочери, подкладывает и приговаривает: "Ах и супчик я вам приготовила! За все хорошее вам супчик этот от меня!" Те удивляются, переглядываются: чего это, мол, старуха так веселится? А как доели, так она их и спрашивает: "По вкусу ли доченька любимая пришлась?" Те как поняли, что она такое с ними сотворила, так мать сразу умом тронулась, а отец ровно столько и продержался, сколько надо было, чтобы на лестницу выскочить, ко всем соседям по площадке позвонить и крикнуть, что у них в доме случилось. А там и он покатился без памяти, и так уж больше в разум и не вернулся. А старухе дали восемь лет всего. Наши бабы

дивились: "А чего не расстреляли? Кому она такая нужна-то?"

Как-то на разводе считают нас и не досчитываются Кузнечика. Зэчек всех держат в строю, а охрана лагерь обшаривает, ищет. Мы все гадаем, да неужто она в побег ударилась? Нашли ее в той же кипятилке, где она работала. Висит на старом электрическом проводе: весу-то в ней всего ничего было. Как ни велика в ней злоба была, а совесть оказалась и ее сильней. Замучила.

А я думаю, что месть — она всего больней по тому бьет, кто ее в своем сердце копит. Говорят "Кто старое помянет — тому глаз вон". Может, оно вот про белые глаза и сказано? От ненависти да мести глаза и белеют.

— Трудно с тобой спорить, Зина, ты ведь нас по самому краю человеческого провела, — сказала Эмма. — А если смотреть не так глубоко, так ведь что может быть приятней, чем сделать хорошую пакость плохому человеку? И на это есть продолжение твоей пословицы: "Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто забудет — тому оба".

Женщины с облегчением засмеялись: уж очень тяжела была история, рассказанная Зиной.

Тут наступила очередь рассказывать Наташе, и она начала:

— Не знаю, кто из вас прав. До побеления глаз у меня не доходило, а вот до потемнения — случилось. Так бывает разозлишься на кого-нибудь, что в глазах и в сердце темно. Не знаю, у кого как, а я от этого трудно отхожу. Иногда начну выдумывать наказания обидчику, и все мне кажется, что у меня фантазии не хватает, что все это меньше обиды выходит. А потом обида пройдет, и ужасаешься, насколько она была ничтожней придуманных планов мести. Хорошо, что выдумками все и кончается обычно, у меня по крайней мере. Но вот расскажу я вам про подружку мою, которая

хорошо отомстила своему любовнику, при этом и рук не замазав.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ,

**рассказанная инженером Наташей
о том, как некая женщина
привела в состояние нервной депрессии
оскорбившего ее любовника
всего лишь с помощью телефона**

Есть у меня подружка Зоя, а у той был любовник. Неудачная у них вышла любовь. То они сходились, то расходились. Зоя была постарше Олега и поумней, видно, это его и смущало. Время от времени они переставали встречаться, обычно, если Олег находил себе новую подружку. Но человек он был тяжелый, женщины его скоро бросали, и тогда он возвращался к Зое. Эта дуручка его прощала, и все начиналось сначала. Порой заходил вопрос о женитьбе, о ребенке, но на это у Олега была веская отговорка — квартиры нет. И вот начал он собирать на кооператив. Попросил Зою помочь, тоже собрать кое-что для него в долг, пообещал: "Будет у нас свой угол, где можно спокойно встречаться". Конечно, Зоя не столько об угле для встреч думала, сколько о том, что, получив жилье, Олег начнет, наконец, всерьез думать и о семье. Фактически-то она к нему как жена относилась: стирала ему, готовила, если болел — от постели не отходила. Любила она его очень. Потому он после всех своих приключений к ней и возвращался.

Прошел год, накопили они вместе на кооперативную квартиру. Переехал Олег, и началось устройство гнезда. Оба мечутся по городу в поисках мебели, оба ремонтом занимаются, собирают на первое время какие-то старые вещи у знакомых. Разница только в том, что Олег при этом думает, как он будет в своей уютной холостяцкой квартире девочек принимать, а Зоя о том, что она будет приходить к Олегу, как домой. Она уж согласна была не думать о женитьбе, лишь

бы постоянно какое-то образовалось, подобие общего дома. Я над ней посмеивалась: захотелось Олегу цветов, так она даже из Ботанического сада отростки для него воровала и проращивала в горшочках. Вязать научилась и связала ему покрывало, скатерть и покрывашки на кресла. Словом, таскала в это гнездышко то травинку, то пушинку. Жила она фактически у Олега, к своей матери раз в неделю заявлялась, только показаться. Та уже смотрела на их отношения, как на привычное и нормальное дело. Работала Зоя машинисткой, брала работу на дом, чтобы поскорее квартиру обставить, обуютить. Машинки пишущей у нее не было — на зарплату машинистки не разгонишься, но машинка была у Олега. Тот работал в редакции журнала. Вот они на одной машинке по очереди и стучали, выстукивали денежки то на холодильник, то на магнитофон. Машинка в этой истории тоже свою роль сыграла, хоть и незначительную.

Как-то часа в два ночи раздается у нас в квартире телефонный звонок. Снимаю я трубку и слышу сдавленный какой-то, совершенно неживой голос Зои: "Можно к тебе прийти переночевать? Олег выгнал меня среди ночи на улицу, а к маме я сейчас идти не в состоянии". — "Конечно! Беги скорей, а еще лучше бери такси". Через полчаса является моя Зоя, и нет на ней лица, на ногах едва стоит. "У тебя водка в доме есть?" Достая я бутылку водки, наливаю ей рюмку. На кухне все это происходит, чтобы наших не разбудить. Выпивает она и сидит молча, а сама обхватила себя за плечи и вся трясется. "Ну, что же с тобой случилось?" Молчит. Потом говорит: "Налей еще. Да не в рюмку, а в стакан". Выпила она полный стакан, еще посидела таким истуканом, а потом ее, видно, отпустило: рухнула она головой на стол и заревела. Ну, думаю, слава Богу, так-то лучше. Обняла ее, глажу по голове, утешаю. "Рассказывай, давай! Не держи в себе". И рассказала мне Зоя, что у них с Олегом в этот раз произошло.

Пришла она с работы, обычно первая. Обед приготовила, себя приукрасила, ждет своего ненаглядного. Является он, и Зоя еще с порога замечает, что у него что-то на уме: не так он ее поцеловал в дверях, ужинать сразу не сел, а все ходит по квартире, насвистывает, думает о чем-то. Потом и гово-

рит ей: "Зоенька! Мне эти дни надо много работать, и машинка нужна будет все время. Поехала бы ты на пару дней к маме". А Зоя еще не понимает, что ее тихо выпроваживают: "Зачем к маме? Я как раз кончила заказ перепечатывать. Ты печатай, а я, кстати, хотела заняться стиркой, так что не буду тебе мешать". Тогда он с другого боку подъехал: "Понимаешь, милая, я пригласил на завтра друзей на новоселье. Давно им обещал. Ну, будет неудобно, если ты останешься дома". — "Как это неудобно? Неужели ты из всех своих друзей именно меня не хочешь видеть на своем новоселье? К тому же, они все меня давно знают и прекрасно ко мне относятся. Да и я по ним соскучилась". Но и на это у Олега сразу же появился ответ: "Неудобно! Одно дело встречаться, другое — встречать гостей. Мы же пока не записаны, а работа у меня, сама знаешь, идеологическая. Вот я и думал, что мы с тобой сегодня вдвоем справим новоселье, без чужих. Я специально купил бутылку шампанского и коньяку". На это Зоя, конечно, обрадовалась и пошла готовить закуску. Сели они потом в кресла, включили магнитофон с любимыми записями, сидят, кайфуют. У Зои уже и обида от сердца отлегла, забыла она, о чем и говорил с ней Олег. А он незаметно заводит разговор о тех встречах, которые у Зои были с мужчинами, когда он ее бросал и она пыталась за что-то другое зацепиться, спастись от одиночества и оставленности. Зойка моя дура набитая. Она ему давай тотчас каяться, все выкладывает, хотя он и прежде всегда все от нее знал. А Олег выпрашивает и потихоньку начинает будто бы ревновать, провоцировать ссору. Но у Зои все же ума хватило перевести разговор на другое. Она вспыльчивая была, знала этот грех за собой, как знала и то, что Олег умеет этим пользоваться в своих интересах. Слово за слово, но Олег поставил свой бокал, обнял Зою, привлек к себе и говорит: "Знаешь, Зочка, я должен тебе сказать правду. Помнишь, у меня был роман со студенткой из художественного училища? Она мне сегодня позвонила на работу и сказала, что вскоре заканчивает учебу и хотела бы посоветоваться о своих дальнейших делах. Я пригласил ее завтра к себе на ужин". Зоя обомлела от этих слов. И, как она мне рассказала, в этот миг у нее пе-

ред глазами комната страшно изменилась: она увидела груды земли с перебитыми цветочными горшками, обгоревшие занавеси на окнах, разорванные книги из прекрасной Олеговой библиотеки и себя, лежащую мертвой посреди этого погрома. Увидела она эту картину мгновенно, целиком и так ясно, что разглядела даже, что была она в джинсах и в куртке, будто только что с улицы. И глядя мысленно на эту картину, она тихо сказала: "А вот этого, Олег, не будет".

Он вскочил, как ошпаренный, страшно побледнел и закричал: "Ведьма! Каким голосом ты это сказала? Ты будто бритвой меня по животу полоснула!" — "Не бритвой, а страхом, Олерженька. А вот ты меня действительно полоснул своей подлостью". Тут Олег потребовал, чтобы она уходила немедленно: "Это моя квартира! Нечего тебе тут делать, раз ты такая!" И начал лихорадочно собирать ее вещи, заталкивать в дорожную сумку, потом совать ей в руки куртку и толкать к дверям. При этом он трясся от страха и злости, и почему-то грозил вызвать милицию. Совсем одурел мужик. Зое ничего не оставалось, как уйти. Хорошо, что она могла пойти ко мне, а у меня нашлась водка. Споила я ее до полного бессознания и спать уложила.

Утром я на работу не пошла, осталась с Зоей: мало ли что она в таком состоянии над собой может сделать! Сидим с ней, переживаем. Она все больше молчит. "О чем ты думаешь?" — "О мести". — "Зоенька, родная! Не надо! Пройдет немного времени, и ты забудешь этого Иуду. Ну, что он тебе давал? Да ничего, только брал и брал". А она молчит и головой качает. Сажу я рядом, обняв ее, и буквально чувствую, как мысли о мести, одна страшней другой, возникают и бушуют в голове моей Зои. И вдруг, я с ужасом вижу, что она начинает улыбаться. Ну, совсем плохо дело! Уж лучше бы плакала... Страшно мне за нее, хуже ведь нет, когда баба увязнет вот в такой любви. Вдруг Зоя говорит совершенно спокойным голосом: "Мне надо позвонить по телефону". Ложится Зоя на диван, ставит телефон рядом с собой и звонит, конечно, Олегу. "Олерженька! — говорит она. — Ты меня вчера ведьмой назвал. А помнишь, что одна ведьма у Булгакова сотворила с квартирой критика Латунского? Небольшой хорошенький по-

громчик. Так вот, мой дорогой, Булгакова ты знаешь, а я знаю, как ты любишь свое гнездышко. И при всей своей подлой предусмотрительности ты вчера забыл забрать у меня ключ от квартиры. К счастью, я недалеко, у своих друзей. А тебе ехать с работы больше часа. Этого времени вполне достаточно, чтобы твой намечаемый ужин с подружкой уже не мог состояться: в разгромленную квартиру ты ведь ее не пригласишь? Ну, пока, дорогой. Нет, нет, мне разговаривать некогда, я должна спешить! Пока!" И она повесила трубку, а потом повалилась с хохотом на подушку.

Я перепугалась: "Зойка! Неужели ты это сделаешь?" — "И не подумаю! Но ты представляешь, как он сейчас мчится домой?" — "Представляю, и не завидую". — "И это еще не все! Будет еще серия звонков. Обещаю тебе недурной спектакль с запуганным мужчиной в главной роли".

После этого Зойка встала, приняла душ, а потом вышла бодренькая и потребовала ее накормить. А часа через два она снова позвонила Олегу, но уже домой: "Олеженька? Ты знаешь, дорогой, я что-то плохо себя почувствовала после разговора с тобой, вот только сейчас пришла в себя. Так что свою акцию я решила перенести. Ты часиков в семь собирался отправиться за своей студенточкой? Ну, я из-за уголка тебя посторожу, и как только ты уйдешь, так я к тебе в гости и нагряну. Обещаю, что создам для вас самую уютную обстановочку, какую только смогу придумать! Нет, говорить нам не о чем. Пока, дорогой!" А ближе к вечеру Зойка вовсе расхулиганилась: она каждые полчаса набирала номер Олега, а как только он подходил — вешала трубку. Судя по всему, он из дому так и не вышел, и запланированное свидание у него сорвалось. А перед сном она еще раз ему позвонила и сказала: "Зря ты, Олеженька, судьбе сопротивляешься. И тебе из дома не выйти, и я должна время терять. Все равно ведь тебе некуда деться от того, что я тебе обещаю. Замок сменишь — бесполезно, квартирка-то на первом этаже. Так что ты жди". Он ждал и трясся, пока не оказался в нервной клинике. Тогда лишь она от него отступилась. А вскоре нашла другого и с ним теперь счастлива.

Наташа закончила свой рассказ, и все посочувствовали его героине.

— Да, нежных и добрых мужики любят топтать, — вздохнула Эмма.

— А разве среди женщин таких не бывает, что выбирают мужика, чтобы его мучить? — спросила Ольга.

— Бывает, но редко, — ответила Эмма, — мы отходчивей. Да и не может женщина долго свою жертву перед глазами видеть, чтобы не сжалиться над ней. Как ты думаешь, Наташа, простила бы твоя Зоя своего Олега, если бы она каждый день, скажем, на работе, если бы они вместе работали, видела, как он бледнеет и хиреет?

— Конечно простила бы! Она последнее время и так уже со скрипом эту волюнку тянет. Да ведь она это затеяла для того, чтобы обиду изжить и свою привязанность к нему. Если у человека душа с ноготок, то его иначе не проймешь, не покажешь ему, что чужую душу нельзя топтать безнаказанно. А был бы этот Олег человеком, так он бы сам, даже не за прежние мучительства, а за один тот вечер, за ту низкую поступенчатую ложь, волосы бы на себе рвал от стыда.

— Ну, какой у мужика может быть стыд, если ему захотелось и представилась возможность с другой девкой переспать? — засмеялась Альбина.

— Альбинка! — воскликнула Иришка. — Ну, неужели тебе за всю твою жизнь не попадался мужчина, который бы к тебе относился благородно, по-настоящему тебя любил?

— Один раз попался такой. Так он из благородства и любви ко мне чуть не загубил неповинную девчонку. Я потом это расскажу, когда моя очередь подойдет. Это, кстати, как раз будет мой рассказ о том, как я отомстила насильнику. А пока давайте послушаем, что нам Валентина расскажет?

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ,

рассказанная Номенклатурщицей Валентиной.

Это назидательная притча о том,
что мстить бывает опасно даже защищая Конституцию

Когда мы с мужем еще работали в райкоме комсомола, жили мы в доме с дровяным отоплением. По всему двору стояли поленицы дров, а между ними жильцы пробирались к своим подъездам. Сараев ни у кого не было, в подвалах почему-то всегда стояла вода, поэтому все держали дрова прямо во дворе. И, конечно, соседи порой крали дрова друг у друга, когда своих не хватало. К тому времени в большинстве ленинградских домов уже было паровое отопление, но с дровами все равно было туго. А еще находились такие ловкачи, что и вовсе собственных дров не имели, только краденными и топили. Ну, все терпели это положение на манер стихийного бедствия: не стоять же с ружьем возле своих дров, будь они неладны! Да и воры были осторожные: крали исключительно ночью и не грабили кого-то одного, а брали из разных полениц. Потому-то все терпимо к этому и относились.

Но жила у нас во дворе некая Поликарпова, бывшая фронтовичка и ужасная зануда. Ходила она в мужском пиджаке с орденскими планками и постоянно твердила о своих боевых заслугах. Особенно, когда вела скандал с соседками. А скандалистка она была страшная, все боролась за соблюдение "социалистической законности". Нет чтобы сказать: "Марья Ивановна, почему вы забываете свет в коридоре гасить?" Она же подбоченится и орет на всю квартиру: "Государство заинтересовано в экономии электроэнергии, а товарищ Петрова подрывает экономику страны, транжируя электроэнергию даром! А ведь Владимир Ильич сказал, что "коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны!" Вот из-за таких мы коммунизма до сих пор и не можем построить!" Представляете, куда хотелось бежать при этом бедной Марье Ивановне?

И вот эта Поликарпова обнаружила раз и другой, что у нее

крадут дрова. Новый скандал уже на весь двор: "Советская Конституция, самая передовая в мире, разрешает личную собственность. Следовательно, тот кто крадет дрова у граждан, нарушает конституционный закон о собственности, оскорбляет нашу советскую Конституцию!" На тему кражи дров она заставила жильцов провести общее собрание. Люди ей говорят: "Да бросьте вы шуметь по пустякам. Подумаешь, два полена!" А она кричит: "Мне дров не жаль, мне важен принцип! В Финляндии за воровство еще недавно сразу руки рубили!" Тут один пенсионер, тоже вояка, ей говорит: "Брось врать, Поликарпова. Я в финскую войну воевал, что-то немного видал я одоруких финнов. Да и сейчас вон они к нам в Ленинград каждое воскресенье приезжают водку пить: много ты видала одоруких? Стыдно тебе, фронтовичке, людям такого желать, чтоб они руки лишились из-за поганого твоего полена. Мало тебе дров — бери у меня! Все равно в будущем году паровое проведут. Хватит нам дров, еще и останутся". Но та не унимается: "Если наша домовая общественность в лице заслуженного пенсионера отказывается способствовать соблюдению законности, то чего же мы можем ждать от простых обывателей? Ну, ладно. Я одна буду бороться с преступниками, они у меня не уйдут от справедливого возмездия!" Тут не выдержала соседка Поликарповой, та самая Марья Ивановна, которую она больше всех допекала: "Да побойся ты Бога, Дарья Васильевна! Неужто ты за дрова мстить людям собираешься? Да может у человека топить нечем, достать негде? Ведь и всего-то он у тебя, как ты сама говорила, два раза только и попользовался. Плюнь и забудь, не трави себе душу-то!" Но Поликарпову было не остановить: "Я им устрою, воруягам! Они у меня забудут, как руки к чужому тянуть!" Махнули люди на нее и разошлись по домам.

А Поликарпова повела войну по всем правилам. Поначалу она выслеживала воров ночами, в засаде даже между дров сидела. Никого не поймала. Зато воры, будто в насмешку, стали красть у нее дрова чаще, чем у других. Потом она такое придумала, что люди, когда все раскрылось, только дивились, сколько у человека может быть мстительной фантазии. Достала она где-то динамит, выдолбила собственноруч-

но два березовых полена и начинила их этим динамитом. Отверстия аккуратно заделала деревянными затычками, а поленья те положила на свою поленницу сверху, чтобы вор именно на них и соблазнился. Сама же берет дрова на топку с другого края. Ходит она по двору спокойная, довольная, а соседям при встрече говорит: "Ну вот, скоро и у нас во дворе с ворами будет, как в Финляндии". А в чем дело, конечно, не открывает.

Только вышло все совсем не так, как рассчитывала наша Поликарпова. Случай повернул так, что сама она осталась без руки, наказанная за свою пустяковую мстительность.

Кто-то из соседей привез себе грузовик дров. Разворачиваясь в тесном дворе, грузовик задел бортом поленницу Поликарповой и наполовину ее рассыпал. Соседи, зная ее сволочной характер, стремглав кинулись собирать ее дрова и складывать как было. Быстро все поправили, но поленья с начинкой положили на другое место. Аккуратно и ладно. В этот же вечер оба полена и попались Поликарповой под руку. Не ведая беды, она их засунула в собственную печку. И надо же было случиться такому, что рванули они как раз в тот момент, когда она протянула руку к дверце, чтобы поплотнее прикрыть ее. Разнесло печь, в комнате пожар начался, а самой Поликарповой правую кисть напрочь оторвало. И знаете, никто ее во дворе не пожалел!

Женщины, выслушав Валентину, тоже особой жалости к Поликарповой не проявили и повернулись к Альбине: всем уже давно не терпелось услышать, как же она отомстила своему насильнику.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ,

рассказанная стюардессой Альбиной,
повествующая о хитроумно запланированной мести,
ее исполнителе и раскрывающая некоторые новые
и неожиданные черты в характере самой Альбины

Начну я с того места, на котором остановилась в прошлый раз. Значит, следователь Анохин начисто отказал мне начать дело против того садиста, что меня изнасиловал, а соседи побоялись или не захотели идти свидетелями.

Погано мне стало жить. Днем и ночью об одном думаю, обиду свою и беспомощность переживаю. Хотела руки на себя наложить, но жаль стало не столько себя, сколько того, что от этого обидчикам моим будет ни холодно, ни жарко. Да и не узнают они о том, что в ленинградском крематории сожгут на государственный счет и без цветов какую-то никому не нужную и не известную Альбину Надеждину.

От смерти отказалась, а жизни тоже нет. Живу по инерции как-то. И тут вдруг появляется у меня неожиданный и незванный поклонник. Вот уж не вовремя! Парню двадцать шесть лет, работает прорабом на стройке. Познакомились случайно: старинная подружка зазвала меня на день рождения, а он в гостях у нее был и влюбился в меня по самые уши. А я и смотреть на мужиков не могу. Если бы он приставать с ходу начал, я бы с ходу его и отшила. А он деликатничает: вечерами ждет у работы, провожает к дому, а у дома вежливо прощается и уходит. Я молчу, и он молчит. Месяц так ходит, другой. Я уже привыкла, что меня возле работы ждет эта молчаливая тень, а потом тащится со мной до дому. Иду, о своем думаю, он мне не мешает. Уже и внимания на него не обращаю, как будто он и в самом деле моя тень.

Но однажды тень моя заговорила. Пришел он на свидание с цветами и пригласил в кафе: "Мне очень надо с вами поговорить". А на меня в этот день как раз такая тоска напала, что хоть с кем, хоть куда, хоть в кафе, хоть в воду вниз головой. Я и пошла в кафе. Сидим, едим мороженое, шампанским запиваем. Тут он и говорит:

— Выходите за меня замуж, Альбина!

— Вот как? Замуж зовете Альбину? А вы эту Альбину знаете, жизнь Альбинину знаете?

— Расскажите. Я очень хочу узнать вас поближе.

И за руку меня берет, и в глаза мне глядит восторженно.

"Ах так, — думаю. — Ну, сейчас ты у меня услышишь сказочку про невесту!" И рассказала я ему все, от Каюра до садиста. Он слушает молча, не перебивает, только бледнеет по ходу дела и краснеет — смотря по сюжету.

Кончила я рассказывать и спрашиваю:

— Ну, что вы теперь скажете?

А он вдруг ручку мне целует и говорит:

— Страшные вещи вы мне рассказали, Альбина. Но вы не поверите, а я что-то такое о вас предчувствовал. Я знал, что вы женщина с необыкновенной судьбой, с трагической судьбой.

Тут я моему поклоннику в лицо расхохоталась и говорю:

— А вы прогуляйтесь вечерком к Московскому вокзалу, на уголок, где проститутки собираются. Там столько женщин с трудной судьбой по ночам пасется! Есть и такие, что куда мне до них!

А он смотрит на меня, дурачок, и слезы у него на глазах:

— За что вы меня-то обижаете? Я ни одной женщины не обидел.

— Ни одной? Что же вы, ни одну женщину не бросали, ни с одной не спали, девственник, значит?

— Спал. С женой. Я рано женился, нам по восемнадцати было.

— Что ж разошлись? Не сошлись характерами или она вас обижала?

— Нет, и она меня не обижала. Один раз только обидела, полтора года назад — умерла при родах, и ребенок погиб.

А сам жалко так улыбается и лицо у него и впрямь обиженное стало.

Смотрю я на него во все глаза, девочки мои милые, и не понимаю: что же это за фрукт передо мной? Неужели и вправду на человека напоролась? И сама оттаивать стала, сама за руку его беру, хочу что-то доброе сказать, а слов добрых

никаких припомнить не могу, какие можно мужчине сказать. Да и горло мне сдавило, будто мороженое ледяным комком остановилось и не проходит. И только я проглотила этот комок, хотела что-то путное выговорить, как меня ожгло все той же обидой: что же это? Топтали меня, топтали, а теперь я на первые же человеческие слова и клюну, как глупая рыба? Что я про него знаю, про этого Федю — его Федором зовут, — кроме того, что он мне сейчас сказал? Разве же кому из них можно верить? И тут появилась у меня веселая и страшная мысль. Бросила я его руку, в глаза ему уставилась и говорю:

— Ладно, Федя, ладно. Выйду я за вас замуж. Но при одном условии.

Он опять побледнел, видно, почувал неладное, но говорит:

— Я заранее согласен. Говорите условие.

— Вы должны отомстить и тому насильнику, и генералу, его соседу, который самую смачную оплеуху мне дал из всех этих горе-свидетелей.

— Согласен. Сделаю.

А сам еще больше бледнеет, хватает бокал с шампанским и пьет большими глотками, как воду.

— Только месть должна быть такая же серьезная, как и обида. Что вы морду им обоим можете начистить — так это мне неинтересно, на это я кучу других молодцов подбить могу.

Федя посидел, помолчал, а потом говорит:

— Давайте адрес.

Адрес я, конечно, хорошо помнила, сразу ему выпалила. Он записал. Потом расплатился с официанткой, встал и говорит:

— Я не буду сегодня вас провожать, Альбина. Хочу сразу отсюда пойти на место и поглядеть, подумать. А к вам приду, когда все будет сделано. Позвоню и приду.

— Договорились!

Вышли мы из кафе и разошлись в разные стороны. Жутко у меня на душе было, девочки. Жутко и пусто. А вот обида моя наболевшая куда-то провалилась, будто и не лежала на сердце тяжелой железякой.

Проходит неделя, другая, звонка нет как нет. Я уже стала подумывать, что "мститель" мой сам струхнул и смылся. Но сердце мое чувствует, что нет, что ищет он и, может, нашел уже, как за меня отплатить.

И вот однажды вечером и вправду звонит телефон. Я иду на звонок, а сама уже знаю — он это, Федя! Снимаю трубку.

— Это Федор. Все уже сделано. Могу я приехать, чтобы рассказать?

Я еле просипела: "Жду" — так мне страшно вдруг стало. Пока ждала его, с места не могла встать. Он мигом явился, видно звонил из недалекого автомата. Приходит, весь бледный, садится на диван и за голову держится.

— Ну, рассказывайте!

Села я напротив и дрожу вся.

— Знаете, как я отомстил за вас, Альбина? Я следил там за всеми и выяснил, что вечерами ваш обидчик большей частью один: жена его работает в театре осветителем, возвращается около полуночи. А дочь генерала Васильева, Леночка, учится по средам и пятницам на курсах французского языка и возвращается в десять вечера. Догадываетесь?

Я почти что догадалась. Вернее, это мне сейчас думается, что я уже тогда догадалась.

— Ну? Говорите... — шепчу ему.

— Я узнал телефоны и Васильева, и садиста Сенько. Оставалось сторожить возле дома и звонить, чтобы поймать такой вечер, когда эта сволочь Сенько будет один, генерал будет дома, а Леночка уйдет на свои курсы. Сегодня было именно так. Выяснив, что они оба дома, я пошел в их парадное, вывернул лампочки на всех этажах, а потом сел на подоконник этажом выше и стал ждать. Когда я увидел, что Леночка вошла во двор и приближается к парадной, я спустился к дверям Сенько и приготовился. Когда внизу хлопнула входная дверь, я нажал звонок. Здесь было нужно только одно: чтобы Сенько открыл не слишком рано и не слишком поздно. Он открыл как раз вовремя: когда Леночка поднялась на площадку и, не заметив меня — я прижался к стене и замер, — стала рыться в сумочке, ища ключ. Как только дверь Сенько отворилась, я сзади схватил Леночку за плечи и втолкнул ее в

дверь Сенько, прямо на него самого. Она налетела на него, он отступил в глубь квартиры, а я сразу же захлопнул за ними дверь. Некоторое время ничего не было слышно. Когда раздался первый крик Леночки, я повернулся и пошел к вам. Все.

Мы оба сидели и молчали. Потом я все делала, как во сне.
— Дайте телефон генерала!

Он достал записную книжку и протянул мне, раскрыв нужную страницу. Я как в бреду набрала номер.

— Мне генерала Васильева. Это ваша соседка говорит. Я тут по лестнице проходила и видела, как вашу дочку сосед по площадке затащил в свою квартиру. Спасайте дочь, пока не поздно!

На том конце провода раздалось какое-то рычание, потом грохот и наступила тишина. Я поняла, что генерал бросил трубку просто на пол и побежал спасать дочь. Тогда и я положила свою трубку на рычаг.

Федор смотрел на меня во все глаза, а потом вдруг кинулся ко мне лицом в колени и заревел, как малое дитя. И все приговаривал: "Спасибо, спасибо, что позвонила ему! Я не смог бы с этим жить!"

— погоди радоваться, чудик. Может, он уже успел ее трахнуть.

— Хотите, я поеду и послежу с улицы, чем там кончится?

— Сиди. Ты и шагу шагнуть не можешь.

Уложила я его спать, Федю. С собой, конечно. Но у нас ничего не было, не до того нам было. Лежали всю ночь, не сомкнувши глаз, утра ждали. Утром я велела ему оставаться у меня, а сама кое-как оделась и отправилась к тому дому. Повезло мне: подхожу, а перед воротами та самая дворничиха, что туфельку мою мне тогда вынесла, тротуар метет. Подхожу к ней и заговариваю:

— Здорово, мать! Не помнишь меня?

— День добрый. А кто такая, жила что ль у нас в доме? Что-то вроде знакомая личность, а не припоминаю.

— Жила я у вас в доме одну ночь только, пока меня в семнадцатой квартире ваш жилец насиловал. Туфельку красную замшевую помнишь? Ты ж ее во дворе подобрала и мне потом отдала. Вспомнила?

Та аж метлу бросила и обеими руками замахала:

— Ой, девонька! Так ведь повязали твоего насильника-то вчера вечером, увезли в тюрьму, родимого! Он чуть генеральскую дочь не снасильничал. Хорошо отцу кто-то позвонил, что видел, как он ее в квартиру затаскивал, а то бы плохо пришлось девке. Уж всю избитую отец ее вырвал. А гаду этому чуть башку не отвинтил. Соседи на шум выбежали, отняли. А то бы и милиции было забирать некого. Увезли, увезли его, судить будут!

— Ну, спасибо тебе, тетенька... А генералу кланяйся и скажи, что порядочных девушек не насилуют.

— Да Бог с тобой, кто ж такие слова генералу выговорит? Засмеялась я с облегчением и пошла домой.

На суд мы с Федей не ходили. А замуж я за него так пока и не вышла, да и не знаю, выйду ли. Ребенка вот родила, а замуж... Тяжело нам с ним после той истории, особенно ему тяжело. Я вижу, что его совесть гложет, и себя виню — я ведь его на это толкнула. Так и маемся, не знаем, что и делать. Вон он передачи присылает, а я назад отсылаю. Сволочь я, все-таки...

Только теперь женщины поняли, от кого получает Альбина передачи и кому отправляет их обратно. Ее стали упрекать за жестокость, уговаривать. И только Галина сказала:

— А я понимаю твоего Федора. Тяжело ему жить, зная, что он другую девушку чуть не поставил в твое положение. А вот тобой я просто восхищаюсь, Альбина, и больше всего тем, что, как ты сама говоришь, спасала ты эту Леночку "как в бреду". Это значит, что в тебе хорошая душа и большая совесть. Как ты ухитрилась сохранить это в себе, несмотря на такую страшную жизнь?

— Ну, уж и страшную. Я в своей жизни достаточно повеселилась и много чего видела такого, что тебе, Галка, никогда сквозь свои очки не увидеть!

— Уймись, пожалуйста! Что за манера у человека все доброе сразу опошлить?

– При чем тут "доброе", когда я о себе рассказывала? Еще скажи "святое"...

– Дурочка ты! Когда святой святое дело делает, в этом и удивительного ничего нет. А вот то, что ты сделала – это и есть самая настоящая святость, если хочешь знать.

– Ну, много ты про святость понимаешь, ты же не боговерующая!

– Кто тебе сказал? Я крестилась несколько лет назад и в церковь хожу, и в Бога верю.

– Ты? Диссидентка?!

Другие женщины тоже с удивлением поглядели на Галину. Та немного смутилась под их взглядами, но продолжала:

– Христианство теперь тоже стало диссидентством. Многие из моих друзей веруют в Иисуса Христа.

– Так что же, по-твоему, ваш Христос тоже был диссидентом?

– Если говорить современным языком – да, конечно. Но оставим это. Я вам хочу рассказать про ' Но оставим это. Я вам хочу рассказать про настоящую святую женщину, про мою покойную свекровь. Как она однажды отомстила сопернице. Хотите послушать?

– Рассказывай!

И Галина начала рассказ.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ,

**рассказанная диссиденткой Галиной
и повествующая о самом, может быть,
необычном способе мести, очень трудном,
но зато стопроцентно продуктивном,
который автор очень рекомендует испытать
всем женщинам, попавшим в аналогичное положение**

Мне жаль, что я эту историю узнала не от самой Анны Николаевны, а от ее сестры, Александры Николаевны. И рассказала мне ее Александра Николаевна в день похорон моей свекрови на поминках.

История такая. Перед самым началом блокады Анне Николаевне удалось выехать из Ленинграда в деревню и вывезти Славика и еще двоих своих племянников. Она повезла их в деревню, откуда сама была родом. Спасла, прокормила. А после блокады вернулась в Ленинград, как только муж прислал ей вызов и она получила пропуск на возвращение. Очень многим эвакуированным ведь так и не удалось больше вернуться: кому-то было нужно поменять состав населения в Ленинграде, и в город пропускали кого угодно, только не коренных ленинградцев.

Ну вот, вернулась она, а тут соседи ей и нашептывают, что без нее муж нашел себе любовницу, медсестру из военного госпиталя, и что живет она неподалеку. И адресок ее тут же раздобыли для Анны Николаевны услужливые соседки. Анна Николаевна расстроилась, поплакала, как уж водится у жен, а потом стала осторожно у мужа выпрашивать, как он жил без нее. Он рассказал, что уже через три месяца после начала блокады у него открылся старый туберкулезный процесс, начал он кровью харкать. На работу ходить не мог, карточки стал получать самой низкой категории и совсем умирал. "Но потом я чудом попал в больницу, и меня там подлечили и подкормили. Так и спасся". Сказал он это, а сам смутился и прекратил разговор. Подумала моя Анна Николаевна несколько дней — она вообще неторопливая была, особенно в важных делах, а потом отправилась к со-

пернице. Пришла. А той уже те же добрые люди сообщили, чтобы готовилась к визиту оскорбленной жены. Открывает она дверь Анне Николаевне, смотрит на нее с испугом — догадалась, кто к ней пожаловал. Красивая женщина, годами намного моложе Анны Николаевны и хорошо выглядит, хоть и пережила блокаду. Анна Николаевна все это видит, и надо думать, не сладко ей от этого.

— Зачем вы пришли ко мне? — спрашивает разлучница.

— Поклониться, — отвечает Анна Николаевна.

— Что-о?! Как поклониться?

— А вот так, по-русски.

И Анна Николаевна низко поклонилась ей, прямо так вот, стоя перед дверью.

— Не понимаю... — Та действительно не понимает, ждет подвоха.

— Я тому кланяюсь, что ты мужа моего спасла от верной смерти. Не офицера с пайком нашла, не снабженца с продуктами, а чахоточного, кровохаркающего. Понимаю я, что ему без тебя жить немного бы осталось. Не знаю, останется он со мной или к тебе, молодой, уйдет, а вот сыну ты отца сберегла, сына он не оставит. И человека спасла, чей он там муж ни будет. За то тебе и поклон. А теперь прощай и зла не жди. Как все сложится, так и будет.

Поклонилась еще раз Анна Николаевна сопернице и повернулась, чтобы уйти. Но та бросилась к ней, за руки схватила, потянула в дом. А дома уж они обе, как положено, вырелись, друг дружке все про себя рассказали. Та женщина, медсестра, нашла мужа Анны Николаевны случайно, увидела, что он совсем плох, и в больницу его с большим трудом устроила. А любовь у них после началась, когда он поправился.

Знаете, чем все у них троих кончилось? Сунулся было как-то Славин отец к своей бывшей любовнице, а та его погнала прочь: подружками они стали с Анной Николаевной не разлей водой. Потом и он утих и тоже стал принимать бывшую любовницу как подругу семьи. Только он вскоре умер, потому что и после войны туберкулезникам несладко приходилось, мало кто выживал из них.

Подивились женщины мудрости и благородству Анны Николаевны, свекрови Галины. А Ольга спросила:

— Она откуда родом была, свекровь-то ваша?

— С Волги, из-под Рыбинска. А что?

— А то, что в городах таких женщин немного осталось. В толчее не до святости, смотри, как бы пуговицы не оторвали, если не мужа.

— Это верно, — вздохнула Валентина. — Я вроде большой путь наверх проделала, а как вспоминаю свою сестру младшую, Любу, так сама себе удивляюсь: сколько я на этом-то пути хорошего в себе потеряла! Если хотите, завтра о ней расскажу. И вообще, давайте завтра будем говорить только о хороших людях, и мужчинах, и женщинах!

— Хороший человек — понятие относительное, — усмехнулась Лариса. — Один мой знакомый считал, что хороший человек начинается с кандидата наук, а до этого он мелкая сволочь.

— Раззнакомилась с таким знакомым? — весело спросила Эмма.

— Конечно! Так что давайте завтрашнюю тему определим немного старомодно, зато точнее: о великодушных поступках женщин и мужчин.

— Вот именно! — засмеялась Ольга. — Бывают ведь и среди мужиков люди. Но это завтра посмотрим. А сейчас я вам расскажу, как у нас один мужик своей бабе за ревность ее беспробудную отомстил так, что она, бедная, с собой покончить хотела.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ,

**рассказанная рабочей Ольгой,
содержащая некоторое назидание ревнивым женам,
неосторожно проклинающим объект своей ревности**

Живет в нашем доме одна пара, Настя и Миша. Пожились они лет десять назад, и все эти десять лет шли у них целодневные скандалы, особенно по вечерам. Погуливал Мишенька, чего греха таить, погуливал от жены-то. А она чуяла, как всякая баба, и ревновала его лютой ревностью, ему на позор, людям на смех. Как Мишенька припозднится, она уже либо у ворот торчит, либо в окне — ждет. Как только он появится, так и начинается концерт на весь двор. Себя от ревности не помня, орет Настя такое, что все жильцы, у которых дети, окна затворяют:

— А, чтоб тебе, бабник ты неумный! Чтобы тебе оторвало, колесом переехало, огнем испепелило все то, чем грессишь!

Ну, и соответственно перечисляет подробно, что ей оторвать, колесом переехать и испепелить желательно. Мишенька и терпел, и бил ее, случалось, и уговаривал, чтобы прекратила развлекать по вечерам публику — Настеньке как об стенку горох. Кричит, проклинает, себя не помнит.

Как-то пожаловался он друзьям на горькую судьбу свою, а они и посоветовали ему жену проучить, отомстить ей так, чтобы она о ревности и думать забыла. Один дружок из этой компании работал на мясокомбинате. И вот привез он Мишеньке тайком бараний член с работы. А сам Мишенька запасся пузырьком разведенных красных чернил. И вот, с бараньим членом и ножом в одном кармане и красными чернилами в другом является Мишенька под вечер домой, а Настя его в окне сторожит. Увидала она своего благоверного и кричит:

— Опять гулял, сатана неумная? Не пушу тебя домой, иди туда, где был! Чтоб тебе оторвало-переехало...

Словом, завела обычную песню. Тут Мишенька останавливается посреди двора напротив окна и, на удивление всем соседям, тоже вступает с ней в перепалку. Начинает вроде мирно.

— Опомнись, Настенька! Как же ты можешь желать, чтобы

мне переехало каким-то колесом то, от чего тебе одна только радость?

— Радость?! Ах ты, пес блудливый! Радость мне от его бродячего, потаскучего, неразборчивого...

И пошла-поехала пуще прежнего.

— Пожалеешь, Настенька, ох, пожалеешь! Доведешь ты меня, что я сам себя лишу радости и других баб, но ведь тебя-то в первую очередь! Пожалеешь тогда.

— Пожалую! Да я ведро водки тому кобелю поставлю, который тебе его в пьяной драке оторвет!

Соседи слышат, что сегодня что-то новенькое между супругами происходит, — все из окон повысовывались, слушают.

Тут Мишенька расстегивает при всем честном народе штаны, замахивает ножом, незаметно опрокидывает на себя флакончик с чернилами и поднимает бараний член над головой, как олимпийский факел.

— Вот тебе, жена моя бывшая, Настя! Получай и не терзай меня больше! Нечем мне теперь тебе изменять!

И швыряет он этот член в окно, где стоит Настя. Попадает ей прямо в лицо. Она рукой-то поймала, глянула да как закричит на весь двор:

— Мишенька! Голубчик! Что ты надела-а-ал! А-а-а!

И с этим криком хватает она себя за волосы, рвет их в обе стороны, а потом вскакивает на подоконник и бросается вниз этажа!

Счастье, что под окном клумба была, в эту клумбу Настя и угодила. Только правую ногу и сломала да ушиблась здорово. Мишенька к ней бросился, соседи побежали за скорой помощью. Настя лежит и в себя не приходит. После очнулась, когда санитары с носилками явились и стали ее грузить. Ее на носилки кладут, а она стонет:

— Не спасайте меня! Я жизни себя лишила! Не для чего мне теперь жить больше!

Тут Мишенька подбегает к носилкам, штаны опять расстегивает, тычет ей в лицо свой невредимый, а сам уговаривает:

— Настенька, голубушка! Да цел он, цел! Пошутил ведь я!

Не умирай только, солнышко мое. Не знал ведь я, что он тебе дороже жизни!

Тут Настенька приподнялась с носилок и спокойно так санитарам и говорит:

— А ну, постойте, проверить надо.

Потрогала она свое сокровище, убедилась, что цело оно и невредимо, улыбнулась, вздохнула и опять сознание потеряла. Увезли ее в больницу. Уже привез ее Мишенька из больницы домой, а она уже как ни в чем не бывало ходила. Только двор наш над этой историей по сей день хохочет. Мишеньке прозвище дали неприличное: Х.. Горыныч. У Змея Горыныча, мол, голову срубись — другая на этом месте вырастет, а у Мишеньки нашего того же качества его мужской орган. Зато сами Настя с Мишенькой живут с тех пор — не налюбуются. Он от такой жениной любви на других баб и смотреть забыл, а Настенька о ревности и заикнуться боится.

Посмеявшись над веселой историей о Х.. Горыныче, женщины повернулись к Неле, ожидая ее рассказа.

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ,

рассказанная учительницей музыки Нелей,
повествующая о том,
как ученицы музыкального училища
отомстили преподавательнице,
не сумевшей с возрастом
обрести и мудрость соответствующую

Знаете, женщины-подруженьки, я иногда думаю, какая все-таки опасная вещь для женщины — возраст! Хорошо, если у нее есть муж, семья: тогда уже сами заботы не дают глупостям лезть в голову. А вот если она одинока, а годы идут — тут беда ее и подстерегает.

Преподавала у нас одна одинокая и совсем еще не старая вдова историю КПСС. Предмет в музыкальном училище, как

вы сами понимаете, не самый важный. Но раз уж положено везде проходить и историю КПСС, и политэкономия, и прочие такие вещи, которых все равно никто не учит, то преподавали их и у нас. Конечно, на эту историю никто бы и внимания не обращал, если бы не стипендия: тройка по истории КПСС — и вот уже нету стипендии. А наша историчка Батурина ни одной хорошенькой студентке выше тройки никогда не ставила. Ненавидела она молодость, красоту, потому что сама была в юности очень недурна собой, и вот никак не могла смириться со старением. Уж наши преподавательницы постарше пытались ее устыдить, но она делала вид, что не понимает, о чем речь: "Им надо меньше думать о нарядах и больше заниматься!" Конечно, этими словами она выдавала себя с головой.

Однажды она учинила ужасную пакость одной из лучших наших студенток. У девочки этой был брат-школьник, учившийся во вторую смену. Как-то она потеряла свой ключ от квартиры и две недели подряд, пока не сделали новый ключ, идя с занятий домой, она звонила брату из канцелярии. У нас в училище только там и есть телефон. Так вот, она звонила и говорила: "Борик! Ты еще не ушел? Подожди меня, я сейчас прибегу". И бежала домой, торопилась отпустить брата в школу. Батурина как-то услышала такой разговор и интерпретировала его так: "Жорик! Ты еще не встал? Ну, не вставай, я сейчас к тебе приду". То ли ей действительно послышалось "Жорик" вместо "Борик", то ли она нарочно заменила имя, но девочке было очень трудно доказать, что она действительно звонила из училища брату. Помогло то, что эти телефонные разговоры слышали раньше и другие преподаватели и кто-то вспомнил, что иногда она говорила "Борюшка". А то бы девочку могли и исключить из училища.

После этого случая наши студентки решили, что надо Батуриной по-настоящему отомстить. Для помощи они пригласили одного парнишку, жуткого озорника, Диму-скрипача. Дима этот должен был смотреть на Батурину влюбленными глазами, а все остальное за него сделали сами девочки. Они написали Батуриной робкое признание в любви от имени неизвестного студента. Сначала она не подала вида, а может, и

вправду не обратила внимания. Потом эти письма стали посылаться ей почти каждый день. Потом в письмах появились стихи. Батурина таяла, краснела, меняла прически и платья, а на студенток перестала обращать внимание. И все наши красотки стали исправно получать свои стипендии. Дима же старательно вздыхал на уроках истории КПСС, и на этом его роль кончалась.

У одной нашей девчонки брат работал в журнале "Аврора". Сочинить небольшой любовный мадригал с посвящением "А. Б. — музыке среди музыки" было для наших вовсе небезалапанных озорниц парой пустяков. Стишок был напечатан. Подпись под ним была — "Д. Неведомый", а все письма к Батуриной были подписаны "Ваш неведомый друг". Конечно, журнал отослали по почте Батуриной еще раньше, чем он поступил в продажу в киосках. Потом кто-то углядел, как она прятала в сумку еще номеров пять или шесть. Стишок этот Батурина доконал. Она сама подошла к Диме в перерыве между лекциями и пригласила его вечером прийти в кафе "Белые ночи". Дима прибежал к подругам: "Девочки, выручайте! Отравлюсь, но не пойду!" — "И не надо!" — ответили девочки.

Вечером Батурина, после косметического кабинета и парикмахерской, в новом костюме, является в кафе "Белые ночи". И что же она видит? За всеми столиками сидят ее студентки и обмахиваются, как веерами, синими номерами журнала "Аврора", теми самыми, со стишком... Через неделю в училище был новый преподаватель истории КПСС, старичок, который, как раз наоборот, обожал хорошеньких студенточек, но, надо сказать, абсолютно платонически.

Да, согласна, месть жестокая. Но вспомните, что такое студенческая стипендия: ведь на нее и пары дешевых туфель не купишь, а ведь девочке надо не только прокормиться, но и одеться. Хорошо, кому мама с папой помогают, а если нет такой возможности? Так что, за климактерические капризы Батуриной девочки расплачивались голодом и больными желудками, питаясь дешевыми пирожками всухомятку. Для меня наши студенты — величайшие труженики, я всегда на их стороне, и не спорьте со мной!

*Никто и не думал спорить с Нелей. Наоборот, женщины с улыбкой смотрели на нее, покрасневшую в праведном гневе: "Ай да Неля! Разво-
евалась за своих питомиц, тихоня наша!"*

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ,

рассказанная режиссером Эммой,
представляющая собой рассказ о театральной мести,
которую навряд ли кому-то удастся повторить
в обычных условиях.

К счастью, порох отсырел и месть не состоялась

Вы не представляете, девочки, как глупеют актеры, когда они входят в роль! Ставили мы как-то инсценировку "Героя нашего времени". И случилось же такое, что оба главных актера, игравшие Печорина и Грушницкого, были влюблены в актрису, игравшую княжну Мэри! До этого они еще как-то держались в рамках, но как только пошли репетиции, так их соперничество стало разгораться с невиданной силой, потому что каждое лермонтовское слово их лишь распалило. Несколько раз они схватывались прямо в театре, в перерыве между репетициями. Надо сказать, что девочка, игравшая княжну Мэри, Оленька Лапина, отдавала предпочтение нашему "Грушницкому", что приводило в ярость "Печорина" уже тем, что по Лермонтову это было не так.

Однажды после репетиции я задержалась в театре, а потом выхожу, чтобы идти домой, и вижу, что на пустыре за театром дерутся. Пригляделась — они, Печорин с Грушницким. Отправила я Грушницкого домой, а с Печориным пошла прогуляться, поговорить решила. Я ему объясняю и так, и этак, что у Оленьки есть право выбора, а он меня даже не слышит, не то что не понимает. Рассердилась я на него, сорвет ведь, дурак, спектакль — и тут меня осенило! Я и говорю: "Ладно, надоело мне слушать твое "убью" да "убью". Хочешь убивать — убивай! На премьеру обещаю достать тебе старинный действующий пистолет и заряд к нему. Можешь застре-

лить соперника прямо на сцене. Но учти, что за это по головке тебя не погладят. А Оленьку ты потеряешь, как пить дать". Но он уже невменяем и принимает весь этот вздор за чистую монету: "Она будет ждать меня!" — "Отлично, договорились. А до премьеры обещаю мне не срывать репетиций и не устраивать дополнительных спектаклей. Обещаешь?" Он обещал, и с тем мы разошлись.

Стало у нас на репетициях поспокойнее. Честно говоря, я надеялась, что к премьере Печорин либо увлечется кем-нибудь другим, либо просто позабудет о моем обещании. Но не тут-то было! Как раз перед премьерой он подходит ко мне с заговорщицким видом и спрашивает, не забыла ли я свое обещание. Я отвечаю: "Все будет в полном порядке! Ты сегодня ночью еще раз все взвесь и завтра утром мне позвони пораньше, не раздумал ли ты. Надеюсь на то, что утро вечера мудренее".

Утром этот оболтус звонит мне и спрашивает, приготовила ли я обещанное. Я опять отвечаю, что все в порядке. Потом лечу к нашему старику-бутафору и все ему рассказываю. Тот хохочет, за живот держится. Нашел он какой-то особенный пистолет, в который можно насыпать порошу и забить пыж, но при нажатии курка у него стреляет обыкновенный пистончик, как в детской игрушке. Дает он мне этот пистолет и говорит: "Для нормального человека не дал бы. А твой Печорин — он дурак-человек, он и это переживет играючи, знаю я этих актеров!"

И вот перед спектаклем захожу я в уборную к Печорину и вынимаю из сумки пистолет в коробке из-под обуви. Передаю ему с таинственным видом еще коробочку с порохом и пыж, объясняю, как этот пистолет заряжают. Потом ухожу и оставляю его одного. Бедная душа актерская! Никто-то тебя всерьез не принимает! Иду я и тайно радуюсь, что сегодня у меня в спектакле такой искренний Печорин будет, о каком другой режиссер может только мечтать.

Ну, чего там долго рассказывать! Играл мой Печорин потрясающе, своей игрой заводил и всю труппу. Княжна Мэри трепетала под его трагическим взглядом, а Грушницкий бледнел, будто и впрямь испытывал предчувствие гибели. И вот

наступила сцена поединка. Печорин выстрелил... и упал. Грушницкий, разумеется, тоже упал, как ему и положено по пьесе, но он-то играл, а Печорин лежал без сознания. Зрители решили, что это какая-то очередная новация, и овация от этого была еще оглушительней. Занавес опустился и я бросилась к Печорину. Княжна Мэри — тоже. Привели мы его в чувство, и первый вопрос его был: "Попал?" Вы подумайте, как в роль вошел бедный мальчик! Ну, я мотаю головой и говорю негромко: "Нет, порох отсырел". Княжна Мэри слышит это, смотрит на нас во все глазенки и ничего, конечно, не понимает.

Сам Печорин на другой же день все разболтал в сему театру, пришлось и нам с бутафором рассказать всю правду. Все смеялись над бедным Печориным, а больше всех — Грушницкий. Но зато княжна Мэри, то есть, Оленька Лапина, от восторга вышла за Печорина замуж. А через год они разошлись, Грушницкий перешел в другой театр, и вся эта история вскоре была забыта. Мало ли чего происходит в театре!

Тут подошла очередь Иришке рассказывать, как всегда, последнюю, десятую историю дня.

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ,

**рассказанная секретаршей Иришкой
о том, как она отомстила соседке,
и почему эта месть так блестяще удалась**

Была у нас в квартире вредная соседка Клавдия Ивановна, а еще у нас в квартире были клопы, тараканы, в ванной мокрицы и летом везде мухи. Квартира была сырая, в нижнем этаже и окнами во двор. И только Клавдия Ивановна уверяла, что у нее в комнате нет никакой живности, потому что она чистоplotная, а мы все — свиньи! Тут было немножко правды: Клавдия Ивановна не работала, она была вдова крупного военного, погибшего на ракетных испытаниях, и получала большую пенсию за мужа. Комната у нее

была тридцать пять метров на одну, а все остальные соседи жили этак кучками, по три, а то и по пять человек в комнате. Люди работали, теснились, а Клавдия Ивановна целыми днями холила свою комнату, перетирала хрустали и фарфор да еще с собачкой гуляла, ужасной такой болонкой. Болонка эта имела дикую привычку по ночам выть на всю квартиру. Мы протестовали, просили Клавдию Ивановну сходить, что ли, к ветеринару с этой тварью, чтобы тот ей что-нибудь успокоительное прописал. В конце концов все соседи не выдержали и заявили, что мы категорически против того, чтобы Клавдия Ивановна держала эту нервную собаку. В ответ наша барыня рассмеялась и заявила:

— Вы не можете запретить мне держать собаку. Я же не запрещаю вам держать клопов и тараканов!

Фыркнула носом и ушла в свою роскошную обитель. А мы все остались, как оплеванные. Я так даже заплакала. Заплакала, а потом решила этой Клавдии Ивановне отомстить. Переворочила я в комнате всю мебель, перевернула кровати и диван, обшарила все обои в углах и насобирала штук десять клопов в баночку из-под крема. Потом пошла к Клавдии Ивановне, будто бы еще раз спросить, нельзя ли ее собачку подлечить от нервов. И пока я с ней разговаривала, сидя на ее широком диване, я клопов незаметно высыпала из баночки за диван.

А дальше начались чудеса. Через несколько дней Клавдия Ивановна впервые пожаловалась, что ее стали кусать клопы. Соседи ехидно ей заметили: "За чистотой надо следить!" Но зато клопы начисто пропали в нашей комнате. Представляете, то прыскаем, прыскаем всякой гадостью и никак не избавиться, а тут вдруг все разом пропали, будто собрали вещи и выехали. Я тогда сестре по секрету и сказала, что я сотворила с клопами. Сестра долго смеялась, а потом говорит: "Мне все понятно. Клавдия Ивановна и сама жирнее, и кровь у нее с молоком, хоть и голубая. У нас клопики, конечно, тоже не голодали. Вот только спать им было тесно, бедным! А потому те, что попали к нашей барыне, сообщили оставшимся, что там и жратвы полно, и спать просторно — вот они и эмигрировали".

ЖЕНСКИЙ ДЕКАМЕРОН

*Посмеялись женщины над простодушной местью
Иришки и неслыханной мудростью ее старшей сест-
ры и стали укладываться спать. Так кончился вось-
мой день Декамерона.*

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ, ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

**в которой рассказывается
о великодушных поступках женщин и мужчин**

Утром девятого дня произошло чудо: как всегда, пришла санитарка и принесла в корзине передачи для тех женщин, о которых заботились родные и мужа, то есть всем, кроме Бичихи Зины и Ларисы. К Ларисе всего дважды приходили коллеги с работы, а к Зине просто некому было ходить. Остальным приносили передачи каждый день, потому что больничное питание было скудно.

И вот, раздав все передачи, санитарка вдруг подняла со дна корзины большой пакет и спросила:

— Кто здесь Иванова?

— Я Иванова, — ответила Зина.

— Тебе передача.

— Не мне это, какой-то другой Ивановой. Не откуда мне передачи ждать.

— Иванова Зинаида Степановна, десятая палата, так?

— Так.

— Ну, так и не морочь мне голову!

Санитарка в сердцах бросила пакет на койку Зины и пошла со своей корзиной дальше. Пакет лопнул и из него посыпались апельсины и яблоки, покатались с одеяла на пол и раскатились по всей палате. Женщины бросились их собирать и складывать в ноги Зине. А та сидела в кровати ошеломленная и все никак не решалась заглянуть в пакет — что там еще? Наконец она разорвала бумагу до конца, и все увидели голубой фланелевый халатик, синие домашние тапочки, белую ночную рубашку в кружевах. Были там еще какие-то коробки, небольшие пакеты, но все это не интересовало сейчас Зину: дрожащими руками она перебирала эти подарки и искала среди них что-то самое важное. Наконец она нашла конверт с письмом, разорвала его, достала небольшой листок и углубилась в чтение. Дочитав, она упала лицом в подушку и зарыдала.

– Что такое, Зинуля? От кого письмо, что тебя так расстроило? – подбегая к ней, спросила Альбина.

Зина молча протянула ей листок. Альбина прочла и ахнула:

– Зинуля, так ведь это же прекрасно! Можно всем прочесть?

Зина кивнула. И Альбина прочла вслух записку: "Дорогая Зинаида! Я никак не мог забыть вас и искал, не переставая. Случилось чудо, и вот я вас нашел. Я все равно нашел бы вас и потом, через год, через два, но хорошо, что это случилось сейчас.

Посылаю вам халат, рубашку и тапочки, чтобы моя жена не ходила в больничной казенной одежде. Для сына я все уже купил и принесу, когда приду вас встречать. Непрерывно думаю о вас обоих, очень хочу увидеть хотя бы издали. Напишите мне, куда выходит окно вашей палаты?

Ваш счастливый муж и отец Игорь".

– Какое чудо! – радостно завопила Иришка и чуть не запрыгала в кровати.

– Как же он сумел разыскать тебя, Зина? – спросила изумленно Наташа.

– Сама не знаю... – ответила Зина.

– Зато я знаю! – вдруг воскликнула Альбина. – Вы поглядите-ка на этих двух довольных кумушек!

Она показала пальцем на Галину с Ларисой, которые сидели рядышком на Галиной койке и как-то уж очень старательно делали вид, что происходящее не имеет к ним отношения.

– Вот кто это устроил! Я видела, как они в умывалке вместе какое-то письмо сочиняли. Я уж подумала, что Галина Лариску опять в диссидентство втянула и они какой-то протест составляют. Ну, признавайтесь, ведь это вы написали письмо ее Игорю?

Делать нечего, Галина с Ларисой признались,

что написали Игорю о его пропавшей невесте, а потом Галина попросила своих друзей доставить письмо адресату.

Лариса и Галина в тревоге смотрели на плачущую Зину.

— Зиночка! Пожалуйста, прости нас! Мы думали как лучше... Но все равно последнее слово остается за тобой, ты можешь и отказаться от Игоря Михайловича!

Зина подняла голову.

— Ну, теперь уж черта с два!

И, схватив голубой халатик, она решительно вытерла им слезы.

Через пять минут Зина была обряжена во все новое, а желтая застиранная рубаша с больничным штампом, грязно-серый халат и стоптанные шлепанцы, один бежевый, другой коричневый, были возвращены сестре-хозяйке.

И весь этот день наши женщины находились под впечатлением утреннего события, перешептывались, поглядывая на Зину, радовались. А Зина сидела на своей койке, молчаливая, охваченная тихим счастьем, и только порой подносила к глазам руку и удивленно разглядывала кружевной манжет ночной рубашки. На ее темной, огрубелой руке с короткими обломанными ногтями кружево выглядело странно и трогательно. Она усмехалась и снова опускала руку, шепча: "Надо же... Чудеса, да и только!"

Подшел вечер, и женщины, находившиеся сегодня в особо светлом настроении, начали рассказы о великодушных поступках женщин и мужчин.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

рассказанная биологом Ларисой,
повествующая о том,
как женщина, много страдавшая от мужа,
раздумала разводиться с ним и спасла ему жизнь

Есть у меня тетушка Людмила. Когда я родилась, она была еще подростком, все ее звали Людмилкой. А мне было не выговорить "Людмилка", и я звала ее "Дилька", и так привыкла, что и до сих пор так ее зову.

Восемнадцать лет Дилька вышла замуж. Неудачное оказалось замужество: муж, электрик, беспробудно пил и бил Дильку. Я помню, что и девушкой она была замухрышкой. Худенькая такая, глаза какие-то сонные, без огонька, волосы блеклые. А тяжелое замужество ее совсем доконало. К сорока годам она уже совсем старухой выглядела. Но потом с ней случилось чудо. Знаете, есть такая русская поговорка? "Сорок лет бабий век, в сорок пять баба ягодка опять".

Началось все с того, что сын Дильки и дяди Жени пошел в армию. А Дилька давно признавалась матери, что как только ее сын Сережа станет взрослым, она уйдет от мужа. Из-за его пьянства, конечно. И вот Сережа ушел в армию, а Дилька — из дома. "Хватит, натерпелась!" Сняла себе комнату где-то и даже работу сменила. Раньше она работала кассиршей на вокзале. Работа адова, дежурства сутками, а что на вокзалах творится в очередях за билетами, это вы сами знаете. Люди иногда сутками стоят, измученные, нервничают, а как подойдут к кассе — тут уже нервы на пределе, то один сорвется на крик, то другой. И в этой обстановке Дилька проработала лет двадцать, все ради лишнего рубля, потому что дядя Женя все пропивал. Теперь пошла она работать в экскурсионное бюро. А там совсем другая обстановка и другая публика: люди едут на отдых, в путешествие, радостные и довольные. Сама Дилька тоже стала ездить: то в Таллин себе дешевую путевку купит, то на юг куда-нибудь. Для своих работников путевки там были со скидкой. Стала следить за собой. Волосы, что пучком на затылке носила, обрезала ко-

ротко. И тут стало видно, что они у нее пышные и редкого пепельного цвета. А бывшие сонными и усталыми глаза заблестели, какое-то ожидание радости в них появилось. Даже походка у нее другая стала: я наблюдала, как из месяца в месяц она будто выше ростом становилась. И тут у нее еще поклонник объявился, один экскурсовод, бывший историк. Одинокий, и не разведенный, а просто холостяк далеко за сорок, вдруг надумавший найти себе пару. Немного старомодный такой, но Дильке это-то больше всего по вкусу и пришлось: вместо матерщины — цветы и целование ручек. У него машина была, так он не только с работы, но и на работу Дильку подвозил. Мы с мамой на Дильку нарадоваться не могли: в сорок пять лет у нее первая весна наступила!

И вдруг все ее только начавшееся счастье неожиданно рухнуло. Звонит ей как-то дядя Женя на работу и сообщает, что он ложится в больницу. Просит, чтобы заходила иногда за их бывшей общей комнатой приглядывать. Дилька спрашивает: "А тебя что, надолго кладут?" Тот ей спокойненько ляпает: "До смерти, надо думать. Рак у меня. Так ты за комнатой присмотри, чтобы Сережка, когда из армии вернется, не остался без жилплощади. Ну, а похоронишь по-людски — тоже не обижусь". Дилька бросает все и летит к нему: надо же оставленного мужа хоть в больницу собрать! Положили его в онкологическую больницу и стали готовить к операции. Рак пищевода у него от пьянства, от питья всяких денатуратов и прочей гадости, которую наши алкоголики употребляют. Они ведь спирт даже из мебельного лака добывают. Да еще всякие технические неочищенные спирты глотают.

Сделали дяде Жене операцию, как будто удачно. Дилька ходит к нему, передачи носит, сидит с ним, морально, как говорится, поддерживает. Потом ему дают инвалидность и выписывают. А перед выпиской у Дильки был разговор с врачом. Тот объяснил, что обычно у таких больных довольно скоро после первой операции развиваются метастазы, потому что всякой дрянью у них разъеден не только пищевод, но и желудок, и печень, и прочее. "Единственная надежда на активное сопротивление организма. А это зависит от того, насколько больной уверен в возможности полного

выздоровления. Но обычно, как узнает человек, что у него рак, так и начинает к смерти готовиться”.

Дилька все это выслушала, подумала и вот что надумала. Вернулась она в опустевшую квартиру и к выходу дяди Жени сделала там ремонт. Пересмотрела его гардероб и, увидев, что все, что было можно пропить, он благополучно пропил перед тем, как лечь на операцию, решила его приодеть. Начала она с покупки хорошего зимнего пальто. Она так рассуждала: ”Если я ему куплю там рубашку, костюм, то он еще подумает, что я его к похоронам готовлю. В гроб то кладут покойника нарядного! А вот в новом пальто еще никого не хоронили. Увидит он новое пальто, и поймет, что к его смерти я не готовлюсь”. Костюм, новое белье и рубашки, ботинки она ему тоже купила. Денег на все это ушла уйма. Я тоже помогала, чем могла. И вот потом она рассказывала, как он реагировал, когда она ему принесла узел с одеждой на выписку. Надевает рубашку, костюм и говорит: ”Ну, вот и есть в чем в гроб класть. Спасибо тебе”. — ”С чего это ты помирать собрался?” — спрашивает она его сурово. Дядя Женья смотрит на нее грустно, — ему себя жалко, и отвечает: ”Да ведь рак, сама понимаешь...” Тут Дилька подбоченилась и орет: ”Ра-ак? Так ты вот на чем теперь спекулировать собрался? Так у него, видите ли, объявился! Я понимаю, к чему ты клонишь! Ты хочешь, миленький, чтобы я к тебе вернулась, а ты бы опять пить начал и пьянство свое на рак сваливал? Не выйдет! Я с врачом, что тебя оперировал, не беспокойся, поговорила и знаю, что у тебя была пустяковая опухоль. Кого-кого, а меня ты не проведешь! Вернуться я к тебе вернусь, поскольку тебе сейчас уход еще несколько месяцев будет нужен. Но возвращаюсь я только до первой рюмки, так и знай! И никакие раки тебе тут не помогут! Все! Надевай пальто”. И тут дядя Женья видит, что она ему подает новехонькое пальто ценой рублей в сто, не меньше. И в одну секунду он успокоился, поверил, что действительно будет жить.

Вернулись оба домой, и там он получил еще одно подтверждение тому, что Дилька к его смерти не готовится, а хочет начать с ним новую жизнь: в комнате ремонт сделан,

новые занавески на окнах, а главное — вместо раскладного дивана стоит новехонькая двухспальная кровать. Тут он окончательно поверил, что Дилька уверена в том, что он будет жить. И так это его перевернуло, что он и пить бросил, и стал очень быстро оправляться после операции.

Ну, что добавить? Через год ему снизили группу инвалидности, и он пошел работать на половину ставки. Пить бросил. Дилька своего поклонника оставила. Тот ей предложил сначала, что подождет до смерти дяди Жени — он знал, что у него была за операция. Но Дилька решительно ответила ему, что не ждет смерти мужа, а будет бороться за то, чтобы он жил. И он живет. Вот и вся история. Одно еще скажу, что выглядит Дилька и сейчас неплохо, хотя того веселого огонька, что появился тогда, в глазах ее уже нет. Суровые у нее глаза.

Женщины выслушали Ларису и сказали, что в общем-то удивительного в этой истории ничего нет. Сколько есть примеров самоотверженного ухода за больными мужьями, когда те болеют годы и годы!

— Вот бы кто про мужика такое мне рассказал, — съязвила Альбина, — я бы тому премию выдала — тюбик парижской губной помады.

— Покажи помаду! — сказала Наташа.

— Вот она. А что? — спросила Альбина, достав из сумочки губную помаду и протягивая ее Наташе.

— Я смотрю, мой ли это цвет. Моя ведь будет. Вот сейчас Зина нам расскажет, а потом я специально для тебя расскажу почти такую же историю, как Ларисина, только про мужчину.

— Ладно, послушаем! А сейчас нам Зина опять что-нибудь про лагерь поведает. Угадала я, Зинуля? Или в лагере не случаются великодушные поступки?

— Случаются, как им не случаться. Если вам еще про зону не надоело, так я расскажу.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,

рассказанная Бичихой Зиной,
представляющая собой повесть
о самоотверженной материнской любви

Я вам про одну женщину расскажу, которая села за сына и досрочно освободилась.

Я в зоне работала на стройке. Лагерь наш расстраивался, потому как уже не вмещал заключенных — бараки были деревянные, гнилые, еще аж с тридцатых годов. Вот и строили вместо одноэтажных деревянных барачков каменные двухэтажные, в которые уже вчетверо больше народу помещалось.

Работа мне досталась хорошая, хоть и тяжелая. Механизация у нас, сами понимаете, была никакая. Мастерки да лопаты, носилки да руки наши эковские, бесплатные. Да еще моя лошадь Чайка, на которой я цемент возила. С утра, как выводили нас строем на работу, приводили и мне из конюшни мою Чайку. Запрягу я ее в телегу с ящиком для цемента и еду на склад. Загоню лошадку задом в сарай и накидываю лопатой телегу цемента. Пыль цементная как туман стоит, обе мы с Чайкой от нее серые: цементом дышим, цементом обе кашляем. Я хоть рот платком обвязывала, а Чайке-то совсем плохо приходилось. Нагрузим, значит, телегу-то и везем на стройку. Ну, там другие эчки помогут разгрузиться, а мы опять назад, к сараю. Пока едем, немножко и отдышимся. Так вот за день десять-пятнадцать ездов сделаем. Руки отваливаются, кашель грудь рвет, а я за свою работу держусь, никому не уступаю. Напарница у меня уж больно хороша: ни матерщины, ни скандалов, да и с кем и поговорить-то по-человечески, как не с лошадью? Припрет тоска к сердцу, я Чайку свою обниму за шею да все ей в ухо и нашепчу. Поймет не поймет, а доносить не пойдет, ежели не так

про начальство выскажусь. А еще то хорошо, что начальства над нами, пока мы с ней туда-обратно едем — одно чистое небо. А как и не чистое, а в тучах, или снег-дождь на голову падает, так ведь и то лучше криков бригадиров да охранников.

Как-то раз привезли мы с Чайкой цемент, разгружаемся. Тут подходит охранник и говорит: "Ты, Иванова, как разгрузишься, так телегу-то вымети и подгони к больничке. Освободилась там одна ваша досрочно, на Красную Горку повезешь". А Красная Горка — это кладбище наше эзковское. Большое уж разрослось, с тридцатого-то года, как сажали кулаков, работающих крестьян то есть.

Сделала я как он сказал, подъезжаю к лагерной больничке. А там женщины стоят кучкой, ждут чего-то.

— Не знаете, кто умер-то? — спрашиваю.

— Казакова из четвертого отряда.

— Казакова?! Так ведь она ж не болела. К ней сын вот-вот на свидание приехать должен.

— Да, слава Богу, не мучилась. С вечера легла, а утром не проснулась.

Поняла я, что женщины побросали работу и пришли к больничке, проводить Казакову-то. У эзков ведь ни похорон, ни поминок: отвезут да закопают, да столбик с номером поставят, вот-те и весь обряд. Эзчки поглядят, как гроб за ворота вывозят, скажут "Вот и еще одна освободилась досрочно" — отвернутся и забудут поскорее. Каждая ведь знает, что завтра то же и с ней случиться может, дело привычное. На Красной-то Горке уж вся земля с костями перемешалась: то ли в землю зарывают, то ли в кости, не разберешь. Но Казакова — особый случай. Ее женщины с риском для себя провожать вышли. Недалеко, конечно, до лагерных ворот только, а все — проводы. Такая это была женщина, что и нельзя было не проводить ее хоть так-то.

Сидела Казакова за сына. А история у них вышла такая. Муж ее зверь был. Пил он диким манером и нрав имел дикий: напьется и давай за женой с топором гоняться. Она, как водится, ребенка хватать на руки да к соседям бежит спасаться. Те ее спрячут и поддержат у себя сколько надо. В мили-

цию сколько раз на него жаловалась, а там известно что отвечают: "Дело семейное!" Стишок даже про такие дела есть: "Убивает? Что вы, тетя! Вот убьет — тогда придете". Однажды он ее топором достал все ж таки. В больнице отлежалась да и домой пришла. Сама пожалела, не дала дело против него завести. Он поначалу-то испугался, попритих. А потом видит, что не выходит ему никаких репрессий — и опять за старое. Тут сын подрос, уж пятнадцать лет мальчишке. Жалеет он мать, а с отцом справиться не может, сил еще нет. Тот в пьяной злобе хоть кого с дороги своротит, коли поперек станет. Зашибал сколько раз и мальчишку.

И вот раз, как отец начал мать-то избивать и убить грозиться, мальчишка вырвал у отца топор и обухом ему по голове и вдарил. Тот упал. Мать подбежала, пощупала — мертвый. Много ли пьяной голове надо! Мальчишке она про то не сказала, что мертвый, а соврала: "Без памяти. Отлежится и снова бузить начнет. Ты вот что, сынок. Собери-ка быстро вещички свои да езжай к тетке. Я письмо тебе к ней дам, чтобы пожил ты у нее, пока в школе каникулы. А то отец очнется, так он тебе оплатит. А как месяц пройдет — возвращайся. Он к тому времени все уж и забудет". Мальчишка мать послушался и тут же пошел на станцию, к тетке ехать. А мать часок обождала и тут же сбегала к одной соседке, к другой. Спрашивает у одной соли, а к другой — будто с солью шла назад да заглянула поговорить. И обеим соседкам говорит, что сына к сестре на каникулы отправила, а муж все где-то пьет, вот-вот вернется — так надо ему обед поскорей сготовить, чтобы меньше он злобствовал. С тем вернулась домой. А потом кричать начала, будто скандал идет в доме. После выбежала во двор, там покричала. И в дом вернулась. Топор подержала, чтобы след от ее рук остался. И как это она все так продумала насквозь, удивляюсь! А уж после всего с криком к тем же соседкам бросилась: "Соседушки! Зовите милицию — убила я своего, кажись..." Одна соседка ее утешает, а другая за милицией побежала.

А через месяц парнишка возвращается от тетки и узнает, что отца уже похоронили, а мать сидит в тюрьме под следствием. Сунулся он к следователю признаваться, что не без него все это было, а тот его и слушать не желает: у него уже дело

все распутано, свидетели опрошены, подследственная во всем призналась. И показания все сходятся так-то красиво. А парнишка-то и вправду в это время, про какое соседи и сама мать показывали, уже в поезде ехал. Ну и дали Казаковой пять лет. А сынок у нее хороший был. Чем взрослее становился, тем больше он понимал, что мать для него сделала. В лагерь ездил на каждое свидание, посылки ей хорошие слал. Зэчки, которые в одно время с ними на свиданиях были, в соседних комнатах, рассказывали, что все-то свидание мать с сыном за стеной плачут, один другого уговаривают. Он говорит: "Мама! Я теперь уж взрослый стал. Пусти меня свое отсидеть, иди домой! Давай напишем вместе заявление как все было!" А мать ему: "И меня, сынок, не выпустят, чтоб не признать, что дело неправильное было, и тебя сгубят. А мне ведь уж и сидеть немного осталось. Ты учишь, сынушка, а главное не пей, не пей как отец!" Так-то они плачут, уговаривают один другого, а кончается все одинаково: конец свиданию приходит, сын домой возвращается, а мать — в лагерный барак, свое досиживать. И вот она уже четыре года отсидела и подала прошение о помиловании. Ждали-ждали они с сыном ответа из Москвы несколько месяцев. Да и вся зона ждала. Всякие у нас там женщины сидели, иные и вовсе уж каменные сердцем, а вот Казаковой все желали освободиться, все ее жалели. И потому, что историю ее сидения за сына все давно поняли, хоть и молчала она сама, и потому, что хорошая она была — спокойная. А это на зоне редкость, люди-то все задерганные. Она же придет вечером с работы в барак, так вроде и в барак светлее станет. Душевная была женщина. А как из Москвы ей отказ пришел, так она не плакала, как другие, в озлобление не вошла. Да, видно, сердце не камень. Человек-то все выдержать может, сердце его не всегда выдерживает. Вот она и померла, Казакова-то наша.

Ну, вынесли нашу горемычную в простом деревянном гробу, некрашеном, из бракованных досок со стройки сколоченном. Проводили ее женщины до ворот, лягнули ворота за нами, и поехали мы на Красную Горку. Я везу гроб, а два солдата рядом с лопатами идут, да еще мелкий начальник с бумажками: надо же заприходовать, оформить этот ее послед-

ний этап. Закопали ее солдатики, начальник в бумажке, что полагается, отметил, столбик поставили с номером, и поехали мы с Чайкой обратно цемент грузить.

А через несколько дней сын Казаковой приехал, отбили ему телеграмму. Просил он тело матери, чтобы в родной деревне похоронить — не дали. Не положено до конца срока. "Вот конец срока придет, тогда приезжай и забирай!"

Притихшие женщины дослушали рассказ Зины. Потом Альбина повернулась к Наташе:

— Ну, кто обещал удивить нас мужским благородством и великодушием? Давай, Наташенька, удивляй! А то не видать тебе французской помады.

Наташа улыбнулась и начала свой рассказ.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ,

**рассказанная инженером Наташей
с целью завладеть тюбиком парижской губной помады.**

**Это история о действительно редком проявлении
мужского великодушия.**

**Впрочем, читатели сами могут определить,
часто ли встречаются подобные истории в жизни**

Эта история случилась с моей подругой Беллой. В школе мы учились в разных классах, она была на три года старше, но вместе ходили на гимнастику, там и подружились. Так эта дружба у нас на всю жизнь и сохранилась.

Когда Белла училась на первом курсе, влюбилась она насмерть в одного парня, старшекурсника. Это в Политехническом было. Девочек там мало учится, большинство парней. И надо же было Белле из всех выбрать именно этого! Эгоист он был страшный. Любил ее, но как-то в полсилы. Год у них все хорошо было, а потом начал он с другими студентками встречаться. Белла от него не отходит, а он ее не гонит, но и любовь ее почти не замечает. Словом, история обычная: сколь-

ко я таких пар знаю! Кто бы научил женщин любить чуть поменьше, а мужчин чуть побольше?

Тянется у них вольнка год, другой, четвертый, пятый. Оба уже институт закончили. Белла отлично защитила диплом, пошла в аспирантуру, еще через два года кандидатскую защитила. Я ею восхищаюсь, а она мне говорит: "Это я, Наташка, все ради Кирилла. Может, он хоть через это меня оценит?" А Кирилл еще над этим ее старанием ему угодить посмеивается: "Ты думаешь, что если ты станешь мировой знаменитостью, так я сразу и растаю? Я все равно жениться не собираюсь, и ничего с этим не поделаешь. Довольствуйся тем, что я тебе могу дать". А давать он мог все меньше и меньше. Годы ведь идут, а с годами только вон деревья в парке хорошеют. Ну, подошел тот момент, к которому все такие пары приходят: объявил Кирилл, что женится на молоденькой девушке. Она спорить не стала. Больше того, пожелала Кириллу счастья и даже на свадьбу пошла, поздравила молодых. Я ее потом спрашиваю: "Что же ты чувствовала во время этой свадьбы?" А она говорит: "Покой. Освобождение. Вот теперь уже действительно все. Жаль, что столько лет, столько чувств ушло в энтропию, а что поделаешь?"

И началась у Беллы одинокая жизнь, уже даже и без редких встреч с Кириллом. Изредка он ей звонил, спрашивал, как жизнь, а она неизменно отвечала, что жизнь идет прекрасно. А сама угасала, как свечечка. И вот узнаем мы, что положили Беллу с легочным кровотечением в больницу, что внезапно открылась у нее скоротечная чахотка. Прямо дореволюционный роман какой-то!

Как-то встречаю я Кирилла в одной компании, чей-то мы день рождения справляли или юбилей какой, не помню уже. Оказались мы за столом рядом. Среди прочей болтовни он меня спрашивает и о Белле: как она? Услышал он, что произошло, и побледнел: "Как, почему? Она же была всегда такая здоровая, даже гриппом не болела, спортом занималась". Клянусь, я ему ни слова не сказала, что Белла стала хиреть сразу после его свадьбы. Зачем же человека травить? Ничего ведь уже не исправить, думаю. Да и не поверит, ведь уже два года прошло со свадьбы этой... Кто вообще в такую смерт-

ную любовь теперь поверит? А Кирилл расстроился, сидит мрачный такой, ни со мной, ни с молодой женой больше не разговаривает. А в конце этой вечеринки вдруг и говорит мне: "Я завтра, Наташа, к вам утром приеду. Поедем к Белле, хорошо?" Тут я себя, то есть Беллу, немного и выдавала: "Стоит ли? Может, ей еще хуже станет, если она вас увидит". Но уговорил он меня, что если Белла расстроится, он сразу же уйдет.

Назавтра он явился и поехали мы в Пушкин, где Беллина больница была. Август еще был, больных в сад гулять выпускали. Нашли мы Беллу в аллейке укромной. Сидит на скамеечке, маленькая такая, как девочка. А лицо румянцем горит, и глаза — как блюдца стали. Подошел к ней Кирилл, сел рядом, обнял за плечи, смотрит в ее усохшее личико и спрашивает: "Что же ты, воробушек, надумала? Куда ты от меня собралась улетать? Не пущу!" Я под каким-то предлогом ушла, чтобы им не мешать, подождала Кирилла у ворот больницы.

А дальше началось что-то совершенно невообразимое. Вдруг узнаем мы, что Кирилл оставляет свою молодую красивую жену, забирает Беллу из больницы и везет ее в какой-то замечательный санаторий в Крым. Там ее подлечили. Вернулись они в Ленинград, Кирилл оформил развод с женой. Потом они с Беллой поженились и даже зачем-то обвенчались. Я была на этом венчании. Невеста еде на ногах держалась, а жених ее поддерживал за спину. Но видно, он знал, что делал, потому что такого счастливого лица, как во время этого грустного венчания, я у моей подружки Беллы никогда не видела.

Мы все думали, что кончится у них тем, что Белла все же умрет, только что умрет счастливой. Но вышло иначе. Кирилл работал как вол, стучался во все двери, и Беллу нашу лечили лучшие профессора. Везил он ее и за границу и даже на Филиппины к каким-то знахарям. И ведь вылечил! Даже без операции обошлось. И так он ее укрепил, что Белла родила абсолютно здорового ребенка и сама при этом осталась здоровой. А сам он теперь среди наших общих знакомых знаменит как прекрасный специалист по легочным заболеваниям — изучил все что нужно и не нужно во время лечения Беллы.

Как-то мы сидели у нас, Белла с моим мужем разговаривали о фотографии, он ей новые работы свои показывал. И тут я тихонько спросила Кирилла, как он догадался, что может спасти Беллу? А он мне ответил: "Ничего нет в этом странного, я же авиаконструктор. Чего же проще было определить, что Белла — не планер, что не летать ей об одном крыле? Вот она и пошла в штопор, когда у нее второе крыло отняли. Я ничего особенного не сделал, я только вернул ей то, без чего она не могла дальше летать. Чисто техническое решение проблемы". А о первой его жене я никогда Кирилла не спрашивала. Может, и ей летается не очень, не знаю. Знаю только, что не бывает так, чтобы счастья на всех хватало.

— *Вот вам и технократы!* — воскликнула Эмма. — *А говорят, что решение эмоциональных проблем им не по зубам. "Чтобы летать об одном крыле, надо стать планером"* — в этом что-то есть!

Они переглянулись с Ларисой и улыбнулись друг другу понимающе.

— *А что Альбина скажет?* — спросила Наташа.

— *Нетипичный случай,* — пожалв плечами, ответила Альбина, со вздохом открывая шмонку.

— *Ты просила не типичный, а великодушный случай. Помада моя?*

— *Твоя, твоя!*

— *Отлично! Мои коллеги на работе от зависти поумирают.*

— *Ну, когда ты еще на работу теперь выйдешь! Год-то с ребенком будешь сидеть, помада как раз и кончится.*

— *Что?! Парижскую помаду израсходовать за год? Да за кого ты меня принимаешь! Это только по самым большим праздникам. У меня есть еще тушь для ресниц из Англии, так я ею уже четвертый год пользуюсь. А еще есть у меня жидкая пудра загарного цвета, из ФРГ. Читайте, полный комплект буржуазного разложения!*

— *Да, разлагаться они умеют!..* — вздохнула

Иришка. — У меня есть американские тени для глаз, так я всегда взвешиваю, когда в гости иду: тот случай или не тот, чтобы их употребить? Одного я не понимаю, почему наши совершенно не то, ну абсолютно не то закупают на Западе! Я ведь в порту работаю, так я знаю, что от нас за границу идет, а что к нам. Наши все волокут машины да машины, а туда почти один сплошной лес идет. Ну, еще икра и прочая деликатесина. А вот нет чтобы закупить косметики для нас! Мы же тоже хотим красивыми быть. Помните, как года три назад ни в Ленинграде, ни в Москве вообще не было губной помады, даже в газетах об этом писали. Объяснили, что одна фабрика закрыта, а вторая не может обеспечить страну. Неужели Запад не продал бы нам губной помады? У них там, поди, завалы ее, стены можно расписывать.

— Техника для нас важнее помады, особенно электронная. Это же все закупается на оборону, — возразила Иришке Валентина. — Можно обойтись и без помады, лишь бы не было войны! Ты же знаешь, что если бы не политика нашего правительства, то на нас давно бы уже напала Америка или Западная Германия. В 68-м году они, западные немцы, чуть было уже не перешли границу Чехословакии. И теперь, если ослабить оборону, на нас немедленно нападут.

— Да, это верно, — вздохнула Ольга. — Не понимаю, почему эти фашисты никак не могут успокоиться? Все равно же Германия нас не завоюет! Я, помню, сколько раз это Петеру объясняла. Но даже, хоть и любил меня, а врал, что никто в Западной Германии на нас нападать не собирается. Хоть и гэдээровский, а все же немец. Это ясно, что нельзя им доверять, немцам! Нет, пусть не будет ни мяса, ни молока, только бы не было войны!

— Ой, девочки, прекратите этот бред, а то я сей-

час быстро напишу листовки и начну среди вас распространять! — взмолилась Галина. — Невозможно слушать.

— Ну да, ты, Галина, вражеские голоса слушаешь, ты по-другому думаешь. Неужели ты думаешь, хоть где-нибудь в мире радио правду говорит? — отрезала Ольга. — Я вот никому давно не верю! А что на нас все вокруг напасть хотят — в это я верю. Иначе зачем бы нашему правительству столько оружия? Вот у нас судостроительный завод, и мы-то знаем, сколько там для войны всего делается. Хоть и считается, что продукция у нас мирная.

А Неля вздохнула:

— Я, женщины, войны больше всех вас боюсь, наверное. И потому что пережила страшное, и потому что от природы трусиха. Я тоже так думаю, что и продовольственные наши трудности, и нехватка жилья — это все из-за империалистов. Тут, Галина, вы меня никакими рассуждениями о демократии не переубедите. Ольга права: пусть не будет самого необходимого, мы все выдержим, но пусть нас от войны защитят. А все же одну вещь я бы хотела получить из-за границы: непромокаемые трусики для малышки! Правда, мне обещали в одной семье: они тоже у кого-то взяли, где ребенок подрос. А сейчас у них мальчику уже год, так что скоро они нам их отдадут. Это такая удобная вещь, особенно для прогулок! Одного я только не пойму, у них там за границей все есть, зачем им-то на нас нападать?..

Разговор перешел с политики на трусики для детей и возникшее было напряжение спало.

Когда же все успокоились по поводу отсутствия в стране пластиковых трусиков, сосок, детского крема и выяснили, что крем можно с успехом заменять кипяченым растительным маслом, а хороших сосок полно в Таллине и можно за ни-

ми съездить в выходные дни по недорогой туристской путевке, настроение опять у всех поднялось. Тут повела рассказ Валентина.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ,

рассказанная Номенклатурщицей Валентиной.

Это повесть о девушке,
взявшей на себя огромный материнский труд

Нас в семье было четыре сестры. Самая старшая Катя жила в рабочем поселке под Кривым Рогом, я в Ленинград давно перебралась, третья сестра окончила медицинский и работает врачом в Магадане, а младшая Люба училась. У Кати, нашей старшей, муж был хороший человек, пока не заболел внезапно тромбофлебитом. Отняли у него ногу, а он с горя пить начал. Детей у них было семеро, в провинции это еще не редкость, так много детей иметь. Из всех четырех сестер Катя была самая неудачливая. Жили они бедно, с такой-то оравой, а тут еще мужнина болезнь и пьянство. Остальные сестры, как видите, благополучные были.

А самой талантливой из нас Люба считалась. Она еще девочкой научилась хорошо шить и рисовать, она сама изобретала платья себе и нам, сестрам. Выдумает фасон, нарисует, а потом сама и сошьет. И мечтала она стать художником по дамскому платью, модельером. Поступила в Текстильный институт, правда, на заочное отделение. Она бы и на дневное по конкурсу прошла, но рано вышла замуж, а муж жил в Пскове. У него там дом был, от родителей остался. Думали они с Любой со временем его продать и купить домик поменьше под Ленинградом. А пока жили в Пскове. Люба работала в ателье и училась в своем институте, а Гриша шоферил. И все бы у них со временем выровнялось, но случилась беда с Катей, и эта-то беда повернула Любину жизнь совсем в другую сторону.

Вдруг получаем мы, сестры, телеграммы, что умер Катин муж. Ну, мы послали ей денег на похороны, письма сочув-

ственные, а поехать не смогли, далеко — у кого работа, у кого ребята. И вдруг следом, через месяц какой-то с небольшим, получаем еще телеграммы от соседей Катиных: "Ваша сестра Катерина скоропостижно скончалась. Приезжайте на похороны и за детьми".

Сорвались мы все со своих мест, я, Люба и Нина, что врачом работает. Приехали, Катю похоронили. Она, соседи рассказывали, с отчаяния померла — как жить-то дальше с семьей детьми? Одной, без мужней поддержки? Вот и не выдержала. А дети мал-мала меньше: старшему мальчику десять лет, а дальше идут почти погодки, и младшей девочке всего два года. Ну, похоронили мы Катю, вернулись в дом справлять поминки и решаем, что дальше с детьми делать? А они в другой комнате сбились в кучку, будто чувствуют, что судьба их решается.

О младших разговор простой: мы с Ниной решили, что девочку возьму я, а она мальчика трехлетнего. Больше нам не поднять. А старших надо в детский дом сдавать. Беда только, что придется разлучить детей: девочки в один детдом пойдут, мальчики — в другой, а старшего в интернат согласились взять. Мы с Ниной и мужьями нашими обсуждаем все это, а Люба, младшая наша, сидит и слезами обливается. Ничего решить она не может, она без мужа приехала. Так мы ее слезы понимаем. И вдруг Люба встает из-за стола, подходит к дверям той комнаты, где сидели дети, смотрит на них долго, а потом вдруг возвращается к нам и говорит:

— Ниночка, Валюша! Нельзя их разлучать. Подумайте, как они еще и это переживут, потеряв сразу и отца, и мать? Давайте подумаем, как сделать так, чтобы им не разлучаться?

Мы в семье привыкли смотреть на Любу как на ребенка. Нина на нее даже рассердилась:

— Тут серьезный вопрос решается, а ты с глупостями пристаешь. Как же им не разлучаться, когда такая беда? Кто их возьмет всех вместе? Я не могу, у меня своих уже двое, а еще муж и работа. Валентина тоже не может, у нее работа ответственная. Ты, что ли, ораву эту воспитывать будешь? Так у тебя еще и своего ребенка нет, ты и не понимаешь, что это

такое — детей растить. Помолчи уж, пока взрослые о деле говорят!

А Люба вдруг и говорит:

— Ты права, Ниночка. Надо мне всех семерых брать, пока своих детей и забот нет.

— С ума сошла! Ты же всего год как замужем! Да тебя твой Гриша и с одним на порог не пустит.

— Я ему телеграмму пойду сейчас дам, пусть решает, нужны мы ему все вместе или не нужны.

И пошла наша дурочка, и дала такую телеграмму: "Решила взять детей Кати себе. Если хочешь жить со мной дальше, приезжай за нами". Гриша, получив такую телеграмму, глазам не поверил. Побежал он на переговорный пункт и заказал телефонный разговор с Кривым Рогом, вызвал Любу. Она ему по телефону подтвердила, что хочет взять всех семерых. Гриша думал три дня, а на четвертый явился в Кривой Рог и забрал свое внезапно выросшее семейство.

Мы с Ниной деньгами помогали, конечно, но думали, что Любы надолго не хватит: позабавится, увидит, что не так это просто — растить семерых, и оставит свою затею. Сердились на нее мы очень: ведь придется решать заново судьбу детей. Дети-то первыми и будут страдать. Но вышло иначе. Год проходит, второй, а Люба только крепче к детям привязывается. И они, бедняжки, ожили; последние-то годы у них тяжелые были, пока отец болел, пил, а мать переживала. А тут новая молодая мама, веселая, добрая. Они без ума от "мамы Любы", так и виснут на ней с утра до вечера. Старшие помогают ей по дому, за младшими приглядывают. Но жить Любе, конечно, очень непросто. Учебу пришлось бросить, работу в ателье тоже. Устроилась она уборщицей в учреждение неподалеку от дома — и деньги какие-то для семьи, и время остается для работы по дому. Гриша тоже к детям привык, но уж работать ему приходится на полторы ставки и еще постоянно искать приработок. От государства никакой помощи, потому что детей усыновить Любе с Гришей не разрешили, мол, и сами еще на ногах не стоят, а только назначили их опекунами: "Можете детей содержать — содержите. А если нет,

то сдавайте в детский дом". А пенсия за родителей — на нее на семь ртов и хлеба на месяц не купишь.

Смотрю я иногда на нашу Любу и думаю: "Как жаль, что так судьба у самой талантливой из нас неудачно сложилась. Нина врач, я ответственный работник, а Люба — уборщица. Обидно!" А иногда думаю совсем обратное: "А может, в этом Любин самый большой талант проявился, в том, что она дала дом и счастье этим семерым детишкам?"

Одно только мне жаль, что Люба так теперь и останется без образования и без профессии. Ну что такое уборщица? Это же не профессия, а так, заработок. Вырастут дети, разлетятся, останется Люба одна у разбитого корыта. Хорошо, если дети вырастут сознательные, будут помогать своей "маме Любе". А работы интересной у нее уже не будет, чем жить она станет? Или вот пенсия. Я и Нина заработаем себе хорошую пенсию, а кто будет эти пенсионные деньги нам платить? В основном Любины дети: у нас-то с Ниной по двое, а у нее семеро. А пенсия у нас с Ниной будет втрое больше, чем у Любы, хотя ее дети на этот самый пенсионный фонд будут втрое больше наших работать. Как вот подумаешь на таком государственном уровне, так понимаю — несправедливость! Получается, что вроде как наше общество паразитирует на материнских чувствах тех женщин, которые решаются воспитывать много детей.

Женщины восхитились поступком молоденькой Любы, но и посочувствовали ей.

— А ты, Валентина, никогда не пробовала говорить об этом в своих партийных кругах?

— Пыталась. Да никто и слушать не хочет: "Пусть каждая женщина сама решает, что для нее важнее — интересная работа и пенсия или дети". Вот и весь ответ.

— А что вы думаете, Галина?

— Что я думаю? А что не обеднело бы государство, если бы таким матерям давало возможность учиться, пока дети растут. Вместо того, чтобы вечерами шваброй по грязным полам шваркать, они

могли бы дома сидеть за учебниками, а когда дети подрастут — работать два-три дня в неделю по профессии. Не так уж много у нас таких многодетных семей осталось.

— А я так думаю, — сказала Ольга, — что за материнский труд надо начислять обычный рабочий стаж для пенсии, вот что! Это Валентина верно сказала, что пенсию-то потом для нас будут зарабатывать дети тех матерей, что не о себе думали, а о детях. Несправедливо это!

Все согласились с Ольгой и снова обратились к Валентине:

— Валюша! А почему бы тебе не написать об этом своей тезке, космонавту Валентине Терешковой? Пусть бы она поставила такой вопрос на самом верху.

— Ну да! И полетит она тогда с этого самого верха вверх тормашками. Разве вы слышали, чтобы она хоть когда-нибудь слово сказала о том, что надо облегчить жизнь нашим женщинам? Потому-то она и возглавляет Комитет советских женщин.

Тут вдруг Зина засмеялась и сказала:

— А вы знаете, девоньки, Терешкова как-то к нам в лагерь приезжала!

— Да ну?

— Точно! Вышла она на сцену в лагерном клубе и объявила: "Посмотрите на меня, до каких высот может подняться женщина в нашем государстве! А теперь на себя посмотрите — как вы могли так низко опуститься?" Наши зэчки так и ахнули. Много чего мы слышали от наших надзирательниц и охранниц, но уж от нее никак не ожидали. Одна наша зэчка тут же втихаря подружкам говорит: "Интересно, а собачки Белка и Стрелка после космоса тоже перед дворняжками носы задирали?" Мигом это по рядам пронеслось, бабы наши прыскают в рукава ватников, а Терешкова стоит злая, красная, не понимает, почему так низко опустивши-

еся смеются над ней, взлетевшей? Уж не знаю, из-за Терешковой или нет, но только скоро после ее поездок по тюрьмам и лагерям режим для женщин здорово потяжелел. На окнах появились железные решетки из плотных полос, так что свет только в щелки пробивается. Их так и зовут "решками Терешковой". А вы говорите, что она может за матерей заступиться!

Погоревав о том, что заступиться за женщин, действительно, некому, наши подружки попросили Альбину рассказать что-нибудь о великодушных поступках женщин: что расскажет она хорошее про мужчин, этого никто и не ждал.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ,

**рассказанная стюардессой Альбиной,
героинями которой являются
сразу две великодушные женщины,
только от их великодушия
плохо пришлось стоявшему между ними мужчине**

Были у меня две подружки, одна художница-дизайнер, кафе расписывала, а другая работала в Пушкинском доме. Обе чокнутые — одна на картинках, а другая на Александре Сергеевиче зависали. И книжками до одури зачитались. Это у них я брала "Лолиту" набоковскую. Звали их Лиля и Ляля. Дружили они давно, кажется, с детства. И вот влюбились Лиля и Ляля в одного парня, которого я на свою голову с ними познакомила. Парень обыкновенный летун, штурман на "ТУ-104", человек вполне нормальный. Сначала он за мной пробовал ухаживать, но у меня в это время другой был, я его подружкам и бросила на выбор — какая возьмет! А он им, видите ли, обеим понравился, Артур этот. Сначала ему приглянулась Лиля, что на Пушкине помешалась. Она худенькая такая аристократочка, вся стихами напичканная, старыми и новыми. И сама писала. Мне нравились ее стихи, а об Артуре

и говорить нечего: он живых поэтов только по телевизору до этого видел. Начался у них романчик. А поскольку Лиля с Лялей неразлучные, то часто они втроем встречались, на всякие выставки ходили, поэтов каких-то слушали на домашних вечерах. А Ляля, надо вам сказать, как женщина Лиле сто очков вперед могла дать: высокая грузинка со страстными глазами и сильными бедрами. Начал Артур и на эту поглядывать. Как поговорить хочется — он к Лиле подсаживается, а если танцульки вдруг организуются — он с Лялей. И вот выясняют подружки, что он сам не знает, кто ему больше нравится. Решила тут Ляля, что у нее мужиков — хоровод и двое за углом, а на Лилю не всякий еще посмотрит, пока она рот не откроет. И говорит она Артуру:

— Я не хочу мешать твоему счастью с Лилей. Давай мы больше с тобой не будем встречаться.

Уговорила парня. Ну, и он тоже вроде рад, что вопрос как-то решился. Взял да и переехал к Лиле совсем жить. Но Лиля из него слово за словом вытянула, что за разговор у них с Лялей состоялся. И тоже в позу встала:

— Я понимаю, что как мужчина и женщина вы с Лялей больше подходите друг к другу!

Позвала она Лялю в гости, поставила на стол вино, а потом и говорит:

— Вы двое созданы друг для друга, я это ясно вижу! Жить вам негде, живите в моей квартире. А я все равно сейчас на месяц в Пушкинские Горы уезжаю.

Никакие уговоры не помогли. Положила Лиля на стол ключ от своей квартиры и в тот же вечер гордо и романтично исчезла.

Живут Ляля с Артуром в Лилиной квартире. А когда пришло время Лиле возвращаться, тут уже Ляля встала в позу великодушной страдальцы за справедливость:

— Оставайся здесь и жди Лилю. Как она будет счастлива, когда вернется и увидит тебя в своем доме!

И ушла. Лиля вернулась, вправду была счастлива неделю, а потом начала горевать, что ее Ляля без Артура страдает.

Как-то подходит ко мне Артур в аэропорту:

— Алька, что делать? Совсем они меня своим великодушным замучили!

Поглядела я на него, а парень и впрямь усох от ихнего благородства.

— Кончай ты эту бодягу. Уж лучше бы вы втроем жили, чем в эту чехарду играть. Беги от них, спасайся, Артурчик!

Парень подумал, подумал да и бросил обеих своих благородных дам. А мне потом говорит:

— Нет, я только с такой бабой останусь, которая без всяких высоких переживаний будет своим соперницам глаза выщарапывать! Не понять мне этих тонких душевных устремлений, Алька, интеллекта, наверное, не хватает.

— Вот и хорошо. Проще живи, оно чище будет.

А обе мои великодушные подружки в конце концов посорились и перегрызлись, но не из-за парня, а потому, что как-то Лилия Ляле сделала замечание об одной ее картине. Та в ответ Лилию "пушкиноедкой" обозвала. Вот этого они обе пережить не смогли и расстались.

Посмеялись женщины над страданиями Лили и Ляли и приготовились слушать Галину.

— Я вам расскажу о настоящем чуде, какое случилось с одной моей знакомой. Это тоже будет лагерная история, но не такая страшная, как нам обычно рассказывает Зина.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ,

**рассказанная диссиденткой Галиной,
которая утверждает, что самое поразительное чудо
может сделать один человек для другого**

Недавно освободилась из лагеря одна ленинградская художница-диссидентка. Она привезла из лагеря удивительные рисунки карандашом на самых разных клочках бумаги, картона. Как-то я была с друзьями у нее в гостях, и она нам их показывала. Все такие мрачные реалистические

зарисовки. И вдруг небольшой лист картона, а на нем цветущая ветка багульника и надпись "За час вашей свободы я отдам свою жизнь". Я долго рассматривала рисунок, уж очень он был необычен среди других. Маша, так звали художницу, обратила на это внимание и спросила:

— Хотите знать историю этого рисунка?

И вот что она нам рассказала.

У них в уголовном лагере, где Маша была единственной политзаключенной на полторы тысячи уголовниц, царил полный произвол начальства и охраны. На женщин смотрели, как на рабочий скот, всячески измывались над ними, избивали, а порой и насиловали. Но был там один молодой офицер, которого женщины-заключенные прозвали "поручиком Назанским", после того, как увидели в клубе кинофильм "Поединок" по Куприну. Он был единственным, кто не вызывал у эзек ни страха, ни ненависти, а только всеобщее уважение. Хотя бы потому, что он был единственным, кто заключенным женщинам говорил "вы". В лагерь его послали работать в наказание за какое-то прегрешение на службе в соседней ракетной части. Должен он был отслужить в лагере два или три года, ужасно страдал от этого и сильно пил.

И вот, когда в лагерь попала Маша, он сразу обратил на нее внимание и попытался с ней заговорить. Но Маша, действуя по грибоедовской мудрости: "Пусть нас минует пуще всех печалей и барский гнев и барская любовь", от всяких личных разговоров с начальством уклонялась.

Так прошло около года. Вдруг однажды, когда Маша работала со всеми эзками в поле, к ней подошел "поручик Назанский" и сказал:

— А я вчера по Голосу Америки слышал передачу о вас под названием "За час свободы я отдам жизнь". Можете вы мне объяснить, что это за название?

Тут Маша решила ответить, потому что человек первый ей оказал доверие: признался, что он, офицер, охраняющий лагерь, слушает "голоса".

— С этим лозунгом мы как-то вышли на демонстрацию. Это высказывание одного из декабристов.

— Вы действительно так высоко цените свободу?

— Да, конечно.

— Тогда почему же вы идете на то, чтобы попасть в лагерь? Это мне как-то непонятно. Где тут логика? Ведь вот сейчас-то вы лишены вообще всякой свободы?

— Нет, не всякой. Есть еще внутренняя свобода, — отвечает ему Маша.

— Нет! Не понимаю, сколько ни ломаю голову! И вы что же, когда выйдете отсюда, снова будете делать то, за что сажают в лагерь?

На этот вопрос Маша не ответила — это ведь могло быть и провокацией. Она только улыбнулась, но "поручик" понял эту улыбку.

— Хотите, я вам расскажу, что еще говорили в последнее время по Голосу Америки?

— Рассказывайте, если хотите.

И "поручик Назанский" рассказал ей все новости, услышанные по американскому радио. И с тех пор так и повелось, что раз или два в неделю он подходил к ней на работе и рассказывал новости из большого мира.

Наступила еще одна весна, которую Маша встретила в лагере. Целыми днями она думала о доме, тосковала. Начался у нее сильный авитаминоз, десны начали кровоточить, зубы шататься. "Поручик" видел, что Маша тает, и попытался уговорить ее брать у него нормальные продукты, яблоки. Но Маша отказалась от продуктовой помощи, единственное, что она взяла у него, — витамины. Десны стали меньше болеть.

Наступили майские праздники. Для эчек это хорошее время: все начальство пьет три дня беспробудно, а зону предоставляет заключенным. Женщины за эти дни успевают отдохнуть, привести в порядок свою нехитрую одежду. А Маша еще выкроила время и для рисования. Устроилась она в укромном уголке за бараками и рисует розовые от багульника сопки, вершины которых видны из-за лагерного забора. И тут ее нашел "поручик". Подошел он и говорит:

— Кажется, я понял ваш лозунг о свободе. Я много думал над этим. А сейчас я вот о чем вас попрошу: вы никому ничего не говорите и постарайтесь пройти незаметно на вахту.

Проходите спокойно мимо часовых, а там я вас встречу. Только никому ни слова!

И он быстро ушел.

Маша подумала и решила рискнуть выйти за лагерную проходную: что такое сочинил для нее "поручик Назанский"? Зашла она на вахту, а там дежурные солдаты молча открыли перед ней дверь на улицу. Возле дверей стоял "газик", а за рулем сидел "поручик". Он распахнул перед ней дверцу и сказал:

— Садитесь поскорей и пригните голову, пока будем ехать через поселок. Да скорее же!

Маша поняла, что сейчас расспрашивать действительно некогда, и села в машину. Примерно через пятнадцать минут "поручик" ей говорит:

— Можете выпрямиться.

Маша подняла голову. Они ехали по лесной дороге между цветущих сопок. Вскоре возле одной из них "поручик" остановил машину, вышел и открыл Маше дверцу с ее стороны.

Маша вышла из машины и от лесного воздуха чуть не упала — так у нее закружилась голова. А "поручик" снял с руки часы и подает Маше со словами:

— Я бы очень хотел поговорить с вами не за колючей проволокой, но я уверен, что вам важнее побыть здесь одной. Через час я приеду за вами на это место. Далеко не отходите, чтобы не заблудиться.

Сказал он так, сел в машину и уехал.

А Маша про себя подумала: "Какая же я идиотка! Ведь это провокация!" Она знала, что незадолго до конца срока политзаключенным стараются устраивать различные провокации, чтобы осудить их в лагере еще на один срок. И это всегда делается перед самым освобождением, а Маше оставалось до конца срока всего три месяца. И она поняла, что благородный "поручик Назанский" скорее всего выполняет задание КГБ, чтобы поскорее заслужить прощение.

Она прислушалась. Нет, лая собак еще не было слышно. Видимо, погоня придет позже, когда она, по замыслу провокаторов, должна углубиться в лес. И Маша начала лихорадочно соображать, как ей их перехитрить? И придумала! Она

скинула свое эковское платьишко, постелила его возле самой дороги и легла на него — загорает! А часы спрятала в лифчик. Когда погоня на нее выскочит, она так и будет лежать-загорать: какая же дура станет загорать в побеге, в получасе езды от лагеря? А припрятанные часы она должна утаить до разговора со следователем, поручику же скажет, что оставила на земле у дороги. Часы — это ее самое веское алиби! Если роль провокатора выяснится, выплывет наверх, то и ей нечего бояться.

Лежит Маша на одуряюще пахнувшей весенней земле и рассуждает о том, каким мерзавцем оказался "поручик". А перед глазами по травинкам ползают мелкие лесные жители, над головой птицы поют, багульник везде цветет, и пахнет молодой березовой листвой. Весна! Тут Маша взглянула на часы и видит, что час ее уже к концу подходит, всего десять минут остается до срока. А она лежит, как дура, у дороги и ждет, когда послышится лай собак! Тут она сорвалась с места, подхватила платьишко и помчалась вверх по сопке. Летит, срывает на бегу ветки багульника, задыхается, падает на мягкий мох и снова бежит. И вот она уже на верхушке сопки, и видит три больших кедра, которыми любовалась на расстоянии из лагеря. Оглянулась она, а далеко внизу, за речкой, за поселком виднеется зона. Даже крышу своего барака Маша разглядела. Прислонилась Маша к кедру, к его теплой коре и заплакала: она и забыла, как хорошо на воле, как пахнет свобода.

А потом взглянула на часы и ахнула: у нее оставалось ровно три минуты. И она стремглав помчалась через заросли к дороге, вниз под сопку. По дороге сообразила, что все равно багульник в зону пронести нельзя. Зарылась она лицом в свою охапку, прижала ее на секунду к груди — и отбросила. Нельзя! Только одну маленькую веточку взяла с собой, решив, что пронесет ее в рукаве.

Только она успела добежать до дороги, как за поворотом послышался рокот машины. "Поручик" подъехал минута в минуту. Он был один, и у Маши отлегло от сердца. Вышел он из машины, подошел к Маше.

— Ну, как? Удалась прогулка?

— Это было чудо! — ответила Маша. — Нет, не чудо, а даже больше. Я не знаю, как это назвать.

— Назовите это "часом свободы, за который не жаль отдать жизнь". А теперь — пора. Садитесь в машину.

Так же спокойно они прибыли к лагерю. Пропуская Машу в дверь лагерной вахты, "поручик" тихо сказал:

— А вы меня неправильно поняли. Просто я ваш лозунг немного переделал: "За час т в о е й свободы я отдам с в о ю жизнь". До свидания.

— До свидания. Спасибо.

Только потом Маша поняла, что "поручик" рисковал куда больше, чем она: ему за этот ее "час свободы" грозил трибунал. В память о нем и появился у нее рисунок с багульником.

Вот какое чудо может один человек подарить другому. Впрочем, неизвестно, кто из них получил больше: Маша, которой был подарен час свободы, или "поручик", его подаривший.

— А что потом с ними было, с Поручиком и Машей? Встречались они после Машинного освобождения?

— Нет, конечно. Маша хотела сделать ему какой-нибудь подарок, но мы ее отговорили: тут уж она рисковала бы его свободой. Представляете, что было бы офицеру за помощь диссидентке в лагере? А тут еще был бы повод обвинить его в том, что он это делал за взятку, если бы Маша послала ему какую-нибудь мелочь. Но Маша говорила, что когда-нибудь напишет его портрет по памяти, и это будет ее благодарность за "час свободы".

После Гали начала рассказывать Ольга.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ,

рассказанная рабочей Ольгой,
повествующая о том,
как благородство брошенного мужа
было вознаграждено судьбой
на другой же день после его проявления

Я расскажу про одного парня с нашего завода, что с ним и его женой приключилось. Поженились у нас двое молодых рабочих, звали их Евгений и Евгения, Женя-жена и Женя-муж. Только поженились, как Жене-мужу дали от завода однокомнатную квартиру. Представляете, какое счастье выпало? Но вскоре Женю-мужа призвали в армию. А до того у него был белый билет, потому что в детстве он болел туберкулезом. А тут стали брать всех подряд, народу для армии не хватает, детей-то все меньше подрастает. И ушел Женя-муж на два года, а Женя-жена тем временем встретила с морячком и влюбилась до головокружения. Мужу она о том в письмах ни гу-гу. Приходит Женя-муж из армии, а у него в квартире два неожиданных жильца: новый муж Жени-жены и их грудной ребенок. Встал Женя-муж на пороге и не знает, что ему и делать. То ли гнать их всех троих, то ли самому уходить? И горько ему, что так его ограбили, пока он там на страже родины выламывался. Постоял, подумал да и говорит:

— Ладно, что ж тут поделаешь. Живите. А развод потом оформим.

Женя-жена его не отпускает:

— Куда же ты пойдешь, твоя ведь квартира. Подожди месяц, мы найдем комнату.

— Где вы найдете? Кто вас пустит с грудным ребенком-то?

— Ну, тогда хоть вещи возьми, вещи-то ведь тоже почти все твои!

— А куда я их дену? По улице расставляю? Я в наше общепитие к ребятам пойду. Все равно на завод возвращаюсь. Авось не выгонят из общаги.

– Женечка! Ну, хоть денег возьми у нас! Ты же ни с чем остаешься, что же мы, не люди?

А новый смущенный муж места себе от стыда не находит, совсем растерялся. Сует он Жене-мужу бумажник раскрытый:

– Вот все, что у нас есть, возьми, сколько сам решишь!

Женя-муж поглядел на раскрытый бумажник, а там несколько десятков да лотерейный билет. Усмехнулся он и взял этот билетик.

– Вот возьму на память. Если от чистого сердца предлагаешь, то, глядишь, и выиграю себе на утешение магнитофон или приемник. Буду музыку слушать.

Взял он лотерейный билет, повернулся и ушел.

А на другой день выходит газета с таблицей выигрышей. Женя-муж свой билетик сверил, да и глазам не поверил – ”Жигули”! И неловко ему стало. Решил он сначала билетик лотерейный Жене-жене отнести, а потом передумал: он от судьбы удар принял. Так, может, это ему от той же судьбы подарок. Ну, он какой ни добрый, а не растяпа. Не стал он брать ни денег, ни машины, а пошел на Кузнечный рынок и предложил билет грузинам, которые там фруктами торгуют. Те мигом его свели с нужным человеком, продал он тому билет за пятнадцать тысяч, купил себе кооперативную квартиру, обстановку, и еще осталось на мотоцикл. Все мы за Женю-мужа радовались, а больше всех Женя-жена и морячок ее.

Все порадовались, что справедливость иногда действительно торжествует очень скоро. Но Зина заметила:

– Чаще пока ждут хорошие люди этой справедливости от судьбы, плохие-то их так заключают, что справедливостью покажется и счастьем, что тебя сегодня никто в трамвае не толкнул, что кассирша в магазине не обхамила.

– Это верно, особенно насчет кассирш! – вздохнула Иришка. – Ох, боюсь я их с детства, девочки. Вот уже вроде и взрослая дама, а когда подхожу к кассе платить, всякий раз дрожу: обхамит или пронесет? Если с нашими продавцами и кассиршами

никакого чуда не случится, то я умру от инфаркта в магазине: так я тяжело магазинное хамство переносу.

– А ты меньше по очередям болтайся! – посоветовала Эмма. – Знаешь, как я нервы берегу? В очередь меня под автоматом не загонишь, хоть там ананасы дают! Если вижу, что в молочном магазине толпа, говорю себе: "Сегодня живем без молока!" Если в овощном – обходимся хлебом с колбасой. Зато сколько нервов экономится! Этих работниц торговли тоже понять можно: целый день перед глазами озверелая голодная очередь – любой сам озверевает.

– Это верно, что грубость и у продавщиц бывает не от природы, а от жизни нашей озлобляющей, – заметила Неля. – Я вам расскажу про такую продавщицу. Ничего, что это тоже давняя, военная история?

– Рассказывай!

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ,

рассказанная учительницей Нелей,
повествующая о том, как грубая продавщица,
которую ее двоюродный брат
только по грубости и узнавал среди других продавцов,
спасла ему жизнь

Я эту историю знаю по рассказам родственников. У дяди Арона, который спас всю нашу семью, уведя от фашистов под землю, был сын Рафик. Тогда ему было двадцать лет. Рафик не хотел уходить со всеми в канализацию. С несколькими товарищами, украинцами и поляками, он хотел пробраться в леса к партизанам. Но ничего из их похода не вышло. Вернулись они во Львов, когда родных Рафика уже не было: кого не было в живых, кого увезли в лагерь, а кто спасся вместе с нами. Домой Рафик идти не решился и

стал скитаться по городу, ища пристанища. Старые знакомые и даже друзья, с которыми он хотел пробраться к партизанам, боялись его прятать. А зима была. Хоть и не велик мороз, не как в блокадном Ленинграде, но бездомному, плохо одетому и голодному Рафику всякий мороз грозил гибелью. Его иногда пускали на ночь, но утром выпроваживали. И вот однажды случилось так, что четыре ночи подряд Рафик не ночевал в теплом доме, а забивался в сараи и подвалы, прячась от патрулей. На пятую ночь он забился на чердак какого-то дома, где грелся, прижавшись спиной к печной трубе. Он уже задремал, пригревшись, когда услышал звуки выстрелов и понял, что по городу идет облава. А во время облав гитлеровцы особенно тщательно обшаривали чердаки и подвалы, выискивая евреев. Рафик понял, что с чердака надо уходить в любом случае. Он спустился на улицу и стал пробираться к окраине. Но по дороге шум облавы внезапно остановил его недалеко от бывшего дома. Он знал, что рядом была булочная, а во дворе, где был служебный вход, всегда лежала груда деревянных ящиков из-под хлебов. Он решил попытаться спрятаться среди них. Ему удалось добежать до этого двора, и как раз вовремя: по звукам он определил, что облава прошла по тем улицам, где он только что проходил. Рафик забился в пустые ящики и в изнеможении уснул, несмотря на мороз.

Проснулся он оттого, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза. Только начинало светать, но в полутьме он узнал склонившееся над ним лицо: это была молодая булочница, самая грубая из всех продавщиц в районе. "Это конец! – подумал Рафик. – Непременно выдаст она меня!" Он хотел бежать, но за ночь обморозил ноги и не мог ступить ни шагу.

– А, это вот кто тут прячется! – сказала булочница, разглядев его. – Как же ты уцелел, твоих ведь никого не осталось? А ну, вставай, идем. Скоро совсем рассветет, тебя тут мигом найдут немцы, когда за хлебом приедут из казармы. Вставай!

Она подняла Рафика и повела его к себе домой.

Дуся, Евдокия, так звали эту булочницу. До самого освобождения Львова она прятала Рафика у себя на квартире, лечила его обмороженные ноги, кормила. Когда пришла Красная

армия, Рафик вышел из своего укрытия, поблагодарил "грубую продавщицу" Дуся и ушел воевать.

Вернулся он во Львов после войны и снова пришел к Дусе. Дома ее не было. Тогда он на всякий случай решил заглянуть в ту булочную, где она раньше торговала. Только открыл дверь, как услышал ее крик: Дуся опять ругалась с покупателем. Рафик встал в очередь, а когда подошел к прилавку, тихо спросил: "А бесплатно булочку не дадите?"

— Че-его?! — свирепо заорала Дуся, но вдруг узнала Рафика и ахнула.

Тут же, долго не раздумывая, она вытолкала за дверь всех покупателей, повесила записку "Ушла на базу" и повела Рафика домой. Поглядел он на жилище, где его так долго прятали от смерти, и видит, что Дуся по-прежнему живет одиноко и небогато. И тогда он ей сказал:

— Дуся, я пришел, чтобы поблагодарить вас, а у меня ничего нет. Ничего и никого на свете, кроме самого себя. Вот только это я и могу предложить в благодарность. Выходите, Дуся, за меня замуж!

Грубая продавщица Дуся сначала испугалась: она была старше Рафика и не выглядела ни на один год моложе. Но видя, что Рафик испытывает к ней самую глубокую благодарность и нежность, решила, что, может быть, этого и достаточно для счастья.

Живут они счастливо. Дуся давно не работает в магазине, потому что Рафик стал крупным хирургом и ему неудобно, чтобы жена стояла за прилавком и грызлась с покупателями. У них двое чудесных детей, и они очень любят друг друга. От грубости Дусиной и следа не осталось, это самая нежная жена и мать, какую я знаю.

Кончила рассказывать Неля и начала свою историю Эмма.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ,

рассказанная режиссером Эммой.

В этой истории дается разъяснение
евангельского выражения: "Нет большей жертвы,
если кто положит душу свою за други своя"

Это опять будет история из жизни нашей богемы, которую называют "второй культурой", поскольку она не связана с официальным искусством. КГБ не очень любит эту развеселую и непокорную публику, а порой и сажает кого-нибудь для острастки.

Так вот, небольшая группа неофициальных литераторов и художников затеяла выпускать юмористический журнал, а название ему дали совершенно в советском стиле. Бывают колхозы, фабрики "Красный Октябрь", "Красный пахарь", даже пивной завод "Красная Бавария". А эти шутники назвали свой журнал "Красный диссидент". И, конечно, в журнале этом КГБ изрядно доставалось. Они даже само название КГБ расшифровали в стиле своего журнала – "Красные гангстеры и бандиты". Читая номера этого журнала, мы покатывались со смеху. Но КГБ не смеялся, КГБ принимал меры. Очень скоро всю редколлегию журнала выследили и посадили. Следствие очень скоро выделило главных инициаторов этого сам-издата: это были два художника – Юлий и Олег и две поэтессы – Юлия и Наталья. Арестовали их, но вскоре женщин выпустили, чему те сами очень удивлялись. Но когда ребят-художников начали судить, все разъяснилось: вину за издание журнала они полностью взяли на себя. Но это бы ничего. Мы знали этих ребят, замечательные ребята. Оба талантливые до чертиков и оба ни черта не боялись. И вдруг на суде оба они начинают каяться и утверждать, что выпускали свой журнал с чисто... хулиганскими намерениями. Наталья и Юлия, сидевшие в зале, сгорали со стыда за своих друзей и все твердили: "Что это? Почему они так говорят? Зачем?" Ожидали, что ребятам дадут условный срок и отпустят их – за такое-то раскаяние, явно угодное КГБ. Но приговор они получили неожиданно суровый – семь и шесть лет лагерей строгого режима. А статью

им и в самом деле пришли хулиганскую: ну, раз они сами признают, что журнал был не политический, а хулиганский! И отсидели они оба свои сроки в уголовных лагерях, где им приходилось бороться за свою жизнь не только с начальством, но и с уголовниками.

А как все было, почему они так вели себя на следствии и на суде, нам потом рассказал адвокат одного из них: Оказывается, поначалу ребята держались независимо и гордо, как и следовало от них ожидать. Им угрожали, им предлагали свободу в обмен на признание, но они молчали. И тогда один старый следователь заявил своим коллегам: "Вы не с того конца беретесь. Надо учитывать психологию подсудимых. Страхом на них воздействовать бесполезно. Тут нужны другие методы, другой подход". И он объяснил, в чем эти методы заключаются. После этого ребят вызвали на допрос и заявили им примерно следующее: "Что же вы, рыцари, деятели искусства, втянули в такое дело женщин? Они обе уже простудились в сырых камерах. А вы подумали, как они лагерь выдержат?" Словом, начали будоражить совесть ребят в этом направлении. Те и в самом деле начали мучиться тем, что зря они взяли в редколлегию журнала женщин. И когда они уже извелись от этих мыслей, следователи предложили им такой вариант: если они каются и снимают с дела политический ореол, они получают тот же самый срок, поблажки им никакой не будет и даже хуже: пойдут они не в политический лагерь, а к уголовникам. Но зато женщин КГБ немедленно выпускает на волю. И художники дрогнули. Им дали очную ставку, они посоветовались и решили пожертвовать своей честью для спасения подруг. Если бы им предложили свободу или смягчение срока — о, это не те были ребята! Они бы никогда мизинчиком не поступились. А тут — дрогнули. И на первых порах КГБ показал, что он готов выполнить договор: как только художники написали свои первые показания в нужном КГБ стиле — женщин немедленно выпустили из тюрьмы. Ребятам показали постановление об освобождении их из-под стражи. Потом, когда они стали давать на себя показания дальше, им показали и постановление о прекращении дела против женщин. Они поверили и сделали

все по уговору. Но они забыли, с кем имеют дело! Уже после суда одну из подруг все же потихоньку от художников посадили, правда, по другому делу – нашли у нее крамольные стихи, а вторую посадили бы позже, но она как раз родила ребенка. А на такой скандал КГБ все же не пошел, чтобы сажать мать грудного ребенка.

Сидеть художникам было трудно. Им мало кто писал, мало кто помогал. Все осуждали их "недостойное поведение". И только когда узнали правду, злые языки замолкли.

Знаете, а я тогда поняла одно евангельское выражение: "Нет большей жертвы, как если кто положит душу свою за други своя". Я всегда думала, что речь идет о тех, кто отдает жизнь за друзей, и удивлялась: "Чего же тут особенного? Разве в мире нет вещей более страшных, чем смерть?" А после процесса Олега и Юлия я это выражение понимаю совсем иначе: они ведь честью поступились, самой душой и ушли на шесть и семь лет в лагеря не гордыми диссидентами, а оплеванными хулиганами. И даже их подруги поначалу ничего не поняли и, выйдя на свободу, не знали, кто и какую цену заплатил за это.

Галя удивленно слушала Эмму, а когда та закончила свой рассказ, воскликнула:

– Так вот как все это было на самом деле! Об этой истории ходили самые разные слухи. Я никак не могла понять, почему столько хорошего говорят об этих художниках, если они на следствии и суде вели себя так позорно? А что с ними теперь?

– Все уже освободились. Юлий и Наталья поженились, другая поэтесса была вытурена на Запад, а Олег женился на славной женщине с девочкой. Кажется, они все до сих пор большие друзья. А та, что уехала на Запад, говорит, пишет о своих друзьях книгу, хочет таким образом отблагодарить их за эту жертву.

Ну, а теперь давайте послушаем, что нам расскажет Иришка.

*Иришка торжествующе оглядела всех и сказала:
– А знаете, я сама однажды совершила великодушный поступок, честное слово! И очень им горжусь. Хотите расскажу?*

Конечно, всем захотелось послушать, какой такой великодушный поступок совершила Иришка.

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ,

**рассказанная секретаршей Иришкой,
представляющая собой историю подвига,
совершенного ею в условиях
продовольственного дефицита**

Иду я как-то по Невскому проспекту и вижу у Елисеевского магазина огромную очередь. Спрашиваю, что дают. Отвечают: "Бананы!" Я тут же занимаю очередь, стою и мечтаю о бананах. До этого я их ела два или три раза, и очень они мне понравились. Я вообще всегда мечтала о всяких экзотических фруктах. Прочту в книжках путешественников про какие-то манго или авокадо, и вот пытаюсь себе представить, каковы же они на вкус? Про бананы же я мечтала по-другому: вот бы не просто попробовать бананчик, а съесть за один раз три-четыре штуки, чтобы уже наестся до отвала! И тут вдруг такая удача – дают по килограмму! Ну, думаю, поздравь себя, Иришка, исполняется твоя мечта. Только бы не кончились, пока очередь подойдет.

Отстояла я два с половиной часа, и вот наступила счастливая минута: выхожу я из давки магазинной, а в руках у меня бумажный пакет, и в нем килограмм бананов! Хотела я один по дороге съесть, но решила донести до дома, неудобно как-то идти по улице и на глазах у всех прохожих лопать такую редкость – это же не мороженое!

Иду я уже по своей улице, а навстречу мне моя подружка Лиза. Идет расстроенная, злая, искры из глаз летят.

– Здравствуй, Лизавета! Откуда такая сердитая идешь?
Привет, Иришка! Да вот мои близнецы завтра из боль-

ницы выписываются после скарлатины, хотела я подстрелить им что-нибудь вкусенькое, но сегодня такая плохая охота, какой давно не было!

Надо вам сказать, что моя подружка Лиза приехала в Ленинград с Алтая, из Сибири. Там у нее остался отец, знаменитый охотник. Лиза приехала учиться, кончила институт и осталась работать в Ленинграде. И вот она всегда так говорила про наши продуктовые проблемы: "У вас все точно так же, как и у нас на Алтае. Если хочешь иметь дома мясо, берешь ружье и идешь в тайгу выслеживать зверя или птицу. Тут только одна разница, что вместо ружья берешь "авоську", а дальше уже все зависит от охотничьего форта, счастья то есть. Терпение тоже надо иметь таежное: там в засаде сидишь на глухаря, а здесь часами в очереди стоишь за курицей. И чутье надо иметь, чтобы в тот самый магазин заглянуть, где как раз мясо появилось или сосиски, ну совсем как в тайге, где идешь и вдруг чуешь, что надо бы вон в ту лошину наведаться!" И когда Лиза говорила о покупке продуктов, она всегда выражалась своим охотничьим языком. Звонит, например, и говорит: "Иришка! Тебе нужны свиные сосиски? Я подстрелила два кило, на себя и на тебя. Когда зайдешь за ними?" Лизино охотничье чутье здорово ей помогало, ни одна из моих подруг не умела так лихо "настрелять" продуктов, как она. Но тут у нее, видно, выпал невезучий день.

— Представляешь, два часа стояла в очереди за апельсинами — кончились перед самым носом. Иду в другой магазин — говорят, что яблоки час назад кончились — это пока я в очереди за апельсинами время теряла. А пока я по магазинам бегала, уже и рынок закрылся. Уж черт с ним, потратила бы впятеро больше патронов, но хоть взяла бы малышам хороших яблок или даже мандаринов.

"Патронами" Лиза называла деньги: "Иришка! У меня патроны кончились. Подкинешь до получки десяток?" И я даю ей деньги в долг до получки. У нас с ней очень удобно было с зарплатой: она получала первого и пятнадцатого, а я десятого и тридцатого. Вот мы друг дружку и выручали, когда до получки не дотягивали.

А близнецам Лизиным всего по шесть лет. Они все чего-

то болели, как в детский сад пошли. Хорошо еще, что болели всегда вместе, а то бы Лиза совсем с ними замучилась. Да и на работе на нее косо смотрели, когда дети болели. Муж у нее хороший, но чем он помочь может? Отцам ведь не дают больничных листков по уходу за детьми, только мамам. И вот смотрю я на Лизу и вижу, какая она измученная и расстроенная своими неудачами. И тут, девочки, поднялось в моей душе что-то героическое, порыв такой высокий: "А отдам ей эти бананы! Хлебом в блокаду и то делились, а тут, подумаешь, бананы! Жили без них и еще сто лет проживем". Хотела я сначала бананы поделить, а потом решила отдать весь килограмм: там всего-то семь штук было, пусть близнецы не просто попробуют эту редкость, а по-настоящему поедят. И спрашиваю я торжественно:

— Лизавета! Твои близнята когда-нибудь пробовали бананы?

— Нет еще. Только слышали, когда я им книжку про Маугли читала. Еще спрашивали меня, на что это похоже. А я, чтобы не очень облизывались, сказала, что на картошку с сахаром.

— Так вот тебе, Лиза, бананы для твоих малышек! Кило. Гони два рубля! — и протягиваю ей пакет.

Лиза пакет взяла, раскрыла и завизжала на всю улицу:

— Иришка! Это же сколько будет счастья и крику! Да они у меня мигом станут здоровыми, как зайчата, до потолка начнут прыгать. Подожди, а ты себе оставила?

— Чего там оставлять, килограмм всего давали в одни руки. Да я их и не очень-то люблю.

Вот это я зря лягнула, я потом долго жалела об этих словах; если бы не сказала, что не очень люблю бананы, то могла бы один попросить для себя. А так уже неудобно было. Но все равно на душе было очень приятно, когда я представила себе радость близнецов. И разошлись мы с Лизой по домам, очень довольные этой "охотой".

Ну, что? Скажете, что это не подвиг великодушия? Ведь я так люблю бананы!

Все женщины согласились, что Иришка безусловно совершила самый настоящий подвиг.

А Эмма сказала:

– Вот видишь, Галина, какая счастливая жизнь у наших женщин: что-то достанешь и три дня сияешь от радости. А ты все на советскую власть ворчишь. Ты думаешь, западные женщины знают, в чем смысл и радость жизни? Разве они понимают восторг девушки, купившей без очереди лифчик своего размера или радость домохозяйки, "подстрелившей" перед праздником килограмм копченой колбасы? Нет! Убогая у них жизнь, я думаю. Бессодержательная.

– Да, этих наших радостей они не знают! – засмеялась Галина. – Вот бы и нам от них избавиться.

А Наташа сказала задумчиво:

– Я вот часто думаю, а есть ли хоть один продукт или предмет, который бы никогда не был у нас дефицитным?

Лариса предложила:

– А давайте конкурс проведем: кто сумеет назвать товар, который никогда не пропал с прилавка и за которым не надо было гоняться? Я начинаю: спички!

– Пропадали! Прошлым летом фабрика была на ремонте, а из других городов завезти не догадались. По две коробки в одни руки давали.

– Чайники!

– Бросьте! За чайниками я сама в Москву ездила.

– Утюги!

– Пять лет назад не было даже чугунных, какими бабушки пользовались.

– Мыло!

– Не напоминай! Я своей свекрови несколько лет назад на Новый год поднесла вместе с тортом кусок хозяйственного мыла – вот было радости...

С хохотом женщины перечисляли товар за товаром, и всякий раз выяснялось, что и того, и этого в какое-то время не было в продаже. Были названы:

обои, прищепки для белья, бигуди, полотенца, кастрюли, чайные чашки, тарелки, стиральный порошок, детские пеленки, чулки, градусники и самые простые лекарства, детские рожки, шнурки для ботинок, зубная паста, постельное белье, ножи и вилки, авторучки, школьные тетради и учебники, спортивные костюмы, детские трусики и женское белье, гвозди, мастика для полов, веники и щетки для полов, школьные чернила и тушь, копирка и бумага для пишущих машинок, сигареты и водка, презервативы и заколки для волос, цветочные горшки, нитки и иголки и множество других вещей, которые автор не в состоянии здесь привести, потому что это составило бы дополнительный том "Женского Декамерона".

Конкурс выиграла Ольга. Она назвала соль, и женщины согласились, что с самой войны в Ленинграде соль не пропадала. Правда, Зина сделала замечание, что в провинции пропадает порой и соль.

— Вот видите, какие мы счастливые! — опять пошутила Эмма. — Дефицит у нас постоянный, но зато постоянно и наше дефицитное счастье. Купила случайно — радость, у спекулянтов взяла за тройную цену — довольна, а уж если по блату да по своей цене — так это прямо счастье!

Посмеялись женщины над Эмминым определением женского счастья. Потом стали думать, о чем же рассказывать завтра?

Давайте о счастливых женщинах!

— Ну, о счастливых Эмма уже все так хорошо рассказала, что и добавить нечего. А про женские беды и несчастья мы и половины не вспомнили.

— Если бы! Это тема неисчерпаемая...

— Лучше про счастливые находки и покупки! — предложила Иришка. — Я так люблю, когда у людей удача! Когда у меня — люблю еще больше.

— У меня предложение, — сказала Ольга. — Давайте завтра рассказывать кому что в голову взбре-

дет: и про счастливых и несчастливых, и про находки и потери — кто что хочет, тот то и расскажет. Завтра ведь у нас последний день, чего ж на него хомут надевать?

— О-кей! — воскликнула Альбина. — О-кей, о-кеюшки, объявляем сочинения на вольную тему!

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ, ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

**о счастливых и несчастливых женщинах,
о счастливых случаях и счастливых находках
и просто о счастье**

Утром на обходе главный врач родильного дома подтвердил, что карантин кончается и завтра все женщины с детьми будут выписаны домой. У всех было прекрасное настроение, женщины делились своими планами, обсуждали режим дня для своих младенцев. Очень волновалась, но тоже счастлива была Зина: она получила еще одно письмо от Игоря, где он писал, что уже снял в Луге комнату побольше, у симпатичной старушки, которая к тому же согласилась за небольшую плату приглядывать за ребенком. Немного хмурилась Альбина, но и она призналась женщинам, что надеется на лучшее.

— Может быть, нам удастся забыть все тяжелое, ребенок отвлечет нас с Федей? А то мы в собственных душах как в болоте тонем.

— Не валяй дурака, Альбина! — строго прикрикнула на нее Ольга. — А то ты как деревенская дурочка: "Обманула его: дать дала, а замуж не пошла". Сама мужика повязала и грехом, и ребенком, а теперь хочешь бросить. Эх ты, Мария Египетская!

— Это кто такая? Актриса что ли?

— Актири-са! Скажешь тоже... Это такая святая, бывшая проститутка. Ты извини, это мне так, к слову вспомнилось.

— Да я не обижаюсь. А что за святая?

— Я плохо помню, бабка в детстве про всех святых нам книгу читала, вот какие-то имена и остались в голове. Вон Галина знать должна, она же у нас верующая.

— Я ее историю знаю только в общих чертах. Надо будет спросить у нашего батюшки, когда его выпустят.

— Откуда выпустят? У нас что, и батюшка — диссидент?

— Даже не инакомыслящий. За проповеди взяли, которые он молодежи читал. Но, говорят, должны выпустить — шум большой.

– Ну, чем же все-таки знаменита эта Мария Египетская? – спросила Альбина.

– А тем, что она плыла в корабле с паломниками в Иерусалим, и все они с ней грешили. А когда прибыли на место и пошли поклоняться в храм Кресту Господню, то все мужики ее отталкивали от входа: "Таким тут не место!" У мужчин, как известно, свой взгляд на распутство: они остаются чистыми, а женщин, с которыми грешат, отряхивают, как грязь с одежды. И тогда Мария ушла в пустыню и там совершала такие подвиги, так постилась, что ни один пустынный не мог с ней сравниться.

– Очень феминистическая святая! – воскликнула Лариса. – Уважаю таких!

– Ну-ну, не кощунствуй, – улыбнулась Галина. – Лучше начинай рассказывать историю про счастье.

– Про счастье, говорите? По счастливому стечению обстоятельств я с детства знаю, что такое счастье, и даже вывела точную его формулу. Слушайте!

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

рассказанная биологом Ларисой
и представляющая собой, по мнению Ларисы,
точную формулу счастья

В детстве для меня самым несчастливым днем была суббота. В этот день мы с мамой ходили в баню. Всегда в одну и ту же, на углу проспекта Майорова и канала Грибоедова. Подходили и занимали очередь на улице. Потом эта очередь передвигалась во двор, а там медленно, медленнее, чем идут за гробом на похоронах, передвигалась по лестнице до третьего этажа, где было женское отделение. Потом мы входили в гардероб, сдавали свои пальто, получали номерок и занимали тот шкафчик, номер которого стоял на жестяном

кружочке, выданном в гардеробе. Занимало это от одного до трех часов.

Когда мы наконец начинали мыться, то сил уже не было ни у меня, ни у мамы. Мы даже почти не разговаривали друг с другом, до того уставали. Мама тщательно мыла мне голову, — у меня тогда были длинные косы, и мама очень берегла их, вшей кругом было полно, в той же бане можно было набраться любой пакости. Потом она мыла мне спину, а дальше я уже справлялась сама, и мама могла заниматься собой. Закончив мытье и сполоснувшись, я просто сидела рядом с мамой на каменной скамейке и плескалась в тазу с прохладной водой. И глазела, конечно, по сторонам. А иногда повторяла про себя уроки, заданные в школе на понедельник: чтобы меньше учить в воскресенье.

И вот однажды нам задали выучить к понедельнику стихотворение про наше счастливое детство. Что-то там такое про то, что если бы Ленин был жив, то

Он взял бы нас на колени,
С улыбкой бы нас спросил:
"Ну, как вам живется, дети?"
И наш прозвучал бы ответ:
"Мы всех счастливей на свете,
Так выполнен ваш завет".

Зубрю я про себя эти непритязательные стишки, а сама наблюдаю за нашей соседкой. Симпатичная молодая женщина, и вся разрисованная синей татуировкой. Много чего у нее на спине было: кораблик под парусом, змейка вокруг якоря и всякие разные надписи. А когда она повернулась ко мне, то я увидела у нее на правой груди портрет улыбающегося Ленина, а на левой — надпись. "Нет в ЖИЗНЕ счастья!" Очень мудрой показалась мне эта надпись, и портрет Ленина тоже понравился. Но не удержалась я, школьная отличница, и сказала ей:

— Тетенька! У вас на левой груди ошибка! Надо писать "в жизни", а не "в жизни".

Та засмеялась и отвечает:

— Какая разница? Хоть так пищи, хоть этак, а счастья-то все равно нет!

Тут мама меня тихонько шлепнула, чтобы я не приставала с разговорами к посторонним.

Учу я молча свой стишок, а сама все поглядываю на тетеньку разрисованную. Думаю, а нельзя ли и мне что-нибудь такое себе устроить? Уж очень мне понравился портрет "дедушки Ленина".

Но вот закончилось наше мучение и пошли мы одеваться. А когда оделись во все чистенькое, мама повела меня к буфету. Там продавали газированную воду. И наступал счастливый момент, вознаграждавший меня за все мучения. Сначала мама покупала себе и мне по стакану газировки без сиропа, а потом еще мне стакан с сиропом. И я имела право выбрать сироп: малиновый, вишневый или клубничный. И вот когда я подносила стакан к губам, а из него пахло ягодами и в лицо мне летели крошечные сладкие и свежие брызги. — это было счастье!

Я росла, училась, переживала в своей жизни разные события, хорошие и плохие, удачи и неудачи. Но когда мне удавалось преодолеть беду или выполнить какую-то важную, но мучительную работу, то я говорила себе: "Ну, теперь ты можешь выпить свой стакан без сиропа — то есть, отдохнуть". Ну, а если с сиропом — то это уже роскошь! И часто я при этом вспоминала ту тетеньку в бане и думала: "Интересно, что теперь, спустя столько лет, стало с физиономией Ленина, что осталось от его улыбки? И буквы, составлявшие сакраментальную фразу "Нет в жизни счастья", поди, тоже вытянулись. Но это только подчеркивает, должно быть, их печальный смысл.

И знаете, милые, в тот момент, когда мне поднесли только что рожденного мною ребенка, я явственно почувствовала на лице прохладные брызги и запах малины — символ счастья, обретенного в страданиях. Вот. А теперь пусть нам Зина расскажет, видела ли она счастливых в своих скитаниях?

Зина помолчала, потом улыбнулась каким-то своим мыслям.

— А знаете, бывают счастливые даже и в тюрьмах и в лагерях. Мы как-то целым баракком были

счастливы почти месяц. Каким-то чудом через забор и запретку к нам на зону забрался котенок. Мы притащили его в барак и забавлялись им. Такой был шустрый, хитрющий! Крикнешь ему: "Васька! Менты идут!" – он юрк на печку и там лежит, прижавшись к стене в самом дальнем углу. Потом его охранник пристрелил для забавы, когда кот ненароком на запретку зашел. И очень веселился: "Подстрелил зэка в побеге, надо с начальства отпуск стребовать!"

Как же, бывает и на зоне счастье. А бывает и в бродячей жизни, у бичей то есть. Я вот вам сейчас расскажу про старуху-бичиху, у которой все счастье было в ее старики, и как она за это свое счастье годами с государством сражается.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,

**рассказанная Бичихой Зиной,
похожая на историю Филемона и Бавкиды,
только в современном варианте**

Сняли меня как-то с поезда во Львове и отвезли в спецприемник. Из этого приемника людей уже распределяют кого куда: кого выпустят, кого сошлют, а кого засудят и засадят. Сижу я и жду своей участи. Вместе со мной всякий сброд беспачпортный, вроде меня: две цыганки, воровка, бичиха и старушка-Божий одуванчик, в чем душа держится. Молчит она весь день, сидит на коечке и молится. А всякий вечер просит мента, который дежурит:

– Пусти на дедушку поглядеть! Пусти, родимый!

Просит, плачет, пока мент не плюнет и не выведет из мужской камеры напротив старичка сгорбленного, седенького. Старушка глянет на него в щелочку и успокоится:

– Здесь еще мой дедушка, не увезли никуда сегодня. Даст Бог и завтра нас не разлучат. Вот и счастьеще, вот и хорошо.

С тем и спать ложится.

Мы этих старичков так и прозвали — Дедушка и Бабушка. Безвредные они были, тихие. Постепенно мы Бабушку разговорили, рассказала она нам ихнюю историю.

Жили они на окраине Москвы, в своей халупке. Пенсии у них не было, потому что они бывшие колхозники, а колхозникам пенсии тогда совсем не платили. Чем жили? Дедушка умел иконки рисовать, а Бабушка их на рынок носила и продавала потихоньку. Богатства не нажили, но кормились. И вот этот район стал застраиваться. Прочий люд переселили в новые квартиры, а за этих двух заступиться некому, так с ними так порешили: поскольку пенсии у них нет, то сдать их в старческий дом, а избушку разрушить. Квартиры им не давать, потому что нечем им за нее и платить. Так и сделали. И сдали их в разные дома для престарелых и инвалидов: его в мужской, а ее — в женский. Какое кому дело до того, что люди всю жизнь вместе прожили, срослись уже в одно, как два дерева, бывает, к старости срастаются?

Дедушка с горя заболел и слег, помирать собрался. А Бабушка духом покрепче оказалась. Насушила она с обедов сухариков, сложила их в казенную наволочку и как-то ночью удрала из дома престарелых: пошла Дедушку своего разыскивать. Где побирается, где зайцем проедет, но обшарила все Подмоскovie и Дедушку нашла. Пришла к нему, будто в гости. Родственников-то в эти дома кое-как пускают по выходным. Пришла и говорит: "Пойдем отсюда, Дедушка. А то помрешь ты без меня". И увела своего ненаглядного. Пошли они вдвоем бродяжить, бичевать. У церкви побираются, ночуют где придется. Набрали немного денег и сняли в какой-то полузаброшенной деревне избенку. Дедушка опять иконы принялся рисовать, опять они домом зажили. Но тут их милиция и накрыла: паспорта-то у них в домах престарелых остались! Вернули их на старые места: его в один, ее в другой дом. Через пару месяцев, переждав зиму — их зимой взяли, Бабушка снова тем же манером из своего дома выбирается, едет за Дедушкой, и все у них сначала начинается: просят Христа ради, потом ищут себе пристанище, чтобы вдвоем как-то век дожить. А милиция их ищет. Скоро эта пара стала знаменитой по всем железнодорожным милицейским постам:

ловили их, как преступников каких, и снова упрятавали в старческие дома. Только теперь уже не в те, где они раньше были, а подальше друг от друга. Но они как-то сговорились давать знать один другому о себе. И всегда Бабушка первая выбиралась, а потом уже и Дедушку выручала. "Вот и счастье-це, вот и хорошо".

– *Какой кошмар! Неужели и сейчас бывает такая откровенная и безысходная нищета?* – воскликнула Неля.

– *Откровенная – это еще ничего, – ответила ей Наташа. – По-моему, страшнее всего та нищета, которая сама себя стыдит. Мне как-то пришлось встретить в кафе очень приличную старушку, которая украдкой доела гарнир с отставленных тарелок. Я ее спросила, почему она это делает, а та ответила: "Пенсии не хватает, голубушка. Пенсия-то у меня по старости, двадцать рублей. Ни прожить на них, ни умереть". Я ей тогда еще посоветовала идти в дом престарелых, а она только усмехнулась мне в ответ. Ох, как мне теперь стыдно за эти мои слова, после рассказа Зины! Ну да ладно, давайте я вам что-нибудь повеселее расскажу про счастье.*

И все приготовились слушать Наташу.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ,

рассказанная инженером Наташей

о том, как она узнала, что умеет бегать по облакам,
а также о встрече со своей первой любовью
(См. соответствующую главу. – Автор.)

Как-то выпал мне тяжелый день. На работе коллеги завели какую-то гнусную интригу против одного сотрудника, и мне было противно ходить на службу. Муж ворчал, что я не умею вести хозяйство – а я и вправду хозяй-

ка не ахти, — и потому мы все никак, мол, на кооператив не накопим. А с чего копить, когда у нас на двоих выходило двести шестьдесят рублей в месяц? Только-только до полочки дожить. И так у меня было паршиво на душе, что, не сказав о том мужу, взяла я как-то на работе день отпуска и поехала на Кировские острова, чтобы хоть на зелень взглянуть и на воду, на голубое и зеленое. Это мне всегда помогало. День был ни то, ни се, под стать моему настроению. То набегали облака и даже моросил дождь, то в просвете появлялось солнце, и тогда все искрилось каплями и веселило сердце.

Забралась я в тихий уголок парка на берегу залива, туда, где почти никто не гуляет по причине отсутствия аттракционов и буфетов. А мне того и надо было, чтобы побыть одной. Нашла я какое-то сухое бревно на берегу, уселась на него и смотрю на залив, на острова, на тростники, которыми зарос берег. И вместо злости приходит ко мне печаль, а тоска и раздражение сменяются грустным спокойствием.

Сию я в своей задумчивости на бревнышке, и вдруг мимо меня проходит высокий мужчина в синей форме гражданского летчика. Проходя, он внимательно посмотрел на меня — я это почувствовала не поднимая глаз, и пошел дальше. "Слава Богу, — подумалось мне. — А то бы еще пристал с ухаживаниями, а мне сейчас совершенно не до этого". Только я так подумала, как вдруг он круто поворачивается и идет прямо ко мне самым решительным шагом. Я заранее хмурюсь, делаю неприветливое лицо и подбираю слова, которыми его сейчас отбрею. А он останавливается передо мной и говорит:

— Здравствуй, Наташа! Я почему-то был уверен, что встречу тебя когда-нибудь, и даже сегодня об этом думал. Не узнаешь меня?

Я поднимаю голову, вглядываюсь в лицо летчика и вдруг вижу черты давным-давно позабытого мальчишки, проступающие сквозь взрослость:

— Амиран, это ты?!

— Ну конечно!

Мы пожали друг другу руки, я пригласила его присесть рядом.

— Рассказывай, как ты живешь?

— Хорошо живу, летаю. Женился и уже двух сыновей имею. Хочу третьего. Жена красавица. Хочешь взглянуть?

— Конечно!

Показал он мне фотографию с красавицей-грузинкой и двумя прелестными карапузами.

— Ну, а ты?

— Замужем. Детей пока нет, но будут. Муж тоже красавец, но его фотографий я с собой не ношу. А как же ты узнал меня, Амиран? Неужели я так мало изменилась?

— Знаешь, когда я тебя вижу во время полета, то часто стараюсь представить себе, как ты могла измениться за эти годы? Я все боялся, что ты растолстеешь, и я тебя такой увижу, и тогда ты уже не сможешь бегать по облакам. Но ты не растолстела, спасибо тебе.

— Как это ты меня видишь во время полета, почему я по каким-то облакам бегаю?

Удивилась я, а сама думаю: "Не дай Бог, если он сейчас признаваться в любви начнет!"

А он улыбнулся и говорит:

— Знаешь, когда летишь в небе, то часто всю свою жизнь вспоминаешь, все хорошее, что в ней было, все, что любишь. Очень к этим мыслям небо располагает. Когда я лечу сквозь зарю, то почти всегда вижу свою Натэлу, как она сыновей укладывает спать, песенку им поет. Жену я каждый день вижу. А иногда вижу тех, кого любил. И тебя вот тоже, мою первую любовь.

— И как же ты меня видишь?

— А очень просто: бегают по облакам веселая озорница, рукой мне помашет, а то прыгнет с крутого облака и плывет в синеве. К самому стеклу подлетит и рожицы корчит, дразнится. Помнишь, как ты дразнилась, когда забиралась на кипарис выше меня? А когда неподалеку грозовое облако, то я вижу/тебя такой, какой ты была в первый день: барахтающейся в волнах. Помнишь, как мне пришлось спасать тебя!

— Конечно, помню! Еще как ты видишь меня?

— Иногда я видел твое лицо сквозь туман, уже взрослое лицо. Только оно всегда было плохо различимо — я ведь еще

не знал, изменилась ли ты, став взрослой, или не очень? Вот теперь тебя буду видеть и такую, какая ты сейчас.

— Как интересно, Амиран! Ты и в юности был романтик, а теперь вовсе в поэта превратился.

— Что ты! Какой поэт? Это же только в небе.

— И много нас там у тебя в облаках живет?

— У-у! Целый гарем. На земле я люблю одну мою Натэлу, а в небе со мной все, кого я любил, кто меня любил. И даже просто красивые девушки, которые когда-то прошли мимо меня по улице и запомнились. Но тебя я чаще других вижу: уж очень идет той девчонке по облакам бегать! Ты себя, наверно, такой уже и не помнишь, а я почти в каждом полете тебя вижу.

Я глядела на Амирана во все глаза и удивлялась тому, что я существую еще где-то в другом мире, неведомом для себя самой.

— А та обида, которую я нанесла тебе в юности? Ты это тоже видишь?

— Ну что ты, Наташа! Какие в небе могут быть обиды?

— А если так, то не хочешь ли пойти к нам домой, познакомиться с моим мужем?

— Нет, Наташа, не хочу. Давай здесь сейчас и расстанемся. Я уже знаю, что в первом же полете увижу тебя. И догадываюсь, как: на каком-то одиноком облаке будет сидеть грустная взрослая Наташа, а потом увидит меня, улыбнется и помашет мне рукой, и поплывет дальше.

И мы расстались, и больше уже, наверное, не встретимся. Но вот что самое странное в этой истории. Домой я ехала уже совсем счастливой. И после, когда мне становится грустно, или когда одолевают разные мелочные заботы, или кто обидит, я вдруг вспоминаю эту встречу и думаю про себя: "Можете говорить мне гадости, можете обижать меня, но вы не знаете, что может быть, именно сейчас я бегу по облакам, а кто-то следит за мной влюбленными глазами и ждет, что я помашу ему рукой". И тогда я мысленно машу рукой Амирану, и чувствую себя очень счастливой и недоступной для мелочных огорчений.

Вот какое счастье подарил мне тот забытый грузинский мальчик из моей юности.

Я это очень хорошо понимаю, Наташа! — сказала Валентина. — Тебе такое счастье подарили, а я вот сама этому научилась. Рассказать?

— Конечно! — закричала Иришка. — Мы тоже хотим научиться всегда быть счастливыми!

— Ну, тебе-то грех жаловаться, из тебя счастье так и брызжет! — усмехнулась Эмма. — Ты для нас, неустроенных, рассказывай.

И Валентина начала свой рассказ о счастье.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ,

рассказанная Номенклатурщицей Валентиной
и представляющая собой
хорошо проверенный рецепт счастья

Был и у меня период, когда я чувствовала себя настолько несчастной, что хоть вешайся. Это было вскоре после отъезда Андриюши за границу, после нашей с ним единственной ночи. Я твердо знала, что он больше никогда к нам не приедет, что ночь эта не повторится и что я сама того не хочу — но мне было очень тоскливо. И вот иду я как-то по Невскому проспекту, а там есть овощной магазин в полуподвальчике. Смотрю, оттуда по ступенькам поднимается женщина необыкновенной красоты, ну просто копия Рафаэлевской Мадонны! Я даже шаг замедлила, любясь ее лицом. Сначала-то я только лицо и видела. Но вот она поднялась на последнюю ступеньку, шагнула на тротуар, и тут я увидела, что она ростом едва ли мне по пояс, а сзади у нее горб. Я поскорей глаза опустила — и мимо! А самой так стыдно стало... Эх ты, Валухоа, говорю я себе, руки-ноги у тебя целы, лицом ты вполне ничего, а уж про здоровье и говорить нечего: так как же ты смеешь называть себя несчастной? Опомнись! Вот оно, настоящее-то несчастье, мимо тебя мелким шагом проковыляло...

Не могла я забыть эту горбунью с лицом Мадонны, наверно и не забуду. И как только является у меня желание похны-

кать на жизнь, почувствовать себя несчастной — я и вспоминаю ее.

Так вот я научилась не быть несчастной. А быть счастливой меня одна старушка научила. Вскоре после того случая я опять захандрила слегка, но, уже умея с этим бороться, пошла в Летний сад утрясать свою взбаламученную душу. А чтобы не сидеть без дела, взяла с собой незаконченное вышивание, парадную скатерть. Платье надела самое простенькое, а волосы заплела в косу и не стала делать никакой прически: не на бал ведь, а на душевную стирку собралась идти.

Прихожу в Летний сад, нахожу свободную скамеечку, сажусь и начинаю свою работу. Вышиваю, а сама себя успокаиваю: "Опомнись, успокойся! Ты же знаешь, что ты не несчастна". Немного я поуспокоилась за работой и с этими мыслями и собралась идти домой. Тут со скамейки напротив поднимается старушка, подходит ко мне и говорит:

— Если вы не торопитесь, то позвольте мне присесть рядом и кое-что вам сказать.

— Конечно, пожалуйста!

Садится она рядом, смотрит на меня с улыбкой и говорит:

— Знаете, я целый час за вами наблюдала, и это был очень хороший для меня час. Такое редко теперь увидишь.

— Что же тут особенного?

— Все! В центре современного Ленинграда вдруг увидеть молодую красивую женщину с темно-русой косой, в скромном белом платьице из холстинки да еще с вышиванием в руках! Вы даже представить себе не можете, какая это чудесная картина со стороны! Это я кладу в свою счастливую корзинку.

— А что это за "счастливая корзинка"?

— О, это большой секрет! Но вам я его открою. Вы хотите быть счастливой?

— Да, конечно! Все хотят.

— Все хотят, да не все умеют. А вас я научу. В награду за то, что вы мне дали. Счастье, деточка, это вовсе не удача, везение, и даже не любовь, как вы сейчас наверняка по молодости думаете. Счастье — это счастливые мгновения, когда спокойное сердце кому-то или чему-то улыбается. Вот я сидела

на скамеечке, видела красивую девушку напротив, прилежно что-то вышивающую, и мое сердце вам улыбалось. Я отметила это мгновение, чтобы потом прожить его снова и снова, спрятала его в "счастливую корзинку". Теперь, если мне станет грустно, я открою свою корзинку и начну перебирать свои сокровища. Среди них будет мгновение, которое я назову "Девушка в белом вышивает в Летнем саду". Я прикоснусь к нему, и мгновение тотчас расцветет, и я увижу на фоне темной летней зелени и бело-мраморных статуй девушку с вышиванием на коленях. Я вспомню, что на ваше платье падали солнечные зайчики сквозь листву липы, что коса ваша перекинулась через спинку скамьи и почти касалась кончиком земли, что босоножки вам немного жали, а потому вы их сбросили и сидели босиком, чуть-чуть ежась ногами от прохлады земли. Может быть, что-то еще вспомнится, какая-то подробность, которую я сейчас еще не вижу.

— Как это замечательно! — воскликнула я. — Корзинка со счастливыми мгновениями! И вы всю жизнь их копите?

— С тех пор, как меня научил этому один мудрый человек. Да вы его знаете, читали! Это Александр Грин. Мне-то он сказал лично, мы когда-то дружили. А вы можете найти эту же мысль во многих его рассказах. И вы поймете, что мудрый и щедрый сердцем человек способен забыть и простить жизни все дурное, сохранив в памяти только хорошее. Но для этого надо тренировать память сердца: вот я и придумала себе "мысленную корзинку счастливых мгновений".

Я поблагодарила старушку и пошла домой. А по дороге начала вспоминать счастливые минуты с самого раннего детства, и когда я пришла домой, в моей "корзинке счастья" уже лежали первые сокровища.

— Ах, как я тебя понимаю! — воскликнула Иришка. — Мы с Сережей часто вспоминаем одну знакомую лягушку. Она жила в пруду Таврического сада, и мы были уверены, что она нас полюбила, и поэтому мы каждый раз ее видим. Наверняка это были разные лягушки, но нам казалось, что одна. Мы все уговаривали ее признаться, что она Царевна-

лягушка из сказки, и показать нам свою маленькую корону.

— У каждого есть такие воспоминания, это верно, — сказала Эмма. — Только мы их не ценим, а все ищем какого-то увесистого, громоздкого счастья. А оно, возможно, только в счастливых мгновениях и заключается. Ну, а что нам расскажет о счастье Альбина?

— Ну, я расскажу историю земного счастья, хотя я с ним столкнулась как раз в небе.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ,

рассказанная стюардессой Альбиной.

В ней говорится о том,

почему один английский дипломат

выбрал себе русскую жену

Летела я как-то рейсом на Лондон. Народу в самолете немного: несколько иностранцев, пара наших посольских работников и труппа драматического театра, летевшая на гастроли в Англию. И летел с нами один английский дипломат, молодой и представительный симпатяга с беременной женой, русской. Конечно, не все беременные женщины красавицы, но эта, рядом с ним, таким сереньким воробушком выглядела, что мы с моей напарницей обменялись, как говорится, впечатлениями: "Повезло же страховоднице!"

Через час после взлета у этой молодой дипломатши начались схватки. Перевели мы ее в наш отсек, уложили на диван, а что дальше делать? Инструкция в таких случаях велит искать врача среди пассажиров. Ну, на всякий случай объявили мы по рации, хотя и сами знали, что навряд ли среди такого состава найдется врач. Так и вышло, врача не оказалось. Лежит дипломатша, стонет и все спрашивает у нас: "Мы советскую границу скоро перелетим? Я не хочу рожать над этой землей!" Мы ее успокаиваем: "Скоро, скоро!" А сами знаем,

что до высадки в Лондоне все равно все пассажиры находятся на советской территории — самолет-то аэрофлотовский!

Молодой муж сидит рядом, держит ее за руку и успокаивает то по-русски, то по-английски, то Катенькой, то Кэт называет. Она ему тоже жалуется, переходя с языка на язык. Вижу я, что она и вправду может разродиться у нас в самолете, а кто ребенка принимать будет? Надо как-то ее успокоить, а снотворное я боюсь ей дать — в инструкции ничего об этом не сказано, а сама я в этом не разбираюсь. И тогда приходит мне в голову гениальная мысль, как ее успокоить, вывести из истерики и роды задержать. Только без согласия мужа этого сделать нельзя. Вызываю я его на минутку из нашего отсека и в тамбуре объясняю ему:

— Жена ваша нервничает. Если так дальше пойдет, то до Лондона она не дотянет, родит. А принимать роды некому. Но с нами летят актеры. Давайте я попрошу какую-нибудь пожилую актрису изобразить врача, успокоить вашу жену? Может быть, она тогда уснет, и мы доставим ее благополучно в Лондон. А туда уже сообщили по радио, там нас врач встречать будет.

Дэвид, так звали мужа, со страху на все соглашается. Отправила я его назад к его Катеньке, а сама пошла в салон к актерам. Поговорила я с женщинами-актрисами, и одна из них согласилась.

— Ладно. Сыграю экспромтом роль в незапланированном спектакле!

И пошла со мной в наш отсек. Уже по дороге она вошла в роль так, что даже голос у нее изменился, когда она к этой Катеньке обратилась:

— Ну-с, дорогая моя? Что же ты так спешишь? Давай-ка я тебя посмотрю.

Присела она рядом с Катенькой, ощупала ей живот, а потом оборачивается к нам и говорит:

— Попрошу на две минуты нас оставить!

Тон прямо приказной, мы с Дэвидом и напарницей моей сразу подчиняемся и выходим.

Возвращаемся, когда она нам разрешила. Она с важным видом заявляет:

— Паника напрасная. Родит еще нескоро. Но на всякий случай приготовьте мне побольше горячей воды, чистые полотенца, спирт, ножницы. Покажите мне вашу аптечку!

Осмотрела она с важным видом нашу аптечку и говорит:

— Ну, все в порядке. В крайнем случае может наша торопыга и здесь рожать! А вообще-то тебе, дорогая, сейчас надо уснуть. Отдохни, тебе еще придется потрудиться.

И так у нее все натурально выходит, что не только Катенька успокоилась, но и Дэвид, который знал, что перед нами никакой не врач. Уснула будущая мама, а мы все вокруг сидим и переживаем.

Что же вы думаете? Доставили мы благополучно Катеньку в Лондон, а там ее уже машина ждала. Дэвид не успел даже поблагодарить нас за заботы, так волновался. Я сама поблагодарила актрису и пожелала ей:

— Пусть ваши гастроли так же здорово пройдут, как они начались! Жаль, что никто не видел, кроме нас, как вы потрясающе сыграли эту роль! А что бы вы делали, если бы роды все-таки начались?

— Милочка, я так вошла в роль, что, наверное, и роды бы приняла. Сама-то рожала как-никак!

Расстались мы, и я никак не думала, что еще раз увижу кого-нибудь из бывших в том полете. Но через год летит опять в нашем самолете Дэвид. Я его сразу узнала, но не призналась: на этот счет у нас тоже инструкция: "Держите высоко звание советского гражданина, избегайте завязывать знакомства с иностранными пассажирами!" Дэвид сам меня остановил, когда я провозила мимо тележку с напитками:

— Здравствуйте! Это вы летели с нами, когда моя жена вздумала рожать в самолете. Я тогда не успел поблагодарить вас. Спасибо вам большое от меня, от Катеньки и от маленького Дэвида!

Я отвечаю опять же по инструкции:

— Я только исполнила свой долг.

И, выдав ему улыбку на все тридцать два зуба, с достоинством советского гражданина удаляюсь. А сама рада, конечно. Доброе слово и кошке приятно!

А когда я разносила завтрак, Дэвид вдруг протягивает мне большой красивый пакет и говорит:

— Здесь джинсовый костюм. Я вез его для Катинной сестры, а у нее фигура вроде вашей. Я думаю, он вам подойдет, и Катенька будет довольна, что я вас встретил и передал вам подарок.

Проклятая наша инструкция строжайше запрещает брать подарки от иностранцев, пришлось мне и от костюма отказаться. Я бы взяла, конечно, но кто знает, кто с тобой рядом летает? Увидят, донесут — я тут же со сверхзвуковой скоростью с работы вылетчу.

Но Дэвид и сам знал наши порядки. Когда я пришла забрать посуду, он незаметно сунул мне в руку записку: "В Ленинграде позвоните сегодня же вечером по этому телефону". И номер телефона. Ну, это другой разговор!

Вечером я позвонила, и мы встретились с Дэвидом в кафе. Привез он мне джинсовый костюмчик. Посидели мы с ним, и он рассказал мне, как он встретил свою Катеньку.

"Когда я поехал работать в Советский Союз, у меня в Лондоне осталась невеста, дочь одного важного человека из дипломатических кругов. Мне казалось, что мы любим друг друга настолько, насколько нужно для заключения счастливого брака. Невеста поставила условием, чтобы я после работы в СССР добился назначения в европейскую страну, и тогда она выйдет за меня замуж. Я считал ее требование справедливым и подчинился ему.

Однажды я приехал по делам из Москвы в Ленинград и один коллега из американского консульства познакомил меня с ленинградскими молодыми художниками-нонконформистами. Среди них была и Катенька. У нас с ней завязался как-то интересный разговор о путях современного искусства, и я предложил его продолжить. Катенька не боялась пригласить меня на ужин к себе домой.

И вот я пришел к ней домой. Жили они с матерью и братом по советским стандартам совсем неплохо: у них была отдельная квартира. Гостеприимная мать Катеньки наготовила в этот день пельменей. О, это было сказочно вкусно! Когда мы все сидели за столом, вдруг из соседней комнаты

донесся чей-то слабый голос: "Кушать хочу! Опять про меня забыли!" Катенька сорвалась из-за стола и побежала в ту комнату. А ее мама сказала: "Это Катина бабушка, моя мать. Она уже пять лет не встает с постели. Совсем стала капризная, позволяет за собой ухаживать только Катеньке. Бедная девочка совсем иногда с ног сбивается: институт, работа, живопись да еще больная капризная бабушка".

Через несколько минут Катенька, спокойная и улыбающаяся, вернулась к столу: "Бабушка услышала запах пельменей, и ей еще захотелось. Я кормила ее до всех. Теперь уснула".

Я спросил: "И что вы, Катенька, все пять лет смотрите за бабушкой?" Катенька отвечает мне чуть грустно: "Я у нее была любимая внучка. Она уже всех забыла и не узнает даже маму, дочь свою, а меня помнит". И мне рассказали, что каждый день Катенька и ее брат выносят бабушку в кресле на улицу — так она гуляет. Колясок таких нет, чтобы входили в их лифт, а поменять квартиру на нижний этаж не удается. Я спросил, а не лучше ли ей было бы в старческом доме, где есть все условия для таких стариков? Тут на меня накинулась вся семья: "Да как это можно отдать бабушку в старческий дом, когда мы все живы-здоровы! Да что о нас люди подумают! Она заслужила право умереть в своей постели". А Катенька смотрела на меня расширенными от ужаса глазами: "Неужели вы, Дэвид, могли бы расстаться с бабушкой, которая вас вырастила?"

И тут я вспомнил, что у моей невесты не бабушка, а родная мать уже несколько лет находится в старческом доме. Считается, что там ей лучше и удобнее. И почему-то я подумал о том, что если вдруг моя судьба переломится, я стану инвалидом, то моя невеста так же легко от меня избавится, как она избавилась от своей матери, когда ту разбил паралич. Мне кажется, я в этот вечер уже решил в душе, что женюсь на Катеньке. Но случилось это через несколько лет, когда уже и бабушка умерла. Пришлось пойти на скандал с моей невестой и ее родителями, много было хлопот с разрешением на брак. На Катеньку так нажимал КГБ, заставляя ее отказаться от брака со мной, что этим только укрепил

ли ее в желании покинуть страну. Глупо ведь, когда власти решают, кому на ком жениться и как кому жить. Она даже не хотела, чтобы ребенок родился здесь, боялась, что в будущем это ему может повредить. Вот так я получил жену, с которой могу спокойно встретить и болезнь, и старость”.

Вот, дорогие, как повезло этой Катеньке! И подумать, что таких женщин полна Россия, а Дэвид этого не знал! Сколько я знаю семей, где больные старики живут в одной комнате со всей семьей и никто не собирается от них избавиться.

— Странно, что этот Дэвид так рассуждал, — заметила Галина. — Вообще-то у них на Западе старческие дома — это совсем не то, что у нас. Там, говорят, старики в этих домах имеют по отдельной комнате, и им даже дают карманные деньги на мелкие расходы.

— Ну, это ты заливаешь, Галина! — засмеялась Ольга. — Такого не может быть, чтобы старикам по отдельной комнате выделяли. А карманные деньги — это уж и вовсе чепуха на постном масле. Если государство их содержит, то какие могут быть еще карманные деньги? Это все буржуазная пропаганда.

— Да нет, может где-то так и есть, — проговорила Лариса. — Только казенный дом — все равно не родной дом. Даже если у них там и отдельные комнаты и вообще все условия, все равно тяжело — без родных, без внуков. Вон, для старых актеров у нас прекрасный старческий дом, но я надеюсь, что мой мальчик меня туда никогда не спихнет! Я по глазам вижу, что он на такое не способен!

— Рано ты у него в глазах читать научилась! — засмеялись женщины.

Но все согласились, что провести последние дни вне родного дома — это действительно ужасно.

Тут начала рассказывать свою историю Галина.

— В прошлый раз я вам рассказывала, как двое

ребят-художников пожертвовали своим достоинством для спасения друзей. А сегодня я вам расскажу, как "счастливое платье" заставило одну невероятную трусиху держаться в таких же обстоятельствах с невероятным мужеством.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ,

**рассказанная диссиденткой Галиной,
которую она сама назвала
"Историей о счастливом платье"**

Была у меня подружка Марина, отличная машинистка и невероятная трусиха. Ее родителей посадили в 49-м году и они погибли в лагерях, поэтому она считала своим долгом что-то делать для демократического движения. Но когда ей приносили для перепечатки "самиздат", она всегда предупреждала: "Ради Бога, не говорите мне, откуда и куда это идет! Я такая слабая, что боюсь не выдержать допросов. И никаких имен мне не называйте! Тех, кого я знаю, я не выдам, потому что люблю их, а если меня начнут расспрашивать о незнакомых и угрожать — я не выдержу". Ужасно боялась она стукачей, подслушивающих аппаратов и всего, что исходит от КГБ. Но работу сама просила: "Я должна что-то делать. Только мне важно не знать ничего лишнего". Сложно с ней было. Кое-кто ее успокаивал: "Зачем им тебя брать? Если всех машинисток арестовывать, что "самиздат" печатают, то тюрьмы лопнут!", а кое-кто старался избегать иметь с Мариной дело: "Раз сама предупреждает, значит знает свои слабости: не выдержит в случае допроса".

Жила Марина бедно и все мечтала сшить себе черное бархатное платье с черными же вологодскими кружевами. Это платье было ее идефикс, она деньги на него несколько лет выкраивала. И вот купила она и бархат, и вологодские кружева, страшно дорогие, и отдала платье в ателье. Хотела появиться в нем на новогоднем вечере. Надо добавить, что среди наших друзей у нее была тайная любовь: вот она и мечтала

предстать перед ним в этом невероятном платье-мечте. Но не удалось Марине прийти на наш новогодний вечер в своем сказочном платье: перед самым Новым годом ее арестовали.

И вот идет следствие, тянется месяц за месяцем. Поначалу, узнав об аресте Марины, мы все вспомнили ее слова и решили, что начнет она давать показания, и пойдут аресты один за другим. Но время идет, а никого по ее делу не вызывают даже на допросы. И это даже плохо, потому что невозможно составить себе представление о том, как идет следствие. У Марины был старший брат, ему только дали возможность взять адвоката для нее и сообщили, когда будет суд. Конечно, на суд мы все пришли. Кому повезло, тот попал в зал, а остальные толпились в коридорах и на лестнице. Судили ее в городском суде.

И вот сидим мы в зале, ждем. Вдруг открывается дверь и два конвоира с винтовками в руках вводят нашу Марину. Весь зал ахнул: она была в своем роскошном вечернем бархатном платье! Бледенькая, конечно, после нескольких месяцев в запертой камере, но красивая, как в сказке: уж как она ухитрилась это сделать в камере, но прическа была у нее самая что ни на есть вечерняя, в стиле "ампир", и копна белокурых волос перехвачена бархатной ленточкой. Такая же ленточка на открытой шее и на ней — крестик. Это был первый знак того, что Марина держится крепко: право носить крестик в тюрьме нелегко отстоять.

И вот идет судебный процесс, и мы видим, что никаких показаний ни на кого Марина не дала. Свидетелями выступили только две ее соседки по квартире, которых КГБ заставил дать показания, что они видели, как к Марине приходили люди, приносили и уносили какие-то бумаги. Сама Марина не отрицала, что печатала "самиздат": "Я считаю, что в этом нет ничего плохого. Чтобы составить себе представление о правде, люди должны знать всю правду. Но раз людей преследуют за это, зачем же я стану помогать преследователям?" Это было все, что она сказала суду. Все остальное время процесса она почти не смотрела на судей, сидела на скамье подсудимых вполоборота к ним и спокойно смотрела в зал, на друзей, иногда нам улыбаясь. Вид у нее был такой, будто она

только что танцевала вальс за вальсом и вот утомилась и отдыхает, "присев посреди бала на скамью подсудимых", как пошутил кто-то. Между прочим, тот, кого она тайно любила, глаз с нее не сводил.

Дали Марине немного, всего три года лагерей общего режима по статье "за распространение клеветы на советский строй". Когда стал известен адрес ее лагеря, я написала ей письмо и спросила, откуда у нее взялись силы, у "трусихито"? А Мариночка мне отвечает: "Галка! Ну, можно ли было в таком платье ронять свое достоинство! И вообще вести себя неподобающим образом? Мне было так обидно, когда меня пришли арестовывать: я как раз в тот день получила платье из ателье и не могла нарадоваться на него. Я все представляла себе, как буду в нем встречать Новый год в одной компании с Н. И вдруг являются они, за мной, и я поняла, что новогоднего вечера у меня не будет. И тогда с отчаяния я взяла и надела свое платье-мечту и в нем пошла в тюрьму. И в Новый год я мысленно была с Н. Все дело только в этом платье, а так я ведь и трусиха, и слабый человек, — ты же знаешь".

Я взяла и показала письмо Н. Он немедленно помчался в лагерь добиваться свидания с Мариной. В общем, все у них хорошо, и Марина очень счастлива. А во всем виновато "счастливое платье"!

Когда Галина закончила свой рассказ, женщины наперебой начали рассказывать о своих "счастливых" и "несчастливых" платьях. Выяснилось, что такие вещи, как покупка платья или шляпки, могут изменить не только настроение, но и судьбу женщины! Эмма, например, поведала один свой секрет:

— Когда я была совсем молоденькой студенткой театрального института, у меня была мечта купить себе красивую зеленую шляпу к моим рыжим волосам. И с тех пор, когда мне очень плохо, я говорю себе: "Кажется, пора мне пойти и купить себе зеленую шляпу". Я иду в магазин и долго выбираю себе шляпу. Если нет зеленых — меряю

другие, потом покупаю и иду домой спокойная. Шляп этих у меня столько, что девать некуда. А зеленых и вообще с дюжину. Может быть, кому-нибудь из вас нужна зеленая шляпка? Могу подарить, на выбор!

Но зеленых шляп никто больше не носил, наверное, поэтому и дефицита на них в продаже не было. Тут Ольга начала свой рассказ, и все стали слушать.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ,

**рассказанная работницей Ольгой,
повествующая о двух матерях,
которым перепутали сыновей в родильном доме,
а также о том, как они счастливо вышли
из этого сложного положения**

Я вам все-таки расскажу историю, которая у меня с первого дня на языке вертится. Я раньше ее не рассказывала, потому что боялась вас напугать. А теперь вижу, что все вы своих ребятишек разглядели, никто не сомневается, что ему не подсунули чужого вместо своего. Потому как история моя как раз о таком случае.

Лежали в одном родильном доме, в одной палате две женщины. Одна здешняя, ленинградка, инженерша, а другая — из деревни. Приехала за продуктами, а тут у нее в давке магазинной схватки и начались.

Лежали они рядом в родилке, одновременно родили сыновей, а потом оказались в одной палате и подружились. Хоть и разные были, ну, как мы все здесь с вами. У женщин всегда найдется о чем говорить, коли время есть друг друга понять!

А после выписались и расстались, как думали, навсегда. Прошло лет пять или шесть, не помню уже, как вдруг приходит инженерша на рынок покупать картошку и видит за прилавком старую знакомую. Узнали друг дружку, обрадовались.

— Ну, как ваш сынок-то? — спрашивает крестьянка. — Другого-то Бог не дал ребеночка?

А инженерша раньше от бесплодия лечилась, мальчик-то у нее был долгожданный, единственный.

— Хороший мальчик. Мы с мужем на него не нарадуемся. А больше детей опять нет. Муж только удивляется, в кого наш Эдик рыжий? У нас в семье все черноволосые. Ну, может, в какую-нибудь бабушку.

— А у нас Коля как раз черный, как жук, муж даже на меня косился спервоначалу: "В кого бы это чернявый такой, вроде и нерусский?"

А инженерша-то еврейка. Тут она достает из сумочки фотографию сына и показывает крестьянке. Та схватила фотографию, вгляделась да и спрашивает упавшим голосом:

— Как, говоришь, назвали сына-то?

— Эдиком.

И тут крестьянка-то как завопит на весь рынок:

— Сынушка мой, кровиночка! Да как же тебя обозвали-то нехорошо! Да как же ты, родимушка, в чужую-то семью залетел, голубок мой?

Вопит-причитает, даже милиция прибежала на ее крики. А она не в себе, тычет в фотографию и на инженершу показывает:

— Сына она у меня унесла из родильного дома! Сыночка моего присвоила!

Тут и до инженерши дошло, в чем дело, почему та раскричалась. Побледнела она, как смерть, и в обморок грохнулась. Хорошо на рынке был медпункт, вызвали оттуда медсестру, та привела ее в чувство, а потом их обеих повели в милицию — разбираться. Записали адреса и велели в суд подавать, дело, мол, милиции неподвластное.

Ну, прежде чем в суд подавать, успокоившись немного, решили они сначала на ребят посмотреть — так ли все, действительно ли обменяли им сыновей? Прямо из милиции инженерша берет такси и везет крестьянку к себе домой. Но по дороге берет с нее слово, что та ничего не будет ребенку говорить, а только посмотрит на него.

Пришли. Та как поглядела на мальчика, на Эдика этого,

так и села на диван. Сидит, слезами обливается. Но уже молча, как уговорились. После вышли они с инженершей на улицу, и крестьянка ей говорит:

— Так и есть, Софа, подмен! Эдик-то вылитый отец, мой то есть муж. Рыжий, как и все ребятишки у нас в семье. А теперь вот тебе мой адрес, приезжай и ты на своего сына настоящего взглянуть. Но с тем же уговором, чтобы правды не сказывать.

И на другой же день инженерша, накупив подарков для всех крестьянских ребятишек, поехала к ней в Лодейное поле, километров это за триста от Ленинграда. Приезжает и видит картину: сидят по лавкам пятеро ребят, четверо рыжие, как огоньки, а пятый — черный. Еле она себя сдержала, чтобы не броситься к этому черноглазенькому и кудрявому Коле — он точная копия ее самой в детстве, смотрит она на него, будто на свою детскую фотографию.

Вечером, когда ребят уложили, собрались за столом взрослые и стали думать, как же им дальше быть? Бабы, как водится, слезы льют, а мужик думает. И надумал:

— А давай, Софья свет Ароновна, мы на время мальчонками обменяемся. Ну, как они своих отцов-матерей признают? Правда, вы, поди, нашего-то там на шоколадах разбаловали... Да и Колька к вольнице привык, все лето босаявкой бегаёт, на речке целыми днями пропадает, молока в день по литре выдувает. Как он там без воздуха одними шоколадами пропитается? Но надобно мальчишек к той судьбе возвращать, какая каждому на роду написана.

Матери подумали — и согласились попробовать решить это сложное дело миром. Софья Ароновна пожила еще дня три в Лодейном поле, с Колькой подружилась, как могла. Накупила ему в сельмаге крючков, лесок для удочки, словом, старалась. Мальчонка вроде что-то почувствовал, тоже к ней потянулся. И вот в назначенный по уговору день она ему и предлагает поехать в гости к "брату" в Ленинград. Это уже матери так придумали, объявить мальчишкам, что они братья двоюродные, чтобы и та и эта семья им не чужими казались.

И вот отправились Софья Ароновна и Колька в Ленинград,

а с ними Василий Васильевич — сына Эдика смотреть и тоже, если получится, в гости взять в Лодейное поле.

Кольке в Ленинграде понравилось, а с Эдиком они в тот же день стали как родные братья: у Кольки-то в семье все старшие, а Эдик вовсе один растет, он и рад приятелю. А Василий Васильевич его тем временем обрабатывает, про рыбалку да про охоту рассказывает. Что мальчишке надо? Он уже на второй день спрашивает:

— Дядя Вася, а когда мы в лес поедem белок смотреть и рыбок ловить?

Собрались они через несколько дней, поехали. А Колька остался с настоящими родителями. Балуют его Софья Ароновна с мужем сверх всякой меры, конечно, водят в цирк, в зоопарк, в детские театры. Книжек ему накупили, а главное дело — велосипед! Мальчишка радуется, привязался к ним, на ночь требует от Софьи Ароновны, чтобы книжку ему вслух читала — дома его такими вещами не баловали. Но через неделю начал собираться:

— Пора мне к мамке с баткой. Скоро картошку убирать, помогать надо.

Родители так и ахнули! Но пришлось собираться, потому как уговорились ребят не расстраивать, ничего им пока не рассказывать, а делать так, чтобы им лучше было.

И решили Софья Ароновна с мужем взять отпуск и поехать в Лодейное поле вместе с Колей, чтобы там быть поближе к нему, чтобы и он не отвык от них. Так они и сделали.

Приезжают, а там Эдик их встречает, поздоровевший, успевший загореть и — босиком. Уже он и плавать в реке научился, и рыбу удить. Мальчишка, понятное дело! Обрадовался он, конечно, родителям, а больше всего — названному брату Коле. Ровесники ведь, в один день и час родились!

И что же вы думаете? Обошлось все без суда. Стало у каждого парня по двое родителей: мама Софа да мама Нюра, папа Лева да папа Вася, и у каждого еще пятеро сестер и братьев. А живут мальчишки так: учатся в Ленинграде, устроили их в английскую школу, в кружки всякие. А на все каникулы и на все лето уезжают они в деревню. И на это время Софья Ароновна с мужем, чтобы не скучать, берут к себе по очере-

ди "племянников" — так они зовут братьев и сестер Коли и Эдика. Странная получилась семья, а живут родней некуда, люди завидуют. А главное, мальчишки-то оба счастливы! А ведь могло бы получиться всякое, уж очень люди-то разные — на первый взгляд, конечно.

— Господи! Как хорошо-то, когда люди по-людски поступают! — воскликнула Зина, дослушав рассказ Ольги.

И все с ней согласились.

Дальше рассказывать начала Неля.

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ,

**рассказанная учительницей Нелей,
которую автор желал бы назвать,
если читатели не возражают, просто —
"История о счастье"**

Я расскажу вам о том, как муж подарил мне день счастья. А может и не день, а больше...

В первый день я вам рассказывала о том, что с самого раннего детства у меня сохранилась в памяти одна картина: мама в белом платье, молодая и ласковая, играет на рояле у раскрытого окна. Долгое время я думала, что это просто сон, потому что картина эта действительно часто мне снилась. Маме я об этом сне никогда не рассказывала, потому что, когда подросла я, жили мы как в темноте: мама все болела, денег вечно не было даже на еду и платье — какая уж тут музыка! Я долго даже не знала, что мама играет на фортепиано.

И вот однажды пошли мы с нею в гости к каким-то дальним нашим родственникам, очень состоятельным людям. Обычно они нас обходили, а тут почему-то позвали на день рождения их дочери, моей ровесницы Эллы. Собирались мы целую неделю. У меня не было туфель, я в школу до поздней осени ходила в резиновых тапочках, надевая их на шерстяные носки. Школьное платье у меня было штопаное-перешто-

панное, а передник — из подкладки старого маминого пальто. В школьное время я приходила домой и сразу снимала платье, надевала халатик — берегла. А другого платья у меня не было, ни выходного, ни домашнего. В чем в гости идти? И тут моя мама за неделю сделала буквально чудеса: собрала она остатки старых шерстяных вещей — варежки-одиночки, драный шарф, рукава старого свитера, из которого сделала себе безрукавку — а рукава остались. Два дня мы с ней сидели и распускали всю эту грудку тряпья, сматывая полученную шерсть в клубочки. Потом мама всю эту шерсть смотала в один моток, покрасила в черный цвет и связала мне чудесную юбочку. А блузку к ней сшила из своей ночной рубашки, выбрав из нее куски поновей. А главное, она исхитрилась смастерить мне и туфельки к моему наряду! Взяла она мои калошки, которые я надевала на свои спортивные тапки в дождливую погоду, и сверху надела на них вязаные чехольчики на ремешках и пуговках. Получились чудненькие туфельки. Только мама предупредила, чтобы я в них не ходила до гостей даже дома, потому что навряд ли их хватит на второй раз.

Но мамочка моя и себя не забыла. Ее сестра-врач подарила ей старый медицинский халат, и мама сшила из него элегантное летнее платье, а чтобы не видно было, что ткань уж очень простая, она вышила по нему голубые цветочки. Не знаю, почему мама так старалась. Впрочем, догадываюсь: бедность часто бывает еще и горда, и мама именно перед богатыми родственниками не хотела выглядеть нищенкой. А может, просто потому, что давным-давно не была в гостях и вообще не видела никакого веселья. А ведь она тогда была молодая, ей и тридцати еще не исполнилось!

И вот явились мы, обе нарядные и полные ожидания чудес, к нашим родственникам. Квартира у них была огромная, вся набитая полированной мебелью и хрусталями. Большой круглый стол был уставлен такими вещами, которых я тогда не только не пробовала, но и не знала, как они называются. Кроме яблок, арбуза и лесных ягод, я других фруктов не знала, а тут были и виноград, и персики, и дыня. Элла была в нарядном бархатном платье нежно-голубого цвета и с боль-

шим кружевным воротником. Но я, честное слово, выглядела не хуже. Так, по крайней мере, мне самой казалось. Единственное, что меня огорчило, это громкий вопрос Эллы:

— Что это на тебе за туфли? Самодельные?

Я почувствовала укол в сердчишке и застыдилась. Но тут же подумала, что мама обидится на этот мой стыд, взяла себя в руки и ответила:

— Да, это мама связала специально к этой юбочке. Нравится?

— А, знаю! Это "ансамбль" называется, — поспешила блеснуть эрудицией Элла.

Мы сидели за столом с хозяевами и гостями и чувствовали себя на настоящем празднике. Так много было красивой и вкусной еды, что даже особенно есть не хотелось. Я, как и другие дети, больше нажимала на лимонад. А в конце ужина всем дали еще и мороженое в вазочках. Ну, это уже была настоящая сказка! Словом, я чувствовала себя, как Золушка на балу, только принца не хватало.

А потом случилось чудо. Когда со стола все убрали и взрослые немного потанцевали, хозяйка вдруг спросила мою маму:

— Бася! Ты ведь была когда-то прекрасной пианисткой. Сыграй что-нибудь для нас.

— Ах, ну что ты, Руфочка, я столько лет не прикасалась к клавишам! Я все уже забыла давным-давно. А впрочем, попробую... Не получится так не получится.

И тут мама пошла в угол комнаты, где стоял большой черный рояль. До этой минуты я его не замечала, принимала за такую же мебель, какой была полна квартира.

Мама села на круглый стул, раскрыла крышку клавиатуры, положила руки на клавиши и закрыла глаза, вспоминая. Потом она улыбнулась и легко пробежалась по клавишам, даже не глядя на руки. И вдруг заиграла какую-то простенькую веселую мелодию. Это была какая-то известная песенка, и все гости начали ее напевать. Потом аплодировали себе и маме. А мама заиграла уже что-то серьезное, что слушали молча, а я и вовсе затаив дыхание. Я вся замерла от гордости за мою маму: она была такая красивая в своем белом платье за этим блестящим черным роялем, и музыка была такая торжественная, красивая. Разве можно было сравнить это с той

хриплой и тусклой музыкой, что раздавалась из нашего репродуктора, из картонной гарелки!

И вдруг мама заиграла невыразимо прекрасную и чуть грустную мелодию. Сейчас я знаю, что это такое — это "Второй вальс" Годара, но тогда я знала только одно — это и есть музыка из моего сна, где мама играла у раскрытого окна, а я танцевала в своей кровати.

Милые мои, я испортила маме ее единственный праздничный вечер! Я вдруг почувствовала, что вся наша с мамой жизнь — это только осколки, конец той прежней, чудесной жизни, которая осталась во мне только сном. Я долго сдерживала слезы, но не сумела и разразилась рыданиями. Мама бросилась ко мне, перепуганная, стала успокаивать. Гости и хозяева тоже окружили меня, кто-то поднес мне ко рту бокал с лимонадом, но я даже пить не могла. И тогда мама, извинившись перед гостями и хозяевами, быстро собралась и увела меня. Дома она сразу же, ни о чем не спрашивая, уложила меня в постель, дала какую-то таблетку, и я уснула.

А на другой день я рассказала маме про свой "сон", про то, что я узнала музыку, которую она играла.

— Это "Вальс" Годара, я тогда его очень любила. Но как ты могла это запомнить, тебе же не было и года!

— Я всегда слышала эту музыку. Хочешь, я тебе ее спою?

И я напела маме этот вальс Годара. Мама заплакала. Уже много позднее она сказала мне, что тот день и был самым счастливым в ее жизни.

— Грустные истории мы рассказываем друг другу на прощание, хотя вроде и о счастье, — вздохнула Эмма. — Вот и я хочу рассказать вам историю хоть и смешную, но тоже не слишком веселую. И она начала свой рассказ.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ,

рассказанная режиссером Эммой.
Это история о печальной разлуке и веселой находке,
выручившей всех подруг Эммы,
пострадавших от "Романовского эксперимента"
в Ленинграде

В моей жизни наступила пора бесконечных прощаний. Один за другим уезжают мои друзья и разъезжаются по всему миру. Сейчас у меня половина самых близких друзей там, половина здесь. Люди едут, чтобы свободно писать книги, картины, музыку, ставить фильмы и спектакли. Иногда мне кажется, что сама Россия из России уходит! Куда? — А вот этого никто не знает, почему и зачем происходит этот исход творческой интеллигенции из своей страны. Каждые такие проводы — это море слез, после которого остаются воспоминания — сухой песок.

А самыми тяжелыми проводами для меня были проводы Кости Кузьминского. Я вам о нем уже как-то рассказывала. Его дом был одним из самых интересных домов в Ленинграде, где собиралось ежедневно разнообразнейшее общество. Но это всегда были люди либо творческие, либо просто очень интересные, необыкновенные люди. Мы с Костей дружили еще с тех пор, когда он учился на театроведческом факультете в нашем институте. Что это был за человек? А такой человек, что сходишь к нему в гости, поговоришь о том, о сем, а вернешься домой — и вот уже новые творческие планы, идеи. Потрясающий импульс он давал к творчеству.

И вот Костя тоже уехал. Проводили мы его, а потом я стала помогать его маме, оставшейся в Ленинграде, привести в порядок квартиру. После отъезда Кости государство отбирало у нее одну из двух комнат, как водится. Это было так грустно — собирать оставшиеся книги, снимать со стен картины, которые Костя не мог вывезти из-за нехватки денег. За те самые картины, которые в газетах называли "бездарной мазней жалких подражателей Западу", надо было при выезде платить государству громадные деньги. Занимаясь этой рабо-

той, я слушала музыку из окна напротив: там какие-то ребята без конца крутили пластинку "Аббы", и пританцовывала, чтобы не плакать.

А в один прекрасный день Евдокия Петровна, матушка Кости, попросила меня разобрать антресоли, куда уже много лет складывали разный малонужный хлам. Я забралась на антресоли и, скорчившись там в три погибели, разбирала вещи, называя их и показывая сверху Евдокии Петровне. А она сидела внизу на стуле, как императрица на троне, и давала мне "руководящие указания": "Это выбросить. Это возьмите себе на память о Косте. А это пусть еще полежит".

И вот в самом углу антресолей я нахожу какой-то мешок. Развязываю его, а в нем старенькая наволочка, но чистенькая, как все в руках Евдокии Петровны. Лезу в нее — какие-то зерна. Пшеница, что ли?

— Тут какой-то мешок! А в нем наволочка и в ней, по моему, пшеница.

Тут Евдокия Петровна даже со стула вскочила:

— Что? Пшеница в наволочке? Не может быть! Неужели она сохранилась? Боже мой! Знаете, Эмма, что это за пшеница?

Я мигом переползла на край антресолей и свесила вниз голову: Евдокия Петровна рассказывала всегда потрясающе интересные вещи.

— В конце войны, когда блокада уже давно кончилась, но все равно было голодно, мне удалось достать мешок пшеницы. Я молола ее на кофейной мельнице и варила нам с Костей кашу и даже пекла лепешки. Эта пшеница нас тогда очень выручила. А потом жить стало легче, и мы перестали ее есть. Кто-то предложил отдать ее крестьянам на рынке, обменять на что-нибудь. Но я не могла на это решиться. "Дай Бог, чтобы не понадобилась, но пусть лежит. На черный день". Вот она и лежит с тех пор, с сорок четвертого года.

Я слушала, механически пересыпая зерна в ладонях.

— Так что же с ней делать? Что вы теперь скажете?

— То же самое. Дай Бог, чтобы не понадобилась, но пусть лежит.

— Понятно.

И я потащила мешок в ту сторону, куда откладывала нуж-

ные вещи. Уже хотела его завязывать, как вдруг увидела, что под наволочкой с зерном лежит еще какой-то небольшой полотняный мешочек. Заглянула я в него — и давай хохотать! Чуть-чуть с антресолей не свалилась, слова выговорить не могу. А Евдокия Петровна внизу волнуется:

— Что вы там еще раскопали, Эмма?

— Евдокия Петровна, голубушка! Как вы говорите? "Дай Бог, чтобы не понадобилось, но пусть лежит на черный день"? Тут я нашла еще кое-что, что дождалось своего "черного дня". Сушеный лук!

И я сбросила прямо ей на колени мешочек с сухим луком.

Тут и Евдокия Петровна начала смеяться так, что у нее из глаз слезы покатались, как будто лук был не сушеный, а свежий.

А было это, мои милые, в 74-м году, когда наш мэр Романов объявил очередной "Ленинградский эксперимент". Он тогда заявил, что Ленинградская область сама может обеспечить город всеми овощами, и строжайше запретил ввозить овощи из других областей и республик даже на рынок. В результате за год такого "эксперимента" сам он получил еще один шанс продвинуться в Политбюро, а город остался без картошки, без капусты, без моркови и, главное, без лука. Лук на рынке если и появлялся, то раскупался мгновенно. И цены были сумасшедшие — по восемь-десять рублей за килограмм! Конечно, ни у меня, ни у Евдокии Петровны на кухне луком давно уже не пахло. И вдруг — такое богатство!

Разделили мы этот сухой лук на части, сложили в пакетики, а потом я села на телефон и стала обзванивать наших общих знакомых и моих подруг:

— Привет! Как у вас обстоят дела с луком? Сколько без него обходитесь? Месяц? Два месяца? А вас интересует лук урожая сорок четвертого года? Тогда приезжайте и забирайте.

Люди приезжали и, узнав в чем дело, тоже хохотали до слез. Вот такими счастливыми луковыми слезами мы еще раз проводили нашего Костю. И на наших кухнях, на зависть соседкам, снова запахло луком. Луком военных лет.

Как и следовало ожидать, после рассказа Эммы женщины, даже Валентина, сказали несколько недобрых слов в адрес "кремлевского ленинградца" Григория Романова. Но автор не решается привести их высказывания, чтобы его снова не обвинили в "распространении заведомо ложных клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй".

А потом все повернулись к Иришке:

— Ну, давай, Иришка! Тебе заканчивать наш Декамерон. Не подведи!

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ,

рассказанная секретаршей Иришкой.

**Это история про женщину,
которую прозвали Счастливой Марией,
и немного о всех счастливых женщинах в России**

Раз уж я должна заканчивать наш Декамерон, то я хочу рассказать про одну счастливую женщину. Живет она в нашем доме, и все ее так и зовут — Счастливая Мария. Она уже на пенсии, пьет, а когда выпьет, то ковыляет во двор, садится на скамеечку и всем, у кого есть время слушать, рассказывает, какая она счастливая. Я историю Счастливой Марии слышала несколько раз, поэтому могу пересказать все точно.

Счастье Марии началось в тот день, когда пришли арестовывать ее родителей. Перед тем, как в дверь постучали, пятилетняя Маша играла с отцом в прятки. Папа водил, а она пряталась. Маша придумала замечательное место, чтобы спрятаться — она забилась под ванну. Лежала она там, пока папа найдет ее или крикнет, что не может никак отыскать и сдается. Лежала, лежала и уснула. А в это время квартиру обыскивали, родителей наскоро допрашивали, а потом уводили. Отец и мать ждали, что в этот день к ним должна прийти Машина бабушка, и поэтому решили промолчать, что в квартире есть

еще ребенок: они боялись, что Машу тоже заберут и сдадут в детский дом. Так обычно и делали с детьми арестованных. А вот Маше повезло. Вечером действительно пришла бабушка. Она явилась как раз в тот момент, когда Маша проснулась, вылезла из-под ванны и начала реветь, не обнаружив ни папы, ни мамы. По разгрому в квартире бабушка, человек много переживший, мгновенно поняла, что тут произошло. Схватила она внучку, первую попавшуюся одежку, сняла со стены фотографию Машиных родителей и со всем этим уехала подальше от Ленинграда, в деревню. И это было первое счастье Марии. Многие дети так и потеряли в те годы не только родителей, но и собственное имя: их переименовывали, записывали им другие фамилии, чтобы "успешнее шел процесс перевоспитания".

Перед самой войной Маша уже в девушках ходила. Бабушка повезла Машу из-под Ленинграда в Сибирь, к каким-то дальним родственникам. И это было второе счастье Марии, потому что из-под Ленинграда люди бежали в город, а там потом погибали от голода. А в Сибири они с бабушкой уцелели.

Маша выросла как все советские дети, вступила в пионеры, потом в комсомол и вместе со всеми декламировала: "За детство счастливое наше спасибо, родная страна!" А про родителей она думала, что они умерли. И только перед самой своей смертью бабушка ей рассказала про отца и мать. А время уж послесталинское было. Кинулась Мария наводить справки, а ей отвечают: "Реабилитированы и живут там-то и там-то". Не успела и попереживать, как нашла своих стариков живыми, хоть и нездоровыми. А те уж и ее разыскивать стали, как из лагеря вышли. Оба у нее на руках один за другим и умерли. Но Мария считала себя счастливой и тем, что увидела их, и тем, что умерли они у нее дома, в теплой постели, а не на лагерных нарах.

Была Мария замужем за красивым парнем, но неудачно: он был запойный пьяница и бил ее смертным боем. А когда она заговорила о разводе, то пригрозил убить ее. И Мария боялась, терпела. Но повезло ей и тут: сошелся ее муж с красивой соседкой и сам ее бросил.

Работала Мария проводницей в поезде. Зарплата небольшая,

и подрабатывала она, как и все проводники на поездах дальнего следования: с юга везла на север фрукты, а на юг из Ленинграда разную одежду, детали для автомобилей, приемники и прочее, чего не было в Грузии и в Армении. И вот как-то раз устроили в их поезде обыск, стали проверять, что везут проводники, не спекулируют ли. А у Марии была сумка с мандаринами. Решила она ее спрятать на переходной площадке между двух вагонов. Вышла из вагона на ходу и стала привешивать сумку снаружи. Тут вагон тряхнуло, и полетела она с площадки. Но такая уж она счастливая, что не выпустила сумку из рук, а сумка-то прочно зацепилась за какой-то болт. Только ноги и покалечило Марии. Кто-то заметил это из окна и дернул стоп-кран. "Еще бы минута, — говорит Мария, — и я бы выпустила сумку-спасительницу из рук и ушла бы под колеса. Я уж сознание почти потеряла". Счастливая Мария, одним словом.

Положили ее в больницу. Лежит Мария и думает, что если дознаются, каким образом она под колеса полетела — из-за сумки с мандаринами на продажу, то не видать ей никакой пенсии. Но подружка-проводница Марии шепнула, что в суматухе сумку с мандаринами какой-то догадливый пассажир украл, и тем выручил Марию. И дали ей хорошую пенсию, как за инвалидность, полученную на производстве. По этой же инвалидности ей от железной дороги и комнату дали в Ленинграде, восемь квадратных метров! Счастливая Мария!

Живет Мария на пенсии, попивает потихоньку, никого не обижает да и сама никому не нужна. И тут соседки пишут на нее донос в милицию, что она алкоголичка и надо ее выселить, а ее комнату отдать "честным и трезвым труженикам, живущим в стесненных условиях". Увезли Марию на экспертизу. Признали ее действительно алкоголичкой, но как трудовую пенсионерку стали лечить, а не выселять.

Пролежала Мария три месяца в больнице, признали ее излечившейся и выписали домой. Пришла она, а там у нее пенсия за три месяца скопилась нетронутая! Ну, Мария купила себе сразу хорошее зимнее пальто, а остаток в тот же день пропила. Пустое все это лечение оказалось! Но с тех пор, как нужно Марии купить себе какую-то вещь или просто денег на жизнь не

хватает, она спокойненько является в наркологический кабинет и заявляет: "Хочу лечиться от алкоголизма! Кладите в больницу". И ее кладут. А деньги ей идут. Вот такая у нас Мария живет в доме. Посмотреть на нее — страшно делается. Но если человек сам про себя говорит, что он счастливый от рождения, то как же ему не верить?

И вот смотрю я на вас, слушаю ваши — и свои тоже, — рассказы и думаю: всякое есть в нашей жизни, и хорошее, и плохое. И сами мы всякие бываем, чего уж тут скромничать! И у каждой есть в жизни счастливые минуты. Да, у каждой есть свое счастье. Альбину крутило-колотило, но ведь посмотрите на нее, женщины, — красавица! А? Красотка, каких поискать. И мир повидала, а это ведь такое счастье — хоть одну чужую страну поглядеть! Счастливая она у нас? Конечно, счастливая.

А Лариса и Эмма? Они мужиков переросли на голову, им трудно теперь пару найти, это верно. Но догадались ребят родить, сами себе семьи создали. И работа у них любимая, и уважают их люди за эту работу. Разве не счастливые? Счастливые!

Про Зину я не говорю. То, что она сейчас переживает — это-то вот самое настоящее счастье и есть. Что там у них с Игорем дальше будет, какие такие трудности им предстоят — этого никто не знает. Но сегодня, то есть уже завтра у нее начнется новая жизнь. Тебе, Зинуша, можно только позавидовать: ты два счастья враз проживаешь, так уж тебе подвалило — и сына родила и замуж выходишь за любимого человека, проверенного.

И про Валентину скажу. Я, Валюша, таких женщин, вроде тебя, раньше боялась до умопомрачения. Как идти мне в какой-нибудь кабинет по делам, я заглядываю, кто там сидит — мужчина или женщина? Потому что бюрократы страшны, а бюрократки — в сто раз страшнее. А вот ты ухитрилась в себе человека не потерять, не засушить. И если хочешь, то это есть твое самое большое счастье, что ты при такой должности человеком осталась. Больше — женщиной!

У Наташи муж хороший, квартира отдельная, и сама человек сердечный. Ольга на ногах крепко стоит. Это про таких

наш Некрасов писал: "Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет". Конечно, ничего хорошего в том нет, что нашим бабам приходится бросаться от взбесившихся коней к горящим избам и обратно. Вот и Ольге тоже: в три смены работать, наравне с мужиками заводской план тянуть. А все же случись что, война или еще какое бедствие, так ведь народ наш опять такими простыми бабами спасется.

Что про тебя сказать, Галина? Твое счастье не каждому да и мне не по плечу. Да и не понимаю я вашего диссидентского этого движения: куда оно и зачем движется? Но что за правду вы стоите, так это и мне ясно. И это, должно быть, тоже счастье.

А ты, Неля, и сама про свое счастье знаешь, наверно. Только я малость уточню: не в музыке и не в учениках твоих и даже не в добром муже твое счастье, а в том, что душа у тебя необыкновенная. Тихая такая, глубокая душа и чистая, как лесное озерко. Это счастье, может быть, самое из всех трудное.

Ну, про всех я сказала. Теперь и про себя скажу. Я, подружки, ужасно, nepозволительно счастлива! Я в своей жизни не помню дня, когда бы я не чувствовала, что меня любят те, с кем я живу — мама, сестра, муж Сережа. Я никуда не рвусь, крыльев у меня нет, талантов тоже. Нарожая себе побольше ребят и буду уже до одури счастлива. И только одно я скажу: как бы счастливо я ни жила, а хочется жить еще и по-человечески. Кажется мне, что все мы, не только мы, что тут лежим и рассказываем друг другу разные байки, а и вообще все наши женщины стоят того, чтобы жизнь у них стала чуть-чуть полегче. Вот и все. И простите меня, если я про кого что не так сказала. Не сердитесь?

Никто на Иришку не сердился. Наоборот, Лариса кинулась к ней и, обняв, сказала растроганно:

— Мудрая ты, наша маленькая Иришка! Ты хорошо сказала. Действительно, мы умеем быть счастливыми и в той жизни, какая нам досталась. Но хотелось бы жить еще и по-человечески! По-

моему, этими словами можно и закончить наш Женский Декамерон, как вы считаете?

Все женщины согласились с Ларисой. Подумав немного, согласился с этим и автор, а согласившись, решил именно здесь поставить точку: вот она.

СОДЕРЖАНИЕ

День первый, глава первая, с которой начинается эта книга	6
История первая, рассказанная работницей Адмиралтейского судостроительного завода Ольгой	10
История вторая, рассказанная доктором биологических наук Ларисой	13
История третья, рассказанная Бичихой Зиной	20
История четвертая, рассказанная инженером Наташей	21
История пятая, рассказанная работником горисполкома Валентиной.	27
История шестая, рассказанная стюардессой Аэрофлота Альбиной	29
История седьмая, рассказанная "диссидентской женой" Галиной	32
История восьмая, рассказанная учительницей музыки Нелей.	38
История девятая, рассказанная театральным режиссером Эммой	44
История десятая, рассказанная секретаршей Иришкой	47
День второй, глава вторая, в которой рассказываются истории о соблазненных и покинутых	51
История первая, рассказанная биологом Ларисой.	52
История вторая, рассказанная Бичихой Зиной	53
История третья, рассказанная инженером Наташей	55
История четвертая, рассказанная Номенклатурщицей Валентиной.	57
История пятая, рассказанная стюардессой Альбиной.	59
История шестая, рассказанная диссиденткой Галиной	67
История седьмая, рассказанная работницей Ольгой.	70
История восьмая, рассказанная учительницей музыки Нелей.	73
История девятая, рассказанная режиссером Эммой	76
История десятая, рассказанная толстушкой Иришкой.	77

День третий, глава третья, в которой рассказывается о том, кто как и в каком смешном положении занимался любовью	79
История первая, рассказанная доктором биологии Ларисой	80
История вторая, рассказанная инженером Наташей.	81
История третья, рассказанная Номенклатурщицей Валентиной	83
История четвертая, рассказанная стюардессой Альбиной	85
История пятая, рассказанная диссиденткой Галиной.	88
История шестая, рассказанная рабочей Ольгой	90
История седьмая, рассказанная учительницей музыки Нелей.	92
История восьмая, рассказанная режиссером Эммой	93
История девятая, рассказанная Иришкой.	95
История десятая, рассказанная Бичихой Зиной.	97
День четвертый, глава четвертая, в которой рассказывается о женщинах-стервах	104
История первая, рассказанная Ларисой	105
История вторая, рассказанная Бичихой Зиной	106
История третья, рассказанная инженером Наташей.	108
История четвертая, рассказанная Номенклатурщицей Валентиной	114
История пятая, рассказанная стюардессой Альбиной.	121
История шестая, рассказанная диссиденткой Галиной	124
История седьмая, рассказанная работницей Ольгой.	125
История восьмая, рассказанная учительницей музыки Нелей	128
История девятая, рассказанная режиссером Эммой	129
История десятая, рассказанная секретаршей Иришкой	133
День пятый, глава пятая, в которой рассказывается о неверности и ревности.	135
История первая, рассказанная доктором биологии Ларисой	136
История вторая, рассказанная Бичихой Зиной	137

История третья, рассказанная инженером Наташей	140
История четвертая, рассказанная Номенклатурщицей Валентиной	144
История пятая, рассказанная стюардессой Альбиной . . .	148
История шестая, рассказанная диссиденткой Галиной	150
История седьмая, рассказанная работницей Ольгой	152
История восьмая, рассказанная учительницей музыки Нелей	154
История девятая, рассказанная режиссером Эммой	157
История десятая, рассказанная толстушкой Иришкой	159
День шестой, глава шестая, в которой женщины рассказывают о насильниках и их жертвах	162
История первая, рассказанная биологом Ларисой	163
История вторая, рассказанная Бичихой Зиной	169
История третья, рассказанная инженером Наташей	172
История четвертая, рассказанная Номенклатурщицей Валентиной	175
История пятая, рассказанная стюардессой Альбиной . . .	179
История шестая, рассказанная диссиденткой Галиной	183
История седьмая, рассказанная работницей Ольгой	189
История восьмая, рассказанная учительницей Нелей . . .	191
История девятая, рассказанная режиссером Эммой	193
История десятая, рассказанная секретаршей Ириной . . .	196
День седьмой, глава седьмая, в которой женщины рассказывают истории о деньгах	199
История первая, рассказанная биологом Ларисой	200
История вторая, рассказанная Бичихой Зиной	205
История третья, рассказанная инженером Наташей	208
История четвертая, рассказанная Номенклатурщицей Валентиной	213
История пятая, рассказанная стюардессой Альбиной . . .	216
История шестая, рассказанная диссиденткой Галиной	219
История седьмая, рассказанная рабочей Ольгой	223
История восьмая, рассказанная учительницей Нелей . . .	226

История девятая, рассказанная режиссером Эммой . . .	228
История десятая, рассказанная секретаршей Иришкой	231
День восьмой, глава восьмая, в которой рассказывается о мести.	236
История первая, рассказанная биологом Ларисой.	237
История вторая, рассказанная Бичихой Зиной	239
История третья, рассказанная инженером Наташей.	243
История четвертая, рассказанная Номенклатурщицей Валентиной.	249
История четвертая, рассказанная стюардессой Альбиной	252
История шестая, рассказанная диссиденткой Галиной	259
История седьмая, рассказанная рабочей Ольгой	262
История восьмая, рассказанная учительницей музыки Нелей.	264
История девятая, рассказанная режиссером Эммой . . .	267
История десятая, рассказанная секретаршей Иришкой	269
День девятый, глава девятая, в которой рассказывается о великодушных поступках женщин и мужчин.	272
История первая, рассказанная биологом Ларисой.	276
История вторая, рассказанная Бичихой Зиной	280
История третья, рассказанная инженером Наташей.	284
История четвертая, рассказанная Номенклатурщицей Валентиной.	290
История пятая, рассказанная стюардессой Альбиной. . .	295
История шестая, рассказанная диссиденткой Галиной	297
История седьмая, рассказанная рабочей Ольгой	303
История восьмая, рассказанная учительницей Нелей . . .	305
История девятая, рассказанная режиссером Эммой . . .	308
История десятая, рассказанная секретаршей Иришкой	311
День десятый, глава десятая, о счастливых и несчастли- вых женщинах, о счастливых случаях и счастливых на- ходках и просто о счастье.	317

История первая, рассказанная биологом Ларисой	319
История вторая, рассказанная Бичихой Зиной	322
История третья, рассказанная инженером Наташей	324
История четвертая, рассказанная Номенклатурщицей Валентиной	328
История пятая, рассказанная стюардессой Альбиной . . .	331
История шестая, рассказанная диссиденткой Галиной	337
История седьмая, рассказанная работницей Ольгой	340
История восьмая, рассказанная учительницей Нелей . . .	344
История девятая, рассказанная режиссером Эммой	348
История десятая, рассказанная секретаршей Иришкой	351

ЮЛИЯ ВОЗНЕСЕНСКАЯ

Родилась в Ленинграде. Изучала театроведение.

Писать Юлия начала сравнительно рано. Ее стихи и публицистические статьи переведены на многие языки мира.

Юлия Вознесенская была участницей нелегального культурного движения в Ленинграде, стала основательницей первого в СССР независимого женского клуба "Мария".

За свою литературную и общественную деятельность, расцененную как враждебную режиму, Юлия была осуждена и сослана в Сибирь.

В 1980 году ее вынудили покинуть пределы СССР.

Сегодня Юлия живет в Мюнхене. Она — член ПЕН-клуба. Амери-

канский фильм, который с успехом шел на экранах многих стран, в том числе в ФРГ, Австрии и Швейцарии, рассказывает о жизни и судьбе этой мужественной женщины.

Десять молодых женщин оказываются в ситуации, когда им не остается ничего другого, как развлекать друг друга различными рассказами:

— о мужчинах, которых любили — или не любили;

— о верности и неверности — своей собственной и других;

— о любви — первой... и последующих;

— о соблазненных и покинутых — женщинах и мужчинах;

— о неудачных браках и удачных разводах;

— о приключениях, которых искали — и вовсе не искали;

— о нежности и насилии.

...Так создали они сто коротких рассказов — этаким Женским Декамерон — рассказов веселых и печальных, целомудренных и эротических.

Рассказов, написанных самой жизнью.